

Рик Янси
5-я волна

Рик Янси

5-я волна

THE 5th WAVE
Copyright © 2013 by Rick Yancey
All rights reserved

© И. Русакова, перевод, 2013
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

*Посвящается Сэнди,
чья мечты вдохновляют
и чья любовь никогда не слабеет*

*Я думаю, если инопланетяне когда-нибудь и посетят нас,
результат будет таким же, как после прибытия Христофора
Колумба в Америку, которое в результате не принесло ничего
хорошего коренным американцам.*

Стивен Хокинг

Первая волна – отключение электричества
Вторая волна – цунами
Третья волна – эпидемия
Четвертая волна – глушители

Вторжение, 1995 год

Когда это произойдет, никто не проснется.

Пробудившись поутру, женщина не почувствует ничего, кроме смутной тревоги и слабого ощущения, будто кто-то за ней наблюдает. Тревога постепенно исчезнет и уже вечером будет забыта.

Воспоминания об увиденном сне просуществуют чуть дольше.

В этом сне за окном сидит большая сова и смотрит на женщину огромными немигающими глазами с белым ободком.

Женщина спит. И муж рядом с ней не просыпается. Упавшая на них тень не тревожит сон. И тот, ради кого пришла эта тень – ребенок во чреве женщины, – ничего не почувствует. Вторжение не оставит следа на коже, не повредит ни одной клетки в организме матери и младенца.

И минуты не пройдет, как тень исчезнет. Останутся только мужчина, женщина, ребенок внутри ее и пришелец внутри ребенка. Все они спят.

Женщина и мужчина проснутся утром, ребенок – спустя несколько месяцев, когда родится.

Пришелец внутри младенца проснется спустя годы, когда тревога матери и память об увиденном во сне исчезнут без следа.

Через пять лет эта женщина поведет ребенка в зоопарк и обнаружит там сову, точно такую же, как во сне. Глядя на птицу, она испытает необъяснимую тревогу.
Она не первая увидела во сне сову.
После нее были другие.

I. Последний летописец

1

Пришельцы – идиоты.

Я говорю не о настоящих пришельцах. Иные совсем не глупы. Иные ушли так далеко, что оценивать их интеллект – пустое занятие, все равно что сравнивать самого тупого человека с самой умной собакой. Мы для них не конкуренты.

Я говорю о пришельцах в наших головах. О пришельцах, которых мы придумываем с тех пор, как поняли, что светящиеся точки в небе – это звезды, такие же, как наше Солнце, и, возможно, вокруг них вертятся такие же планеты, как наши. Видите ли, те пришельцы, которых мы себе навоображали и чье нашествие нас не пугает, это человеческие пришельцы. Вы их видели миллион раз. Видели, как они пикируют на Нью-Йорк, Токио и Лондон на своих летающих тарелках. Как маршируют по сельской местности в огромных паукообразных машинах, стреляют из лазеров... И всегда, всегда народы моментально забывают свои ссоры и раздоры, объединяются и одерживают верх над ордами пришельцев. Давид убивает Голиафа, все (кроме Голиафа) счастливы и расходятся по домам.

Ерунда полная.

С тем же успехом таракан может разрабатывать план уничтожения подошвы ботинка, который уже опускается, чтобы его раздавить.

Тут не скажешь наверняка, но я готова поспорить, что иным известно о пришельцах, которых мы себе выдумали. – И я готова поспорить, что иным от наших фантазий смешно до икоты. Если у них есть чувство юмора... и способность икать. Так смеемся мы, видя, как собака выделяет что-нибудь эдакое.

«О, эти людишки! Вообразили, будто мы думаем как они! Ну разве это не мило?»

Забудьте о летающих тарелках, зеленых человечках и гигантских механических пауках, которые испускают смертоносные лучи. Забудьте эпические битвы с истребителями и танками и с победой в конце, когда мы, израненные и неустрашимые, одолеваем пучеглазого червя. Это так же далеко от реальности, как их умирающая планета от нашей цветущей.

Правда в том, что, раз уж они нас нашли, нам конец.

2

Иногда я думаю о себе как о последнем человеке на Земле.

Это то же самое, что последний человек во Вселенной.

Глупо, я понимаю. Они не могли перебить всех... пока не смогли. Хотя несложно себе представить, что будет в итоге. Наверное, тогда я увижу именно то, что должна увидеть согласно замыслу иных.

Помните динозавров? Вот-вот.

Так что я, вероятнее всего, не последний человек на Земле, но одна из последних. И мне, наверное, придется жить в абсолютном одиночестве, пока Четвертая волна не накроет меня.

Вот какие мысли приходят в три часа ночи. Мысли под рубрикой «О господи, я в полной жопе». В такие минуты я сворачиваюсь калачиком и боюсь даже глаза закрыть; страх, в котором я тону, до того плотный, что я в приказном порядке заставляю легкие дышать, а сердце биться. – В такие минуты сознание сбивается, как игла на запиленном диске: «Одна... одна... одна... Кэсси, ты одна...»

Кэсси – это мое имя.

Не от Кассандры или Кэссиди, а от Кассиопеи, то есть от созвездия Кассиопея, названного в честь красавицы, которую бог морей Посейдон в наказание за самовлюбленность затащил на небо и поместил там вверх ногами на троне. По-гречески ее имя значит «та, кто бахвалится».

Мои родители вообще ничего не знали про этот греческий миф. Они просто сочли имя красивым.

Люди называли меня по-разному, но никто никогда не звал Кассиопеей. Только папа и только когда меня дразнил, и делал он это с очень плохим итальянским акцентом. И здорово злил меня. Я не считала, что у него получается смешно. В результате я возненавидела свое имя.

«Я Кэсси! – кричала я ему. – Просто Кэсси!»

А сейчас все бы отдала, лишь бы услышать хоть раз, как он произносит мое полное имя.

Когда мне исполнилось двенадцать – за четыре года до Прибытия, – папа подарил телескоп. Холодным осенним вечером установил прибор на заднем дворе и показал мне это созвездие.

– Вон, смотри, оно похоже на перевернутую букву «М», – сказал папа.

– А почему тогда его называли Кассиопеей? – спросила я. – Что значит «М»?

– Ну... я не знаю, что угодно, – с улыбкой ответил папа.

Мама всегда говорила ему, что улыбка – лучшее в его внешности, поэтому он часто ею пользовался, особенно с тех пор, как начал лысеть.

– Например, мечтательная. Или мудрая.

Папа положил руку мне на плечо, а я, прищурившись, посмотрела в телескоп на пять звезд, которые сияли в пятидесяти световых годах от нас. Я чувствовала отцовское дыхание у себя на щеке, теплое и влажное в тот холодный осенний вечер. Оно было таким близким, а звезды Кассиопеи такими далекими.

Теперь звезды кажутся гораздо ближе. Не верится, что нас разделяют триста триллионов миль. Такое чувство, будто я могу до них дотронуться, а они могут дотронуться до меня. Я даже будто бы ощущаю их дыхание, как дыхание папы в тот вечер.

Звучит, конечно, как полный бред. Я брежу? Сошла с ума? Сумасшедшим можно назвать человека лишь в том случае, если рядом с ним есть кто-то нормальный. Это как хорошо и плохо. Когда кругом все слишком хорошо, это может означать, что кругом все плохо.

Гм... это похоже на бред.

Впрочем, бред – сегодняшняя норма жизни.

Пожалуй, я могу назвать себя сумасшедшей, ведь мне есть с кем себя сравнивать. С собой. Не с собой теперешней, которая дрожит от холода в чаще леса и боится даже нос высунуть из спального мешка. Нет, я говорю о той Кэсси, которой была до Прибытия, до того, как инопланетяне припарковались на нашей орбите. У той двенадцатилетней Кэсси самыми большими проблемами были россыпь веснушек на носу, непослушные вьющиеся волосы и симпатичный мальчик, который часто видел ее в школе, но даже не подозревал о ее существовании. Та Кэсси смирилась с неприятным фактом: она совершенно нормальная девчонка. С обычной внешностью, учится хорошо, неплохо играет в футбол и занимается карате. Вообще, вся уникальность этой девочки заключалась в ее имени – Кэсси от Кассиопея, о чем, правда, никто не знал, – и в способности доставать языком до носа – талант, который ко времени перехода в среднюю школу потерял все свои плюсы.

По меркам той Кэсси, я, наверное, сумасшедшая.

И конечно, по моим – сумасшедшая она. Иногда я ору на нее, на ту двенадцатилетнюю Кэсси: ну чего она так волнуется из-за своих волос, или из-за имени, или из-за того, что ничем не выделяется среди других нормальных девчонок.

«Чем ты занимаешься! – кричу я. – Разве не знаешь, что случится скоро?»

Только это несправедливо. Она ведь и правда не знала, что случится скоро, и не имела возможности узнать. И это было для нее благом, поэтому я так по ней и скучаю, – если честно, больше, чем по всем другим. Иногда я плачу... разрешаю себе плакать по ней. Я не плачу по себе. Я оплакиваю Кэсси, которой больше нет.

Интересно, что бы она подумала обо мне теперешней.

О Кэсси, которая убивает.

3

Вряд ли он был намного старше меня. Наверное, восемнадцать-девятнадцать. Но, черт ему, если на то пошло, могло быть и семьсот девятнадцать. Я пять месяцев варюсь во всем этом, но до сих пор не уверена, что собой представляет Четвертая волна: это люди, гибриды или сами иные? Хотя мне не нравится думать, что иные выглядят как мы, говорят как мы и кровь у них такая же, как у нас. Мне больше хочется считать, что иные – иные.

Я совершала еженедельную вылазку за питьевой водой. Рядом с моей стоянкой есть ручей, но я боялась, что он загрязнен какими-нибудь химикатами или нечистотами или выше по течению лежат трупы. А еще он мог быть отравлен. Лишить питьевой воды – отличный способ быстро от нас избавиться.

Так что раз в неделю я забрасываю на плечо верную М-16 и выхожу из леса. В двух милях к югу, как раз возле 175-го шоссе, есть пара заправок с продуктовыми магазинчиками. Я беру бутылки с водой, сколько могу унести, то есть немного, потому что вода тяжелая, и спешно возвращаюсь в лес. Стараюсь очутиться в своем относительно безопасном укрытии до наступления ночи. Сумерки – лучшее время для переходов. Никогда не видела беспилотники вечером. Три или четыре днем и гораздо больше ночью, но вечером – никогда.

На этот раз, проникнув через разбитую дверь в магазин, я сразу поняла: что-то не так. Никаких внешних перемен, те же граффити на стенах, что и неделю назад, опрокинутые полки, на полу пустые коробки и засохший крысиный помет, кассы выпотрошены, холодильники с пивом разграблены. Все тот же вонючий бардак, через который я пробиралась четырежды в месяц к складу за шкафами-холодильниками. Почему люди растащили пиво и лимонад, почему забрали наличность из кассы и сейфа и лотерейные билеты, но оставили два паллета с питьевой водой – выше моего понимания. О чем они только думали?

«Конец света! На нас напали пришельцы! Скорее хватай пиво!»

Все то же самое – крысиная вонь и смрад от протухших продуктов, завихрения пыли в тусклом свете, который проникает в магазин сквозь грязные стекла дверей. Все, чего не должно быть в нормальном магазине, на месте. Никаких перемен.

И все же что-то не так.

Что-то изменилось.

Я стояла на россыпи стеклянных крошек в дверях магазина. Я не видела этого «не так». И не слышала. И не чувствовала его запаха. Но знала: оно есть.

На людей давным-давно не охотятся хищники. Уже тысяч сто лет. Но в наших генах осталась память – рефлекс газели, инстинкты антилопы. В траве шелестит ветер. Между деревьями мелькают чьи-то тени. И поверх всего этого еле слышный голос: «Тихо, опасность близка. Совсем рядом».

Я не помню, как сорвала М-16 с плеча. Миг назад винтовка была у меня за спиной, и вот она в руках – ствол опущен, предохранитель снят.

«Рядом».

Я никогда не стреляла в живое существо крупнее зайца. Тогда это было что-то вроде эксперимента, я хотела убедиться, что смогу выстрелить из винтовки и не продырявить себе что-нибудь. Как-то раз пальнула поверх голов одичавших собак, которые проявляли интерес к моей лесной стоянке. А еще я целилась в светящуюся зеленую точку корабля иных, скользившую на фоне Млечного Пути. Ладно, признаю, это было глупо. С тем же успехом

можно растянуть над головой транспарант с нарисованной стрелой и словами: «Эй вы, я здесь!»

После опыта с бедным зайкой, которого моя пуля превратила в месиво из потрохов и костей, я решила, что не стану охотиться с винтовкой. Я даже не практиковалась в стрельбе по мишеням. В тишине, что навалилась на нас после Четвертой волны, выстрел из винтовки звучит громче взрыва атомной бомбы.

И все равно М-16 оставалась моей самой лучшей подругой. Она всегда была рядом, даже ночью лежала в спальнике, – служила верой и правдой. Во время Четвертой волны не факт, что люди – это люди. Но можно не сомневаться в том, что твоя винтовка – это твоя винтовка.

«Тише, Кэсси. Близко!»

Следовало прислушаться к тихому предостерегающему голосу. Он старше меня. Он старше всех людей на свете, даже самых старых.

Вместо этого я вслушалась в тишину заброшенного магазина. Изо всех сил напрягала слух. «Близко». Что – близко? Или кто? Я сделала шаг от двери, и осколки стекла скрипнули под ногой.

А потом раздался другой звук, нечто между кашлем и стоном. Этот полукашель-полустон исходил из помещения за шкафами-холодильниками – оттуда, где моя вода.

В этот момент мне не требовалась подсказка от тихого голоса. Все было ясно как белый день. Бежать!

Но я не побежала.

Первое правило выживания во время Четвертой волны – не верь никому. Не важно, на кого этот кто-то похож. Иные большие спецы в таких делах, хотя, что тут говорить, они спецы во всем. Способны выглядеть нормально, говорить правильные вещи и совершать поступки, каких ты от них ждешь. Нельзя обманываться! Разве смерть моего папы не служит тому доказательством? Даже если встретившаяся тебе старушка выглядит еще умильнее, чем твоя двоюродная бабушка Тилли, и прижимает к груди беспомощного котенка – не спеши расслабляться. За пушистым зверьком может прятаться пистолет сорок пятого калибра.

И чем больше ты об этом думаешь, тем вероятнее становится этот вариант. С умильной старушкой держи ухо востро.

Но если я буду слишком много думать на эту тяжелую тему, мне придется залезть в спальник, застегнуть молнию и умереть от голода. Никому не доверять – значит не доверять ни одной живой душе. Лучше считать, что бабуля Тилли – из иных, чем ставить на то, что перед тобой переживший Вторжение человек.

Это чертовски жестокий прием.

Это разрывает наше общество на части, дробит на атомы. Благодаря этому нас легче отслеживать и уничтожать. Четвертая волна загнала нас в одиночество, где нет коллективной силы, где мы постепенно теряем рассудок от страха и предчувствия неизбежного конца.

Поэтому я не убежала. Что толку бежать? Я должна защитить свою территорию, вне зависимости от того, кто прячется в магазине, бабуля Тилли или кто-то из иных. Единственный способ выжить – оставаться одной. Это правило номер два.

Я двинулась на плач, смешанный с кашлем, или кашель, смешанный с плачем, называйте как хотите, и, затаив дыхание, на цыпочках подступила к дверям в подсобное помещение.

Дверь была приоткрыта достаточно, чтобы я смогла протиснуться боком. К стене напротив меня примыкал металлический стеллаж, а справа вдоль ряда холодильников тянулся длинный узкий проход. Окна в этом помещении отсутствовали, но оранжевый свет заката за моей спиной был достаточно ярким, чтобы я отбрасывала тень на грязный пол. Я пригнулась, и тень сократилась.

Заглянуть за холодильник я не могла, но слышала чей-то кашель, стон и булькающее рыдание.

«Либо сильно пострадал, либо притворяется, – подумала я. – Или ему нужна моя помощь, или это ловушка».

Вот такой стала наша жизнь после Прибытия. Сплошное «или – или».

«Или это кто-то из них и он знает о твоём появлении, или это не иной и ему нужна твоя помощь».

В любом случае я должна была выпрямиться и выйти из-за этого холодильника.

Поэтому я выпрямилась.

И вышла.

4

Он лежал, привалившись спиной к стене в двадцати футах от меня. Ноги раскинуты, рука прижата к животу. На нем была солдатская форма и черные ботинки. Он весь был в грязи и в крови. Кровь была повсюду. На стене за ним, на холодном бетонном полу под ним. Его форма была в крови и волосы тоже. В полумраке кровь поблескивала, как смола.

В другой руке он держал пистолет, и тот был нацелен мне в голову.

Я ответила тем же. Его пистолет против моей штурмовой винтовки. Пальцы на спусковых крючках.

То, что он в меня целился, еще ничего не значило. Он мог действительно быть раненым солдатом, который подумал, что я из иных.

А может, и нет.

– Брось винтовку, – прорычал он.

«Черта с два».

– Брось винтовку! – крикнул он.

Вернее, попытался крикнуть. Слова получались рваными и невнятными, их размывала поднимающаяся по горлу кровь.

Алая струйка перелилась через его нижнюю губу и повисла дрожащей ниткой на подбородке. Зубы блестели от крови.

Я отрицательно покачала головой, стоя спиной к свету и молясь, чтобы он не заметил, как сильно меня трясет, чтобы он не заметил страх в моих глазах. Передо мной был не какой-то паршивый заяц, который однажды солнечным утром сдуру прискакал на мою стоянку. Это был человек. Или некто очень похожий на человека.

Никогда не знаешь, способна ли ты убить, пока не убьешь.

Он сказал в третий раз, уже не так громко, как во второй. Получилось не требование, а просьба:

– Брось винтовку.

Рука с пистолетом дрогнула. Мои глаза уже привыкли к полумраку, и я заметила, как по стволу катится капелька крови. Значит, он опустил ее.

А потом парень уронил пистолет.

Тот с резким лязгом упал между его ног. Парень поднял открытую ладонь над плечом.

– Ладно, – растянул он губы в кровавой улыбке, – твоя очередь.

Я снова покачала головой и сказала:

– Вторую руку.

Я надеялась, что в голосе будет уверенность, которой я не ощущала. У меня задрожали колени, затекли руки и закружилась голова. И еще я боролась с позывами рвоты. – Никогда не знаешь, сможешь или нет, пока не сделаешь.

– Не могу, – сказал он.

– Вторую руку.

– Боюсь, если я ее уберу, у меня вывалятся кишки.

Я прижала к плечу приклад. Я вспотела, меня трясло, и я пыталась принять решение.

«Или – или, Кэсси. Что ты собираешься делать? Или одно, или другое».

– Я умираю, – без эмоций сказал он, и на расстоянии двадцати футов его глаза были похожи на блестящие булабочные головки. – Так что у тебя два варианта: или прикончить меня, или помочь. Я знаю, что ты человек...

– Откуда такие сведения? – поспешила я спросить, пока он не умер.

Если он настоящий солдат, то может знать, как определить разницу. Это была бы чрезвычайно важная для меня информация.

– Не будь ты человеком, уже прикончила бы меня.

Он снова улыбнулся, и на щеках появились ямочки. Вот тут-то я и поняла, какой он на самом деле молодой. Всего года на два старше меня.

– Видишь? – спокойно сказал он. – Ты догадалась, так же как и я.

– О чем я догадалась?

У меня навернулись слезы. Его беспомощно привалившееся к стене тело пошло рябью, как в кривом зеркале, но я не рискнула опустить винтовку, чтобы вытереть глаза.

– Что я человек. Не был бы человеком, сразу бы тебя пристрелил.

Это логично. Или это логично, потому что я хочу, чтобы это было логично? Может, он бросил пистолет, чтобы я последовала его примеру и рассталась с винтовкой? Тогда он выхватит из-под одежды второй пистолет и продырявит мне голову.

Вот что сделали с нами иные. Нельзя идти в бой, если не доверяешь товарищу. А без доверия нет и надежды.

Как вытравить всех людей на Земле? Надо вытравить из них все человеческое.

– Я должна видеть твою вторую руку.

– Говорю же...

– Я должна видеть твою вторую руку! – Тут, как я ни старалась держать себя в руках, сорвался голос.

Он этого не заметил.

– Тогда лучше просто убить меня, сука! Пристрели, и дело с концом!

Его голова откинулась к стене, открылся рот, жуткий злобный вой заполнил всю комнату, от стены до стены, от пола до потолка, и ударил мне по барабанным перепонкам. Я не знала, от боли воет солдат или от того, что понял: его не собираются спасать. Он потерял надежду, а это убивает задолго до наступления смерти.

– Если покажу, – спросил он, задыхаясь и раскачиваясь взад-вперед на окровавленном бетонном полу, – если я тебе покажу, ты поможешь?

Я не отвечала, потому что у меня не было ответа. Счет шел на секунды.

Он принял решение за меня. Теперь я думаю, что он не собирался отдавать победу иным. Он не собирался терять надежду. Он по крайней мере сохранил в себе какую-то крупицу человеческого.

Скривившись от боли, парень медленно протянул вперед левую руку. К этому моменту в комнате было уже почти темно, и весь свет, который там оставался, казалось, исходил от него, пронизывая меня и устремляясь дальше, в полуоткрытую дверь.

Его рука была покрыта запекшейся кровью, словно на ней надета темно-красная перчатка.

Слабый свет коснулся окровавленной руки и пробежал по какому-то металлическому предмету, тонкому и длинному. И мой палец нажал на спуск. Приклад сильно бил в плечо, а ствол подскакивал, пока я опустошала обойму. Откуда-то издалека доносился крик. Но крик был не его. Это кричала я и все, кто остался на Земле, если кто-то остался. Мы, беспомощные дураки, потерявшие надежду, вопили, потому что всё поняли неправильно. Мы чудовищно заблуждались. Не было никаких орд, явившихся к нам из космоса на летающих тарелках, не было металлических роботов, как в «Звездных войнах», или маленьких сморщенных инопланетян, которые хотели всего лишь сорвать пару листиков, пожевать «рисес писес» и улететь домой. Так что это еще не конец.

Конец, он совсем не такой.

Конец, это когда на закате летнего дня мы убиваем друг друга, прячась за холодильниками для пива.

Я подошла к нему, прежде чем исчез последний луч света. Подошла не для того, чтобы убедиться в его смерти. – Я знала: он мертв. Я подошла, чтобы взглянуть на то, что он продолжал держать в окровавленной руке.

Это было распятие.

5

После него я никого не видела.

Теперь листва почти опала, ночи все холоднее. Я не могу оставаться в этом лесу. Голые деревья не скроют меня от дронов, разжигать костер слишком рискованно. Надо уходить.

Я знаю, куда идти. Знаю уже давно. Я дала обещание. Такое обещание нельзя нарушить, если его нарушишь – потеряешь часть себя, возможно самую важную часть.

Но находятся отговорки. Например: «Сначала надо набраться сил. Необходимо разработать план, нельзя входить в пещеру льва без плана». Или: «Ничего уже не сделать, все потеряло смысл. Ты прождала слишком долго».

Какой бы ни была причина, которая удерживала меня в лесу, я должна была уйти в ту ночь, когда убила солдата. Не знаю, какими были его ранения, я не осмотрела труп, а стоило бы, хоть нервы у меня тогда и сдали. Возможно, он пострадал в результате несчастного случая, но скорее всего, его подстрелил человек или нечеловек. А если это так, значит этот кто-то или это что-то все еще там... если только солдат с распятием не уничтожил его (ее, их, это). Или он был одним из иных, а распятие – уловка...

Вот еще один способ поддерживать сумятицу в наших умах: мучить неизвестностью. Мы знаем, что конец неминуем, но каким он будет, остается только гадать. Возможно, Пятая волна – это атака изнутри, превращение наших мозгов в оружие против нас самих.

Возможно, последний человек на Земле умрет не от голода, не от того, что ему больше нигде будет прятаться, и его не сожрут дикие звери.

Возможно, последнего выжившего убьет последний выживший.

«Ладно, Кэсси, это не то место, куда ты хочешь отправиться».

Честно говоря, даже притом, что оставаться здесь равносильно самоубийству и надо сдержать обещание, которое я дала, уходить не хочется. Этот лес долгое время служил мне убежищем. Я знаю здесь каждую тропинку, каждое дерево, каждый куст. Все свои шестнадцать лет я прожила на одном месте, но не скажу, что точно знаю, как выглядел наш задний двор. Зато я способна описать каждый лист и каждую ветку на этой территории. Понятия не имею, что находится за лесом и двумя милями федеральной автострады, по которой я еженедельно хожу за припасами. Наверное, все то же: брошенные города, вонь нечистот, выгоревшие дома, одичавшие собаки и кошки, разбитые машины по всей трассе. И разложившиеся трупы. Много-много трупов.

Я собираюсь в дорогу. Эта палатка долгое время была моим домом, но она слишком громоздкая, а путешествовать надо налегке. Беру только самое необходимое, плюс «люгер», винтовка М-16, патроны и верный охотничий нож. Спальный мешок, аптечка, пять бутылок воды, три упаковки «Слим Джимс» и несколько банок с сардинами. До Прибытия я ненавидела консервированные сардины, а теперь пристратилась. Что я высматриваю первым делом, когда натыкаюсь на продуктовый магазин? Сардины.

Книги? Они тяжелые и займут много места в и без того разбухшем рюкзаке. Но книги – мой пункт. Как у папы. Стены в нашем доме от пола до потолка были уставлены книжками, папа их собирал после Третьей волны, когда было уничтожено больше трех с половиной миллиардов человек. Пока кругом рыскали в поисках питьевой воды и продуктов и пополняли запасы оружия для последней битвы, которой все мы ждали, папа ездил на «Рэйдио флаере», велике моего брата, и привозил домой книги.

Цифры его не смущали. Тот факт, что за четыре месяца население сократилось с семи миллиардов до пары сотен тысяч, не пошатнул его уверенности в том, что человеческий род выживет.

«Мы должны думать о будущем, – твердо говорил он мне. – Когда все это кончится, нам придется восстанавливать по крупицам нашу цивилизацию».

Фонарик. Запасные батарейки.

Зубная щетка и паста. Я решила, что умру с почищенными зубами, когда настанет мое время.

Перчатки. Две пары носков, трусы, «Тайд» в походной упаковке, дезодорант и шампунь. (Смотрите выше – умереть чистой.)

Тампоны. Я постоянно думаю о том, сколько их осталось и удастся ли найти еще.

Полиэтиленовый пакет с фотографиями. Папа. Мама. Мой маленький брат Сэмми. Родители мамы и папы. Элизабет, лучшая подруга. Одна из фотографий с Беном Пэришем, когда-то таким важным для меня и таким неотразимым. Я вырезала ее из школьного альбома, потому что Бен был моим будущим парнем и, возможно, будущим мужем. Только он об этом не знал. Вряд ли он подозревал о моем существовании. Я дружила кое с кем из его свиты, но сама была девочкой заднего плана. Единственным недостатком Бена был его рост, выше меня на целый фут. Теперь можно сказать, что у него два недостатка: рост и тот факт, что он мертв.

Мобильник. Он спекся в Первую волну, и нет никакой возможности зарядить. Башни сотовой связи выведены из строя, а если бы и сохранились, то звонить все равно некому. Но поймите: это мой телефон.

Щипчики для ногтей.

Спички. Я не разжигаю костры, но вдруг однажды понадобится что-нибудь поджечь или взорвать.

Два блокнота на пружине. Разлинованные. Один в фиолетовой обложке, другой в красной. Мои любимые цвета, а еще эти блокноты – дневники. Это то, что касается надежды. Но если я последняя на Земле и не осталось людей, способных их прочитать, возможно, прочитают иные и узнают, что я о них думаю. Если вы – иной, читайте:

«Пошли вы все!»

Леденцы «Старберст», уже без апельсиновых. Три упаковки «Ригли сперминт». Два последних «Тутси попс».

Обручальное кольцо мамы.

Старый сердитый плюшевый мишка брата. Он и теперь не мой любимец. Я никогда его не тискаю.

Это все, что поместилось в рюкзак. Странно. С виду вроде слишком много вещей и в то же время недостаточно.

Можно еще втиснуть пару книжек в мягкой обложке. «Гекльберри Финн» или «Гроздь гнева»? Стихи Сильвии Плат или Шела Сильверстейна? Наверное, брать с собой Плат – не самая хорошая идея. Очень уж депрессивные стихи. Сильверстейн писал для детей, и он до сих пор способен меня рассмешить. Я выбираю «Приключения Гекльберри Финна» (сюжет подходящий) и Сэмов сборник стихов «Там, где кончается тротуар».

В дорогу, Шел! Забирайся на борт, Гек.

Взвалив рюкзак на плечо и закинув винтовку на другое, я уйду по тропе в сторону автострады. И не оглядываюсь назад.

На краю леса я останавливаюсь. Двадцатифутовый спуск ведет к уходящим на юг полосам автострады. На дороге жуткий беспорядок: груды одежды, разодранные мешки с мусором, выгоревшие остовы трейлеров, которые везли все, от молока до бензина. И везде машины – и разрозненные группки покоренных, и здоровенная автоколонна, этакая змея, растянувшаяся на мили. Утреннее солнце сверкает повсюду на осколках стекла.

Тел здесь нет. Машины стоят со времен Первой волны, их уже очень давно покинули хозяева.

В Первую волну, на десятый день после Прибытия, когда ровно в одиннадцать часов мощный электромагнитный импульс разорвал атмосферу Земли, погибло не так много людей. По прикидкам папы, около полумиллиона. Согласно, полмиллиона – много, но, в сущности, это мелочь. Во Вторую мировую войну погибло в сто раз больше.

И у нас было время подготовиться, только мы не знали, к чему именно надо готовиться. С того момента, когда спутник начал фотографировать корабль-носитель на фоне Марса, до Первой волны прошло десять дней. Десять дней хаоса. Военное положение, заседания ООН, парады, вечеринки на крышах, бесконечные интернет-чаты, и по всем медиа двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю репортажи о Прибытии. Обращение президента к нации, после которого он удалился в свой бункер. Закрытая для прессы чрезвычайная сессия Совета Безопасности.

Многие покинули насиженные места. Как наши соседи Маевски. На шестой день они взяли все свои пожитки, что поместились в трейлер, и отправились в дорогу заодно с массами беженцев, которым почему-то казалось, что в любом другом месте безопаснее, чем дома. Тысячи людей ушли в горы, пустыни, болота. Ну, вы знаете: хорошо там, где нас нет.

Для Маевски «там, где хорошо» был Диснейленд. И не только для них. За эти десять дней до электромагнитного импульса Диснейленд побил все рекорды посещаемости.

Папа спросил мистера Маевски:

– А почему Диснейленд?

И мистер Маевски ответил:

– Ну... дети ни разу там не были.

Его дети уже учились в вузах.

Кэтрин Маевски, на два года старше меня, накануне вернулась из университета Бэйлора.

– А вы куда поедете? – спросила она.

– Никуда, – ответила я.

Я действительно не хотела уезжать. Я все еще пребывала в стадии отрицания, внушала себе: это безумие с инопланетянами скоро закончится. Однако понятия не имела, что для этого должно произойти, – возможно, подписание какого-нибудь мирного межгалактического договора. Или, думала я, они высадутся на Землю, возьмут пару образцов почвы и отправятся восвояси. Или они просто прибыли к нам отдохнуть, как Маевски в Диснейленд.

– Лучше бы вам уехать отсюда, – сказала Кэтрин. – Большие города будут их первой целью.

– Может, ты и права, – сказала я. – Им и в голову не придет стереть с лица земли Волшебное Королевство.

– Как бы ты предпочла умереть? – без обиняков спросила Кэтрин. – Прячась под кроватью или катаясь на «Бигтандере»?

Хороший вопрос.

Папа сказал, что мир разделился на два лагеря: на тех, кто бежит, и тех, кто остается. Убегающие отправились в горы, в частности на гору «Бигтандера». Оставшиеся заколачивали окна в своих домах, запасались консервами и оружием и круглыми сутками держали телевизоры включенными на канале Сиэнэн.

За эти последние десять дней незваные гости не прислали нам ни одной весточки. Не подали ни единого знака. – Они не приземлялись на Южной лужайке¹; головастые чудики в серебристых комбинезонах не требовали сопроводить их к нашему лидеру. Не было блестящих вращающихся громкоговорителей, изрыгающих универсальный язык музыки.

А когда мы послали пришельцам сообщение, что-то вроде: «Привет, добро пожаловать на Землю; надеемся, вам тут понравится; пожалуйста, не убивайте нас», ответа тоже не последовало.

Никто не знал, что делать. Мы надеялись, что знает правительство. У правительства есть планы на все случаи жизни. Наверное, имеется план и на случай, если заявятся

¹ Южная лужайка – имеется в виду лужайка напротив Белого дома. (Здесь и далее примечания переводчика.)

инопланетяне, как тот придурковатый родственник, о котором никто в семье не любит упоминать.

Кто-то решил остаться. Кто-то решил бежать. Кто-то женился, кто-то разводился. Кто-то кончал жизнь самоубийством. Какие-то люди бессмысленно, словно зомби, бродили по городу, не в силах осознать масштаб происходящего.

Теперь в это трудно поверить, но наша семья, как и большинство других, жила своей обычной жизнью, словно вокруг нас не разыгрывалась самая великая драма в истории человечества. Мама и папа ходили на работу, Сэмми в детский сад, а я в школу и на тренировки по соккеру. Это было так обыденно и так ненормально. К концу Первого дня все старше двух лет успели тысячу раз увидеть корабль-носитель. Его неповоротливая серо-зеленая туша размером с Манхэттен вращалась над Землей на высоте двести пятьдесят миль. В НАСА объявили, что планируют расконсервировать шаттлы и попробуют выйти на контакт с пришельцами.

«Что ж, это хорошо, — думали мы. — А то их молчание просто оглушает. Как-то невежливо даже. Ведь не для того они пролетели триллионы миль, чтобы поглазеть на нас».

На Третий день я пошла на свидание с парнем по имени Митчелл Фелпс. Ну, вообще-то, пошла — в этом случае значит вышла из дома. Из-за комендантского часа свидание состоялось у нас на заднем дворе. По пути Митчелл заскочил в «Старбакс». Мы сидели, пили кофе и притворялись, будто не замечаем, как папа ходит туда-сюда по гостиной. Митчелл приехал в город за несколько дней до Прибытия. На уроке мировой литературы он сел у меня за спиной, а я совершила ошибку, одолжив ему фломастер. Потом он пригласил меня на свидание, ведь считается, что если девочка одалживает тебе фломастер, то ты в ее вкусе. Не знаю, почему я согласилась встретиться с Митчеллом. Он не был особо симпатичным и интересным тоже не был, если не считать ауру новенького, и уж определенно он не был Беном Пэришем. Никто не был таким, как Бен Пэриш, кроме самого Бена Пэриша, вот в чем проблема.

На Третий день одни люди постоянно говорили об иных, другие не говорили о пришельцах вообще. Я попала во вторую категорию.

Митчелл поднял эту тему первым.

— А что, если они — это мы? — спросил он.

Времени после Прибытия прошло всего ничего, а все психи-конспирологи как с цепи сорвались. Стремительно разлетались слухи о секретных проектах правительства, якобы кризис с инопланетянами был изобретен специально, чтобы лишить нас гражданских прав и свобод. Я подумала, что Митчелл клонит именно в эту сторону, и застонала.

— Ты чего? — спросил он. — Я не имел в виду конкретно нас с тобой. Я хотел сказать, вдруг они — это мы из будущего?

— Как в «Терминаторе»? — Я закатила глаза. — Явились, чтобы остановить восстание машин? Или, может, они и есть машины? Думаешь, это сам Скайнет?

— Нет, не думаю, — ответил Митчелл так, будто я говорила всерьез. — Это парадокс убитого дедушки.

Сказано это было так, будто я не могла не знать о парадоксе убитого дедушки. Так, будто не знать о парадоксе убитого дедушки может только законченный тупица. Ненавижу, когда так делают.

— Что еще за дедушка?

— Они... то есть мы... не могут вернуться в прошлое и что-то там изменить. Если ты отправишься в прошлое и убьешь деда до своего рождения, то уже не сможешь попасть обратно в будущее.

— Зачем убивать собственного деда?

Я вертела соломинкой в пластиковом стакане с фруктовым фрапучино специально, чтобы получить этот уникальный звук — писк соломинки в пластиковой крышке.

— Суть в том, что это может изменить историю, — сказал Митчелл так, будто это я завела беседу о путешествиях во времени.

– Нам обязательно об этом говорить?

– А о чем еще? – искренне удивился Митчелл, и его брови поползли вверх.

У Митчелла были очень густые брови. Это первое, на что я обратила внимание, когда его увидела. А еще он грыз ногти. Это второе, на что я обратила внимание. Ногти многое могут рассказать о человеке.

Я достала сотовый и отправила Элизабет эсэмэску: «Спаси».

– Тебе страшно? – спросил Митчелл.

Он пытался развлечь меня или как-то приободрить. И очень внимательно смотрел мне в лицо.

Я отрицательно покачала головой:

– Просто скучно.

Это была ложь. Конечно, мне было страшно. Я понимала, что дурно веду себя с Митчеллом, но ничего не могла поделать. По какой-то причине, не знаю по какой, я злилась на него. Может быть, на самом деле я злилась на себя – из-за того, что согласилась на свидание с парнем, который мне совсем не интересен. Или из-за того, что он не тот, с кем я хотела бы встречаться. Нет никакой вины Митчелла в том, что он не Бен Пэриш. И тем не менее.

«Спасти от чего?»

– Мне все равно, о чем разговаривать, – сказал Митчелл.

Он уставился на клумбу с розами, размешивая осадок в кофе; его коленка при этом так прыгала под столом, что мой стаканчик затрясся.

«Митчелл».

Я не думала, что надо набирать еще какой-то текст.

– Кому ты пишешь эсэмэски?

«Говорила, не встречайся с ним».

– Вы не знакомы.

«Поздно».

– Можем пойти куда-нибудь, – предложил Митчелл. – Хочешь в кино?

– Сейчас комендантский час, – напомнила я ему.

В комендантский час никому не разрешалось появляться на улице, за исключением военных и «скорой помощи».

«Лол. Чтобы Бен ревновал».

– Ты злишься или что?

– Нет, я же сказала, просто скучно.

Митчелл обиженно поджал губы. Он не знал, о чем еще говорить.

– Я всего лишь хочу понять, кто они, – сказал он.

– Да кто угодно, – сказала я. – Никто не знает, а они нам не скажут. Так что теперь все сидят и гадают на кофейной гуще. Дурацкое занятие. Может, это люди-мыши с планеты Сыр прилетели за нашим проволоне.

«БП неизвестно о моем существовании».

– Знаешь, – сказал Митчелл, – это как-то грубо – слать эсэмэски, когда я пытаюсь с тобой разговаривать.

И он был прав. Я сунула телефон в карман.

«Что на меня нашло?» – подумала я.

Прежняя Кэсси никогда бы так себя не повела. Иные уже начали меня изменять, но я цеплялась за мысль, что ничего не меняется, тем более я.

– А ты слышала, что мы строим посадочную площадку? – спросил Митчелл, возвращаясь к теме, которая, как я ему уже говорила, наводит на меня тоску.

Я слышала. В Долине Смерти. Да, именно так – в Долине Смерти.

– Лично я не считаю, что это хорошая идея, – сказал Митчелл. – Раскатывать перед ними ковровую дорожку.

– Почему бы и нет?

– Прошло три дня. Три дня, а они не идут на контакт. Если настроены дружески, почему до сих пор не поздоровались?

– Может, стесняются. – Я намотала на палец прядь волос, а потом потянула, не сильно, только чтобы почувствовать приятную такую боль.

– Как новички в школе, – сказал Митчелл.

Быть новичком нелегко. Я почувствовала, что должна извиниться.

– Злюсь сама не знаю на кого, – призналась я. – Прости.

Митчелл озадаченно посмотрел на меня. Он говорил о пришельцах, а не о себе, и тут я вставляю что-то про себя, хотя я – не он и не инопланетянин.

– Все нормально... Я слышал, ты не часто ходишь на свидания.

Упс.

– Что еще ты слышал?

Вопрос из тех, на которые вовсе не хочется получить ответы, но ты все равно его задаешь.

Митчелл шумно высосал кофе через дырочку в пластиковом стакане.

– Не много. Я же специально не расспрашивал.

– Ты спросил кого-то, и тебе сказали, что я не часто хожу на свидания.

– Я просто сказал, что хочу пригласить тебя на свидание, и услышал в ответ: Кэсси клевая девчонка. Я спросил: какая? И мне сказали, что ты высший класс, но мне не стоит надеяться, потому что ты запала на Бена Пэриша...

– Что-что? Кто тебе все это наболтал?

Митчелл пожал плечами:

– Не помню, как ее зовут.

– Лизбет Морган?

«Убью ее!»

– Я не запомнил имя, – повторил он.

– Как выглядит?

– Длинные каштановые волосы. В очках. Кажется, ее зовут Кэрли или что-то вроде этого.

– Я не знаю никакой...

О боже! Какая-то Кэрли, с которой я даже незнакома, в курсе насчет меня и Бена Пэриша... насчет того, чего нет между мной и Беном Пэришем. А если Кэрли или еще какая-нибудь девчонка знает об этом, то и все остальные знают.

– Ну, так они ошибаются, – отрезала я. – Я не запала на Бена Пэриша.

– Меня это не волнует.

– Меня волнует!

– Наверное, ничего не получится, – сказал Митчелл. – Все, что я говорю, или злит тебя, или скуку нагоняет.

– Я не злюсь, – зло возразила я.

Да, он был прав. А я была не права, не рассказав ему о том, что Кэсси, с которой он познакомился, совсем не та Кэсси, которой я была до Прибытия. Кэсси до Прибытия даже на комаров не злилась. В тот момент я не была готова признать правду: с прибытием иных изменился не только наш мир. Изменились мы. Я изменилась. В тот момент, когда появился корабль-носитель, я ступила на тропу, что привела меня в подсобку круглосуточного магазина с пустыми холодильниками для пива. А тот вечер с Митчеллом был только началом моей эволюции.

Митчелл был прав: иные сделали остановку у нас на орбите не для того, чтобы сказать «Привет!».

В канун Первой волны известный физик-теоретик, один из умнейших парней на планете (именно такой титр появился в кадре над его говорящей головой: «Один из умнейших парней на планете»), вещал на канале Сиэнэн. Этот умнейший парень сказал: «Меня не воодушевляет это молчание. Боюсь, нас скорее ждет нечто сравнимое с прибытием

в Америку Христофора Колумба, чем эпизоды из „Ближних контактов“. А ведь всем нам известно, чем для коренных американцев обернулась высадка Колумба».

Я повернулась к папе и сказала:

– Надо бросить в них ядерную бомбу.

Чтобы папа услышал, мне пришлось повысить голос. Дело в том, что папа, когда смотрел новости, всегда увеличивал громкость, чтобы их не заглушал любимый мамин канал Тиэлси, который она смотрела на кухне. Я называла это «войной пультов».

– Кэсси!

Папа был шокирован моим заявлением. Это я поняла, когда увидела, что он поджигает пальцы в белых спортивных носках. Он вырос на «Ближних контактах», «Инопланетянине» и сериале «Звездный путь», то есть на идее, что другие заявятся, чтобы освободить нас от самих себя. Больше не будет голода, не будет войн. Они уничтожат все очаги инфекций. Нам откроются секреты космоса.

– Неужели ты не понимаешь? Возможно, благодаря им мы совершим новый шаг в нашей эволюции. Огромный скачок в будущее. Грандиознейший скачок. – Папа положил руку мне на плечо. – Нам очень повезло, что мы дожили до этого события. – И после этой пылкой тирады он добавил, как будто объяснял мне, как починить тостер: – Кроме того, ядерная бомба не способна нанести вред в вакууме. Там не может быть ударной волны от взрыва.

– Значит, этот умник из телевизора нес хрень собачью?

– Следи за языком, Кэсси, – приструнил меня папа. – Умник имеет право на свое мнение. Это его личное мнение, не более того.

– А что, если он прав? Что, если эта штука, там наверху, вроде «Звезды смерти»?

– Преодолеть половину Вселенной только для того, чтобы взорвать нас всех? – Папа похлопал меня по коленке и улыбнулся.

Мама в кухне прибавила звук в телевизоре. Папа в гостиной довел громкость до уровня «двадцать семь».

– Согласна, но как же тогда эти межгалактические орды, о которых ты рассказывал? – спросила я. – Может, они все-таки явились завоевать нас, загнать в резервации, поработить...

– Кэсси, – сказал папа, – если что-то может произойти, еще не факт, что оно произойдет. В любом случае сейчас мы можем только выдвигать предположения. Я, ты, этот парень. Никто не знает, ради чего они прилетели в такую даль. Так почему бы не предположить, что с благородной целью – спасти нас?

Через четыре месяца папа погиб.

Он ошибался в своих предположениях. И я ошибалась. И один из умнейших парней на планете тоже.

Целью иных не было наше спасение. Они не собирались поработать нас или загонять в резервации.

Они собирались нас уничтожить.

Всех до одного.

6

Я долго решала, когда идти – в светлое или темное время суток. Если не хочешь столкнуться с иными, лучше идти ночью. Но если хочешь заметить дрон раньше, чем он заметит тебя, то лучше передвигаться днем.

Дроны появились под конец Третьей волны. Тускло-серые сигарообразные летательные аппараты беззвучно скользили в тысяче футов над землей. Иногда они проносились без задержки, иногда кружили, как грифы. Они могли менять угол полета и внезапно останавливаться, в секунду сбрасывая сверхзвуковую скорость до нуля. Так мы поняли, что они инопланетного происхождения.

А то, что они беспилотные, мы поняли, когда один из них разбился в двух милях от нашего лагеря. Он прорвал звуковой барьер и с пронзительным визгом спикировал. Когда он врезался в невозделанное кукурузное поле – бу-бум! – земля вздрогнула у нас под ногами. К месту катастрофы отправилась разведгруппа. Ну ладно, не группа, мой папа и Хатчфилд, парень, который был в нашем лагере за главного. Вернувшись, они сообщили, что эта летающая штука пуста. Откуда такая уверенность? Пилот ведь мог катапультироваться. Папа сказал, что аппарат набит всякими приборами, там просто нет места для пилота.

– Если только они не два дюйма ростом, – сказал он нам.

Все посмеялись всласть. Почему-то мысль о том, что иные похожи на двухдюймовых Добываек², делала ужас менее ужасным.

Я решила, что буду идти днем. Одним глазом поглядывать на небо, а другим на землю. И я на ходу мотала головой во все стороны, как фанатка на рок-концерте, пока меня не затошнило.

К тому же беспилотники не единственная опасность, которая грозит при передвижении в ночное время. Еще есть одичавшие собаки, койоты, медведи и волки, которые пришли со стороны Канады, может, даже сбежавший из зоопарка лев или тигр.

И я действительно считаю, что при столкновении с иными днем у меня будет больше шансов, пусть и ненамного. Или даже при столкновении с человеком, если кроме меня кто-то еще остался. Я ведь могу наткнуться на уцелевшего соплеменника, который решит расправиться со мной так же, как кто-то расправился с тем солдатом.

Это ставит передо мной вопрос выбора лучшего способа действий. Стрелять без предупреждения? Или ждать, когда противник сделает первый ход, который вполне может оказаться смертоносным? Я уже не в первый раз чертыхаюсь из-за того, что мы до появления пришельцев не разработали какой-нибудь пароль – тайное рукопожатие или что-нибудь в этом роде, что помогло бы хорошим ребятам узнавать друг друга. Мы не имели возможности предугадать точную дату появления инопланетян, но разве не допускали, что подобное рано или поздно случится?

Трудно готовиться к чему-то, когда это что-то совсем не то, к чему ты готовишься.

Постараюсь засечь их первой, решила я. Надо прятаться. – Не лезть на рожон. Больше никаких солдат с распятиями!

День выдался солнечный и безветренный, но холодный. На небе ни облачка. Я иду, вращая головой, рюкзак бьет по лопатке, а винтовка по второй. Я шагаю по внешнему краю разделительной полосы между полосами южного и северного направления, останавливаюсь через каждые несколько шагов и резко оборачиваюсь узнать, что происходит за спиной. Так продолжается час, второй, а я прошла не больше мили.

Брошенные машины, пробки из мятой жести, стеклянное крошево, сверкающие под октябрьским солнцем, разбросанный по разделительной полосе мусор. Горы мусора заросли травой, полоса сплошь в буграх. Все это ужасно, самое ужасное – тишина. От этой тишины у меня мурашки бегут по коже.

Гул исчез.

Вы знаете, что такое Гул.

Если вы не выросли в горах или не прожили всю свою жизнь в пещере, он всегда был с вами. Это был океан, где мы все плавали. Несмолкающий звук всех устройств, которые мы создали, чтобы наша жизнь стала легче и немного веселее. Механическая песня. Электронная симфония. Гул всех наших вещей, Гул нас самих. Его больше нет.

Наступила тишина, которая была звуком Земли до того, как мы ее завоевали.

Иногда поздно ночью я лежу в палатке и будто слышу, как звезды скребут по небу. Вот такая это тишина. Она становится невыносимой. Хочется вопить во все горло. Хочется петь, орать, стучать ногами, хлопать в ладоши – что угодно, лишь бы как-то обозначить свое

² *Добывайки* – крошечные человечки, которые живут рядом с обычными людьми, герои телефильма по мотивам одноименного романа Мэри Нортон.

присутствие в этом мире. Разговаривая с тем солдатом, я впервые за пару месяцев произнесла вслух несколько фраз.

Гул исчез на десятый день после Прибытия. Я сидела на третьем уроке и набирала смс-сообщение для Лизбет. Это была моя последняя эсэмэска, я не помню точно, что писала.

Ранняя весна. Одиннадцать часов. Теплый солнечный день. В такой день хочется валять дурака, мечтать, находиться где угодно, только не на уроке математики у миссис Полсон.

Первая волна накатила без предупреждения. Никаких фанфар. Ничего драматичного. Не было ни шока, ни трепета.

Просто выключился свет.

Лампы под потолком в классе погасли.

Экран моего сотового стал черным.

Кто-то на задней парте взвизгнул. Классика жанра. В какое бы время суток это ни происходило, всегда найдется трус и завизжит, будто дом рушится.

Миссис Полсон велела нам оставаться на своих местах. Так всегда поступают взрослые, когда отключается электричество. Они начинают нервничать... Из-за чего? В этом есть что-то противоестественное. Мы настолько привыкли к электричеству, что совершенно теряемся, когда оно пропадает. Поэтому подсказываем на месте, визжим или несем всякую чушь. Мы паникуем. Как будто нам перекрыли кислород. Хотя надо сказать, что Прибытие усугубило эффект отключения электричества. Когда десять дней сидишь как на иголках и ждешь, что произойдет, а ничего не происходит, у тебя сдают нервы.

Поэтому, когда иные «выдернули вилку из розетки», мы психанули не на шутку.

Разом загомонил весь класс. После того как я объявила, что у меня сдох телефон, выяснилось, что телефоны сдохли у всех. Нил Кроски, который весь урок слушал айпод на задней парте, вытащил наушники из ушей и спросил, куда делась музыка.

Следующее, что делает человек, когда вырубается электричество, – он подбегает к окну. Я не знаю точно почему. Наверное, это такой эмоциональный толчок под названием «надо посмотреть, что происходит». Мир проникает внутрь снаружи. Поэтому, когда отключается свет, мы смотрим наружу.

Миссис Полсон бродила за спинами столпившихся возле окон учеников и взывала:

– Успокойтесь! Вернитесь на свои места. Я уверена, сейчас будет сделано объявление...

И спустя минуту оно было сделано. Только не по системе голосового оповещения и не в исполнении заместителя директора мистера Фолкса. Оно пришло с неба, от иных, и имело форму «Боинга-727». Самолет кувычком полетел к земле с высоты десять тысяч футов, потом исчез за лесом и взорвался. С места падения взмыл похожий на атомный гриб огненный шар.

«Привет, земляне! Вечеринка начинается!»

Вы можете подумать, что после этого «объявления» мы все попрятались под парты, но этого не произошло. Мы сгрудились возле окон, высматривая в небе летающую тарелку, которая сбивала самолет. Это ведь должна была сделать летающая тарелка, как же иначе? Мы знали, как проходит вторжение высшего уровня. Летающие тарелки стремительно врываются в атмосферу Земли, эскадрильи F-16 устремляются в небо, локаторы и ракеты «земля – воздух» выползают из своих бункеров. Признаю наш интерес противоестественным и нездоровым, но мы хотели увидеть что-то вроде этого. Тогда все происходящее было бы совершенно нормальным вторжением инопланетян.

Около получаса мы стояли у окон и ждали. Почти никто не разговаривал. Миссис Полсон просила нас рассесться по местам, но мы не обращали на нее внимания. Всего тридцать минут Первой волны, а общественный порядок уже нарушен. Ученики продолжали проверять свои телефоны. Крушение самолета, отключение света, неработающие мобильники, часы на стене с замершими на одиннадцати стрелками – мы не были способны сложить все эти детали в одну картинку.

Потом дверь распахнулась, и мистер Фолкс приказал нам идти в спортзал. Я подумала, что это просто гениальное решение. Собрать всю школу в одном месте, чтобы пришельцы не тратили зря боеприпасы.

Итак, мы все передислоцировались в спортзал и расселись там, почти в полной темноте, на трибунах. Директор ходил туда-сюда с мегафоном в руке, то и дело останавливался и громко призывал подопечных вести себя тихо и ждать, когда нас заберут родители.

А как же старшеклассники, чьи машины припаркованы возле школы? Им можно уйти?

– Ваши машины не заведутся.

Что за черт? Как это понимать – наши машины не заведутся?

Прошел час, второй. Я сидела рядом с Лизбет. Мы почти не разговаривали, а если и говорили, то шепотом. Мы не боялись мегафона, мы прислушивались. Не могу сказать, что именно ожидали услышать. Это было похоже на тишину, которая наступает перед тем, как тучи разойдутся и грянет гром.

– Похоже, дождалась, – шепотом сказала Лизбет.

Она нервно терла нос, запускала пальцы с ярким маникюром в крашенные светлые волосы и притоптывала ногой. – Еще Лизбет закрывала глаза и трогала веки – не успела привыкнуть к контактным линзам.

– Что-то случилось, точно, – шепотом согласилась я.

– Не что-то, а самые настоящие кранты.

Лизбет снова и снова вынимала батарейку из своего телефона и вставляла обратно. Думаю, ей надо было чем-то себя занять.

Потом она заплакала. Я отобрала телефон и взяла ее за руку. Огляделась. Плакала не только Лизбет. Некоторые дети молились. Кто-то молился и плакал одновременно. Учителя сгруппировались возле дверей, образовав живой щит на случай, если инопланетяне решат атаковать спортзал.

– Я так много хотела сделать, – лепетала Лизбет. – Я даже никогда... – Тут она снова разревелась. – Ну, ты понимаешь, о чем я.

– У меня такое чувство, что прямо сейчас происходит «ты понимаешь, о чем я», причем массово, – сказала я. – Возможно, даже под этой трибуной.

– Думаешь? – Лизбет вытерла ладонью щеки. – А ты?

– Ты про «ты понимаешь, о чем я»?

Я без проблем говорила о сексе. Проблемы возникали, когда разговор заходил о сексе в моей жизни.

– О, я же знаю, что у тебя не было «ты понимаешь». Господи! Я говорила не об этом.

– А я думала об этом.

– Я говорила о нашей жизни, Кэсси! Приходит конец долбаному миру, и все, о чем ты хочешь говорить, – это секс!

Лизбет вырвала у меня свой телефон и стала открывать и закрывать крышку.

– Поэтому ты должна пойти и во всем ему признаться, – заявила Лизбет и принялась теребить шнурки от капюшона толстовки.

– Кому и в чем признаться?

Я понимала, к чему она клонит; я просто тянула время.

– Бену! Ты должна поговорить с ним напрямик. Расскажи, что ты чувствуешь к нему еще с третьего класса.

– Шутишь? – Я поняла, что у меня загорелись щеки.

– А потом у вас должен быть секс.

– Заткнись, Лизбет.

– Это же правда.

– Я с третьего класса не хочу заниматься сексом с Беном, – шепотом сказала я.

С третьего класса? Я глянула на Лизбет – слушает ли меня. Она явно не слушала.

– На твоём месте я бы сейчас подошла к нему и сказала: «Похоже, это кранты. Это самые настоящие кранты, и я не собираюсь погибать в чертовом спортзале, даже не попробовав секс с тобой». А потом, знаешь, что бы я сделала?

– Что?

Я представила себе лицо Бена в такой ситуации и изо всех сил постаралась не рассмеяться.

– Я бы отвела его в оранжерею и занялась с ним сексом.

– В оранжерее?

– Или в раздевалке. – Лизбет резко взмахнула рукой, как будто хотела очертить этим жестом всю школу или, может быть, весь мир. – Не важно где.

– В раздевалке воняет. – Я посмотрела на великолепный контур головы Бена, сидевшего на два яруса ниже нас, и сказала: – Такое только в кино бывает.

– Ага, абсолютно нереалистично. То, что сейчас происходит, куда реалистичнее.

Лизбет была права. Вторжение инопланетян на Землю и вторжение Бена в меня – оба сценария абсолютно нереалистичны.

– По крайней мере, ты могла бы признаться ему в своих чувствах, – сказала Лизбет, словно прочитав мои мысли.

Могла бы, да. Может быть, когда-нибудь...

Это был последний раз, когда я видела Бена Пэриша – в душном спортзале (дом «Хоксов!») он сидел на два яруса ниже, и видела я только его затылок. Скорее всего, он, как все остальные, погиб во время Третьей волны. Я так и не призналась ему в своих чувствах. А могла бы. Бен знал, кто я, он сидел позади меня на некоторых занятиях.

Вряд ли он вспомнил бы, что в средних классах мы ездили в одном школьном автобусе. Однажды я подслушала его рассказ о том, как у него накануне родилась сестричка. Я тогда повернулась к нему и сообщила:

– А у меня на прошлой неделе братик родился!

И он сказал:

– Что ты говоришь!

Без всякой насмешки сказал, как будто и правда считал, что это здоровское совпадение. Потом я еще с месяц думала о том, что благодаря нашим малышам между нами установилась особенная связь. А в средней школе Бен стал звездой, лучшим принимающим в команде, я же превратилась в обыкновенную девчонку, которая смотрит с трибуны, как он набирает очки. Я встречала его в классе и в школьных коридорах, иногда еле сдерживалась, чтобы не подбежать и не сказать: «Привет, я Кэсси, та девочка из автобуса. Ты помнишь про малышей?»

Забавно то, что он вполне мог помнить. Бен Пэриш не удовлетворился тем, что был самым красивым мальчиком в школе. Как будто специально, чтобы мучить меня еще сильнее, он стремился стать самым умным. Я говорила, что он любил животных и детей? Каждую игру его сестра сидела на скамейке у кромки поля. Когда они выиграли титул чемпионов округа, он сразу подбежал к ней, усадил себе на плечи и сделал круг по беговой дорожке, а она махала толпе рукой, как вернувшаяся домой королева.

Да, еще одно – его убийственная улыбка. Лучше бы мне забыть ее.

Мы провели еще час в душном спортзале, и в дверях появился папа. Он спокойно махнул рукой, как будто имел обыкновение приезжать за мной в школу после каждой атаки инопланетян. Я обняла Лизбет и сказала, что позвоню, как только включатся телефоны. У меня все еще было до-Гуловое мышление. Электричество, бывает, вырубается, но оно всегда включается снова. Поэтому я просто обняла Лизбет за плечи. И даже не помню, сказала ли тогда, что люблю ее.

Мы с папой пошли к выходу из школы, и я спросила:

– Где наша машина?

И папа сказал, что машина не заводится. Все машины не заводились. Улицы были забиты остановившимися легковушками, автобусами, мотоциклами и грузовиками. В каждом квартале случилась авария. Машины «целовались» с фонарными столбами, их «морды» торчали из гаражей. После электромагнитного импульса автоматические замки не срабатывали, и люди сидели запертые в своих тачках. Им оставалось либо разбивать окна, либо ждать помощи снаружи. Пострадавшие в авариях, те, кто мог двигаться, поползли до

тротуара и ждали врачей. Только врачи не приезжали, потому что машины «скорой помощи», пожарные и полицейские машины тоже не заводились. Все, что питалось от аккумуляторов или от электросети, перестало работать ровно в одиннадцать часов утра.

Мы шли пешком, и папа крепко держал меня за руку, словно боялся, что с неба может спикировать нечто и похитить меня.

– Ничего не работает, – говорил он на ходу. – Электричество, телефоны, водопровод...

– Мы видели, как самолет разбился.

Папа кивнул:

– Наверняка они все разбились. Все, что было в небе, он вывел из строя. Истребители, вертолеты, транспортные самолеты...

– Кто их поразил?

– ЭМИ, – сказал папа. – Электромагнитный импульс. Если сгенерировать достаточно мощный ЭМИ, можно вывести из строя всю технику. Электричество, связь, транспорт. Все, что летает и движется.

От нашего дома до школы полторы мили пути. Это были самые долгие полторы мили в моей жизни. Казалось, все укрыл некий занавес, и на этом занавесе был рисунок, изображающий то, что он скрывал. Иногда за ним что-то мелькало, такие маленькие подсказки, по которым можно было догадаться, что все очень плохо. Например, люди. Они стояли на порогах своих домов с сотовыми телефонами в руках, они смотрели в небо или открывали капоты машин и теребили провода. Потому что именно это и делают люди, когда у них ломаются машины, – они теребят провода под капотом.

– Но волноваться не стоит, – сказал папа и еще крепче сжал мою руку. – Все нормально. Есть хороший шанс, что наши резервные системы не пострадали, и я уверен, у правительства есть план на случай чрезвычайных ситуаций, защищенные базы и прочее.

– Папа, а как отключение электричества согласуется с их планом помочь нам на следующем этапе эволюции? – спросила я и сразу пожалела об этом.

Но я тогда слишком перевознолась, и папа все правильно понял. Он посмотрел на меня, улыбнулся ободряюще и сказал:

– Все будет хорошо.

Это были слова, которые я хотела услышать, а папа хотел сказать. Это то, что ты делаешь, когда падает занавес, – подаешь реплику, которую хочет услышать зритель.

7

Я в пути. Моя задача – сдержать обещание.

Около полудня я останавливаюсь, чтобы утолить жажду и съесть полоску «Слим Джим». Всякий раз, когда съедаю «Слим Джим», или банку сардин, или еще что-то из припасов, я думаю: «Ну вот, в мире стало на одну такую штуку меньше». Я по кусочку уничтожаю конкретное свидетельство нашего существования на этой планете.

Я решила, что однажды мне все-таки придется собрать волю в кулак, поймать курицу и свернуть ей нежную шею. Я бы и человека убила за чизбургер. Честно. Если наткнусь на того, кто ест чизбургер, я его прикончу.

Вокруг бродит много коров. Можно пристрелить одну и разделать охотничьим ножом. Уверена, что смогу зарезать корову. Вся проблема в готовке. Костер – верный способ пригласить иных на барбекю.

По траве прямо передо мной проносится тень. Я вскидываю голову и больно ударяюсь затылком о борт «хонды-цивик», возле которой присела, чтобы перекусить. Птица, скорее всего чайка. Пролетела надо мной на распластанных крыльях. От отвращения меня даже в дрожь бросает. Ненавижу птиц. До Прибытия я ничего подобного к ним не испытывала. И после Первой волны тоже. И после Второй, которая на самом деле не нанесла мне лично особого вреда.

Но после Третьей волны я их возненавидела. Понимаю, они не виноваты, но ничего не могу с собой поделать. Так человек, стоящий перед расстрельным взводом, ненавидит пули. Мерзкие птицы!

8

Проведя в пути три дня, я решаю, что машины – это выючные животные.

Они передвигаются группами. Умирают сообщая, сгрудившись при авариях или выстроившись в длинную вереницу. И вдруг вереница заканчивается. Впереди пустая на мили дорога. Есть только я и асфальтовая река между берегами из голых деревьев. Последние листья отчаянно цепляются за черные ветки. Дорога, чистое небо, высокая пожухлая трава и я.

Эти участки пути самые опасные. Машины – мой щит и кров. Я сплю в уцелевших, а запертые еще не попадались. Правда, сном это трудно назвать. Воздух спертый, дышать нечем, окно разбить нельзя, дверцу нельзя оставить открытой. Голод не отступает, и мучают ночные мысли: «Одна, одна, одна». А самая худшая из плохих мыслей такова: я не конструировала беспилотники иных, но если бы конструировала, на борту обязательно стоял бы датчик, чтобы улавливать тепло живого существа через крышу автомобиля.

Эта мысль непобедима. Едва начинаю задремывать, мерещится, будто распахиваются дверцы и ко мне тянутся десятки нечеловеческих рук. Встряхиваюсь, на ощупь нахожу М-16 и выглядываю из-за заднего сиденья, потом делаю оборот на триста шестьдесят градусов; при этом я чувствую себя в ловушке, потому что окна запотели и снаружи почти ничего не видно.

Приближается рассвет. Я жду, когда рассеется туман, потом пью немного воды, чищу зубы, дважды проверяю свое оружие, оцениваю оставшиеся припасы и снова – в дорогу. Смотрю в небо, смотрю под ноги, оглядываюсь. Хочется пить. К городу не приближаться, только при чрезвычайных обстоятельствах.

Причин, чтобы держаться подальше от городов, много.

Знаете, как определить, что город уже недалеко? По запаху. Запах города разносится на много миль вокруг.

Запах гари. Вонь нечистот. И запах смерти.

В городе трудно пройти два шага и не наткнуться на труп. Забавно: люди тоже умирают кучно.

Запах Цинциннати я чую еще за милю до знака выезда из города. Густой столб дыма лениво поднимается к безоблачному небу.

Цинциннати горит.

Меня это не удивляет. После Третьей волны пожары – самое распространенное явление, если не считать трупы. Чтобы выгорело десять кварталов, достаточно одной молнии. В городах не осталось никого, кто стал бы тушить огонь.

У меня слезятся глаза. От вонючей Цинциннати рвота подкатывает к горлу. Я останавливаюсь ровно на столько, чтобы повязать платок вокруг рта и носа, а потом ускоряю шаг. У меня дурное предчувствие. В голове звучит древний голос: «Быстрее, Кэсси. Поторопись».

А потом, где-то между семнадцатым и восемнадцатым выездами, я натываюсь на тела.

9

Их три, лежат на разделительной полосе, но не кучно, как бывает в городах, а на некотором расстоянии друг от друга. Первый – мужчина; думаю, он одного возраста с моим папой; на нем синие джинсы и тренировочная куртка «Бенгалс». Мужчина лежит лицом вниз, руки раскинуты. Его убили выстрелом в затылок.

Второй труп примерно в десятке футов от первого. Это молодая женщина, она ненамного старше меня, на ней штаны от мужской пижамы и бюстгалтер «Викториас сикрет». В коротких волосах фиолетовая прядь. На указательном пальце левой руки печатка с черепом. Ногти покрашены черным лаком, грубо обкусаны. И у нее пулевое отверстие в затылке.

Еще несколько футов по разделительной полосе – и третий мертвец. Это мальчик лет одиннадцати-двенадцати, в спортивной фуфайке и кедах с высоким верхом. Понять, каким было прежде его лицо, практически невозможно.

Я отворачиваюсь от мальчика и возвращаюсь к женщине. Опускаюсь на колени в пожухлой траве рядом с ее телом и дотрагиваюсь до бледной шеи. Еще теплая.

«О, нет. Нет, нет, нет».

Трусой подбегаю к первому трупу. Трогаю за руку. Смотрю на рану. Блестит на солнце. Влажная.

Я замираю на месте. У меня за спиной дорога, впереди тоже дорога. Справа деревья и слева деревья. Столкнувшиеся машины на полосах южного направления, ближайшие футах в ста от меня. Что-то подсказывает мне, что надо посмотреть наверх. Прямо над собой.

Тусклое серое пятнышко на фоне ослепительно-синего осеннего неба.

Не двигается.

«Привет, Кэсси. Я мистер Дрон. Рад знакомству!»

В ту секунду, когда я встаю, что-то бьет меня в ногу. Обжигающий удар над коленом. Я теряю равновесие и приземляюсь на зад. Промедли я долю секунды, и в затылке появилась бы дырка точь-в-точь как у мистера Бенгалс.

Выстрел я не слышала. Холодный ветер, собственное горячее дыхание под платком и шум крови в ушах – вот все, что предшествовало удару пули.

Глушитель.

Похоже на то. Конечно, почему бы им не пользоваться глушителями. Вот и появилось у меня идеально подходящее для них название – глушители. Годится для описания способа их действий.

Когда смотришь в лицо смерти, происходит некая замена. Передняя часть мозга уступает командное место древнейшей части твоего сознания, следящей за тем, чтобы твое сердце билось, легкие дышали, а глаза моргали. Природа создала эту часть первой, чтобы уберечь твой зад от опасности. И эта часть растягивает время, как гигантскую ириску, она превращает секунды в часы, а минуты делает длиннее летнего дня.

Я тянусь за винтовкой (уронила ее, когда пуля попала в цель), земля передо мной взрывается и осыпает меня гравием.

Хорошо, о винтовке забудем.

Я выхватываю из-за пояса «люгер» и бегу, приволакивая раненую ногу, к ближайшей машине. Боли почти не чувствую, но догадываюсь, что скоро очень близко с ней познакомлюсь, зато к тому времени, когда допрыгиваю до старого «бьюика», чувствую, что кровь пропитала джинсы.

Я ныряю за «бьюик», и в эту секунду заднее стекло разлетается вдребезги. Лежа на спине, проскальзываю под машину. С какой стороны ни посмотреть, я девчонка небольшая, но под этим седаном мне тесно, невозможно перевернуться на живот или лечь на бок в том случае, если враг появится с левой стороны.

Лежу, как в тисках.

Умно, Кэсси, очень умно. Только «отлично» в прошлом семестре? В списке умников? Мо-ло-дец.

Оставалась бы ты лучше на своем клочке леса, в своей палатке-невеличке, со своими книжонками и сувенирчиками. Там по крайней мере было бы куда бежать при появлении иных.

Проходят минуты. Я лежу на спине, и моя кровь растекается по холодному бетону. Поворачиваю голову вправо, потом влево, потом приподнимаю ее на дюйм и смотрю мимо своих ног и задних колес «бьюика».

Черт, где же он? Чего тянет?

А потом до меня доходит: он стрелял из мощной снайперской винтовки. Наверняка это так. Значит, при этом мог быть в полумиле от меня.

А еще это значит, что у меня в распоряжении больше времени, чем я думала сначала. Есть время придумать что-то, а не просто пускать сопли в попытке прочитать связную молитву.

«Сделай так, чтобы он ушел. Пусть он все сделает быстро. Не дай мне погибнуть. Дай ему закончить начатое...»

Меня колотит, я взмокла от пота, мне холодно.

«У тебя сейчас будет шок. Думай, Кэсси».

Думать.

Вот для чего мы существуем на этом свете. Вот почему мы здесь. Вот по какой причине я спряталась под «бьюиком». Мы люди.

А люди думают. Планируют. Мечтают и делают свои мечты реальностью.

«Сделай это реальностью, Кэсси».

Он не сможет добраться до меня, пока не ляжет на бетон... А когда ляжет... когда заглянет под машину... когда дотянется до моей ноги и потащит наружу...

Нет. Он слишком умен, чтобы так поступить. Он должен понимать, что я могу быть вооружена. Он не станет так рисковать. Глушителей не волнует смертельный риск... или волнует? Знают они, что такое страх, или нет? Они не любят жизнь, я видела достаточно доказательств этому. Но может, они любят свою жизнь больше, чем чужую смерть?

Время все тянется и тянется. Минуты, как времена года. Чем он там занимается?

Теперь такой мир – или да, или нет. Либо он придет, чтобы покончить со мной, либо не придет. Но должен же он закончить начатое? Для чего еще он здесь? Черт, разве не в этом все дело?

Или – или. Или я бегу, то есть прыгаю, ползу, перекатываюсь, или остаюсь под машиной и умираю от потери крови. Если я рискну бежать, я превращусь в легкую мишень. Я и на два фута не уйду от машины. Если останусь, результат тот же, только будет больше страха, больше боли и все будет происходить гораздо медленнее.

У меня перед глазами вспыхивают и танцуют черные звезды. Мне не хватает воздуха.

Я поднимаю левую руку и сдергиваю платок с лица.

Платок.

«Кэсси, ты идиотка».

Я кладу пистолет рядом с собой. Это самое трудное – расстаться с оружием.

Потом я приподнимаю раненую ногу и протягиваю под ней платок. Я не могу поднять голову достаточно высоко, чтобы увидеть, что делаю. Я смотрю сквозь узор из черных звезд на грязное брюхо «бьюика», перехлестываю концы платка и туго завязываю его на ноге. Затем тянусь к ране и ощупываю ее. Кровь идет, но уже не так сильно.

Я снова беру пистолет. Так-то лучше – вижу лучше, и мне уже не очень холодно. Сдвигаюсь на пару дюймов влево – кому приятно лежать в собственной крови.

Где он? У него было достаточно времени, чтобы добраться до меня...

Если только он уже не добрался.

Меня аж подбрасывает от этой мысли, на несколько секунд я забываю дышать.

Он сюда не придет. Не придет, потому что ему незачем сюда приходить. Он знает, что у тебя не хватит духу высунуться из-под машины. А если не выберешься отсюда и не побежишь, ты проиграла. Он знает, что ты умрешь от голода, от потери крови или от обезвоживания.

Он знает то, что знаешь ты: побежишь – умрешь, будешь лежать – умрешь.

Его ждет следующая жертва.

Если кто-то еще остался.

Если остался кто-то, кроме меня.

Давай же, Кэсси! За пять месяцев от семи миллиардов до одного человека? Ты не последняя, и даже если ты последняя на Земле, особенно если ты последняя, ты не можешь позволить, чтобы все так закончилось. Лежать, забившись под какой-то чертов «бьюик», и ждать, когда из тебя по капле вытечет вся кровь? Так человечество уходит из этого мира?

Черта с два.

10

Первая волна унесла полмиллиона жизней.

Вторая сделала эту цифру смешной.

Если вы не в курсе, мы живем на беспокойной планете. Континенты и ложа океанов представляют собой массивы горной породы, которые называются литосферными плитами. Эти плиты плавают на расплавленной магме, и постоянно трутся, и скребутся, и давят друг на друга с невероятной силой. Давление все нарастает, и вдруг соприкасающиеся края плит резко смещаются, высвобождая при этом чудовищную энергию в форме землетрясения. Если землетрясение случается в зоне субдукции, этом поясе, где океаническая кора подминается под континентальную, ударная волна землетрясения может породить морскую сверхволну, которая называется цунами.

Более сорока процентов населения Земли (а это три миллиарда человек) живет на береговой полосе шириной шестьдесят миль.

Поэтому иным, чтобы уничтожить эти сорок процентов, надо было всего лишь вызвать землетрясение.

Взять металлический стержень в два раза выше и в три раза тяжелее Эмпайр-стейт-билдинг. Расположить этот стержень в верхних слоях атмосферы над зоной субдукции и отпустить. Тут даже не нужна система наведения, просто роняешь стержень, и он летит вниз. Благодаря гравитации к тому моменту, когда он достигнет поверхности Земли, его скорость разовьется до двенадцати миль в секунду, а это в двадцать раз быстрее пули.

Мощность удара этого стержня о поверхность Земли будет в миллиард раз больше, чем мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Прощай, Нью-Йорк. Прощай, Сидней. Прощайте, Калифорния, Вашингтон, Орегон, Аляска, Британская Колумбия. Прощай, Восточное побережье.

Япония, Гонконг, Лондон, Рим, Рио, пока-пока.

Приятно было познакомиться. Надеемся, вам здесь понравилось!

Первая волна накатила и схлынула за считанные секунды.

Вторая длилась чуть дольше. Примерно день.

Третья волна? Этой понадобилось больше времени – двенадцать недель. Двенадцать недель на то, чтобы убить, по подсчетам папы, девяносто семь процентов от тех, кому повезло пережить две первые волны.

Девяносто семь процентов от четырех миллиардов? Сами считайте.

Вот когда пришельцы спускаются на своих летающих блюдах и приступают к зачистке, правильно? А люди Земли объединяются под одним флагом, чтобы разыграть сценку «Давид против Голиафа». Наши танки против ваших лазерных пушек. Начали!

Нам повезло меньше.

А иные оказались далеко не дураками.

Как уничтожить около четырех миллиардов человек за четыре месяца?

Птицы.

Сколько птиц на Земле? Будете гадать? Миллион? Миллиард? А триста миллиардов не хотите? Это примерно семьдесят пять на мужчину, или женщину, или ребенка, которых не уничтожили две первые волны.

На каждом континенте тысячи видов пернатых. Птицы не знают границ. А еще они постоянно гадят. Они гадят пять-шесть раз в день. То есть с неба каждый божий день падает больше триллиона маленьких реактивных снарядов.

Трудно изобрести более эффективную систему распространения вируса с процентом смертоносности девяносто семь.

Папа предположил, что иные взяли что-то вроде заирского вируса Эбола и внесли в него генетические изменения. Эбола не передается воздушно-капельным путем. Но если изменить всего один полипептид, этот вирус станет передаваться по воздуху, как грипп. Он поселяется в легких. У вас начинается кашель. Потом лихорадка. Болит голова. Очень сильно болит. Вы кашляете зараженной вирусом кровью. Он пробирается в печень, почки, мозг. Внутри вас накапливается миллиард патогенов, вы превращаетесь в инфекционную бомбу. И однажды вы «взрываетесь» – вирусы, как крысы с тонущего корабля, бегут через каждое отверстие в вашем теле. Через рот, нос, уши, анус, даже глаза. Вы буквально плачете кровавыми слезами.

Люди придумали разные названия для этого – «красная смерть», «кровавая чума», «багряное цунами», «четвертый всадник». Как ни назови, спустя три месяца девяносто семь человек из каждой сотни умерли.

Это реки кровавых слез.

Время обратилось вспять. Первая волна отбросила нас в восемнадцатый век. Следующая – в неолит.

Мы превратились в охотников-собирателей. Стали кочевниками, подножием пирамиды.

Но мы не были готовы расстаться с надеждой.

Нас еще было достаточно, чтобы оказать сопротивление.

Мы не могли драться с иными лицом к лицу, но могли начать партизанскую войну. Могли нанести этим чужепланетным мерзавцам асимметричный удар. У нас было достаточно оружия и боеприпасов, даже кое-какой транспорт уцелел после Первой волны. Наши вооруженные силы подверглись децимации, но на каждом континенте еще оставались боеспособные соединения. Сохранились бункеры, пещеры, подземные базы, где можно укрываться годами.

«Вы будете Америкой, а мы будем Вьетнамом».

И иные ответили: «Что ж, отлично».

Мы думали, что они уже использовали против нас все, чем располагали, ну, по крайней мере, самое худшее из своего арсенала. Трудно вообразить что-то хуже «красной смерти». Те из нас, кто выжил после Третьей волны, – те, у кого был природный иммунитет к этому вирусу, – запаслись самым необходимым и затаились, дожидаясь указаний от командования. Мы знали, что должно быть какое-то командование, потому что иногда видели, как в небе проносился истребитель, слышали пальбу и рокот транспортных самолетов.

Думаю, нашей семье повезло больше других. «Четвертый всадник» забрал маму, но Сэмми, я и папа уцелели. Папа гордился нашими генами. Нездоровое занятие, пожалуй, – хвастать генами на вершине горы из семи миллиардов трупов. Но папа просто оставался папой, в канун исчезновения человечества он пытался делать хорошую мину при плохой игре.

После «багряного цунами» люди стали уходить из городов. Там больше не подавались электричество и вода, все магазины и склады давно были разграблены, а некоторые улицы на дюйм залиты нечистотами. Пожары от молний стали обычным делом.

И возникла проблема с трупами.

Трупы были повсюду: в жилых домах, приютах, больницах, офисах, школах, церквях, на складах.

Наступает момент, когда количество смертей доходит до критического. Вы уже просто не успеваете хоронить или сжигать тела. Лето эпидемии было немилосердно жарким, вонь разлагающейся плоти висела подобно невидимому ядовитому туману. Мы смачивали куски

ткани в духах или одеколоне и повязывали на лицо, но к концу дня чудовищный смрад пропитывал надушенную повязку и вызывал рвоту.

Так было до тех пор, пока, смешно сказать, мы к этому не привыкли.

Третью волну мы ждали, забаррикадировавшись в собственном доме. Во-первых, был карантин; во-вторых, по улицам бродили опасные личности, которые грабили, жгли дома, насиловали и убивали; и в-третьих, мы даже думать боялись о том, что обрушится на нас после цунами.

Но главное – это то, что папа не хотел оставлять маму. Она была слишком больна и дорогу не выдержала бы, а папа не хотел уходить без нее.

Мама просила его уйти из города. Она все равно умирала. Говорила ему, что дело уже не в ней, а во мне и Сэмми. Говорила, что надо спасти детей, надо думать о будущем, и есть надежда, что завтра будет лучше, чем сегодня.

Папа с ней не спорил. Но он и не уходил. Папа ждал неизбежного и старался облегчить маме последние дни. Он изучал карты, составлял списки и делал припасы. Это была пора сбора книг, старт программы «Нам предстоит возродить цивилизацию». Однажды вечером, когда небо не было сплошь затянуто дымом, мы с папой вышли на задний двор и по очереди посмотрели в мой старый телескоп на корабль-носитель, который величественно плыл на фоне Млечного Пути. Звезды светили ярче, чем раньше, им больше не мешали огни наших городов.

– Почему они ничего не делают? – спросила я папу. Я еще ждала (как и все остальные), когда появятся летающие блюдца, роботы-солдаты и лазерные пушки. – Почему не закончат то, что начали?

Папа покачал головой:

– Не знаю, ягодка. Может, уже закончили. Может, они и не собираются нас всех убивать, а просто хотят уменьшить нашу численность до приемлемой для них.

– И что потом? Чего они хотят?

– Я думаю, правильнее было бы спросить: что им нужно, – ответил папа таким ровным голосом, как будто сообщал мне по-настоящему плохую новость. – Видишь ли, они действуют очень аккуратно.

– Аккуратно?

– Да, так, чтобы не нанести вред самому необходимому. Вот почему они здесь, Кэсси. Им нужна Земля.

– Но не мы, – прошептала я.

Я снова готова была сорваться (в миллионный раз).

Папа положил руку мне на плечо (в миллионный раз) и сказал:

– Что ж, у нас был шанс. Мы не очень хорошо распорядились доставшимся нам наследством. Готов поспорить, если бы могли вернуться назад во времени и порасспрашивать динозавров до падения астероида...

Тут я толкнула его со всей силы и убежала в дом.

Не знаю, где хуже, в доме или снаружи. Снаружи чувствуешь себя выставленной напоказ, не отступает чувство, будто за тобой постоянно наблюдают, ты голая под голым небом. А в доме постоянные сумерки. Заколоченные досками окна не пропускают дневной свет. Ночью мы зажигаем свечи, но запасы кончаются, и мы не можем тратить больше одной на комнату. В когда-то родных уголках теперь притаились зловещие тени.

– Что, Кэсси?

Это Сэмми. Ему пять лет. Я его обожаю. Большие карие, как у мишки, глаза. Крепко обнимает другого члена нашей семьи, тоже с карими глазами, того, игрушечного, которого я сейчас ношу в своем рюкзаке.

– Почему ты плачешь?

Мои слезы его испугали.

Я пробежала мимо него в комнату шестнадцатилетнего человеко-динозавра Кассиопея Салливанус экстинктус. А потом вернулась обратно. Я не могла оставить его, когда он плачет.

После того как мама заболела, мы очень сблизились. Каждый раз, когда ему снился плохой сон, он прибегал ко мне в комнату, забирался в кровать и прижимался лицом к моей груди. Иногда он забывался и называл меня мамой.

– Ты видела их, Кэсси? Они уже здесь?

– Нет, малыш, – ответила я и утерла слезы. – Никого здесь нет.

Пока нет.

11

Мама умерла во вторник.

Папа похоронил ее на заднем дворе, в цветочной клумбе. Мама сама попросила его об этом перед смертью. На пике эпидемии, когда люди умирали сотнями каждый день, большинство тел оттащивали на окраину и там сжигали. Вымирающие города были окружены кольцом из дыма погребальных костров.

Папа сказал мне, чтобы оставалась с братом. Сэмми, как двухлетний зомби, бродил по дому с потухшими глазами и сосал большой палец. Всего несколько месяцев назад мама качала его на качелях, водила на тренировки по карате, мыла ему голову, танцевала с ним под его любимые песенки. А теперь папа обернул ее в белую простыню и на плече вынес на задний двор.

Я смотрела в окно кухни, как папа стоит на коленях у неглубокой могилы. Голова опущена, плечи вздрагивают. Я не видела, чтобы он давал волю эмоциям, ни разу с момента Прибытия. Становилось все хуже и хуже, а стоило нам подумать, что хуже уже быть не может, становилось еще хуже. Но папа неизменно держал себя в руках, он никогда не срывался в истерику. Даже после того, как у мамы появились первые признаки заражения, он сохранял спокойствие, особенно в ее присутствии. Он не говорил о том, что происходит за стенами нашего дома с заколоченными окнами и забаррикадированными дверями. Он делал ей влажные компрессы, купал, переодевал, кормил. Я ни разу не видела, чтобы он плакал при ней. Другие люди стрелялись, вешались, горстями глотали таблетки и бросались вниз с высоты, но папа противостоял мраку.

Он пел маме песенки, рассказывал дурацкие анекдоты, которые она слышала тысячу раз. И он ее обманывал, как родители обманывают детей. Такая ложь помогает заснуть, когда тебе страшно.

– Сегодня опять слышал самолет. По звуку, похоже, это был истребитель. Значит, кто-то из наших еще действует.

– Сегодня у тебя температура немного ниже и глаза яснее. Может, это все-таки самый банальный грипп.

В мамины последние часы он утирал с ее щек кровавые слезы.

Папа обнимал ее за плечи, когда ее рвало черным месивом, в которое превратился ее желудок.

Он привел нас с Сэмми в ее комнату попрощаться.

– Все хорошо, – сказала мама Сэмми. – Все будет хорошо.

А мне она сказала:

– Ты нужна ему, Кэсси. Позаботься о нем. Позаботься о своем отце.

Я сказала, что она поправится. Некоторые поправлялись. Заболевали, а потом вдруг вирус отступал. Никто не мог понять почему. Может, ему не нравился этот конкретный человек на вкус. Я тогда сказала это маме не потому, что хотела, чтобы она не боялась. Я правда в это верила.

– Кроме тебя, у них никого нет, – вздохнула мама.

Это были ее последние слова, произнесенные при мне.

Мозг – последнее, что уносили воды «багряного цунами». Вирус целиком завладевал человеком. Некоторые люди впадали в безумие, они бросались на всех с кулаками, царапались, кусались, как будто вирусу не терпелось от нас избавиться.

Мама смотрела на папу и не узнавала его. Она не понимала, где она, кто она и что с ней происходит. С ее лица не сходила улыбка – потрескавшиеся губы растянулись, обнажив кровоточащие десны и зубы в пятнах крови. Она издавала какие-то звуки, но это были не слова. До участка ее мозга, который отвечал за речь, добрался вирус, и этот вирус не знал языков, он знал только, что ему надо все больше и больше места внутри человека.

А потом мама умерла. Она билась в конвульсиях, кричала, захлебываясь кровью. А вирус выходил из нее через все отверстия, потому что с ней было покончено, пора гасить свет и подыскивать себе новый дом.

Папа обмыл маму в последний раз, причесал ей волосы, стер засохшую кровь с зубов. Когда пришел ко мне сказать, что мама умерла, он был спокоен. Сам держался и держал меня, потому что я уже не могла держаться.

И вот я смотрю на папу в окно кухни. Он стоит на коленях рядом с клумбой-могилой и думает, что его никто не видит. Мой папа отпускает маму, обрывает нить, которая давала ему устойчивость, в то время как все остальные теряли опору и падали в бездну.

Я убедилась, что Сэмми в порядке, и вышла из дома. Присела рядом с папой и положила руку ему на плечо. В последний раз мое прикосновение к нему было жестче – я ударила кулаком. Я ничего ему не сказала, он тоже молчал, долго молчал.

А потом вложил что-то мне в руку. Обручальное кольцо мамы. Мол, мама хотела, чтобы кольцо было у меня.

– Мы уходим, Кэсси. Завтра утром.

Я кивнула. Понимала, что больше нет причин оставаться. Тонкие стебли роз раскачивались, словно кивали вместе со мной.

– Куда мы пойдем?

– Куда-нибудь. – Папа огляделся, и я увидела в его глазах страх. – Здесь больше не безопасно.

«Ну да, ну да, – подумала я. – А когда было безопасно?»-

– База ВВС Райт-Паттерсон всего в ста милях отсюда. Если поторопимся и погода не подведет, доберемся за пять-шесть дней.

– А потом что?

Вот такой способ мышления навязали нам иные. «Ладно, сейчас это, а потом что?»

Я смотрела на папу и ждала. Он был самым умным из всех, кого я знала. Если у него нет ответа, значит, нет ни у кого. Я была в этом уверена. И конечно, хотела, чтобы он знал ответ. Мне это было необходимо.

Папа покачал головой, как будто не понял вопроса.

– Что там, на этой базе? – спросила я.

– Понятия не имею.

Папа попытался улыбнуться, но в результате скривился, как будто улыбка причиняла ему боль.

– Тогда зачем туда идти?

– Мы не можем здесь оставаться, – ответил папа сквозь зубы. – А если нельзя оставаться, значит, надо уходить. Надеюсь, еще существует какое-никакое правительство...

Папа тряхнул головой. Он не для этого вышел из дома, чтобы со мной спорить. Он вышел, чтобы похоронить жену.

– Иди в дом, Кэсси.

– Я тебе помогу.

– Мне не нужна твоя помощь.

– Она моя мама, я тоже ее любила. Пожалуйста, позволь мне помочь.

Я снова заплакала, но папа этого не видел. Он не смотрел на меня и не смотрел на маму. Он вообще ни на что не смотрел. Было такое ощущение, что наш мир превратился в черную дыру, и она засасывала нас обоих. За что нам ухватиться? Я убрала руку отца с маминого тела и прижала к своей щеке. Сказала, что люблю его, и мама его любила; сказала, что все будет хорошо. И черная дыра утратила чуток своей силы.

– Иди в дом, Кэсси, – мягко повторил папа. – Ты сейчас нужна не ей, а Сэмми.

Я пошла в дом. Сэмми сидел на полу в своей комнате и играл; его Х-крылый истребитель уничтожал «Звезду смерти».

– Ба-бах. Красный, я захожу!

А снаружи папа стоял на коленях возле свежевырытой могилы. Коричневая земля, красная роза, серое небо, белая простыня.

12

Я понимаю, что должна поговорить с Сэмми.

Я не знаю, как иначе туда добраться.

Туда – это первый дюйм на открытом пространстве, где солнечный луч поцеловал мою поцарапанную щеку, после того как я решила выбраться из-под «бьюика». Тот первый дюйм был самым трудным и самым длинным дюймом во Вселенной. Он растянулся на тысячи миль.

Туда – это место на шоссе, где я повернулась лицом к врагу, которого не видела.

Туда – это единственное, что не дает мне сойти с ума. Иные лишили меня всего, но это отнять не смогли.

Сэмми – причина того, что я не сдалась. Это из-за него я не осталась умирать под той машиной.

В последний раз я видела Сэмми через заднее окно школьного автобуса. Он прижимался лбом к стеклу и махал мне рукой. И улыбался, как будто ехал на экскурсию – возбужденный, нервный, но совсем не испуганный. В автобусе были другие дети, и это помогало ему не бояться. Что может быть будничнее, чем большой желтый школьный автобус? Школьный автобус – это настолько нормально, что, когда они после четырех месяцев кошмара въехали в лагерь беженцев, их появление вызвало шок. Все равно что увидеть «Макдоналдс» на Луне. Это жутко, это аномально, этого просто не может быть.

Мы пробыли в лагере всего пару недель. Из пятидесяти человек, собравшихся там, мы единственные были семьей, все остальные – вдовы, вдовцы и сироты. Самый старший в лагере выглядел на пятьдесят с лишком. Сэмми оказался самым маленьким, но были еще дети, все, если не считать меня, младше четырнадцати.

Лагерь располагался в двадцати милях к востоку от нашего дома. Во время Третьей волны, когда больницы в городе оказались переполнены, люди вырубili там участок леса и построили полевой госпиталь. Дома быстро собирались из спиленных вручную деревьев, из жести и листового железа, которое перетаскивали из вымирающего города. – Главным зданием был барак для инфицированных. Рядом поставили домик для двух врачей, которые ухаживали за умирающими, пока их самих не уничтожило «багряное цунами». Были еще огород и резервуары для дождевой воды, которой мы мылись-стирались и которую пили.

Мы ели и спали в бараке, вместе с пятью-шестью сотнями истекающих кровью людей. Пол и стены в этом доме постоянно отмывались с хлоркой, а кровати, на которых умирали инфицированные, сжигались. И все равно там витал слабый запах эпидемии (немного похожий на запах скисшего молока), а химия не могла удалить все пятна крови. На стенах были видны следы ее брызг, по полу протянулись серповидные темные пятна. Это походило на жизнь внутри трехмерной абстрактной картины.

Наше жилище было одновременно складом продуктов и арсеналом. Консервированные овощи, мясо в вакуумной упаковке, сухие продукты и добавки, как соль например. Дробовики, пистолеты, полуавтоматические винтовки и даже пара ракетниц. Все мужчины ходили по лагерю вооруженные до зубов. Мы как будто вернулись в эпоху Дикого Запада.

В лесу, в нескольких сотнях ярдов от лагеря, была вырыта неглубокая яма. В этой яме сжигались трупы. Нам туда ходить не разрешалось, – понятно, что я и некоторые дети

постарше ходили. Там постоянно болтался гаденыш, которого все звали Криско³ (думаю, потому что он зализывал назад длинные сальные волосы). Ему было тринадцать, и он мародерствовал. Криско бродил буквально по колено в пепле и выуживал оттуда ювелирные украшения, монеты – все, что он считал ценным или «интересным». И клялся, что занимается этим вовсе не потому, что извращенец.

– Главная разница теперь в этом, – говорил он и, фыркая от удовольствия, просеивал между пальцами с черными ногтями улов.

Его руки до локтя были покрыты серым пеплом.

– Разница между чем и чем?

– Между человеком и никем. Бартер вернулся, детка! – отвечал он и демонстрировал ожерелье с бриллиантами. – Когда все закончится, командовать будет тот, у кого есть что-то ценное.

Мысль о том, что иные хотят уничтожить всех, тогда еще не поселилась в наших головах. Даже в головах взрослых. Криско воображал себя аборигеном, который продает Манхэттен за пригоршню бусин, хотя больше смахивал на злополучного дронта.

Папа услышал об этом лагере несколько недель назад, когда у мамы появились первые симптомы заражения. Уговаривал перебраться туда, но она понимала: это ее не спасет. Мама знала, что с ней происходит, и хотела умереть дома, а не в каком-то лесном псевдохосписе. А потом, когда маме оставалось уже недолго, прошел слух, что этот госпиталь превратился в некое убежище. Мол, это достаточно далеко от города, чтобы уцелевшие после эпидемии в относительной безопасности переждали следующую волну. (Хотя многие умники склонялись к мысли, что нас ждут бомбардировки.) И в то же время достаточно близко, чтобы люди из правительства смогли найти укрывшихся там. Если вообще такие люди из правительства еще существуют и если они собираются кого-то искать.

Неофициальным начальником в лагере был Хатчфилд, в прошлом морпех, словно собранный из конструктора «Лего»: квадратные руки, квадратная голова, квадратный подбородок. Он ходил в одной и той же футболке, сплошь в пятнах (может, даже от крови), но его черные ботинки всегда были начищены до зеркального блеска. Хатчфилд брил голову, но почему-то не грудь и спину, которые действительно стоило брить. Он весь был разукрашен татуировками. И еще он любил оружие. Два пистолета носил на поясе по бокам, один за спиной и еще один в плечевой кобуре. Никто не носил столько пистолетов. Видимо, это что-то вроде отличительной черты неофициального начальника.

Часовые засекли нас на подходе. Как только мы вышли на дорогу, которая вела к лагерю, появился Хатчфилд и парень по имени Бродген. Я абсолютно уверена, они хотели произвести на нас впечатление своим арсеналом. Хатчфилд велел нам разделиться. Он собирался переговорить с папой, а Бродген должен был заняться мной и Сэмми. Я сказала Хатчфилду, что об этом думаю. Ну, вы догадываетесь, – чтобы он присовокупил свое желание к татуировкам на заднице.

Я только что потеряла маму и совсем не хотела потерять отца.

– Все в порядке, Кэсси, – сказал папа.

– Мы не знаем, кто они, – возразила я ему. – А вдруг это бсоры, папа?

Бсоры – так в городе сокращенно называли бандитов с оружием. Подонки убивали, насиловали, похищали детей, мародерствовали. Они были пеной Третьей волны. Это из-за них мы заколачивали окна и двери и запасались едой и стволами. Не пришельцы были первыми, кто вынудил нас готовиться к войне, это сделали бсоры.

– Они просто соблюдают меры предосторожности, – сказал мне папа. – Я бы на их месте так же поступал. – После этих слов он похлопал меня по плечу: – Все будет нормально, Кэсси.

А мне хотелось сказать: «Черт, старик, если ты еще раз так снисходительно похлопаешь, я...»

³ *Криско* – смесь растительных жиров. Изначально предназначалась для кулинарии, но вследствие очень скользкой консистенции нашла применение в областях, где нужна скользкая поверхность, в том числе и в сексе.

Папа отошел вместе с Хатчфилдом. Я не могла слышать, о чем идет разговор, но они оставались в поле зрения, и мне стало чуть-чуть легче. Я посадила Сэмми себе на колени и постаралась отвечать на вопросы Бродгена так, чтобы при этом не захватить ему в челюсть свободной рукой.

Ваши имена?

Откуда вы?

Кто-то из ваших близких инфицирован?

Можете ли сообщить какую-либо информацию о том, что происходит?

Что вы видели?

Что слышали?

Для чего вы здесь?

– Здесь – это в вашем лагере? Или вопрос экзистенциального характера? – поинтересовалась я.

Брови Бродгена сошлись на переносице и превратились в одну четкую линию.

– Чего? – спросил он.

– Если бы вопрос был задан до того, как началось все это дерьмо, я бы ответила: мы пришли, чтобы послужить человечеству. Если бы я хотела показаться шибко грамотной, ответила бы: если бы мы не пришли сюда, мы бы пришли еще куда-нибудь. Но раз уж все это дерьмо случилось, я отвечаю: мы пришли, потому что нам чертовски повезло.

Бродген секунду смотрел на меня с прищуром, а потом недовольным тоном спросил:

– Шибко грамотная, да?

Не знаю, как папа отвечал на эти вопросы, но, судя по всему, он прошел проверку. Нам разрешили поселиться в лагере со всеми привилегиями, папе (но не мне) даже было разрешено выбрать оружие на складе.

У папы всегда было особое отношение к оружию. Негативное. Раньше он считал, что оружие хоть и не убивает само, но безусловно облегчает убийство. А недавно пришел к мнению, что оружие не столько опасно, сколько бесполезно.

– По-твоему, пистолеты эффективны против технологии, которая опередила нашу на тысячи, если не миллионы лет? – спрашивал он Хатчфилда. – Все равно что отбиваться дубиной и камнями от тактических ракет.

Этот аргумент Хатчфилд не мог усвоить. Морпех есть морпех, о чем тут говорить! Ствол был его лучшим другом, верным боевым товарищем, ответом на все возможные вопросы.

Тогда я этого не понимала. Теперь понимаю.

13

В хорошую погоду все, пока не приходило время спать, находились снаружи. В ветхом бараке была плохая атмосфера. Эту атмосферу порождала сама причина постройки здания, причина его появления. По этой причине мы оказались в этом лесу. Были вечера, когда там царило благодушное настроение, почти как в летнем лагере, где каким-то чудом все нравятся друг другу. Кто-то скажет, что слышал днем рокот вертолета, после чего начнутся разговоры о том, что правительство, наверное, собралось с силами и готовит контрудар.

Были вечера, когда общее настроение падало и тревога давила на всех. Мы были счастливыми. Мы пережили электромагнитный импульс, удар цунами по берегам, чуму, которая унесла всех, кого мы знали и любили. У нас был шанс. Мы смотрели в лицо смерти, и смерть моргнула первой. Вы можете подумать, что благодаря этому мы обрели мужество и стали непобедимыми. Но это не так.

Мы были как японцы, которые выжили после взрыва бомбы над Хиросимой. Мы не понимали, почему живы, и не были уверены, что хотим оставаться в живых.

Мы рассказывали друг другу истории о своей жизни до Прибытия. Не скрывая слез, оплакивали близких и втайне проливали слезы по утраченным смартфонам, машинам, микроволновкам и Интернету.

Мы подолгу смотрели в ночное небо. Корабль-носитель, возможно, смотрел на нас своим злобным бледно-зеленым глазом.

Иногда начинались диспуты на тему «Куда идти дальше». Все прекрасно понимали, что мы не можем вечно сидеть в этом лесу.

Даже если в ближайшее время не придут иные, придет зима.

Надо бы найти убежище получше этого. Припасов у нас на полгода, а может, и меньше, все зависит от того, сколько еще беженцев придет в лагерь. Ждать спасения или отправиться на его поиски? Папа был за второй вариант. Он все еще хотел выяснить, что происходит в Райт-Паттер-соне. Если от правительства что-то осталось, найти эти остатки можно вероятнее всего на базе ВВС.

Мне все это надоело. Разговоры – не дела. Подмывало сказать папе, чтобы он предложил всем этим нытикам не рассусоливать, а пойти с нами в Райт-Паттерсон. А если кто-то не хочет, черт с ним, пусть остается.

Иногда, думала я, люди сильно преувеличивают значение количества.

Я отнесла Сэмми в дом и уложила на кровать, и мы прочитали его молитву: «Вот сейчас улягусь спать...» Для меня это был просто набор слов, и вместе с тем я чувствовала, что, если они дойдут до Бога, где-то нарушится данное обещание.

Ночь была ясной. Светила полная луна. Идея прогуляться по лесу показалась мне неплохой.

Кто-то в лагере брэнчал на гитаре, мелодия летела за мной по тропинке. Это была первая песня, которую я слышала после Первой волны.

And, in the end, we lie awake
And we dream of making our escape⁴.

Мне вдруг захотелось лечь, свернуться калачиком и заплакать. Или сорваться с места и бежать по лесу, пока ноги не откажут. Одолевали позывы рвоты. Я хотела кричать, пока из горла не пойдет кровь. Я хотела снова увидеть маму, Лизбет и всех моих друзей, и даже тех ребят, кто мне не нравился. И Бена Пэриша. Просто чтобы сказать, что любила его и быть его девочкой мне хотелось больше, чем жить.

Песня стихла, ее сменили куда менее мелодичные трели сверчков.

Хрустнула ветка.

Кто-то у меня за спиной крикнул:

– Кэсси! Подожди!

Я не остановилась. Я узнала этот голос. Наверное, сама себя сглазила, когда подумала о Бене. Так бывает, когда до смерти хочется шоколада, а у тебя в рюкзаке только раздавленный пакетик «Скитлс».

– Кэсси!

Он побежал. У меня не было настроения бегать, и я позволила себя догнать.

Это закон, который ничто не сможет отменить: единственный верный способ не быть одному – захотеть побыть одному.

– Ты что тут делаешь? – спросил Криско.

Он пыхтел как паровоз, раздувал красные щеки; виски блестели, наверное от жира с волос.

– А что, не видно? – выдала я в ответ. – Сооружаю ядерную бомбу, чтобы уничтожить корабль-носитель.

– Ядерное оружие тут не поможет. – Криско расправил плечи. – Надо делать пушку Ферми.

4 Из песни «Escapist» британской рок-группы «Колдплэй».

– Ферми?

– Это парень, который изобрел бомбу.

– Я думала, ее изобрел Оппенгеймер.

Мои знания как будто произвели впечатление на Криско.

– Ну, может, Ферми бомбу и не изобретал, но идея была его.

– Криско, ты придурок, – сказала я, но, решив, что это звучит грубо, добавила: – Правда, я не знала тебя до Вторжения.

– Надо вырыть глубокую яму, положить на дно боеголовку, залить водой и запечатать стальной крышкой в несколько тонн весом. Взрыв за секунду превратит воду в пар, а пар сорвет крышку, и она полетит в космос со скоростью в десять раз быстрее звука.

– Ага, – согласилась я, – кто-то точно соорудит такое. – Ты поэтому меня подкарауливал? Хочешь, чтобы я помогла тебе построить ядерную паровую катапульту?

– Можно тебя кое о чем спросить?

– Нет.

– Я серьезно.

– Я тоже.

– Если бы ты знала, что через двадцать минут умрешь, что бы ты сделала?

– Понятия не имею, – ответила я. – Но точно в эти двадцать минут обойдусь без тебя.

– Это почему? – Криско не стал ждать ответа, наверное догадался, что он ему не понравится. – А если я буду последним человеком на Земле?

– Если ты будешь последним человеком на Земле, меня рядом с тобой не будет.

– Ладно. А если мы с тобой будем последними на Земле?

– Тогда ты все равно будешь последним, потому что я убью себя.

– Я тебе не нравлюсь.

– Да что ты говоришь? Как догадался?

– Представь, что мы их увидели, прямо здесь. Вот они идут, чтобы нас прикончить. Что ты тогда сделаешь?

– Не знаю. Попрошу прикончить меня первой. К чему ты клонишь, Криско?

– Ты девственница? – вдруг спросил он.

Я присмотрелась к нему. Он был абсолютно серьезен. Но большинство тринадцатилетних пацанов серьезны, когда у них начинают играть гормоны.

– Имела я тебя, куда хочешь, – буркнула я, обошла его и направилась в лагерь.

Похоже, я выбрала слишком слабое ругательство. Криско потрусил за мной, и ни один волосок у него на голове при этом не шевельнулся. Как будто он носил блестящий черный шлем.

– Я серьезно, Кэсси, – пыхтел на бегу Криско. – Бывает такое, что каждая ночь может оказаться последней.

– Придурок, так было и до их появления.

Он схватил меня за руку и развернул к себе, а потом приблизил ко мне щекастую сальную физиономию. Я была на дюйм выше, но он имел перевес в двадцать фунтов.

– Ты правда хочешь умереть, даже не узнав, каково это?

– С чего ты взял, что я не знаю? – переспросила я и рывком высвободила руку. – Больше никогда ко мне не прикасайся.

Смена темы разговора.

Криско снова попытался схватить меня. Я отбила его руку левой рукой, а правой ладонью хорошенько треснула по носу. От удара кран открылся – из носа Криско потекла алая струйка крови.

– Сука! – задыхаясь, выругался Криско. – У тебя мог быть хоть кто-нибудь. Хоть кто-то из твоей гребаной жизни, кто еще жив.

Он разревелся и побежал по тропинке. Потом упал и скис. На него навалилось все разом, и он сдался. Это в точности как если ты лежишь под большим «бьюиком», и ощущение такое, что все хуже некуда, но будет еще хуже.

Вот черт.

Я присела на тропинку рядом с Криско и сказала, чтобы запрокинул голову, а он жаловался, что так кровь затекает в горло.

– Ты только никому не рассказывай, – умолял он. – Если расскажешь, пострадает моя репутация.

Я рассмеялась. Просто не смогла удержаться.

– Где ты этому научилась? – спросил Криско.

– Девочки-скауты.

– А за такое дают значки?

– Значки дают за все.

Вообще-то я семь лет занималась карате. Бросила в прошлом году. Даже не помню почему. Мне вроде нравилось тогда.

– Я тоже такой, – сказал Криско.

– Что?

Он сплюнул на землю сгусток крови и сказал:

– Девственник.

Вот это шок.

– С чего ты взял, что я девственница? – спросила я.

– Если бы у тебя был секс, ты бы меня не ударила.

14

На шестой день пребывания в лагере я в первый раз увидела беспилотник.

Блестящий и серый на фоне ярко-синего дневного неба.

Вдруг поднялась дикая суматоха, люди кричали и бегали по лагерю, хватались за оружие, размахивали шляпами и рубашками и просто ликовали, то есть плакали, обнимались, хлопали друг друга по ладоням. Они думали, что пришло спасение. Хатчфилд и Броден пытались всех успокоить, но безуспешно. Дрон пронесся по небу и скрылся за лесом. Потом вернулся, летя уже медленнее. С земли он был похож на аэростат. Папа с Хатчфилдом, присев в дверях барака, по очереди смотрели в бинокль.

– Крыльев нет. Без опознавательных знаков. Ты видел, как он в первый заход летел? Сверхзвуковой, точно, – говорил Хатчфилд и в ритм словам стучал кулаком по земле. – Эта штука внеземная, если только мы не выпустили какой-то секретный аппарат.

Папа с ним соглашался. Нас загнали в дома. Папа с Хатчфилдом продолжали стоять в дверях и передавать друг другу бинокль.

– Кэсси, это инопланетяне? – спросил Сэмми. – Они придут сюда?

– Тсс.

Я подняла голову и увидела, что за мной наблюдает Криско.

– Двадцать минут, – сказал он одними губами.

– Если придут, я их побью, – шепотом сказал Сэмми. – Всех прикончу карате!

– Правильно, – согласилась я и нервно погладила его по волосам.

– Я не собираюсь убегать, – продолжал Сэмми, – я их поубиваю за то, что они убили маму.

Дрон исчез. Позже папа сказал, что он ушел вертикально вверх и сделал это за долю секунды.

Мы среагировали на беспилотник, как среагировал бы любой на нашем месте.

Мы перепугались.

Некоторые побежали. Кто-то хватал все, что мог унести, и устремлялся в лес, кто-то срывался с места с пустыми руками и с ужасом в глазах. Никакие слова Хатчфилда не могли их остановить.

Не разбежавшиеся сидели в бараках до наступления ночи, а потом наша вечеринка ужаса перешла на новый круг.

Засекли нас или нет? Кто придет следом за дроном? Штурмовики, солдаты-клоны или роботы? Нас всех зажарят лазерными пушками?

Мы не осмелились зажечь керосиновые лампы, поэтому в бараке было темно, хоть глаз выколи. Прерывистый шепот, сдавленный плач. Мы лежали на койках и подскакивали при любом шорохе. Хатчфилд назначил в караул самых метких стрелков: «Что-то шевельнется – бей». Никто не мог выйти из барака без разрешения. А Хатчфилд никому его не давал.

Та ночь длилась тысячу лет.

Папа подошел ко мне в темноте и вложил что-то в руку.

Заряженный полуавтоматический «люгер».

– Ты же не веришь в оружие, – сказала я.

– Я много во что раньше не верил.

Одна женщина начала читать «Отче наш». Мы прозвали ее Мать Тереза. У нее были жидкие седые волосы, большие ноги и костлявые руки, и она ходила в вылинявшем синем платье. А еще она где-то потеряла свои зубные протезы. Мать Тереза постоянно перебирала четки и говорила об Иисусе. К ней присоединилось несколько человек. Потом еще несколько.

– Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

В этот момент ехидный враг Матери Терезы, единственный атеист в лагере «Погребальная яма», профессор Даукинс из колледжа, крикнул:

– Особенно этим, инопланетного происхождения!

– Ты отправишься в ад! – пообещал ему кто-то из темноты.

– А как я пойму, что там очутился? – крикнул он в ответ.

– Тихо! – негромко приказал Хатчфилд со своего места у двери. – Хватит молиться!

– Настал Судный день, – завывала Мать Тереза.

Сэмми передвинулся на кровати поближе ко мне. Я положила пистолет между ног. Сэмми мог схватить его и случайно прострелить мне голову.

– Да заткнитесь вы все! – сказала я. – Брата моего пугаете.

– Я не боюсь, – сказал Сэмми и сжал кулачок. – А ты боишься, Кэсси?

– Да, – ответила я и поцеловала его в макушку.

Волосы Сэмми пахли чем-то кислым, я решила, что помою его утром.

Если утро вообще наступит.

– Нет, ты не боишься, – сказал он. – Ты никогда ничего не боишься.

– Мне сейчас так страшно, что я даже описать могу.

Сэмми хихикнул. Он уткнулся в мое плечо лицом, и показалось, что оно горячее. Лихорадка? Так это обычно начинается. Я велела себе не поддаваться паранойе. Сэмми сотни раз бывал рядом с инфицированными и не заразился. «Багряное цунами» передается очень быстро, выжить может только тот, у кого есть иммунитет. У Сэмми есть иммунитет. Если бы у него не было иммунитета, он бы уже умер.

– Тебе лучше надеть подгузник, – поддразнил меня Сэмми.

– Может, так и сделаю.

– Если я пойду и долиною смертной тени...⁵ – Мать Тереза не собиралась замолкать.

В темноте щелкали ее четки. Даукинс, чтобы заглушить молитвы, громко запел «Три слепых мышонка». Я не могла решить, кто меня раздражает больше – фанатичка или циник.

– Мама говорила, что они могут быть ангелами, – ни с того ни с сего сказал Сэмми.

– Кто? – не поняла я.

– Когда инопланетяне появились в первый раз, я спросил маму, станут они нас убивать или нет. А мама сказала, что они, может, и не инопланетяне вовсе. Может, ангелы с небес. Как те, в Библии, которые разговаривали с Авраамом, и с Марией, и с Иисусом, и со всеми остальными.

– В ту пору они с нашим братом куда больше разговаривали, чем сейчас, – сказала я.

– А они стали нас убивать. Маму убили.

Сэмми заплакал.

⁵ Псалтырь, псалом 22.

– Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих...
 Я поцеловала Сэмми в макушку и потерла ему плечи.
 – Умастил елеем голову мою...
 – Кэсси, Бог нас ненавидит?
 – Нет... Не знаю.
 – А маму?
 – Конечно нет. Мама была хорошим человеком.
 – Тогда почему он позволил ей умереть?
 Я покачала головой с таким трудом, будто она весила двадцать тысяч тонн.
 – Чаша моя преисполнена...
 – Почему он позволил инопланетянам убивать нас? Почему Бог их не остановил?
 – Может, еще остановит, – медленно прошептала я; мне даже языком ворочать было тяжело.
 – Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей...
 – Не дай им меня забрать, Кэсси. Не дай мне умереть.
 – Ты не умрешь, Сэмс.
 – Обещаешь?
 Я пообещала.

15

На следующий день дрон вернулся.
 Или это был другой, в точности такой же. Вряд ли иные прилетели с одним беспилотником на борту.
 Дрон медленно плыл по небу. Никакого рокота или жужжания; он просто скользил, как приманка-мушка по гладкой воде. Мы все бросились в барак. В этот раз никаких команд не требовалось. Я обнаружила, что сижу на одной кровати с Криско.
 – Я знаю, что сейчас будет, – шепотом сказал он.
 – Помолчи, – тоже шепотом ответила я.
 Криско кивнул и продолжил:
 – Акустическая бомба. Знаешь, что происходит, когда на тебя обрушивают двести децибел? Лопаются легкие, и воздух попадает в кровь, а после этого разрывается сердце.
 – Где ты набрался всей этой чуши?
 Папа и Хатчфилд опять сидели на корточках возле открытых дверей. Несколько минут они смотрели в одну точку. Видимо, дрон завис на месте.
 – Вот, у меня для тебя кое-что есть, – сказал Криско.
 Кулон с бриллиантом. Трофей из ямы с пеплом.
 – Это отвратительно, – сказала я.
 – Почему? Я ведь его не украл. – Криско обиженно надул губы. – Я знаю, в чем дело. Я не тупой. Дело не в кулоне, дело во мне. Если бы ты считала, что я клевый парень, сразу бы взяла.
 Я задумалась над его словами. Если бы Бен Пэриш выкопал этот кулон из ямы с пеплом, приняла бы я его в подарок?
 – Я-то не думаю, что ты клевая, – добавил Криско.
 Вот это облом. Криско Расхититель Могил не думает, что я клевая девчонка.
 – Тогда почему решил мне это подарить?
 – Я вчера разнылся в лесу. Не хочу, чтобы ты меня за это ненавидела. Не хочу, чтобы считала меня червяком.
 Поздновато для извинений.
 – Мне не нужны украшения с мертвецов, – сказала я.
 – Им тоже, – кивнул Криско.

Он не собирался от меня отставать. Я отошла и села за спиной у папы. Через его плечо увидела серебристое пятнышко на безоблачном небе.

– Что происходит?

И только спросила, как точка исчезла. Я и глазом моргнуть не успела.

– Воздушная разведка, – выдохнул Хатчфилд. – Наверняка.

– У нас были спутники, которые с орбиты могли прочесть время на ручных часах, – тихо сказал папа. – Если мы с нашими примитивными технологиями были способны на такое, почему они, чтобы шпионить за нами, вынуждены покидать свой корабль?

– Есть версия получше? – Хатчфилду не нравилось, когда его слова ставились под сомнение.

– Возможно, им нет до нас дела, – сказал папа. – Эти штуки могут быть устройствами для замеров того, что нельзя измерить из космоса, атмосферными зондами к примеру. Или они ищут что-то, чего нельзя обнаружить, пока не будет нейтрализовано большинство из нас.

Папа вздохнул. Мне был знаком этот вздох. Он означал, что папа готов поверить в то, во что ему не хотелось бы верить.

– Хатчфилд, все сводится к одному простому вопросу. Зачем они здесь? Не для того, чтобы высосать из нашей планеты все ресурсы. Таких планет во Вселенной предостаточно, не надо лететь за сотни световых лет. И не для того, чтобы искоренить нас, хотя они явно вынуждены уничтожить большую часть человечества. Они ведут себя как хозяин, который выгоняет задолжавшего арендатора, чтобы можно было прибраться в доме перед вселением новых жильцов. Я думаю, все это делается с целью подготовить место.

– Подготовить? Для чего подготовить?

Папа безрадостно улыбнулся:

– Для переезда.

16

Час до рассвета. Наш последний день в лагере. Воскресенье.

Сэмми спит рядом со мной. Малыш уютно свернулся калачиком, одну руку положил на своего медвежонка, другую мне на грудь. Пухлый детский кулачок.

Лучшая часть дня. Первые его секунды, когда ты уже не спишь, но еще не заполнена никакими эмоциями. Ты забыла, где находишься, кем была раньше и кем стала теперь. Только дыхание, биение сердца и бег крови в венах. Ты как будто снова в утробе матери. Покой пустоты.

Вот с чем я сначала перепутала тот звук. С биением собственного сердца.

Тум-тум-тум. Сначала тихо, потом громче, потом настоящий грохот, так что ты кожей чувствуешь каждый децибел. По барaku пробежал луч света. Свет стал ярче. Люди вскакивают с коек, торопливо натягивают одежду, ищут свое оружие. Свет тускнеет, снова усиливается. По полу мечутся тени, избегают на потолок. Хатчфилд кричит, чтобы все сохраняли спокойствие. Его не слушают. Все узнали этот звук и поняли, что он означает.

Спасение!

Хатчфилд попытался загородить выход своим телом.

– Оставайтесь на месте! – кричал он. – Нам нельзя...

Его смели с дороги. Да, теперь нам все можно! Выбежав из барака во двор, мы махали вертолету. Это был «Блэк хоук». Черный вертолет на фоне предрассветного неба сделал еще один круг над лагерем. Нацеленный вниз луч прожектора слепил, но большинство из нас уже ослепло от слез. Мы прыгали, кричали, обнимались. Два человека размахивали американскими флажками. Помню, я тогда еще подумала: «Где они их раздобыли?»

Хатчфилд орал, чтобы мы вернулись в барак. Его никто не слушал. Он больше не был нашим начальником – прибыли люди от правительства.

А потом вертолет сделал последний круг и исчез так же неожиданно, как и появился. Стих рокот винтов, и все потонуло в гнетущей тишине. Мы ничего не понимали, и стало страшно. Они наверняка нас видели. Почему не приземлились?

Мы ждали, что вертолет вернется. Ждали все утро. Люди паковали свои пожитки, строили версии о том, куда нас могут переправить, какова там обстановка и сколько уже собралось выживших. «Блэк хоук»! Что еще уцелело после Первой волны? Мы мечтали об электрическом свете и горячем душе.

Никто не сомневался в том, что теперь, когда о нас узнало правительство, мы будем спасены. Помощь уже в пути.

Папа оставался папой. Он ни в чем никогда не был уверен.

– Могут и не вернуться, – сказал он.

– Не оставят же нас здесь, – сказала я. Иногда с папой надо было говорить так, будто он ровесник Сэмми. – Иначе зачем прилетали?

– Возможно, их задача – не спасение людей. Они могли искать что-то еще.

– Дрон?

Я имела в виду тот, который потерпел крушение недель раньше. Папа кивнул.

– Но все равно теперь они знают о нас, – сказала я. – И что-нибудь предпримут.

Папа снова кивнул. С отсутствующим видом, как будто думал о чем-то другом.

– Предпримут. – Он посмотрел мне в глаза. – С этого момента не разлучайся с Сэмми. Ты поняла меня, Кэсси? Не позволяй ему отходить. Пистолет не потеряла?

Я похлопала себя по карману. Папа обнял меня одной рукой и повел к складу. Там в углу лежал кусок старого брезента, папа отбросил его в сторону, и я увидела полуавтоматическую штурмовую винтовку М-16. Именно она, когда никого больше не останется, сделается моей верной подругой.

Папа поднял винтовку и осмотрел с рассеянным видом профессора.

– Что думаешь? – шепотом спросил он.

– О винтовке? Клевая.

Папа не стал делать мне замечаний, наоборот, даже усмехнулся. Показал, как она действует, как ее держать, как целиться, как перезаряжать.

– Вот, попробуй. – И папа протянул мне винтовку.

Думаю, его приятно удивило то, как быстро я все усвоила. У меня благодаря занятиям карате была отличная координация. На уроках танца такую не приобретешь.

– Она твоя, – сказал папа, когда я попыталась вернуть ее. – Я припрятал ее для тебя.

– Почему? – спросила я.

Не то чтобы я не хотела такое оружие, но подарок папы меня немного напугал. Пока все остальные радовались, папа учил меня, как обращаться со штурмовой винтовкой.

– Знаешь, как на войне определить, кто твой враг?

Папа говорил со мной, а взгляд метался по углам склада. Я не могла понять, почему он на меня не смотрит.

– Враг – тот, кто в тебя стреляет, вот как это определяется. Не забывай об этом. – Папа кивнул в сторону винтовки. – Не носи ее постоянно. Держи поблизости, но никому не показывай. Спрячь где-нибудь, только не в барке. Поняла?

Похлопывание по плечу. Этого недостаточно. Крепкие объятия.

– Теперь ступай найди Сэмми. Я должен поговорить с Хатчфилдом. И еще, Кэсси, если кто-то попытается отобрать у тебя эту винтовку, отправляй его ко мне. А если не отстанет, стреляй.

Папа улыбнулся. Только глаза оставались пустыми и холодными, как у акулы.

Мой папа был счастливчиком. Мы все были счастливчиками. Удача провела нас через первые три волны. Но даже самый опытный игрок скажет вам, что удача не длится бесконечно. Думаю, папа почувствовал это в тот день. Не то чтобы удача покинула нас. Никто не мог этого знать. Но я думаю, он понимал, что тех, кто останется в конце, нельзя будет назвать счастливчиками.

Это будет хардкор. Останутся те, кто пошлет удачу в задницу. Те, у кого сердце из камня. Те, кто способен убить сотню ради спасения одного. Те, кто готов признать, что сжечь деревню ради ее же спасения – мудрый поступок.

Мир отрахан до неузнаваемости.

А если тебя это не устраивает, ты просто ходячий труп в ожидании конца.

Я взяла М-16 и спрятала ее за деревьями возле тропинки, которая вела к погребальной яме.

17

Остатки моего мира были уничтожены днем в теплое солнечное воскресенье.

Сначала был рык дизельных двигателей, тарыхтение и стон колес, визг пневматических тормозов. Наши часовые обнаружили колонну задолго до того, как та подъехала к лагерю. Они заметили солнечные блики на стеклах и плюмаж из пыли, которую вздымали тяжелые колеса. Мы не бросились навстречу с цветами и поцелуями. Мы держались в стороне, а к колонне пошли только Хатчфилд, папа и еще четыре наших лучших стрелка. Все были немного напуганы и уже не испытывали такого энтузиазма, как утром.

Того, что мы ожидали с момента Прибытия, не случилось. То, чего мы не ожидали, случилось. В Третью волну потребовалось целых две недели, чтобы мы поняли: смертельный грипп – часть плана иных. И тем не менее ты продолжаешь верить в то, во что верил всегда, думать, как думал всегда, надеяться на то, на что надеялся всегда. Поэтому мы не задавались вопросом: «Спасут ли нас?» Мы спрашивали себя: «Когда нас спасут?»

И вот мы увидели именно то, что ожидали увидеть: большой грузовик с открытым кузовом, полный солдат; «хамви» с пулеметами и ракетными комплексами. Но мы все равно не побежали к ним навстречу.

А потом показались школьные автобусы.

Три автобуса ехали один за другим, бампер к бамперу.

Три школьных автобуса с детьми.

Такого никто не ожидал. Как я уже говорила, это было до жути нормально. Сюрреализм. Кто-то из нас даже рассмеялся. Желтые школьные автобусы! Где же чертова школа?

Несколько напряженных минут мы слышали только урчание моторов и приглушенные крики и смех детей в автобусах. Потом папа оставил Хатчфилда с начальником колонны и подошел к нам с Сэмми. Нас сразу окружили люди – узнать, что происходит.

– Они из Райт-Паттерсона, – взволнованно сказал папа. – И судя по всему, уцелело гораздо больше военных, чем мы предполагали.

– Почему они в противогазах? – спросила я.

– Меры предосторожности, – ответил папа. – С начала эпидемии они были изолированы. Мы можем быть переносчиками инфекции.

Папа посмотрел вниз, на Сэмми, который стоял, обхватив меня обеими руками за ногу.

– Они приехали забрать детей, – сказал папа.

– Зачем? – спросила я.

– А как же мы? – возмутилась Мать Тереза. – Нас они не собираются отсюда забирать?

– Комендант сказал, что они за нами вернутся. – Папа взглянул на Сэмми. – Сейчас у них есть места только для детей.

– Они не разлучат нас, – сказала я ему.

– Конечно нет.

Папа вдруг развернулся и зашагал к барaku. Обратно он пришел с моим рюкзаком и мишкой Сэмми.

– Ты поедешь с ним.

Папа меня не понял.

– Я не собираюсь уезжать без тебя.

Что происходит с такими людьми, как мой папа? Стоит появиться какой-нибудь важной шишке, и у них сразу выветриваются все мозги.

– Ты слышала, что он сказал! – визгливо крикнула Мать Тереза. – Только дети! Если кто-то еще имеет право поехать, то это я... женщины. Да, так всегда делается. Первые – женщины и дети. Женщины и дети!

Папа не обращал на нее внимания. Он хотел положить руку мне на плечо, но я увернулась.

– Кэсси, в первую очередь они должны увезти в безопасное место самых слабых и беззащитных. Я приеду через несколько часов...

– Нет! – крикнула я. – Мы или останемся вместе, или вместе уедем. Скажи им, что мы прекрасно продержимся до их возвращения. Я могу позаботиться о Сэмми. Я всегда о нем заботилась.

– И ты будешь о нем заботиться, Кэсси, потому что поедешь с ним.

– Без тебя не поеду. Папа, я не оставлю тебя здесь.

Папа улыбнулся мне, как улыбаются малышам умиленные их лепетом взрослые.

– Я не пропаду.

У меня не хватало слов, я словно проглотила раскаленный уголь. Чувствовала, что, если нас разлучат, это будет конец нашей семьи; если оставлю папу, то больше никогда его не увижу.

Папа оторвал Сэмми от моей ноги, потом свободной рукой ухватил меня за локоть и зашагал к автобусам. Лица солдат прятались под противогазами, похожими на головы насекомых, но на зеленых мундирах я видела нашивки с фамилиями.

Грин.

Уолтер.

Паркер.

Хорошие простые американские фамилии.

Бойцы стояли прямо, но расслабленно, спокойные и в то же время готовые к бою.

В общем, именно так и должны выглядеть настоящие солдаты.

Мы подошли к последнему автобусу. Дети в салоне кричали и махали нам руками. Они вели себя так, будто их ждало большое приключение.

Солдат внушительного телосложения, который стоял у дверей в автобус, поднял руку. На его нашивке значилось: капрал Бранч.

– Только дети, – сказал капрал приглушенным из-за противогаза голосом.

– Я понимаю, капрал, – кивнул папа.

– Кэсси, почему ты плачешь? – спросил Сэмми и потянулся ручонкой к моему лицу.

Папа опустил его на землю и присел рядом на корточки.

– Ты едешь в путешествие, Сэмс, – сказал папа. – Эти хорошие военные дяди отвезут тебя в безопасное место.

– А ты что, не поедешь? – Сэмми вцепился в папину рубашку.

– Да, папа поедет, только не сейчас. Но скоро, очень скоро.

Папа прижал Сэмми к себе. Последнее объятие.

– Веди себя хорошо. Слушайся военных дяденек. Хорошо?

Сэмми кивнул и вложил свою ладошку в мою:

– Идем, Кэсси. Мы поедem на автобусе!

Черный противогаз резко повернулся в нашу сторону, рука в перчатке снова поднялась вверх.

– Только мальчик.

Я попыталась объяснить ему, куда он может засунуть свои приказы. Мне и так было тошно от того, что папа остается, и Сэмми я не собиралась отпускать одного.

– Только мальчик, – оборвал мою тираду капрал.

– Это его сестра, – попытался урезонить военного папа. – И она тоже еще ребенок. Ей только шестнадцать.

– И все равно она останется, – сказал солдат.

– Тогда он никуда не поедет. – Я крепко обхватила Сэмми.

Этому капралу, если он намерен забрать моего братика, придется сначала оторвать мне руки.

Капрал молчал. Так прошло несколько неприятных секунд. Стекла противогаза злобно отражали солнечный свет. Меня подмывало сорвать маску и плюнуть капралу в физиономию.

– Хочешь, чтобы он остался?

– Я хочу, чтобы он был со мной, – поправила я капрала. – В автобусе или здесь. Где угодно, но он останется со мной.

– Нет, Кэсси, – сказал папа.

Сэмми заплакал. Он понял: папа и военный дядя против нас с ним. И нам не победить.

– Хорошо, он может остаться, – сказал капрал. – Но в таком случае мы не гарантируем его безопасность.

– Да неужели? – прокричала я в его насекомью морду. – А чью безопасность вы вообще способны гарантировать?

– Кэсси... – начал папа.

– Ни хрена вы не можете гарантировать! – орала я.

Капрал проигнорировал мои крики.

– Вам решать, сэр, – сказал он.

– Папа! – сказала я. – Ты слышал – Сэмми может остаться с нами.

Папа закусил нижнюю губу, потом поднял голову и почесал подбородок, его глаза смотрели в пустое небо. Он думал о дронах, о том, что знал, и о том, чего не знал. Он прикидывал шансы, просчитывал возможности и не обращал внимания на слабый голосок, который просил из глубин подсознания: «Не отпускай его!»

И папа, конечно, принял самое разумное решение. Он был разумным взрослым человеком, а разумные взрослые всегда поступают именно так.

Они принимают разумные решения.

– Ты права, Кэсси, – в конце концов сказал папа. – Они не могут гарантировать безопасность... никто не может. Но некоторые места менее опасны, чем другие. – После этого папа взял Сэмми за руку. – Идем, парень.

– Нет! – закричал Сэмми, слезы ручьями текли по его красным щекам. – Не пойду без Кэсси!

– Кэсси приедет, – сказал папа. – Мы вместе сразу приедем за тобой.

– Я буду его защищать! Буду за ним приглядывать! Не позволю, чтобы с ним что-нибудь случилось! – уговаривала я папу. – Они же еще вернутся за нами! Мы просто подождем их здесь.

Я потянула папу за рубашку и сделала умоляющее лицо. Это всегда помогало мне добиться желаемого.

– Пожалуйста, папочка, не делай этого. Это неправильно. Мы не должны разлучаться, мы должны держаться вместе.

Мои мольбы остались без ответа. Лицо папы снова стало суровым.

– Кэсси, скажи своему брату, что все будет хорошо.

Я так и сделала. После того как сказала себе. Сначала я сказала себе, что надо доверять папе, доверять правительству. Надо верить в то, что иные не превратят в пепел школьные автобусы с детьми. Надо верить в то, что вера не исчезнет, как исчезли компьютеры, попкорн и голливудские фильмы, где в финале подонки с планеты Ксеркон терпят сокрушительное поражение.

Я опустила на колени перед братиком.

– Ты должен поехать, Сэмс, – сказала я.

Сэмми выпятил пухлую нижнюю губу и прижал к груди мишку.

– Кэсси, а кто будет обнимать тебя, когда ты испугаешься?

Сэмми был совершенно серьезен, у него даже появилась морщинка между бровей, совсем как у папы. Я чуть не рассмеялась.

– Я больше ничего не боюсь. И ты не должен бояться. Нас нашли военные, они позаботятся, чтобы с нами ничего не случилось. – Я подняла голову и посмотрела на капрала Бранча. – Правильно?

– Правильно.

– Он похож на Дарта Вейдера, – шепотом сказал мне Сэмми. – И голос такой же.

– Ага. Но ведь ты помнишь, что случилось с Вейдером? В конце он стал хорошим парнем.

– Только сначала взорвал целую планету и убил много людей.

Я не могла не рассмеяться. Какой же наш Сэмми умница. Иногда мне казалось, что он умнее меня и папы вместе взятых.

– Ты приедешь, Кэсси?

– Можешь не сомневаться.

– Обещаешь?

Я пообещала. Приеду. Приеду, что бы ни случилось.

Это все, что он хотел услышать.

Сэмми протянул мне своего мишку.

– Сэмс?

– Будет с тобой, когда испугаешься. Ты его не бросай. – Сэмми поднял пальчик, чтобы подчеркнуть важность своих слов. – Не забудь свое обещание. – Сэмми протянул руку капралу. – Веди меня, Вейдер!

Рука в перчатке поглотила пухленькую ладошку Сэмми. Первая ступенька была слишком высока для его роста. Когда Сэмми забрался по лесенке и появился в проходе, дети завизжали от радости и захлопали в ладоши.

Мой брат был последним пассажиром. Двери закрылись. Папа попытался меня обнять, я шагнула в сторону. Заурчал двигатель, пшикнули пневматические тормоза.

А еще было лицо Сэмми у залапанного стекла и его улыбка. Желтый Х-крылый истребитель набрал сверхсветовую скорость и унес его в далекую галактику, остался только след из клубящейся пыли.

18

– Идемте, сэр, – вежливо сказал капрал, и мы пошли за ним обратно в лагерь.

Два «хамви» эскортировали школьные автобусы в Райт-Паттерсон, остальные стояли «мордами» к баракам и складу. Дула смотрели в землю, словно пулеметные установки были головами каких-то дремлющих металлических существ.

В лагере было пусто. Все, даже военные, ушли в барак.

Все, кроме одного.

Когда мы вошли на территорию лагеря, из складского сарая к нам навстречу вышел Хатчфилд. Не знаю, что сияло ярче – его бритая голова или улыбка до ушей.

– Великолепно, Салливан! – торжествующе пробасил он. – А ты еще хотел смотать удочки после первого дрона.

– Похоже, я ошибался. – Папа натянуто улыбнулся.

– Через пять минут подполковник Вош проведет инструктаж. Но сначала отдай игрушку.

– Что отдать?

– Оружие. Приказ подполковника.

Папа посмотрел на сопровождавшего нас капрала. Капрал посмотрел на него пустыми черными глазами противозаза.

– Почему? – спросил папа.

– Тебе надо объяснить? – Улыбка Хатчфилда осталась на месте, но глаза сузились.

– Да, не помешало бы.

– Это СОП, Салливан. Стандартная оперативная процедура. – Хатчфилд разговаривал с папой как с умственно отсталым. – В военное время толпа неподготовленных, неопытных штатских с оружием – проблема.

Он протянул руку. Папа медленно снял с плеча винтовку. Хатчфилд выхватил у него оружие и снова исчез на складе.

Папа повернулся к капралу и спросил:

– Кто-нибудь выходил на контакт с... – Он не сразу нашел подходящее слово. – С иными?

Ответ был односложным:

– Нет.

Хатчфилд вышел со склада и лихо отдал честь капралу. Это его стихия, он снова со своими братьями по оружию. Он был так возбужден – казалось, еще секунда, и обмочится от счастья.

– Все стволы сданы и сосчитаны, капрал.

«Кроме двух», – подумала я и посмотрела на папу.

У него ни один мускул на лице не дрогнул, если не считать маленьких, вокруг глаз. Дернулись под левым, дернулись под правым: «Нет».

Мне в голову пришла только одна причина, почему он так сделал. Когда я думаю об этом, когда я слишком много об этом думаю, я начинаю ненавидеть отца. Ненавижу за то, что он не доверился своим инстинктам, за то, что не прислушался к слабому голосу, который наверняка шептал ему: «Это неправильно. Что-то здесь не так».

Я ненавижу его прямо сейчас. Если бы он был здесь, я бы врезала ему по лицу за то, что он был таким глухим тупицей.

Капрал пошел к барaku. Пришло время подполковнику Вошу проводить инструктаж.

Пришел конец.

19

Воша я узнала сразу.

Стоит в дверях. Очень высокий. Единственный из людей в военной форме не держит на груди винтовку.

Мы вошли в бывший госпиталь-морг, и Вош кивнул капралу. Тот козырнул и занял место в одной из шеренг.

Да, вот так это было: солдаты стояли вдоль трех стен, а беженцы сгруппировались между ними.

Папа нашел мою руку и сжал; в другой руке я держала мишку Сэмми.

«Как тебе это, пап? Твой внутренний голос зазвучал громче, когда ты оказался окружен людьми с оружием? Поэтому ты схватил меня за руку?»

– Отлично, теперь мы можем получить ответы? – крикнул кто-то, когда мы вошли внутрь.

Все заговорили одновременно – все, кроме солдат. Люди выкрикивали вопросы:

– Они уже приземлились?

– На кого похожи?

– Кто они?

– Что за серые корабли мы видели в небе?

– Когда нас отсюда увезут?

– Сколько выживших вы обнаружили?

Вош поднял руку, призывая нас к тишине. Это сработало, но только наполовину.

Хатчфилд четко отдал честь подполковнику и доложил:

– Контингент лагеря в полном составе, сэр!

Я быстро пересчитала беженцев.

– Нет! – Чтобы быть услышанной, мне пришлось повысить голос. – Не все! – Я посмотрела на папу. – Здесь нет Криско.

Хатчфилд нахмурился.

– Кто этот Криско? – спросил он.

– Гаденыш... мальчишка...

– Мальчишка? Значит, уехал на автобусе с другими.

«С другими». Сейчас, когда я об этом думаю, это звучит даже забавно. Забавно в извращенном понимании.

– Нам надо, чтобы в этом здании собрались все люди, – сказал Вош из-под своего противогаза.

У него был очень низкий, какой-то утробный голос.

– Он, наверное, перепугался, – предположила я. – Криско такой размазня.

– Куда он мог пойти? – спросил Вош.

Я покачала головой – не знаю. А потом догадалась, то есть я точно знала, где искать Криско.

– Яма с пеплом.

– Где эта яма?

– Кэсси, – подал голос папа и сильно сжал мне руку, – почему бы тебе не пойти и не привести Криско, чтобы подполковник мог начать инструктаж?

– Мне? – не поняла я.

Думаю, к тому моменту внутренний голос папы уже кричал, но я его не слышала, а папа не мог об этом сказать. Он мог только попытаться мне что-то сообщить глазами. Например, вот это: «Кэсси, знаешь, как на войне определить, кто твой враг?»

Не знаю, почему папа не вызвался пойти со мной. Может, подумал, что они ни в чем таком ребенка не заподозрят и хоть у кого-то из нас получится... по крайней мере, у меня будет шанс.

Может быть.

– Хорошо, – сказал Вош.

Он ткнул пальцем в сторону Бранча: «Пойдешь с ней».

– Она справится, – сказал папа. – Этот лес знает как свои пять пальцев. Пять минут, да, Кэсси? – Папа посмотрел на Воша и улыбнулся: – Пять минут.

– Не тупи, Салливан, – сказал Хатчфилд. – Она не может выйти из лагеря без сопровождения.

– Да, конечно, – согласился папа. – Хорошо. Конечно, ты прав.

Папа наклонился ко мне и обнял. Объятие было не слишком крепким и не слишком долгим. Прижал – отпустил. Ничего похожего на прощание.

«До свидания, Кэсси».

Бранч повернулся к своему командиру и спросил:

– Первый приоритет, сэр?

Вош кивнул:

– Первый приоритет.

Мы вышли под яркое солнце – мужчина в противогазе и девочка с плюшевым мишкой. Прямо напротив нас два солдата стояли, прислонившись к «хамви». Когда мы шли к госпиталю, я их не видела. При нашем появлении они вытянулись в струнку. Капрал Бранч показал им большой палец, а потом поднял вверх указательный.

«Первый приоритет».

– Далеко это? – спросил он меня.

– Нет, недалеко, – ответила я.

Собственный голос показался мне тоненьким. Наверное, это плюшевый мишка тянул меня обратно в детство.

Бранч шел за мной по тропинке, которая змейкой убегала в чащу, винтовку он держал перед собой стволом вниз. – Сухая земля скрипела под тяжелыми коричневыми ботинками капрала.

День стоял теплый, но в лесу было прохладно. Мы прошли мимо дерева, за которое я спрятала М-16. Я не оглянулась на капрала – продолжала идти дальше, к поляне.

Да, он там был. Маленький подонок стоял по колено в человеческом пепле и костях и выуживал бесполезные, ничего не стоящие безделушки. Эти вещи в конце пути, куда бы ни вел этот путь, должны были превратить его в большую шишку.

Он оглянулся, когда мы вышли из-за деревьев. Его волосы блестели от пота и дряни, которой он их смазывал, а щеки были в черных полосах сажи.

Увидев нас, Криско спрятал руку за спину. Что-то серебристо блеснуло на солнце.

– Привет! Кэсси, это ты? Тебя не было в лагере, я решил поискать и пришел сюда, и увидел тут... вот это...

– Это он? – спросил меня капрал.

Он снял винтовку с плеча и шагнул вперед.

Мы стояли в такой очередности: я, капрал и дальше Криско в яме с человеческими костями и пеплом.

– Да, – сказала я, – это Криско.

– Меня зовут не Криско, мое настоящее имя...

Я так и не узнала, каким было настоящее имя Криско.

Я не слышала выстрела. Я не видела, как капрал вытащил пистолет из кобуры, но я и не смотрела на него, я смотрела на Криско. Его голова откинулась назад, будто кто-то резко дернул за грязные волосы. Он согнулся пополам и упал лицом вперед, сжимая в руке свой трофей.

20

Моя очередь.

Девочка с рюкзаком и с дурацким плюшевым мишкой стоит в двух ярдах от убийцы в военной форме.

Капрал развернулся кругом и вытянул руку вперед. Что было дальше, у меня стерлось из памяти. Не помню, как выронила мишку и выхватила из заднего кармана «люгер». Я даже не помню, как нажала на спусковой крючок.

Следующее, что я помню четко, – это как разлетается вдребезги стеклянный визор противогаза.

Капрал падает на колени в двух шагах от меня.

Я вижу его глаза.

Его три глаза.

Естественно, я потом осознала, что на самом деле у него два глаза. Третий был черным входным отверстием от пули, которая угодила ему между бровей.

Наверное, у него был шок, когда он вдруг увидел, что я целюсь ему в лицо. И он промедлил. Сколько это длилось? Секунду? Меньше секунды? Но в эту миллисекунду вечность свернулась, как гигантская анаконда. Если вы когда-нибудь побывали в аварии или пережили какую-нибудь другую смертельную опасность, вы знаете, о чем я. Сколько длится автомобильная авария? Десять секунд? Пять? Но если вы внутри аварии, кажется, что она длится целую жизнь.

Капрал ткнулся лицом в землю. В том, что я его убила, не могло быть сомнений. Пуля проделала в затылке дыру размером с блюдце.

Но я не опустила пистолет. Я пятилась к тропинке и продолжала целиться ему в темя.

Потом развернулась и сломя голову помчалась по лесу.

В неправильном направлении.

К лагерю.

Глупо. Но я тогда не думала. Мне шестнадцать, и я впервые выстрелила человеку прямо в лицо.

Я попала в беду и просто хочу вернуться к папе.

Папа должен все исправить.

Ведь это то, что делают папы. Они все исправляют.

Мой мозг сначала не фиксировал звуки. По лесу эхом прокатились отрывистые автоматные очереди и крики людей, но они не проникали в мое сознание. В моем сознании запечатлелись другие картинки: голова Криско откидывается назад, он падает в серый пепел, как будто его скелет превратился в желе; убийца делает пируэт, и на стволе его пистолета вспыхивает солнечный блик.

Мир взорвался. Его осколки дождем сыпались вокруг меня.

Это было начало Четвертой волны.

Я успела затормозить на границе лагеря. Горячий запах пороха. Ключки дыма вырываются из окон барака. Какой-то человек ползет к складскому сараю.

Это был мой папа.

Его спина согнулась дугой. Лицо было в грязи и крови. За папой по земле тянулась дорожка из крови.

Он оглянулся как раз в тот момент, когда я вышла из-за деревьев.

«Кэсси, нет!» – прочитала я по его губам.

Потом его руки подломились, и он замер на земле.

Из барака появился военный. Легкой кошачьей походкой он двинулся к папе – руки свободно опущены, плечи расслаблены.

Я отступила за деревья и подняла пистолет. Но между нами было больше ста футов. Если бы я промахнулась...

Это был Вош. Он казался даже выше, когда стоял над лежащим папой. Папа не шевелился. Я думаю, он притворялся мертвым.

Но это было не важно.

Вош все равно в него выстрелил.

Не помню, чтобы я издала какой-то звук, когда он нажал на спусковой крючок. Но, видимо, я что-то такое сделала, что подействовало на органы чувств Воша. Черный противогаз резко повернулся, солнце отразилось в стеклянном щитке. Вош поднял указательный палец, а потом ткнул большим пальцем в моем направлении. Жесты предназначались для двух солдат, которые к этому моменту вышли из барака.

Первый приоритет.

21

Они рванули в мою сторону, как гепарды. Никогда в жизни не видела, чтобы кто-то так быстро бегал. Сравниться с ними в скорости могла только перепуганная до смерти девчонка, у которой на глазах застрелили ее беспомощного отца.

Лист, ветка, вьюн, ежевика. Воздух свистит в ушах. Скорострельный топот моих ног по тропинке.

В зеленом куполе леса синие обрывки неба, клинки солнечных лучей вонзаются в потрескавшуюся землю. Взорванный мир раскачивается из стороны в сторону.

Приблизившись к тому месту, где был спрятан последний подарок отца, я сбавила скорость. Моя ошибка. Крупнокалиберные пули бьют в ствол дерева в двух дюймах от моего уха. Измельченная кора летит мне в лицо. Тонкие, с волосок, щепки впиваются в щеку.

«Кэсси, знаешь, как на войне определить, кто твой враг?»

Мне от них не убежать.

Отстреляться не получится.

Может, получится их перехитрить?

Они вышли на поляну и первое, что увидели, – тело капрала Бранча (или того существа, которое называло себя капралом Бранчем).

– Один есть, – услышала я голос солдата.

Хруст ботинок в яме с костями и пеплом.

– Трупы.

Статические помехи, потом:

– Подполковник, у нас Бранч и один неопознанный штатский. Никак нет, сэр. Бранч ПВБ⁶. Повторяю, Бранч ПВБ. – Дальше он говорит со своим товарищем, который стоит возле тела Криско: – Вош хочет, чтобы мы незамедлительно вернулись.

Пока он выбирался из ямы, снова хрустели кости.

– Это она сбросила.

Мой рюкзак. Я попыталась закинуть его как можно дальше в лес, но он ударился о дерево и приземлился у дальнего края поляны.

– Странно, – сказал первый.

– Все нормально, – ответил его приятель. – «Глаз» о ней позаботится.

«Глаз»?

Голоса стихли. Вернулся покой и звуки леса. Шепот ветра. Пение птиц. Где-то в подлеске сутилась белка.

Но я все равно не шевелилась. Как только у меня появлялось желание бежать, я сразу его подавляла.

«Теперь не спеши, Кэсси. Они сделали то, зачем пришли. Ты должна оставаться здесь до темноты. Не шевелись!»

И я не шевелилась. Я ждала без движения на ложе из праха и костей, меня укрывал пепел жертв.

Я старалась не думать об этом.

О том, что меня укрывает.

А потом я подумала: «Эти кости были людьми, и эти люди спасли мне жизнь».

И после этого уже не было так жутко.

Это были просто люди. Они не хотели оказаться в погребальной яме, так же как не хотела этого я. Поэтому я лежала тихо-тихо.

Это может показаться странным, но я как будто чувствовала их руки. Они обнимали меня – теплые и мягкие руки умерших людей.

Не знаю, сколько я пролежала в объятиях мертвых. Казалось, что часы. Когда я наконец поднялась, солнечный свет приобрел золотистый оттенок, а воздух стал чуть прохладнее. Я с головы до ног была в сером пепле. Наверное, смахивала на воина из племени майя.

«Глаз о ней позаботится».

Если он говорил о дроне, то это не просто беспилотник, произвольно барражирующий над местностью. Предназначение такого летательного аппарата – не только уничтожение выживших после Третьей волны, способных инфицировать не затронутых эпидемией.

Возможно, дрон гораздо опаснее, чем нам казалось.

Но альтернативный вариант может быть еще хуже.

Я поспешила за рюкзаком. Лес звал меня к себе. Чем дальше я уйду от убийц, тем лучше. Потом я вспомнила про папин подарок, припрятанный в начале тропинки, буквально в одном плевке от лагеря.

Черт, надо было спрятать его в яме!

Винтовка уж точно эффективнее пистолета.

Вокруг было тихо. Даже птицы умолкли. Только ветер пробежал по холмикам пепла и подкидывал его в воздух, а пепел разлетался и плясал в золотых лучах солнца.

Они ушли. Мне ничто не угрожало.

⁶ ПВБ – погиб в бою.

Но я не слышала, как они уезжали. Должна же я была уловить рев грузовика и рычание «хамви»?

Потом я вспомнила, как Бранч шагнул в сторону Криско.

«Это он?»

И закинул винтовку на плечо.

Винтовка. Я крадучись пошла к его телу. Звук собственных шагов грохотал у меня в ушах. Выдохи были, как маленькие взрывы.

Бранч упал лицом вперед прямо к моим ногам. Теперь он лежал лицом кверху, хотя большая часть его лица была спрятана под маской противогаза.

Пистолет и винтовка капрала исчезли. Должно быть, их забрали солдаты. Секунду я стояла не двигаясь. На тот момент движение было самой лучшей тактикой.

Это не был следующий этап Третьей волны. Это было что-то совершенно иное. Это явно было начало Четвертой. И возможно, Четвертая волна – гнусная пародия на «Близкие контакты третьей степени». Может быть, Бранч не был человеком и носил противогаз, как маску.

Я опустилась на колено рядом с мертвым капралом, крепко схватила за край маски и потянула вниз. Тянула, пока не увидела его глаза. Карие, очень похожие на человеческие, глаза слепо смотрели мне в лицо. Я потянула дальше.

Остановилась.

Я хотела и не хотела увидеть. Мне хотелось узнать, но я не хотела знать.

«Уходи отсюда, Кэсси. Это не важно. Или важно? Нет. Это не важно».

Порой ты разговариваешь с собственным страхом, например говоришь: «Это не важно». Как будто гладишь по голове громадного пса.

Я встала. Да, это действительно не важно. Я подняла с земли мишку и зашагала через поляну.

Но что-то меня тормозило. Я не пошла в лес, не поспешила увеличить расстояние между собой и лагерем – единственное, что давало мне шанс на спасение.

Наверное, это плюшевый мишка так на меня подействовал. Когда я подняла его с земли, у меня перед глазами возникло лицо брата. Он прижимался к стеклу заднего окна в автобусе. Его голос звучал у меня в голове: «Будет с тобой, когда ты испугаешься. Ты его не бросай».

Я чуть не забыла. Если бы не пошла проверить, осталось ли у Бранча оружие, точно забыла бы. Капрал упал прямо на бедного мишку.

«Ты его не бросай».

Кроме папы, я в лагере не видела убитых. Что, если кто-то пережил эти три минуты вечности в бараке? Там могут быть раненые, которых оставили умирать.

Поэтому я не уходила. Если фальшивые вояки уехали, а в лагере есть живые, не могу же я бросить их на произвол судьбы.

Проклятье!

Иногда внушаешь себе, что есть выбор, хотя на самом деле его нет. Понимаете, о чем я? Наличие альтернативы не означает, что эта альтернатива годится для тебя.

Я развернулась, обошла тело Бранча и по тропинке углубилась в лес, будто в сумеречный тоннель.

23

В третий раз я уже не забыла о винтовке. Я заткнула «люгер» за пояс, но с мишкой в руке вряд ли можно рассчитывать на меткую стрельбу, так что пришлось оставить его на тропинке.

– Все хорошо, я про тебя не забуду, – шепнула я мишке, сошла с тропинки и тихо зашагала между деревьев.

Подойдя ближе к лагерю, я легла на землю и до края леса доползла по-пластунски.

Теперь понятно, почему я не слышала, как они уезжают.

Вош разговаривал с двумя солдатами у входа на склад. Еще несколько военных болтались у одного из «хамви». Я насчитала семь, оставалось еще пять, которые находились вне поля зрения. Может, они ищут меня в лесу? Тело папы исчезло. Наверное, иные избавлялись от трупов. После того как увезли детей, в лагере осталось сорок два человека. За минуту от такого количества тел не избавиться.

Я оказалась права – именно это они и собирались сделать.

Только глушители избавляются от трупов не так, как это делаем мы.

Вош снял противогаз. Два солдата, которые были с ним, тоже. Я не увидела ни роострумов вместо рта, ни щупалец на подбородках. Они выглядели как самые обыкновенные люди. По крайней мере, на расстоянии.

В противогазах они больше не нуждались. Почему? Потому что игра кончилась. Мы поверили, будто они защищаются от возможного заражения.

Двое солдат из тех, что стояли у «хамви», поднесли к Вошу то ли чашу, то ли сферу такого же серого металлического цвета, как у дронов. Вош указал им между складом и баракком. Как раз туда, где упал мой папа.

Потом все, кроме одного, ушли. Оставшийся солдат опустил на колени рядом с серым шаром.

Завелись «хамви». К их дуэту добавился рык грузовика. Грузовик стоял у самого въезда в лагерь, так что мне его было не видно. Я совсем о нем забыла. Остальные солдаты, наверное, уже загрузились на борт и ждали. Чего же они ждали?

Оставшийся у шара солдат встал и рысцой побежал обратно к «хамви». Я наблюдала. Солдат залез на борт. «Хамви» круто развернулся вокруг оси. Клубы пыли поднялись и осели на землю, одновременно с ними на лагерь опустилась тишина летних сумерек. Тишина, как колокол, звенела у меня в ушах.

А потом серый шар засветился.

Это могло быть хорошо или плохо. Или не хорошо и не плохо. Любой вариант зависит от того, кто его рассматривает.

Шар оставили они, так что для них это было хорошо.

Свечение набирало силу. Тошнотворный желто-зеленый свет. Слабо пульсирует, как... как что? Маяк?

Я пристально смотрела в темнеющее небо. Появились первые звезды. Никаких дронов не видать.

Если это хорошо для них, значит, это может быть плохо для меня.

И стрелка от «может быть» склонялась к «точно».

Пульсация света ускорялась. Пульсацию сменили вспышки, потом мигание.

Пульсация...

Вспышки...

Мигание...

В сумерках светящийся шар походил на глаз. Этот желто-зеленый глаз подмигивал мне.

«„Глаз“ о ней позаботится».

Моя память сохранила все, что происходило дальше, как серию моментальных снимков, как стоп-кадры из какого-нибудь артхаусного фильма, который снимали неустойчивой ручной камерой.

Кадр 1. Сажу на заднице и, как рак, пачусь от лагеря в лес.

Кадр 2. Встала на ноги. Бегу. По сторонам мелькают смазанные пятна зеленого, коричневого, мшистого цвета.

Кадр 3. Мишка брата. Лапка, которую Сэмми слюнявил и грыз, когда был совсем маленьким, выскальзывает из моих пальцев.

Кадр 4. Вторая попытка подобрать проклятого мишку.

Кадр 5. На первом плане яма с пеплом. Я стою между телами Криско и Бранча. Прижимаю мишку к груди.

Кадры 6–10. Снова лес. Снова бегу. Если присмотритесь, увидите в левом углу десятого кадра овраг.

Кадр 11. Финальная картинка. Я зависла в воздухе над темным оврагом. Кадр сделан сразу после того, как я прыгнула с обрыва.

Я, свернувшись калачиком, лежала на дне оврага, а надо мной с ревом летела зеленая волна. Она уносила все, что оказалось на ее пути: деревья, землю, птиц, белок, сурков, всяких насекомых, то, что покоилось в яме на поляне, обломки бараков и склада, и первые два дюйма почвы в радиусе ста ярдов от взрыва. Я почувствовала ударную волну еще до приземления на дно оврага. На каждый дюйм моего тела обрушилось давление, от которого, казалось, затрещали кости. У меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

Я вспомнила слова Криско: «Знаешь, что происходит, когда на тебя обрушивают двести децибел?»

Нет, Криско, не знаю.

Но могу себе представить.

24

Все никак не заставлю себя не думать о том солдате с распятием, которого обнаружила за холодильниками для пива. Солдат и распятие. Может, поэтому я нажала на спуск? Не потому, что мне показалось, будто распятие – это пистолет. Я нажала на спусковой крючок, потому что он был солдатом или, по крайней мере, был в форме солдата.

Он не был ни Бранчем, ни Вошом. Он не был среди военных, которых я видела в тот день, когда погиб папа.

Не был и был одновременно.

Не был никем из них и был всеми ими.

Я не виновата. Так я себе говорю. Это они виноваты.

«Это они, не я, – сказала я мертвому солдату. – Хочешь кого-то обвинить, обвиняй других и отстань от меня».

Бежать равно умереть. Остаться равно умереть.

Лежа под «бьюиком», я соскальзывала в теплый сонный полумрак. Самодельный жгут практически остановил кровотечение, но каждый удар моего сердца отдавался в ране.

Помню, я тогда думала: «Все не так плохо. Умереть вообще не так уж и плохо».

А потом я увидела лицо Сэмми. Он прижимался носом к стеклу школьного автобуса и улыбался. Он был счастлив. Он чувствовал себя в безопасности – с ним другие дети, к тому же появились военные дяденьки, которые должны защищать его и следить за тем, чтобы все было хорошо.

Эта картинка преследует меня уже несколько недель. Будит по ночам. Возникает перед глазами, когда я совсем к этому не готова, например, когда читаю, или делаю припасы, или просто лежу в маленькой палатке и думаю о том, как жила до прихода иных.

В чем смысл?

Зачем они разыграли весь этот спектакль? Прибытие «спасителей», противогазы, мундиры, «инструктаж» в бараке. Зачем все это, если они могли просто сбросить один свой мигающий «глаз» с дрона и стереть нас всех с лица земли?

В этот холодный осенний день, когда я истекала кровью под «бьюиком», мне открылась правда. Это открытие ударило сильнее, чем пуля, которая прошила мою ногу.

Сэмми.

Им нужен был Сэмми. Нет, не только Сэмми, они хотели забрать всех детей. Чтобы заполучить детей, надо было войти к нам в доверие.

«Заставим людей поверить нам, заберем детей, а после убьем всех взрослых к чертям собачьим».

Но зачем тратить силы на спасение детей? За первые три волны погибли миллиарды, не похоже, чтобы иные питали слабость к детям. Почему они забрали Сэмми?

Я, не подумав, приподняла голову и ударилась лбом о днище «бьюика». Но даже не почувствовала боли.

Я не знаю, жив ли Сэмми. Вполне может быть, что я последний человек на Земле. Но я дала обещание.

Прохладный асфальт цепляется за спину.

Теплый луч солнца на щеке.

Онемевшими пальцами хватаюсь за дверную ручку, подтягиваюсь и отрываю свою несчастную задницу от земли.

О том, чтобы ступить на раненую ногу, лучше и не думать. На секунду прислоняюсь к машине, потом отталкиваюсь. Я стою на одной ноге, но стою прямо.

Я могу ошибаться, и они вовсе не собирались оставить Сэмми в живых. С момента прибытия я почти всегда ошибалась. Я вполне могу быть последним человеком на Земле.

Возможно... нет, скорее всего, я обречена.

Но если это так, если я последний представитель своего вида, последняя страница в истории человечества, то черта с два я позволю этой истории вот так закончиться.

Может, я и последняя, но я не червяк. Я стою прямо, и я способна повернуться лицом к безликому преследователю, который прячется в лесу у пустынного шоссе.

Потому что если я последняя – значит я и есть человечество.

А если это последняя битва человечества, то я – поле битвы.

II. «Страна чудес»

25

Зовите меня Зомби.

Болит все – голова, руки, ноги, спина, живот, грудь. Даже моргать больно. Так что я стараюсь не двигаться и поменьше думать о боли. Я стараюсь поменьше думать, точка. В последние три месяца я насмотрелся на зараженных, поэтому знаю, что меня ждет: весь организм, начиная с мозга, превратится в жижу. «Красная смерть» превращает твои мозги в пюре, а потом принимается за оставшиеся внутренности. Ты не понимаешь, где ты, кто ты, что ты. Ты превращаешься в зомби, в ходячего мертвеца. Это если еще можешь ходить. Но ходить ты уже не можешь.

Я умираю. В этом нет никаких сомнений. Семнадцать лет, а вечеринка уже окончена.

Короткая была вечеринка.

Полгода назад моей главной заботой был экзамен по химии, а потом надо было найти работу на лето, хорошо оплачиваемую работу, чтобы восстановить движок моего «корвета» шестидесят девятого года. Естественно, когда появился корабль-носитель, он переключил на себя часть моих мыслей, но вскоре интерес ослаб. Я, как все, смотрел новости и тратил кучу времени на забавные видео по этому поводу в YouTube. Все это происходило где-то далеко и меня не касалось.

Со смертью та же беда. Ты думаешь, что с тобой это не случится... пока это с тобой не случается.

Я знаю, что умираю. Никто не должен сообщать мне это известие.

Крис, парень, который делил со мной палатку до того, как я заразился, все равно решил взять на себя эту миссию.

– Чувак, похоже, ты умираешь, – сказал он, сидя на корточках у входа в палатку.

Он прижимал к носу грязную тряпку и смотрел на меня круглыми немигающими глазами.

Крис пришел меня проведать. Он лет на десять старше – похоже, относится ко мне как к младшему брату. А может, Крис пришел проверить, жив ли я, он отвечает за избавление от трупов в нашей части лагеря. Костры горят и днем и ночью. Днем лагерь беженцев вокруг

базы Райт-Паттерсон тонет в густом удушливом тумане. Ночью пламя костров окрашивает дым в темно-красный цвет, и кажется, сам воздух кровотоцит.

Я игнорирую замечание Криса и спрашиваю, нет ли новостей из Райт-Паттерсона. После атаки на побережье вокруг базы вырос целый палаточный городок, и там сейчас режим строгой изоляции. База закрыта – ни войти, ни выйти. Они пытаются сдержать «красную смерть». Так нам говорят. Время от времени хорошо вооруженные солдаты в защитных костюмах вывозят через главные ворота питьевую воду и продукты. Они говорят нам, что все будет нормально, а потом сматываются обратно. Мы вынуждены сами о себе заботиться. Нам нужны лекарства. Они говорят, что нет лекарства от чумы. Нам нужна санитария. Они раздают лопаты, чтобы мы выкопали канавы. Нам нужна информация.

Что, черт возьми, происходит?

Они говорят, что не знают.

– Они там ничего не знают, – сообщает мне Крис.

Он худой, как дистрофик, лысеет. Был бухгалтером, пока атаки не сделали бухгалтерию анахронизмом.

– Никто ничего не знает. Только слухи, которые все пересказывают друг другу, как новости. – Крис посмотрел на меня и сразу отвел взгляд, как будто мой вид причинил ему боль. – Хочешь, расскажу самые свежие?

Вообще-то нет.

– Конечно.

Это чтобы он посидел еще немного. Я знаю парня всего месяц, но других знакомых у меня не осталось. Лежу на старой походной койке в палатке с видом на серое небо. Мимо в клубах дыма проплывают силуэты, смутно напоминающие человеческие. Совсем как в фильмах ужасов. Иногда я слышу крики или плач, но мне не с кем поговорить.

– Чума – не их, она наша, – говорит Крис. – Утечка из секретной лаборатории после отключения электричества.

Я кашляю. Крис морщится, но не уходит. Он ждет, когда у меня закончится приступ кашля. Где-то на пути из прошлого в настоящее он потерял линзу от очков, и теперь левый глаз постоянно щурится. Крис хочет уйти и хочет остаться. Мне знакомо это чувство.

– Ирония судьбы, – задыхаясь, говорю я и чувствую привкус крови.

Крис пожимает плечами. Ирония? Иронии больше нет. Или ее стало так много, что теперь это слово для нее не годится.

– Это не наше. Только подумай об этом. Первые две атаки прогнали выживших с берега. Они устроили себе лагеря типа нашего. Большие скопления людей – отличная почва для распространения вируса. Миллионы фунтов человеческой плоти в одном месте – это же так удобно.

Гениально.

– Поднесли себя на блюдечке, – говорю я со всей иронией, на какую способен.

Я не хочу, чтобы Крис уходил, но и слушать его не хочу. Порой он пускается в разглагольствования и так расходится, что не может остановиться. Крис из тех парней, которые по любому поводу имеют свое мнение. Но что-то происходит, когда те, с кем ты знакомишься, умирают в течение нескольких дней. Ты становишься не слишком разборчивым и приобретаешь способность не замечать дефекты. Ты прощаешь личные заскоки, например, тебя может тошнить от вранья, но не выворачивает наизнанку.

– Они знают, как мы думаем, – говорит Крис.

– Как ты можешь знать, что они знают?

Я злюсь. Сам не понимаю почему. Наверное, завидую. Мы жили в одной палатке, пили одну и ту же воду, ели одну и ту же еду, но умираю только я, а не оба. Что в нем такого особенного?

– А я и не знаю, – скороговоркой отвечает Крис. – Единственное, что знаю, это то, что я больше ничего не знаю.

Где-то вдалеке раздается стрельба. Крис даже не реагирует. В лагере часто стреляют. Палят по птицам, отпугивают шайки воров. Некоторые выстрелы сигнализируют о самоубийстве – на конечной стадии можно показать чуме, кто здесь босс. Когда я только пришел в лагерь, мне рассказали о женщине, которая решила не ждать «четвертого всадника» и убила своих троих детей, а потом и себя. Я все никак не могу понять, это смелость или глупость. А потом перестал ломать голову. Кого волнует, какой была та женщина, если теперь она мертвая?

Крису больше не о чем мне рассказывать, и он явно собирается свалить. Как и большинство незараженных, Крис постоянно ждет, когда упадет второй ботинок⁷.

Першит в горле – от дыма или... Болит голова – от недосыпа, от голода или... Это тот момент в игре, когда ты посылаешь мяч, а боковым зрением видишь, как на тебя на полной скорости несется лайнбекер весом двести пятьдесят фунтов. Только этот момент длится до бесконечности.

– Завтра вернусь, – говорит Крис. – Тебе принести чего-нибудь?

– Воды, – отвечаю я, хотя уже не могу глотать.

– Будет тебе вода, старик.

Крис встает. Теперь я вижу только его измазанные в грязи штаны и ботинки с комками той же грязи на подошвах. Не знаю, откуда у меня уверенность, что больше Крису не увижу. Он не вернется, а если вернется, я этого не пойму. Мы не говорим «до свидания». Больше никто не говорит «до свидания». С тех пор как в небе появился зеленый глаз, это словосочетание имеет новое значение.

Дым скручивается спиралью в том месте, где только что сидел Крис, и уползает вслед за ним. Я достаю из-под одеяла серебряную цепочку, провожу большим пальцем по медальону в форме сердечка и подношу его к глазам. Замок сломался в тот вечер, когда я сорвал медальон с ее шеи, но мне удалось починить его с помощью щипчиков для ногтей.

Я смотрю в сторону выхода из палатки и вижу там ее. У нее на шее медальон, который я сжимаю в руке, поэтому я понимаю, что она ненастоящая, это вирус ее мне показывает. Вирус показывает разные картинки, и те, которые я хочу увидеть, и те, которые не хочу. Маленькая девочка у входа в палатку – и то и другое.

«Бабби, почему ты меня бросил?»

Образ девочки начинает мерцать, я тру глаза, и костяшки пальцев становятся мокрыми от крови.

«Ты убежал. Бабби, почему ты убежал?»

А потом дым разрывает девочку на части, расщепляет, превращает в ничто. Я зову ее. Видеть ее больно, но не видеть еще больнее. Я сжимаю медальон с такой силой, что цепочка режет мне ладонь.

Тянусь к ней. Бегу от нее.

Тянусь. Бегу.

Снаружи палатки – дым погребальных костров. Внутри – чумной туман.

«Тебе повезло, – говорю я Сисси. – Ты ушла до того, как стало совсем паршиво».

Где-то снова стреляют. Только теперь это не спорадическая пальба отчаявшегося беженца, стреляют из серьезного оружия. Слышен визг трассирующих пуль и треск автоматных очередей.

Какие-то войска штурмуют Райт-Паттерсон.

Часть меня испытывает облегчение – после гнетущей тишины наконец-то разразилась буря. Другая часть, та, которая все еще думает, что я могу выжить, готова обмочиться от страха. Я слишком слаб, чтобы встать с койки, и слишком напуган, чтобы сделать это, даже если бы у меня хватило сил. Закрываю глаза и молюсь, чтобы мужчины и женщины в

⁷ Поговорка «ждать, когда упадет второй ботинок» означает ждать события, которое произойдет вследствие другого события, и тревожиться по этому поводу.

Райт-Паттерсоне уничтожили за меня одного-двух захватчиков. Но больше я хочу, чтобы они отомстили за Сисси.

Взрывы. Мощные. От них дрожит земля, и вибрация передается моему телу; они давят на виски и сжимают грудную клетку. Грохот такой, словно взрывается мир. И отчасти это так и есть.

В маленькой палатке не продохнуть от дыма, вход напоминает налитый кровью треугольный глаз, тлеющий уголь из преисподней.

«Вот оно. — Я пытаюсь найти плюс в том, что надвигается. — Все-таки меня убьет не чума. Я дотяну до момента, когда со мной расправится настоящий захватчик-инопланетянин. Это лучше, чем чума. По крайней мере быстрее».

Громкий выстрел совсем рядом, возможно через две или три палатки от моей. Я слышу, как бессвязно кричит женщина; еще один выстрел, и женщина больше не кричит. — Тишина. Еще два выстрела. Клубы дыма, красный глаз светит ярче. Теперь я слышу врага. Он идет в мою сторону, ботинки чавкают в грязи. На ощупь нахожу в груди тряпья и пластиковых бутылок рядом с кроватью револьвер. Этот револьвер Крис дал мне в тот день, когда предложил стать его соседом по палатке.

— Где твое оружие? — спросил он.

Когда я сказал, что у меня нет оружия, он был в шоке.

— Приятель, у тебя должен быть пистолет, — сказал он. — Теперь даже у детей есть оружие.

Ему было плевать, что я не попаду и в широкую стену амбара, а скорее прострелю себе ногу. Крис был ярым сторонником Второй поправки⁸.

Я жду, когда кто-нибудь появится у входа. В одной руке у меня медальон Сисси, в другой револьвер. В одной руке прошлое, в другой будущее. Так на это тоже можно посмотреть.

А что, если притвориться трупом? Может, он (или оно) пойдет дальше. Смотрю сквозь прикрытые веки на вход в палатку.

Вот и он. Черный зрачок в красном глазу, покачиваясь, заглядывает в палатку. Он в трех или четырех футах от меня, я не могу разглядеть лицо, но хорошо слышу отрывистое дыхание. Стараюсь сам дышать помедленнее, но это бесполезно, клетот инфекции у меня в груди звучит громче взрывов. Мне не рассмотреть, во что он одет, вижу только, что брюки заправлены в высокие ботинки. Военный? Наверняка. Он держит в руках винтовку.

Я спасен. Поднимаю руку с медальоном и подаю голос. Он, спотыкаясь, делает шаг вперед. Теперь я вижу его лицо. Молодой, на год, может, на два старше меня. Его шея блестит от крови, и руки, которыми он держит винтовку, тоже. Он опускается на колено рядом с койкой и в ужасе отшатывается, когда видит мое лицо. Землистый цвет кожи, распухшие губы, провалившиеся, налитые кровью глаза — верные признаки чумы.

В отличие от моих, глаза солдата чисты и широки от страха.

— Мы не поняли! Все совсем не так! — шепчет он. — Они уже здесь, они были прямо здесь, все время, внутри нас.

В палатку заскакивают двое мужчин. Первый хватается за ворот и вытаскивает из палатки. Я навожу старый револьвер, вернее, пытаюсь это сделать, потому что он выскальзывает из руки до того, как я успеваю поднять его на два дюйма над одеялом. Второй отбрасывает мой револьвер в сторону и рывком сажает меня на койке. Боль на секунду ослепляет меня. Он кричит через плечо своему приятелю, который уже нырнул обратно в палатку:

— Отсканируй его!

К моему лбу прижимают металлический диск.

— Он чист.

— И болен.

Оба в военной форме, точно такой же, как на парне, которого они выгнали из палатки.

⁸ Вторая поправка к Конституции США гарантирует право граждан на хранение и ношение оружия.

– Как тебя зовут, приятель? – спрашивает тот, который усадил меня.

Я качаю головой. Ничего не понимаю. Рот открывается, но звуки получаются нечленораздельные.

– Он уже зомби, – говорит напарник. – Оставь его.

Тот, который усадил меня, трет подбородок и смотрит сверху вниз. Потом произносит:

– Комендант приказал найти и вернуть всех неинфицированных гражданских.

После этого он подтыкает под меня одеяло и одним плавным движением отрывает мое тело от койки и закидывает себе на плечо. Я, самый что ни на есть инфицированный гражданский, крайне удивлен.

– Спокойно, зомби, – говорит он. – Сейчас мы отнесем тебя в более подходящее местечко.

Я ему верю. На секунду позволяю себе поверить в то, что выживу.

26

Меня переносят на карантинный этаж в госпитале, который отведен для жертв эпидемии. Этот этаж называют «Отделением зомби». Там меня пичкают морфином и коктейлем из антивирусных лекарств. Мной занимается женщина, которая представилась как доктор Пэм. У нее добрые глаза, тихий голос и очень холодные руки. Волосы она затягивает в тугую узел на затылке. Она пахнет дезинфицирующими средствами и чуть-чуть духами. Не очень сочетаемые ароматы.

Доктор Пэм говорит, что у меня один шанс из десяти остаться в живых. Я смеюсь. Наверное, у меня легкий бред от всех этих лекарств. Один из десяти? А я-то думал, что приговорен. Я самый настоящий счастливчик.

В следующие два дня температура у меня поднимается до сорока градусов. Я обливаюсь холодным потом, и даже мой пот окрашен кровью. Я то погружаюсь в сумеречный бред, то выплываю на поверхность, а врачи изо всех сил воюют с инфекцией. От «красной смерти» нет лекарств. Остается только обкалывать меня обезболивающими и ждать, пока вирус решит, нравлюсь я ему на вкус или нет.

Прошлое протискивается в настоящее. Иногда рядом со мной сидит отец, иногда мама, но чаще всего это Сисси. Комната окрашивается в красный цвет. Я вижу мир сквозь прозрачный занавес крови. Палата исчезает. Остаюсь я, захватчик внутри меня и мертвые, не только моя семья, но все мертвые, все миллиарды мертвых тянутся ко мне, пока я бегу. Они тянутся. Я бегу. Мне приходит в голову, что между нами нет особой разницы. Между живыми и мертвыми. Это вопрос времени – мертвое прошлое и мертвое будущее.

На третий день жар отступает. На пятый я могу пить, а глаза и легкие начинают очищаться. Красный занавес раздвигается, я вижу палату, докторов, медсестер и санитаров в масках и халатах. Вижу пациентов на разных этапах смерти в мертвом прошлом и мертвом будущем, они плавают по волнам морфина или их увозят на каталке, с головой прикрыв простыней. Мертвое настоящее.

На шестой день доктор Пэм объявляет, что худшее миновало. Она отменяет все лекарства. Это меня немного расстраивает – я буду скучать по морфину.

– Решение не мое, – говорит она мне. – Тебя переводят в палату для выздоравливающих. Там ты пробудешь, пока не встанешь на ноги. Ты нам нужен.

– Нужен вам?

– Для военных действий.

Война. Я вспоминаю перестрелку, взрывы, солдата, который ворвался в мою палатку.

«Они внутри нас!»

– Что происходит? – спрашиваю я. – Что здесь происходит?

Доктор Пэм уже повернулась к выходу, она передает санитару диаграмму с моей койки.

– Когда организм очистится от лекарств, перевезите пациента в смотровую. – Доктор Пэм говорит тихо, но я ее слышу. – Там поставим метку и занесем в базу.

Меня перевозят на каталке в большой ангар поблизости от входа в лагерь. Куда ни посмотри, везде следы недавнего боя. Сожженный транспорт, разрушенные здания, асфальт весь в щербинах, воронки диаметром три фута. Но ограждение вокруг базы восстановлено, за ним, там, где был палаточный городок, черная безлюдная земля.

Внутри ангара на бетонном полу солдаты закрашивают красной краской большие круги. Самолетов здесь нет. Меня вкатывают через дверь в конце ангара в смотровую комнату. Там переключают на стол и на несколько минут оставляют одного.

Я лежу под флуоресцентными лампами и дрожу от холода в своей больничной пижаме. Что это за красные круги? Как этим людям удалось вернуть электричество? И что имела в виду доктор Пэм, когда сказала: «Поставим метку и занесем в базу»? Мысли разбегаются, я никак не могу сосредоточиться на чем-то одном. Что здесь происходит? Если пришельцы атаковали базу, где тогда их трупы? Где подбитый корабль? Как мы могли обороняться против представителей цивилизации, которая опережает нас на тысячи лет, да еще победить?

Внутренняя дверь открывается, входит доктор Пэм. Она светит мне в глаза ярким фонариком, прослушивает мое сердце и легкие, простукивает меня. Потом показывает серебристую гранулу размером с зернышко риса.

– Что это?

Я готов услышать в ответ, что это корабль пришельцев: «Оказалось, они размером с амёбу».

Но доктор Пэм говорит, что это следащее устройство, подключенное к основному компьютеру базы. Сверхсекретное, используется военными уже не первый год. Смысл в том, чтобы имплантировать такие штуковины всему персоналу базы. Каждая гранула транслирует свой уникальный сигнал, это подпись, которую фиксируют детекторы в радиусе мили. Гранула, по словам доктора Пэм, помогает следить за нашим передвижением и обеспечивает нашу безопасность.

Доктор Пэм делает мне укол в шею, мышцы шеи немеют, и она помещает гранулу под кожу в основании черепа. После этого заклеивает пластырем разрез, пересаживает меня в кресло-каталку и катит в соседнюю комнату. Эта значительно меньше первой. Белое откидывающееся кресло вызывает у меня воспоминания о кабинете дантиста. Компьютер и монитор. Доктор Пэм помогает мне пересест в кресло и пристегивает ремнями руки и ноги. Ее лицо совсем близко. Сегодня в войне ароматов духи с незначительным преимуществом побеждают. Выражение моего лица не остается незамеченным.

– Не бойся, – говорит она. – Это не больно.

– Что не больно? – встревожившись, переспрашиваю я.

Доктор Пэм подходит к монитору и набирает команды.

– Эту программу мы обнаружили в ноутбуке одного из инвазированных, – объясняет доктор Пэм.

Я не успеваю спросить, кто такие эти инвазированные, доктор Пэм продолжает:

– Мы точно не знаем, для чего инвазированные ее использовали, но мы уверены в том, что это абсолютно безопасно. Кодовое название программы «Страна чудес».

– Что она делает? – спрашиваю я.

Не уверен, что понял разъяснения доктора Пэм, но звучит это так, будто пришельцы каким-то образом просочились на базу Райт-Паттерсон и взломали нашу компьютерную систему. Не могу выкинуть из головы этих «инвазированных». И окровавленное лицо солдата, который ввалился в мою палатку.

«Они внутри нас».

– Это программа для картирования, – отвечает доктор Пэм, хотя на самом деле это никакой не ответ.

– Что она картирует?

Доктор Пэм выдерживает паузу, она смотрит на меня, будто решает, стоит ли говорить правду.

– Она картирует тебя. Закрой глаза и сделай глубокий вдох. Обратный отсчет. Три... два... один...

Вселенная взрывается.

Я вдруг оказываюсь там, где мне три года. Держусь за боковую стенку своей кровати, прыгаю и ору, как будто меня убивают.

Теперь мне шесть. Размахиваю пластмассовой битой. Моей любимой битой, о которой я забыл.

Мне десять. Вечер пятницы. Играю в детской футбольной лиге, толпа на трибунах ликует.

Ролик замедляется. У меня такое ощущение, словно я тону, тону в сне о моей жизни. Ноги беспомощно дергаются в тугих ремнях. Я бегу.

Бегу.

Первый поцелуй. Ее звали Лейси. Моя учительница по алгебре в десятом классе и ее ужасный почерк. Получаю водительские права. Все на месте, никаких пробелов, моя жизнь льется из меня, пока я вливаюсь в «Страну чудес».

Вся моя жизнь.

Зеленое пятно в ночном небе.

Придерживаю доски, пока отец заколачивает ими окна в гостиной. Стрельба, звон разбитого стекла, крики. И стук молотка: бам, бам, БАМ.

Истерический шепот мамы: «Задуй свечи. Разве не слышишь? Они приближаются!»

Я в свободном падении. Конечная скорость. Мне не сбежать. Я не просто вспомню этот день, я снова его проживу.

Это преследовало меня на всем пути до палаточного городка. То, от чего я убегал, то, от чего я все еще бегу, то, что никогда меня не отпустит.

То, до чего я пытаюсь дотянуться.

«Позаботься о своей маме. Позаботься о своей сестренке».

Выбивают входную дверь. Отец навскидку стреляет в грудь первого бандита. Парень продолжает идти вперед, он наверняка под кайфом. Я вижу приставленный к лицу отца ствол дробовика. Больше я никогда не увижу его лица.

Комнату заполняют тени. Одна из них – моя мама. Потом еще тени, хриплые крики, я бегу вверх по лестнице с Сисси на руках и понимаю, что уже слишком поздно – впереди тупик.

Чья-то рука хватается меня за рубашку и дергает назад, я падаю, прикрывая Сисси своим телом, и ударяюсь головой об пол.

Потом огромные тени с извивающимися пальцами вырывают ее у меня из рук. Сисси кричит: «Бабби, Бабби, Бабби, Бабби!»

Я тянусь к ней в темноте. Мои пальцы цепляются за медальон на ее шее, и серебряная цепочка рвется.

Крик сестры внезапно обрывается, как свет в тот день, когда навсегда отключилось электричество.

Потом эти подонки принимают за меня. Их трое, они накачались чем-то или отчаянно хотят найти, чем бы накачаться. Бьют кулаками, пинают ногами. Шквал ударов по спине и в живот. Я успеваю закрыть лицо руками, вижу, как папин молоток поднимается над моей головой.

Молоток обрушивается. Я откатываюсь. Молоток вскользь задевает мой висок и по инерции ударяет бьющего по лодыжке. Подонок вопит от боли и падает на колени.

Я на ногах, бегу по коридору в кухню, за спиной громкий топот.

«Позаботься о своей сестренке».

В саду цепляюсь за что-то ногой, наверное, это шланг или какая-нибудь дурацкая игрушка Сисси. Падаю лицом вперед в мокрую траву. Надо мной звездное небо и светящаяся

зеленая сфера. Глаз холодно взирает на меня, на того, кто сжимает в окровавленной руке медальон, на того, кто жил и не вернется назад, на того, кто сбежал.

28

Я погрузился так глубоко, что до меня уже никто не сможет дотянуться. Впервые за много недель ничего не чувствую. Даже не ощущаю себя как себя. Невозможно понять, где заканчиваюсь я и где начинается небытие.

Голос доктора проникает в окружающий мрак, я хватаюсь за него, как за спасательный трос, который вытянет меня из этой бездонной ямы.

– Все кончилось. Все хорошо. Все кончилось...

Я вырываюсь из мрака на поверхность реального мира, хватаю ртом воздух и плачу, как последний слабак.

А еще я думаю: «Нет, доктор, ты не права. Это никогда не кончится. Это будет длиться, длиться и длиться».

Лицо доктора Пэм появляется в поле зрения. Пытаюсь схватить ее, но ремень крепко держит руку.

– Черт, что это было? – спрашиваю сиплым шепотом.

Горло горит, во рту пересохло, такое ощущение, что я вешу всего пять фунтов, как будто с моего скелета содрали все мясо. А я еще думал, что хуже чумы ничего быть не может!

– Это позволит нам заглянуть в тебя, узнать, что в действительности происходит, – спокойно отвечает доктор Пэм.

Она легко прикасается к моему лбу. Этот жест напоминает мне о маме. И дальше – я по цепочке вспоминаю о том, что потерял маму в темноте, что убежал от нее в ночь, что меня вообще не должно быть здесь, в этом белом кресле с ремнями. Я должен был остаться там, с ними. Я должен был остаться и разделить их участь.

«Позаботься о своей сестренке».

– Это мой второй вопрос. – Я изо всех сил стараюсь мыслить трезво. – Что происходит?

– Они внутри нас, – отвечает доктор. – Нас атаковали изнутри, использовали для нападения инфицированный персонал, людей, которые были внедрены в наши войска.

Она дает мне пару минут на то, чтобы переварить услышанное, а сама в это время стирает холодной влажной салфеткой слезы с моего лица. Доктор Пэм делает это так по-матерински, что я готов сойти с ума, а мягкая салфетка – настоящая пытка наслаждением.

Доктор откладывает салфетку в сторону и смотрит мне прямо в глаза.

– Сопоставив количество инфицированных и чистых на базе, мы пришли к выводу, что каждый третий выживший на Земле – один из них.

Доктор Пэм ослабляет ремни, и я превращаюсь в легкое, как воздушный шарик, бестелесное облако. Она отстегивает последний ремень; кажется, я сейчас взлечу и ударюсь темечком о потолок.

– Хочешь посмотреть на одного из них? – спрашивает доктор Пэм и протягивает мне руку.

29

Доктор катит меня по коридору к лифту. Это скоростной лифт, он опускает нас на несколько сотен футов под землю. Двери открываются, и мы оказываемся в длинном коридоре с белыми стенами из шлакобетона. Доктор Пэм поясняет, что это бомбоубежище, его площадь примерно такая же, как у базы наверху, и оно способно выдержать взрыв ядерной бомбы в пятьдесят мегатонн. На что я говорю, что уже чувствую себя в полной безопасности. Она смеется, будто и правда считает, что это смешно. Я проезжаю мимо боковых тоннелей и дверей без табличек, и хоть пол ровный, такое ощущение, словно я

скатываюсь на дно мира, в нору самого дьявола. По коридору быстро ходят военные; минуя нас, они прекращают разговаривать и отводят глаза.

«Хочешь посмотреть на одного из них?»

Да. Черт, нет.

Доктор Пэм останавливается возле очередной двери и проводит пластиковую карту через считывающее устройство. Красный свет лампочки сменяется зеленым. Доктор вкатывает меня в комнату и останавливает кресло перед высоким зеркалом. У меня отвисает челюсть, я закрываю глаза – кто бы ни сидел в этом кресле, это не я.

Когда появился корабль-носитель, я весил сто девяносто фунтов, и большей частью этих фунтов были мышцы. Теперь сорок фунтов мышечной массы испарились. Истощенный незнакомец в зеркале смотрит на меня – вокруг глаз у него темные круги, щеки провалились, волосы сухими прядями падают на плечи. Вирус словно обтесал мое лицо ножом, срезал щеки, сделал нос тоньше, заострил подбородок.

«Он уже зомби».

Доктор Пэм кивает на зеркала и говорит:

– Не волнуйся, он нас не видит.

Он? О ком она?

Доктор нажимает на кнопку, и яркий свет заливают комнату по ту сторону зеркала. Мое отражение блекнет, я вижу сквозь него человека.

Это Крис.

Он привязан ремнями к точно такому же креслу, как в комнате «Страны чудес». К голове прикреплены провода, они убегают к консоли за спиной. На консоли мигают красные лампочки. Крис с трудом держит голову прямо, он похож на задремавшего в классе ученика.

Доктор Пэм замечает, что я напрягся.

– Что? Ты его знаешь?

– Его зовут Крис. Это мой... Я познакомился с ним в лагере беженцев. Он предложил мне поселиться в его палатке. И помогал, когда я заболел.

– Он твой друг? – Доктор Пэм как будто удивлена.

– Да. Нет. Да, он мой друг.

– Он не тот, о ком ты думаешь.

Доктор Пэм прикасается к кнопке, и монитор оживает. Теперь я смотрю не на Криса, а внутрь его. Мой взгляд перефокусируется с внешнего на скрытое. На мониторе мозг Криса в прозрачной оболочке черепа. Он светится тошнотворным желто-зеленым светом.

– Что это? – шепотом спрашиваю я.

– Инвазия, – отвечает доктор Пэм.

Она нажимает на кнопку и увеличивает изображение фронтальной части мозга Криса. Тошнотворный цвет становится ярче, мозг словно подсвечивают неоновой лампой.

– Это участок префронтальной коры головного мозга, отвечает за мыслительные процессы. Та часть мозга, которая делает нас людьми.

Доктор Пэм «наезжает» на участок размером с булавочную головку и увеличивает масштаб изображения. И тогда я вижу это. Желудок у меня медленно переворачивается. В голове Криса пульсирует яйцеобразная опухоль. Тысячи щупалец оплетают ее, словно корневая система, и разбегаются в разные стороны. Они проникают в каждый изгиб, в каждую бороздку мозга.

– Мы не знаем, как им это удастся, – говорит доктор Пэм. – Не знаем даже, сознают ли инвазированные их присутствие или они всю свою жизнь были марионетками.

Нечто, поселившееся в мозгу Криса, пульсирует.

– Выньте это из него, – с трудом говорю я.

– Мы пытались, – отвечает доктор Пэм. – Лекарства, электрошок, хирургия. Ничего не помогает. Единственный способ убить иного – это убить того, в ком он поселился. – Она пододвигает ко мне клавиатуру. – Носитель ничего не почувствует.

Я сбит с толку, трясусь головой; это не для меня.

– Это продлится меньше секунды, – заверяет меня доктор Пэм. – И это абсолютно безболезненно. Просто нажми на кнопку.

Я смотрю на кнопку, на ней слово «Ликвидация».

– Ты не убиваешь Криса. Ты уничтожаешь то, что внутри него, то, что может убить тебя.

Для меня это уже слишком.

– Он мог убить меня, но не убил. Оставил в живых.

– Потому что тогда еще не настало время. Он ушел от тебя перед атакой, помнишь?

Я киваю и снова смотрю на Криса через двустороннее зеркало, через свое похожее на призрак отражение.

– Ты убиваешь то, что в ответе за это, – говорит доктор Пэм и вкладывает мне в руку какой-то предмет.

Медальон Сисси.

Медальон, кнопка, Крис. И то, что внутри Криса.

И я. Или то, что от меня осталось. Что от меня осталось? – Что оставил я? Звенья цепочки от медальона Сисси врезаются в ладонь.

– Так мы их останавливаем, – подталкивает меня доктор. – И будем останавливать, пока мы живы.

Крис сидит в кресле. Медальон у меня в руке. Сколько я уже бегу? Все бегу, бегу, бегу... Господи, я устал убегать. Надо было остаться. Надо было повернуться к этому лицу. Если бы я повернулся тогда, не столкнулся бы с этим сейчас. Но рано или поздно приходится выбирать: бежать или встретиться лицом к лицу с тем, что, как ты раньше думал, увидеть тебе не под силу.

Я опускаю палец на кнопку и жму со всей силы.

30

В крыле для выздоравливающих мне нравится гораздо больше, чем в «Отделении зомби». Здесь пахнет лучше и, главное, ты не лежишь вместе с сотней других людей, – здесь у тебя есть личное пространство. В моей палате тишина и покой, можно легко притвориться, будто мир вокруг такой же, каким был до атак пришельцев. Впервые за много недель я могу есть твердую пищу и самостоятельно ходить в туалет, но все еще избегаю смотреть в зеркало. Днем кажется, что все хорошо, а вот по ночам, стоит закрыть глаза, я вижу себя в комнате казни, Криса, привязанного к креслу по ту сторону зеркала, и свой костлявый палец над кнопкой «Ликвидация».

Криса больше нет. Ну, судя по тому, что говорит доктор Пэм, его никогда и не было. Внутри Криса было нечто, когда-то в прошлом (врачи не знают, когда именно) оно поселилось в его мозгу (врачи не знают как) и стало им управлять. Пришельцы не спускались со своего корабля-носителя на Землю, чтобы захватить Райт-Паттерсон. Базу атаковали изнутри, инвазированные солдаты выступили против своих товарищей по оружию. Из этого можно сделать вывод, что враги уже давно скрываются среди нас, они дождались, когда первые три волны сведут население Земли до приемлемого количества, и только после этого выступили сами.

Что тогда сказал Крис?

«Они знают, как мы думаем».

Они знают, что мы чувствуем себя спокойнее, когда нас много, знают, что мы будем искать убежище там, где есть парни с оружием. Ну, мистер Пришелец, как ты с этим справишься? Это просто, ведь ты знаешь, как мы думаем, да? Ты заслал своих «спящих» агентов туда, где есть оружие. Даже если твои войска потерпят неудачу при первой попытке, как это было с базой Райт-Паттерсон, ты добьешься своей конечной цели, расколов нас. Как сражаться с врагом, если он похож на тебя как две капли воды?

В этой точке игра заканчивается. Голод, болезни, дикие звери сделают свое дело, последние выжившие погибнут, это дело времени.

Из моего окна на шестом этаже видны главные ворота базы. С наступлением сумерек с базы выезжает колонна желтых школьных автобусов. Колонну сопровождают «хамви». Спустя несколько часов автобусы возвращаются, пассажиры – в основном дети, хотя в темноте трудно определить точно. Их отведут в ангар, там пронумеруют и занесут в базу. Инвазированных отсеют и уничтожат. Во всяком случае, так мне говорили медсестры. По мне, все это – безумие. Особенно если учитывать то, что мы знаем о прошлых атаках. Как они смогли так быстро уничтожить такое количество людей? Ах, да, люди же сбиваются в стадо, как овцы! И вот пожалуйста – мы снова собираемся в кучи прямо посреди чистого поля. С тем же успехом могли бы нарисовать на крыше базы огромную красную мишень: «Мы здесь! Стреляйте, когда захотите!»

Это невыносимо.

Физически я с каждым днем все крепче, но при этом мой дух превращается в труху.

Я правда не понимаю. Зачем все это? Я не говорю об иных. Зачем это им, было понятно с самого начала.

Я хочу спросить: какой теперь смысл в нас? Уверен, если бы мы не начали группироваться, они бы придумали другой план, использовали бы инвазированных наемников и перебили всех поодиночке.

Нам их не переиграть. Если бы я спас свою сестру, это бы ничего не дало. Я просто подарил бы ей еще месяц или два, и все.

Мы мертвецы. Никого не осталось, только мертвые в прошлом и мертвые в будущем. Трупы и будущие трупы.

Где-то между подвальным этажом и этой комнатой я потерял медальон Сисси. Просыпаюсь среди ночи; моя рука хватается пустой воздух; слышу, как сестра зовет меня по имени, будто стоит всего в двух шагах. И я злюсь, я просто бешусь; говорю ей, чтобы заткнулась, – я потерял медальон, его больше нет. Я такой же мертвый, как она, разве это не понятно? Зомби, вот кто я теперь.

Я больше не ем. Отказываюсь от лекарств. Часами лежу на кровати, смотрю в потолок и жду, когда все закончится. Я жду воссоединения с моей сестренкой и еще семьей миллиардами счастливых. Сначала меня пожирал вирус, теперь его сменила другая болезнь, и она беспощаднее чумы. Болезнь со стопроцентным коэффициентом смертности.

И я говорю себе: «Не дай им сделать это с собой, старик! Это тоже часть их плана».

Бесполезно. Можно сутки напролет подбадривать себя подобными речами, но это не отменит тот факт, что в момент появления в небе корабля-носителя игра была проиграна. Вопрос не в том – как, а в том – когда.

И как раз в тот миг, когда я достигаю точки невозвращения, когда последняя часть моего «я», которая еще способна к сопротивлению, готова умереть, появляется мой спаситель. Он словно бы ждал, когда я дойду до предела.

Дверь открывается, и на пороге возникает его силуэт. Высокий, стройный, с четкими контурами, словно вытесанный из куска черного мрамора. Он подходит к кровати, и его тень падает на меня. Хочу отвернуться, но не могу. Его глаза, голубые и холодные, как горные озера, пригвоздили меня к месту. Он выходит на свет, и я вижу, что у него коротко подстриженные волосы песочного цвета, острый нос и растянутые в неестественной улыбке тонкие губы. Отглаженная форма. Блестящие черные ботинки. Офицерские знаки различия на воротнике.

Он несколько долгих секунд молча смотрит на меня сверху вниз. Становится неудобно. Почему я не могу отвести взгляд от этих ледяных голубых глаз? Его лицо кажется нереальным, оно словно вырезано из дерева.

– Знаешь, кто я? – спрашивает он.

Голос у него низкий, очень низкий, как озвучка кинотрейлера. Я мотаю головой. Черт, откуда мне знать, кто он? Я никогда его не видел.

– Я подполковник Александр Вош, комендант этой базы.

Он не протягивает мне руку, просто смотрит. Потом подходит к спинке кровати и смотрит на мою диаграмму. Сильно колотится сердце. Такое чувство, будто меня вызвали в кабинет директора.

– Легкие в порядке. Сердце, давление – все показания в норме. – Он вешает диаграмму обратно на спинку кровати. – Только все совсем не хорошо, так? На самом деле все чертовски плохо.

Он пододвигает стул к кровати и садится. Все делает плавно, ни одного лишнего движения; такое впечатление, что он часами тренировался и довел свое умение садиться на стул до совершенства.

Прежде чем продолжить, подполковник выравнивает стрелки на брюках.

– Я видел твой профиль в «Стране чудес». Очень интересно. И очень информативно.

Он опускает руку в карман (снова та же грация, это как будто не простое движение, а танцевальное) и достает серебряный медальон Сисси.

– Я так понимаю, он твой.

Подполковник роняет медальон на кровать рядом с моей рукой и ждет, что я его схвачу. Усилием воли заставляю себя лежать неподвижно. Сам не знаю почему.

Рука подполковника возвращается к нагрудному карману. Он бросает мне на колени фотографию размером с бумажник. Я беру фотографию. На ней светловолосая девочка лет шести, может семи. С глазами Воша. Ее держит на руках симпатичная женщина примерно того же возраста, что и Вош.

– Ты знаешь, кто они?

Нетрудно догадаться. Я киваю. Эта фотография почему-то вызывает у меня тревогу. Протягиваю ее подполковнику, но он не берет.

– Они – моя серебряная цепочка, – говорит он.

– Сочувствую. – Я просто не знаю, что еще сказать.

– Им необязательно было делать это так. Ты об этом не думал? Они могли не торопиться и растянуть удовольствие. Так почему же они решили убить нас так быстро? Зачем насылать на нас чуму, которая убила девять из каждых десяти? Почему не семь из десяти? Не пять? Другими словами, к чему такая спешка? У меня есть гипотеза на этот счет. Хочешь послушать?

«Нет, – думаю я. – Не хочу. Кто этот человек, почему он пришел сюда и говорит со мной?»

– Смерть одного человека – трагедия, смерть миллиона – статистика, – говорит он. – Это сказал Сталин. Ты можешь представить семь миллиардов? У меня не очень получается. Мы не в состоянии это постичь. Вот почему они действовали именно так, а не иначе. Это как набирать очки в футболе. Ты ведь играл в футбол? Главное – не лишить нас физической способности сопротивляться, главное – отнять у нас волю к борьбе.

Он берет фотографию и кладет обратно в нагрудный карман.

– Так что я не думаю о семи миллиардах людей. Я думаю только о двух.

Подполковник кивает на медальон Сисси:

– Ты оставил ее. Ты был нужен ей, но убежал. И все еще бежишь. Ты не думаешь, что пора остановиться и дать бой за нее?

Я открываю рот. Не важно, что я хотел ему сказать. У меня получается:

– Она умерла.

Подполковник отмахивается от моих слов. Я сморозил глупость.

– Мы все мертвы, сынок. Просто кто-то мертв чуть дольше других. Ты не понимаешь, кто я и какого черта сюда приперся. Что ж, могу рассказать тебе, почему я здесь.

– Хорошо, – шепотом соглашаюсь я.

Может, после этого он оставит меня в покое. Мне в его присутствии не по себе. Этот ледяной взгляд, эта твердость... Он похож на ожившую статую.

– Я здесь потому, что они убили почти всех нас, но не всех. И в этом их ошибка, сынок. Это их недочет. Если не убить нас всех разом, те, кто останется, точно не будут слабаками. Выживут сильные, только сильные. Те, кого согнули, но не сломали, если ты понимаешь, о чем я. Такие, как я. Такие, как ты.

Я мотаю головой:

– Я не сильный.

– Ну, на этот счет мы можем поспорить. Понимаешь, «Страна чудес» не только картирует твой опыт, она картирует тебя. Она рассказывает нам не просто о том, кто ты, но и о том, что ты. Показывает твое прошлое и твой потенциал. А твой потенциал, я не шучу, парень, он зашкаливает. Ты – то, что нам надо, и ты появился в нужный момент.

Он поднимается со стула, нависает надо мной и произносит:

– Вставай.

Это не просьба. У него голос такой же каменный, как его лицо. Я перемещаюсь на пол. Он подходит ко мне вплотную и говорит тихо и зловеще:

– Чего ты хочешь? Ответь честно.

– Я хочу, чтобы вы ушли.

– Нет. Чего ты хочешь?

Я чувствую, как моя нижняя губа выпячивается вперед, будто я ребенок и вот-вот расплачусь. Прикусываю язык и приказываю себе не отводить взгляд от ледяного огня, пылающего в его глазах.

– Ты хочешь умереть?

Я кивнул? Не помню. Может, кивнул, потому что он говорит:

– Я не дам тебе умереть. Дальше что?

– Дальше, думаю, я буду жить.

– Нет, не будешь. Ты умрешь. Ты умрешь, и ни ты, ни я, никто не сможет этому помешать. Ты, я, все на этой большой и прекрасной голубой планете умрут и освободят для них место.

Он цепляет меня за живое, говорит нужные слова в нужный момент, и все, что он старался из меня вытянуть, вдруг вырывается наружу.

– Тогда в чем смысл всего этого? – ору я ему в лицо. – Какого дьявола? У вас есть все ответы, так скажите мне, потому что я больше не знаю, чего ради мне волноваться!

Подполковник хватает меня за руку и швыряет к окну. Через две секунды он рядом. Раздвигает шторы. Я вижу школьные автобусы на холостом ходу возле ангара и очередь детей, которые ждут, когда их пропустят внутрь.

– Ты спрашиваешь не того человека, – рычит подполковник. – Спроси их, чего ради тебе волноваться. Скажи им, что в этом нет смысла. Скажи им, что ты хочешь умереть.

Он берет меня за плечи и разворачивает лицом к себе. Сильно ударяет ладонью в грудь.

– Они перевернули наш естественный порядок с ног на голову. Лучше умереть, чем жить. Лучше сдаться, чем драться. Прятаться, а не противостоять. Они знают: чтобы сломать нас, сначала надо убить нас вот здесь. – Подполковник снова хлопает меня по груди. – Последняя битва за эту планету будет не на равнинах, не в горах, не в джунглях и не в океане. Эта битва произойдет здесь.

И он в третий раз хлопает меня по груди.

К этому моменту моя воля абсолютно подавлена, я сдаюсь; все, что накопилось во мне после смерти сестры, берет верх. Я рыдаю, как никогда раньше не рыдал, как будто это совершенно новое для меня состояние и оно мне нравится.

– Ты – глина, – яростно шепчет Вош мне в ухо. – А я – Микеланджело. Я скульптор, и ты будешь моим шедевром. – Голубой огонь в его глазах прожигает мне душу. – Господь не призывает экипированных, сынок. Господь экипирует призванных. Ты призван.

Он дает мне обещание и уходит. Его слова прожигают мой мозг; перспектива, которую он мне открыл, преследует меня всю ночь и весь следующий день.

«Я научу тебя любить смерть. Я выну из тебя горе, вину, жалость к себе и наполню ненавистью, коварством и жадой мести. Здесь я приму мой последний бой, Бенджамин Томас Пэриш».

Он все хлопает и хлопает по груди, от его ударов у меня горит кожа и раскаляется сердце.

«И ты будешь моим полем боя».

III. Глушитель

31

Никаких проблем не предвиделось. Все, что от него требовалось, это подождать.

Ждать он умел очень хорошо. Мог часами сидеть на корточках без движения, граница между ним и оружием стиралась, они превращались в одно целое. Казалось, даже выпущенная из винтовки пуля была привязана к нему невидимой нитью до тех пор, пока не врезалась в тело жертвы.

Первый выстрел сбил ее с ног, он тут же нажал на спуск снова и промахнулся. Третья пуля в тот момент, когда жертва нырнула за машину, изувечила безосколочное стекло заднего окна «бьюика».

Она скрылась под машиной. Это был единственный для нее выход, и он оставлял два варианта: ждать, когда она выберется из-под машины, или самому выйти из укрытия в лесу на краю шоссе и закончить начатое. Наименее рискованный вариант первый. Она выползает, он убивает. Если не выползет, время сделает всю работу за него.

Он не спеша, как будто у него в запасе вечность, перезарядил винтовку. Он преследовал жертву уже не первый день и догадывался, что та не станет выбираться из-под машины. Три выстрела не убили ее, но она понимает, что не может рассчитывать на четвертый промах. Как она написала в своем дневнике? «Тех, кто останется в конце, нельзя будет назвать счастливчиками».

Ей придется рискнуть. Если выползет из-под машины, ее шансы будут равны нулю. Она не может быстро передвигаться, а даже если могла бы, ей неизвестно, откуда исходит угроза и куда надо бежать. Остается только надеяться на то, что он выйдет из укрытия, чтобы закончить начатое. В этом случае все возможно. Даже убить его, если ей повезет.

Он не сомневался, что в случае прямого столкновения она так просто не сдастся. Видел, что она сделала с солдатом в ночном магазине. Может, и была тогда напугана, и переживала после того, как убила, но ни страх, ни чувство вины не помешали ей наспиговать военного свинцом. Страх не парализует Кэсси Салливан, как это бывает с некоторыми людьми. Страх кристаллизует ее мотивацию, закаляет волю, проясняет разум. Страх будет удерживать ее под машиной, но не потому, что она боится, а потому, что это ее единственный шанс остаться в живых.

Исходя из этих соображений, он решил ждать. До заката оставалось еще несколько часов. К этому времени она либо умрет, либо ослабнет от кровопотери и обезвоживания, и прикончить ее не составит труда.

Прикончить ее. Прикончить Кэсси. Не Кэсси от Кассандры или от Кэссиди. Кэсси от Кассиопеи, девчонку из леса, которая спала с плюшевым мишкой в одной руке и с винтовкой в другой. Прикончить девчонку со светлыми рыжеватыми волосами, которая босиком чуть выше пяти футов четырех дюймов, такую юную, что он даже удивился, когда узнал, что ей шестнадцать. Эта девчонка рыдала в крошечной темноте, сходила с ума от страха в лесной чаще, но в следующий момент была готова бросить вызов смерти. Она думала о том, что, возможно, кроме нее на Земле никого не осталось, а в это время он, охотник, притаившись всего в дюжине футов от нее, слушал, как она плачет, пока наконец не засыпает, обессилив от

слез. Идеальный момент, чтобы проскользнуть в ее палатку, приставить пистолет к голове и выстрелить. Потому что именно этим он и занимался. Это его работа.

Он убивает людей с начала чумы. Уже четыре года. Об этом своем предназначении он узнал, когда пробудился внутри выбранного для него человеческого тела. Ему тогда было четырнадцать. Ликвидатор. Охотник. Убийца. Имя не имело значения. Глушитель, прозвище, которое дала ему Кэсси, ничем не хуже других. Это прозвище отражает цель его существования – выключить весь человеческий шум.

Но в ту ночь он не сделал свое дело. И в следующие ночи тоже. Каждую ночь он подползал чуть ближе к ее палатке, дюйм за дюймом по влажной земле, пока его тень не появилась у входа в палатку и не упала прямо на нее. Ее запах, ее сон в обнимку с плюшевым мишкой – и охотник с пистолетом в руке. Ей снится жизнь, которую у нее отобрали, а он думает о жизни, которую должен забрать. Спящая девчонка и ликвидатор, подталкивающий себя к убийству.

Почему он ее не прикончил?

Почему не смог ее прикончить?

Он сказал себе, что это неразумно. Не будет же она прятаться в лесу до бесконечности. Ее можно использовать. Она способна привести его к себе подобным. Люди – общественные животные. Они, как пчелы, живут роями. Все нападения основывались на этом их способе адаптации к критическим условиям. Благодаря эволюционному императиву, который вынуждал людей жить группами, их можно было уничтожать миллионами. Как они любят говорить? Вместе мы сила?

А потом он нашел блокноты, и выяснилось, что никакого плана у нее не было, только одна цель – пережить следующий день. Ей было некуда идти и не к кому. Она была одна. По крайней мере, она так думала.

В ту ночь он не вернулся к ее лагерю. Подождал следующего дня, не признаваясь себе, что дает ей время собраться и уйти. Он не позволял себе думать о тихом крике отчаяния: «Иногда мне кажется, что я последний человек на Земле».

И вот, когда пошел обратный отсчет последних минут жизни последнего человека, напряжение в его плечах начало слабеть. Она не собиралась никуда бежать. Он опустил винтовку, присел возле дерева на корточки и покрутил головой, чтобы расслабить онемевшую шею. Он устал. Последнее время спал мало. И ел тоже мало. С начала Четвертой волны сбросил несколько фунтов. Его это не особенно волновало. Иные предвидели некоторый физический и психологический упадок сил в начале Четвертой волны. – Первое убийство самое трудное, второе легче, а потом будет еще проще, потому что самый впечатлительный человек способен привыкнуть к самым жестоким вещам.

Жестокость – не свойство личности. Жестокость – привычка.

Он отмахнулся от этой мысли. Назвать его занятие жестоким – это признать, что у него был выбор. Но выбор между себе подобными и другим видом в его случае не стоял. Иные решили за него. Было нелегко, особенно если учесть, что последние четыре года он притворялся, будто ничем не отличается от людей.

Из этого вытекает непростой вопрос: почему он не убил ее в тот первый день? Почему не пристрелил в ночном магазине, а пошел следом в лес на ее стоянку? Почему не прикончил ее, когда она плакала там в темноте?

Он мог бы объяснить, почему промахнулся, когда стрелял на шоссе. Слабость, недосыпание, шок от того, что увидел ее снова. Он предполагал, что она, если когда-нибудь покинет свой лагерь, пойдет на север, а не обратно на юг. Тогда его захлестнула волна адреналина, как будто он гулял по городу, свернул за угол и наткнулся на друга, с которым сто лет не виделся. Из-за этого и промахнулся. Второй и третий промах он списал на удачу, на ее удачу, а не его.

Но как же все те дни, когда он проникал в ее лагерь, пока она ходила за припасами, и крал у нее кое-что, включая дневник, в котором она написала: «Иногда поздно ночью я лежу в палатке и будто слышу, как звезды скребут по небу». А те предрассветные часы, когда он

бесшумно проскальзывал к ее палатке? Ведь он тогда бывал полон решимости сделать то, к чему готовился всю жизнь. Она не была первой в списке убитых им людей. И не будет последней.

Никаких проблем не предвиделось.

Он провел скользкими ладонями по ляжкам. В лесу было прохладно, но он взмок от пота. Вытер рукавом глаза. С шоссе доносился только шум ветра. По стволу дерева рядом с ним на землю сбежала белка, ее ничуть не беспокоило его присутствие. Внизу шоссе уходило за горизонт в обе стороны; никакого движения, только ветер подбрасывал в воздух мусор и пригибал траву. Стая грифов отыскала на медиане три трупа. Три жирные птицы вперевалку подошли поближе к мертвецам, остальные кружили над шоссе. Популяция грифов и других стервятников росла не по дням, а по часам. Грифы, вороны, бродячие кошки, стаи голодных собак... Он не раз наткнулся на трупы, которыми явно кто-то поужинал.

Грифы. Вороны. Кот тетушки Милли. Чихуа-хуа дяди Германа. Поденки и прочие насекомые. Черви. Время и непогода подчищают остатки. Если Кэсси не выползет, она умрет под этой машиной. Последний вздох – и спустя считанные минуты прилетит первая муха, чтобы отложить в ней яйца.

Он отмахнулся от этой жуткой картинке. Человеческая мысль. Прошло четыре года, а он все никак не отучится смотреть на мир глазами людей. Он разрыдался, когда в день пробуждения впервые увидел лицо своей человеческой матери. Прежде он не видел ничего прекраснее... или ужаснее этого лица.

Интеграция проходила болезненно. Процесс не был ни плавным, ни быстрым, как у некоторых других. Его случай, полагал он, оказался таким трудным из-за того, что детство хозяина его тела было счастливым. Труднее всего преодолеть уравновешенный и здоровый дух человека.

«Самая рискованная схватка из всех, которые тебе предстоят, – сказали ему перед внедрением, – это схватка с душой хозяина тела».

Это была ежедневная борьба, и она еще не закончилась. – Тело, в которое он внедрился, не было чем-то отдельным от него, вроде марионетки, которую можно дергать за ниточки. Оно было им. Глаза, которыми он смотрел на мир, были его глазами. Мозг, с помощью которого он интерпретировал, анализировал, ощущал, запоминал этот мир, был его мозгом. Он опирался на тысячи лет эволюции. Человеческой эволюции. Он не был пленником этого тела и не просто передвигался в нем, управляя, как жокей лошадью. Он был этим человеческим телом, и оно было им. И если бы что-то случилось с телом, если бы, например, оно погибло, он бы погиб вместе с ним.

Такова была цена за выживание. Решающая ставка в последней игре его народа.

Чтобы отчистить свой новый дом от человечества, он вынужден был стать человеком.

И, став человеком, он должен был преодолеть человеческое в себе.

Он встал, не понимая, чего ждет. Кэсси от Кассиопея обречена. У нее серьезное ранение. Побежит она или не побежит, надежды на спасение нет. У нее не было возможности обработать рану, а вокруг на мили никого способного ей помочь. У нее в рюкзаке небольшой тюбик с дезинфицирующей мазью, но нет шовного материала и бинтов. Через несколько дней рана воспалится, начнется гангрена, и она умрет, если, конечно, раньше ее не убьет другой финишер.

Он терял время.

Охотник встал и спугнул белку, та зло зашипела и пулей метнулась вверх по стволу дерева. Он взял винтовку на изготовку и осмотрел «бьюик» через прицел.

Что, если прострелить шины? Машина сядет на обода и придавит девчонку корпусом в две тысячи фунтов. Тогда она точно никуда не побежит.

Глушитель опустил винтовку и повернулся спиной к шоссе.

Грифоны подкрепились на медиане и поднялись в воздух.

Ветер стих.

А потом инстинкт подсказал охотнику: «Обернись».

Из-под машины показалась окровавленная рука. Потом нога.

Он снова поднял винтовку. Поместил девчонку в перекрестие прицела и задержал дыхание. Пот струился по его лицу и щипал глаза. Она все-таки решилась. Она собирается бежать. Он почувствовал облегчение и одновременно тревогу.

Он не мог промахнуться в четвертый раз.

Широко расставив ноги, расправив плечи, он ждал, когда цель начнет движение. Направление значения не имело. Кроме как под машиной, Кэсси спрятаться негде. И все же он надеялся, что она побежит в противоположную от него сторону и не придется стрелять ей в лицо.

Кэсси подтянулась и встала. В какой-то момент она привалилась к машине, но потом выпрямилась и сумела утвердиться на одной ноге. В руке она крепко сжимала пистолет. Он навел красный крест прицела в центр ее лба. Палец замер на спусковом крючке.

«Давай, Кэсси, беги».

Она оттолкнулась от машины. Подняла пистолет. Прицелилась в какую-то точку в пятидесяти ярдах справа от него. Перевела на девяносто градусов, вернула обратно. В мертвой тишине до него долетел слабый звенящий голос:

– Вот она я! Давай, сукин сын, возьми меня!

«Я иду», – подумал он, потому что винтовка и пуля были частью его, и, когда пуля врежется в кость, он тоже будет там, он будет внутри жертвы в момент ее смерти.

«Не спеши, – сказал он себе. – Жди, пока побежит».

Но Кэсси Салливан не побежала. Через прицел ее лицо, перепачканное в машинном масле и крови, было так близко, что он мог пересчитать веснушки у нее на носу. Страх в ее глазах был ему знаком, он видел его сотни раз; с этим страхом мы смотрим на смерть, когда смерть смотрит на нас.

Но в ее глазах было что-то еще. Оно боролось со страхом, сопротивлялось ему, загоняло вглубь, помогло ей крепко держать пистолет в руке. Она не пряталась и не убегала, она противостояла.

Пот заливал ему глаза; ее лицо в прицеле смазлось.

«Беги, Кэсси. Пожалуйста, беги».

На войне наступает момент, когда надо переступить последнюю черту. Эта черта отделяет то, чем ты дорожишь, от того, что требует от тебя война. Если он не сможет переступить эту черту, война будет окончена, и он проиграет.

Его сердце – война.

Ее лицо – поле боя.

Охотник заплакал, но этот плач никто не мог услышать.

Он повернулся спиной к шоссе и побежал.

IV. Подёнка

32

Смерть от переохлаждения – не самая худшая смерть.

Так я думала, пока замерзала.

Тебе тепло, болезненных ощущений нет. Ты паришь, как будто только что залпом выпила пузырек сиропа от кашля. Белый мир обнимает тебя белыми руками и уносит в белые глубины зачоченвшегося моря.

И тишина, черт побери, такая, что во всей вселенной есть только один звук – удары твоего сердца. Тихо до того, что твои мысли шуршат в глухом промерзшем воздухе.

По пояс в сугробе под безоблачным небом. Снег удерживает тебя в вертикальном положении, потому что ноги уже не могут.

И начинается: я жива, я умерла, я жива, я умерла.

А еще этот проклятый мишка, который устроился, как на насесте, на твоём рюкзаке, смотрит в пустоту большими карими глазами и заводит шарманку: «Ты ничтожество, слабачка, ты же обещала!»

Холодно так, что слезы превращаются в лед на щеках.

– Я не виновата, – оправдываюсь перед мишкой, – я погоду не заказывала. Не нравится, все претензии к Богу.

Я этим теперь регулярно занимаюсь, то есть предъявляю претензии Богу.

Например:

«Бог, на черта все это?»

Уберег меня от „глаза“, чтобы я смогла убить солдата с распятием. Спас от глушителя, чтобы моя рана воспалилась и каждый шаг по шоссе превратился в пытку. Давал силы идти, а потом на целых два дня устроил метель, чтобы я увязла по пояс в этом сугробе и умерла наконец от обезвоживания под великолепным синим небом.

Спасибо тебе, Господи».

«Уберег, спас, поддерживал, – говорит мишка. – Спасибо тебе, Господи».

«А толку-то?» – думаю я.

Всю вину я взваливаю на папу. Он с такой подростковой симпатией рассуждал о других и так старался не терять оптимизма. Но я на самом деле вела себя ничуть не лучше. Просто было трудно смириться с тем, что вечером я легла в постель человеком, а утром проснулась тараканом. Признать тот факт, что я мерзкое насекомое с мозгом не больше булавочной головки, да еще разносчик инфекции, не так-то легко. Нужно время, чтобы смириться с подобным положением вещей.

А мишка все не унимается:

«Ты знаешь, что таракан может целую неделю прожить без головы?»

«Ага. Рассказывали на биологии. То есть ты намекаешь, что я не дотягиваю до таракана. Спасибо. Придется теперь выяснять, что я за вредное насекомое».

И тут меня осеняет. Может быть, глушитель поэтому и не добил меня на шоссе. Прыснул спреем на букашку, и шагай дальше. Зачем топтаться рядом и смотреть, как эта букашка вертится на спине и цепляется за воздух тоненькими лапками?

Валяться под «бьюиком» или бежать – какая разница? В любом случае ущерб был нанесен. Моя рана не заживет сама по себе. Первый выстрел был смертным приговором, так зачем тратить на меня патроны?

Метель я переждала на заднем сиденье «форда эксплорера». Опустила спинку переднего кресла и соорудила себе уютную железную хижину, откуда можно наблюдать, как весь мир становится белым. Окна открыть не удалось, так что очень скоро салон провонял кровью и гноем.

Все обезболивающие таблетки я проглотила за первые десять часов.

Съестные припасы доела к концу первого дня во внедорожнике.

Когда хотелось пить, я приоткрывала люк и зачерпывала ладонью снег с крыши. Чтобы не задохнуться, держала крышку люка поднятой, пока зубы не начинали клацать от холода и каждый выдох не превращался в ледяной шар у меня перед носом.

Во второй день снега выпало на три фута, и моя маленькая металлическая хижина уже меньше походила на убежище, скорее на саркофаг. Дни были всего на два ватта светлее ночей, а ночи были абсолютным отрицанием света.

«Ну, понятно, – думала я. – Значит, вот так мертвые видят мир».

Я прекратила задаваться вопросом, почему глушитель оставил меня в живых. Меня больше не тревожило странное ощущение, будто у меня два сердца: одно в груди, а второе, поменьше, в колене. Мне уже было неинтересно, закончится ли снег до того, как оба сердца перестанут биться.

Я даже не спала по-настоящему. Пребывала в каком-то промежуточном состоянии между здесь и там, прижимала к груди мишку, а тот продолжал смотреть на мир открытыми

глазами, когда мои глаза закрывались. Этот мишка исполнял обещание, которое дал мне Сэмми. Он был со мной.

«Кстати, про обещания, Кэсси...»

За эти два снежных дня я, наверное, тысячу раз просила у него прощения.

«Прости меня, Сэмс. Я сказала, что приеду, что бы ни случилось, вот только ты слишком мал, чтобы понять, что неправда бывает разной. Есть неправда, и ты знаешь, что это неправда. Есть неправда, о которой ты не знаешь и понимаешь, что не знаешь. А есть такая, про которую ты только думаешь, что знаешь, а на самом деле нет. Давать обещание в разгар операции инопланетян по зачистке Земли от людей – это последняя категория неправды. Прости!»

И вот спустя день окоченевшая Кэсси, по пояс в сугробе, с беретиком из снега на обледеневших волосах, с покрытыми инеем ресницами умирает по дюйму. Но умирает хотя бы стоя, пытаюсь выполнить обещание, которое не поможет выполнить ни одна молитва.

«Мне так жаль, Сэмс, так жаль.

Больше никакого вранья.

Я не приду».

33

Я точно не на небесах. Тут не та атмосфера.

Бреду в густом тумане безжизненной белизны. Мертвое пространство. Тишина. Я даже свое дыхание не слышу. – Вообще-то я не уверена, что дышу. А дыхание – это пункт первый в списке «Как узнать, что ты еще жива?».

Я уверена, что в комнате кто-то есть. Не вижу его и не слышу, не прикасаюсь к нему и не чувствую его запаха, но знаю, что он рядом. Не знаю, почему я это знаю, но знаю, что это он и он за мной наблюдает. Он не двигается, пока я пробираюсь сквозь белый туман, но расстояние между нами не меняется. Меня не раздражает его присутствие и то, что он на меня смотрит. Но уютно я себя от этого тоже не чувствую. Он просто данность, такая же, как туман. Есть туман, есть я, которая не дышит, и есть человек, который все время рядом и все время наблюдает.

Но когда туман рассеивается, рядом со мной никого нет. Я на кровати с четырьмя столбиками, лежу под тремя лоскутными одеялами, которые немного пахнут кедром. Белое ничто исчезает, его место занимает теплый желтый свет от керосиновой лампы, которая стоит на столике возле кровати. Чуть приподняв голову, я вижу кресло-качалку, зеркало в человеческий рост и фанерные дверцы шкафа. К моей руке прикреплена пластиковая трубка, она убегает к полиэтиленовому пакету с прозрачной жидкостью, который подвешен на металлическом крючке.

Несколько минут уходит на то, чтобы распознать окружающие предметы, понять, что ниже пояса я ничего не чувствую, и принять совершенно необъяснимый факт: я не умерла.

Тяну руку и нащупываю толстую повязку на колене. Хотелось бы почувствовать икру и пальцы на ноге, но я ничего не чувствую и с тревогой допускаю, что ниже повязки ничего нет, ни икры, ни пальцев. Но чтобы пощупать ногу ниже колена, надо сесть, а сесть я не могу. Кажется, в рабочем состоянии у меня остались только руки. Я откидываю одеяло и открываю свою верхнюю половину прохладному воздуху. На мне хлопчатобумажная пижама в цветочек.

«Чем тебе не нравится пижама?» – спрашиваю я себя.

Под ней ничего нет. Стало быть, какое-то время между снятием с меня одежды и надеванием на меня пижамы я была абсолютно голой, аб-со-лютно.

Я поворачиваю голову влево: комод, стол, лампа. Вправо: окно, стул, стол. А еще мишка, он здесь, сидит рядом со мной, опираясь на подушку, задумчиво смотрит в потолок, и плевать ему на все вокруг.

«Мишка, где мы, черт возьми?»

Внизу хлопает дверь, половицы под кроватью вздрагивают. Я слышу топот тяжелых ботинок по доскам. Потом тишина. Гнетущая такая тишина, если не считать стука моего сердца о ребра, а стучит оно громко, как акустические бомбы Криско, так что не услышать невозможно.

Бумбум-бум. И каждый новый «бум» громче предыдущего.

Кто-то поднимается по лестнице.

Я пытаюсь сесть. Не самое умное решение. У меня получается приподняться на четыре дюйма над подушкой, и это все. Где моя винтовка? «Люгер»? Кто-то уже поднялся по лестнице и сейчас стоит за дверью, а я не могу двигаться, и даже если бы могла, у меня на вооружении только чертова плюшевая игрушка. И что делать? Задушить этого типа в объятиях?

Когда не знаешь, что делать, лучше не делать ничего. Притвориться мертвой. Выбор опоссума.

Прикрыв глаза, сквозь ресницы смотрю, как открывается дверь. Вижу красную рубашку в клетку, широкий коричневый ремень, синие джинсы. Большие сильные руки с аккуратно подстриженными ногтями. Стараюсь дышать ровно, даже когда он становится рядом с кроватным столбиком и, как я догадываюсь, проверяет капельницу. Потом он поворачивается, я вижу его зад, снова поворачивается, и его лицо, когда он садится в кресло-качалку рядом с зеркалом, попадает в поле моего зрения. Я вижу его лицо и свое в зеркале.

«Дыши, Кэсси, дыши. У него хорошее лицо, не похоже, что он желает тебе зла. Иначе вряд ли он притащил бы тебя сюда и поставил капельницу. Простыни такие мягкие и чистые. Он переделал тебя в эту хлопковую ночнушку. Что, по-твоему, он намерен с тобой сделать? Твоя одежда была грязной и вонючей, как и твое тело, а вот теперь кожа пахнет свежестью и немного лилией. Он тебя помыл, представляешь?»

Я стараюсь дышать ровно, но получается не очень.

– Я знаю, что ты не спишь, – говорит парень с хорошим лицом.

Я ничего не отвечаю, и тогда он добавляет:

– И еще, Кэсси, я знаю, что ты за мной наблюдаешь.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – каркающим голосом спрашиваю я.

Горло у меня как из наждачной бумаги. Открываю глаза и теперь вижу его лучше. Насчет лица я не ошиблась, у него правильные черты, как у Кларка Кента. Парню, наверное, лет восемнадцать-девятнадцать. Плечи широкие, красивые руки и еще эти ухоженные ногти.

«Что ж, – говорю я себе, – все могло быть хуже. Тебя мог подобрать какой-нибудь пятидесятилетний извращенец, который любит развлекаться с покрывками от грузовика и держит на чердаке голову своей маменьки».

– Водительские права, – отвечает он.

Он не встает, сидит в кресле, опершись локтями на колени, и еще он опустил голову, я трактую это не как угрозу, а как признак смущения. Смотрю на кисти его рук и представляю, как он моет ими каждый дюйм моего тела.

– Я Эван, – говорит он. – Уокер.

– Привет, – говорю я.

Он усмехается, как будто в сказанном мной есть что-то смешное.

– Привет.

– И где же я, Эван Уокер?

– В спальне моей сестры.

У него каштановые волосы и глубоко посаженные глаза шоколадного цвета, немного грустные и вопрошающие, как у щенка.

– Она?

Он кивает. Потом медленно потирает ладони.

– Вся семья. А у тебя?

– Все, кроме младшего брата. Это вот его мишка, не мой.

Эван улыбается. Улыбка у него хорошая, как и лицо.

– Очень симпатичный мишка.

– Раньше выглядел получше.

– И все остальное тоже.

Надеюсь, он говорит обо всем вообще, а не только о моем теле.

– Как ты меня нашел? – спрашиваю я.

Эван отводит взгляд, потом снова смотрит на меня. Шоколадные глаза потерявшегося щенка.

– Птицы.

– Что за птицы?

– Грифы. Когда вижу, как они над чем-то кружат, всегда проверяю. Мало ли...

– Понятно, все нормально. – Мне не хочется слышать подробности. – Значит, ты притащил меня сюда, поставил капельницу... Кстати, откуда у тебя капельница? А потом снял с меня всю... помыл...

– Честно сказать, я сначала не верил, что ты жива, и что выживешь, тоже не верилось.

Он трет ладони. Мерзнет? Или нервничает? Сама я и мерзну и нервничаю.

– Капельница у меня давно. Пригодилась еще в чуму. – Наверное, не надо этого говорить, но каждый день, возвращаясь домой, я думал, что живой тебя не застану. Совсем уж ты была плоха.

Эван тянет руку к карману, и я непроизвольно вздрагиваю. Он это замечает и улыбается, чтобы я успокоилась, а потом достает похожий на смятый наперсток комочек металла.

– Если бы это попало не в ногу, ты бы уже была мертва, – говорит Эван, вращая пулю между указательным и большим пальцем. – Откуда прилетела?

Я закатываю глаза, просто не могу сдержаться: вот так вопрос!

– Из винтовки.

Эван качает головой, считает, что я его не поняла. Мой сарказм, кажется, на него не действует. Если это так, у меня проблемы, потому что сарказм – мой обычный способ коммуникации.

– Из чьей винтовки?

– Не знаю. Иных. Их отряд под видом наших солдат уничтожил всех в лагере, и моего отца тоже. Только мне удалось спастись. Ну, если не считать Сэмми и других детей.

Эван смотрит на меня, как будто я брежу.

– А что случилось с детьми?

– Их увезли. В школьных автобусах.

– В школьных автобусах?

Эван трясет головой. Инопланетяне в школьных автобусах? Похоже, он сейчас улыбнется. Эван трет тыльной стороной кисти губы, я, наверное, слишком долго на них смотрю.

– Куда их увезли?

– Не знаю. Нам сказали, что на базу Райт-Паттер-сон, но...

– Райт-Паттерсон. База ВВС? Я слышал, там сейчас никого нет.

– Ну, едва ли можно верить тому, что они говорят. Они же враги. – Я замолкаю, у меня пересохло во рту.

– Хочешь попить? – спрашивает Эван Уокер; похоже, он из тех, кто все замечает.

– Не хочу, – вру я.

Вру и сама не понимаю зачем. Чтобы показать, какая я крутая? Или для того, чтобы он не вставал с кресла, ведь это первый человек за много недель, с которым я разговариваю, если не считать плюшевого мишку, а мишка не в счет.

– Зачем они забрали детей?

Теперь у него глаза круглые и большие, как у мишки. Даже трудно сказать, что в его лице привлекает больше: добрые глаза шоколадного цвета или плавная линия подбородка? Или, может, густые волосы, то, как они падают ему на лоб, когда он наклоняется ближе ко мне?

– Я не знаю, какая у них была цель, но наверняка это хорошо для них и плохо для нас.

– Ты думаешь...

Эван не заканчивает фразу, не может или хочет, чтобы я сама ее закончила. Он смотрит на мишку, который лежит, прислонившись к подушке, рядом со мной.

– Что? Что моего брата убили? Нет. Думаю, он жив. Увезти детей, а потом убить всех, кто остался? Не вижу логики. Они весь лагерь уничтожили какой-то зеленой бомбой...

– Подожди. – Эван поднимает руку. – Зеленая бомба?

– Я толком не разглядела.

– Тогда почему зеленая?

– Потому что это цвет денег, травы, листьев и бомб пришельцев. Какого черта? Откуда мне знать, почему она была зеленой?

Эван смеется. Такой тихий сдержанный смех. Когда он улыбается, у него правый уголок рта поднимается чуть выше, чем левый.

А я думаю: «Кэсси, почему ты все время пялишься на его губы?»

Станным образом то, что мне спас жизнь симпатичный парень с кривоватой улыбкой и большими сильными руками, – самое волнующее событие из всех, что случались со мной после прибытия иных.

От воспоминаний о том, что случилось в лагере беженцев, у меня мурашки бегут по коже. Решаю сменить тему. Смотрю вниз, на одеяло. Похоже, оно ручной работы. У меня в голове мелькают картинки, как пожилая женщина шьет одеяло, и почему-то хочется заплакать.

– Давно я здесь? – спрашиваю слабым голосом.

– Завтра будет неделя.

– Тебе пришлось отрезать...

Даже не знаю, как сформулировать вопрос.

К счастью, делать этого не приходится.

– Ампутировать? – уточняет Эван. – Нет. Пуля не попала в колено, так что, думаю, ходить ты сможешь, но есть вероятность, что поврежден нерв.

– А, ну да, ну да... Пора бы мне уже привыкнуть к таким вещам.

34

Эван уходит ненадолго и возвращается с чашкой бульона. Бульон не куриный или там говяжий, но мясной, может из оленины. Я лежу, вцепившись в край одеяла, а он помогает мне сесть. Эван держит чашку двумя руками и смотрит на меня, но не исподтишка, а как на больного, когда самому худо от того, что не знаешь, как все поправить. – Или, думаю я, этот его взгляд – маскировка? Извращенцы – они только потому извращенцы, что не симпатичны тебе? Я называла Криско чокнутым извращенцем за то, что он хотел подарить мне украшения с трупов? За его слова, что я бы приняла кулон, будь он предложен Беном Пэришем?

Воспоминания о Криско портят аппетит. Эван видит, что я тупо уставилась на чашку с бульоном, и аккуратно перемещает ее на прикроватный столик.

– Надо бы допить, – говорю чуть жестче, чем следовало бы.

– Расскажи об этих военных, – просит Эван. – Как ты поняла, что они... не люди?

Я рассказала все по порядку: как мы увидели дроны, как приехали солдаты и увезли детей, потом загнали взрослых в бараки и всех там перебили. Но главное – «глаз». «Глаз» – это точно инопланетное.

– Они люди. – Так решает Эван, когда я заканчиваю рассказ. – Наверняка работают с визитерами.

– Умоляю, не называй их визитерами.

Ненавижу, когда их так называют. Это стиль говорящих голов из ящика в пору Первой волны. Так их называли все ютьюберы, все, кто отписывался в Твиттере, и даже президент так их называл на новостных брифингах.

– А как мне их называть? – спрашивает Эван.

Он улыбается. У меня такое ощущение, что, если я захочу, он назовет их турнепсами.

– Мы с папой называли их иными, ну, чтобы было понятно: они не такие, как люди.

– Я про то же, – говорит очень серьезно Эван. – Просто очень сложно допустить, что они выглядят как мы.

Эван говорит как папа, когда тот разглагольствовал об инопланетянах. Сама не знаю, почему меня это начинает бесить.

– Вот здорово, да? Война на два фронта. Мы против них, и мы против нас и них.

Эван качает головой. Он словно сожалеет о чем-то.

– Люди не в первый раз переходят на другую сторону, когда становится ясно, кто победитель.

– То есть предатели вывезли из лагеря детей, потому что хотели стереть с лица земли всех людей, кроме тех, кому не исполнилось восемнадцати?

Эван только пожимает плечами.

– А ты как думаешь? – спрашивает он.

– Я думаю, что мы облажались по-крупному, когда люди с оружием решили помочь плохим парням.

– Может, я ошибаюсь, – говорит Эван, только я вижу, что он так не думает. – Может, эти визите... эти иные маскируются под людей, или, может, они даже какие-нибудь клоны...

Я согласно киваю. Нечто подобное я уже слышала, когда папа рассуждал о том, как могут выглядеть иные.

Вопрос не в том, что они не смогли это сделать, а в том, почему не стали этого делать. Мы знали об их существовании пять недель. Они знали о нас годы, может, сотни или даже тысячи лет. Достаточно времени, чтобы получить ДНК и вырастить столько наших копий, сколько потребуется. Есть вероятность, что их организмы не способны выжить в условиях нашей планеты. Помните «Войну миров»?

Может, из-за этого я сейчас злюсь? Эван совсем как Оливер Салливан. А Оливер Салливан умер, лежа в грязи у меня на глазах, когда мне хотелось только одного – отвести взгляд.

– Или они как киборги, терминаторы такие, – говорю я.

Это только наполовину шутка. Я вблизи видела одного мертвого, того, которого убила возле ямы с пеплом. Пульс у него не проверяла, но он точно был мертвым, и кровь с виду была настоящая.

От воспоминаний о лагере беженцев и о том, что там произошло, у меня всегда начинается ломка, вот и сейчас накрывает паника.

– Мы не можем здесь оставаться, – говорю я.

Эван смотрит так, будто у меня с головой плохо.

– То есть?

– Они нас найдут!

Я хватаю керосиновую лампу, срываю стеклянную колбу и дую на пляшущий язык огня. Огонь шипит, но не гаснет. Эван забирает у меня колбу и устанавливает ее обратно на основание лампы.

– Снаружи минус тридцать семь, до ближайшего жилища не одна миля, – говорит он. – Спалишь дом, и нам конец.

Нам конец? Это попытка пошутить? Но Эван не улыбается.

– Да и путешественница из тебя пока никакая. На поправку уйдет еще минимум три или четыре недели.

Три или четыре недели? Этот парень, версия мистера Брауни с рекламы полотенец, наверное, шутит? Свет в окнах и дым из трубы, да мы и три дня здесь не продержимся!

Эван улавливает градус моей паники.

– Хорошо. – Он вздыхает и гасит лампу.

Комната погружается в темноту. Я его не вижу, мне вообще ничего не видно. Но я чувствую его запах, он пахнет дымом и еще чем-то вроде детской присыпки. Проходит пара минут, и я чувствую, как он перемещается всего в нескольких дюймах от меня.

– Ты сказал, не одна миля? – спрашиваю я. – Черт, где же ты живешь?

– Это ферма нашей семьи. Миль шестьдесят от Цинциннати.

– А до Райт-Паттерсона сколько?

– Не знаю. Может, семьдесят, может, восемьдесят. А что?

– Я тебе говорила – они забрали моего младшего брата.

– Ты говорила, что они сказали, будто повезут его туда.

Наши голоса сплетаются друг с другом в крошечной темноте и снова отстраняются.

– Ну, я должна откуда-то начать, – говорю я.

– А если его там нет?

– Тогда я пойду еще куда-нибудь.

Я дала обещание. Если не исполню его, этот проклятый мишка никогда мне не простит.

А потом я чувствую запах дыхания Эвана. Шоколад. Шоколад! Мой рот наполняется слюной. Я ощущаю, как набухают слюнные железы. Уже несколько недель я не ела нормальную пищу, и что он мне принес? Какой-то жирный бульон из мяса неизвестного происхождения. Этот фермерский выкормыш на мне экономит.

– Но ты же понимаешь, что их много? – спрашивает он.

– А ты что предлагаешь?

Он не отвечает, поэтому я продолжаю:

– Ты веришь в Бога, Эван?

– Конечно верю.

– А я нет. То есть я не знаю. Верила до того, как появились иные. Или считала, что верю, если вообще думала об этом. А потом пришли они и... – Мне пришлось выдержать паузу, чтобы взять себя в руки. – Может, Бог и есть. Сэмми думал, что есть. Правда, он и в Санта-Клауса верил. А я каждый вечер читала вместе с ним его молитву, но она на меня не действовала. Если бы ты видел, как он взял за руку того поддельного солдата и пошел за ним в автобус...

Тут я теряю самообладание, но это не беда. Плакать всегда легче в темноте. Вдруг теплая рука Эвана накрывает мою холодную руку, его ладонь мягкая и гладкая, как наволочка у меня под щекой.

– Меня это убивает, – говорю я сквозь рыдания. – То, как он верил. Как мы верили, пока не явились они и не взорвали этот проклятый мир. Верили в наступившей темноте, что свет все равно будет. Верили, что, когда захочешь клубничный фрапутино, достаточно усестся в тачку и прокатиться по улице, и ты получишь свой долбаный клубничный фрапутино! Мы верили...

Второй рукой он нащупывает мою щеку и большим пальцем стирает с нее слезы.

Эван наклоняется ко мне, и я утопаю в запахе шоколада.

– Не надо, Кэсси, – шепчет он мне на ухо. – Не надо.

Я обнимаю его за шею и прижимаюсь мокрой щекой к его сухой щеке. Меня трясет как эпилептика, и я впервые ощущаю на ступнях вес одеяла – непроглядная темнота обостряет все чувства.

Я превращаюсь в кипящее рагу из обрывков мыслей и чувств. Волнуюсь, что мои волосы могут плохо пахнуть. Хочу съесть плитку шоколада. Этот парень, который сейчас меня обнимает (ну, вообще-то скорее это я его обнимаю), видел меня во всем моем голом великолепии. Что он подумал о моем теле? Богу действительно не наплевать на обещания? А мне Бог нужен? Чудо – это когда расступаются воды Красного моря или когда Эван Уокер находит меня в снежном заносе посреди белой пустыни?

– Кэсси, все будет хорошо, – шепчет Эван, и я чувствую его шоколадное дыхание.

Когда я просыпаюсь на следующее утро, на столике рядом с кроватью лежат «Херши киссес».

Каждый вечер Эван уходит, чтобы осмотреть местность вокруг фермы и поохотиться. Говорит, у него большой запас сухих продуктов, и его мама обожала солить и консервировать, но ему нравится свежее мясо. Поэтому он оставляет меня одну, а сам ищет какое-нибудь съедобное существо, чтобы убить его и подвергнуть кулинарной обработке. На четвертый день он входит в комнату с настоящим бифштексом на горячей домашней булке, да еще с жареной картошкой. Это первая настоящая еда с того дня, как я убежала из лагеря с ямой, наполненной человеческим пеплом. А еще это неправдоподобный бифштекс, который я не пробовала со дня Прибытия и за который, как я уже признавалась, готова была убить.

– Где ты взял хлеб? – спрашиваю я с набитым мясом ртом, и жир стекает по подбородку.

Хлеб я тоже давно не ела. Он мягкий, пышный и сладковатый.

Эван мог выдать кучу язвительных ответов, потому что добыть хлеб он мог только одним способом, но не стал подкалывать меня.

– Я его испек.

Покормив меня, он меняет повязку. Я говорю, что мне хочется посмотреть на ногу. Эван уверяет, что мне определенно этого не хочется. Мне бы встать с кровати, принять ванну и снова почувствовать себя нормальным человеком. – Эван возражает: еще рано. Я говорю, что хочу помыть волосы и расчесаться. Эван стоит на своем – не надо торопиться. Я обещаю, если он мне не поможет, разбить об его голову керосиновую лампу. Тогда он идет в конец коридора, в небольшую ванную комнату, и ставит табуретку в ванну на ножках в форме львиных лап. Потом несет меня по этому коридору с ободранными обоями в цветочек, усаживает на табурет и уходит. Возвращается он с бадьей горячей воды.

Бадья, должно быть, очень тяжелая. Бицепсы у него напряжены, как у Брюса Бэннера, наполовину превратившегося в Халка, вены на шее набухают. Вода чуть-чуть пахнет лепестками роз. Я откидываю голову назад, и Эван поливает мне волосы из кувшина для лимонада, с узором из улыбающихся солнышек. Потом он начинает втирать мне в волосы шампунь, но я отталкиваю его руки. Эту часть работы я способна выполнить самостоятельно.

Вода стекает с волос на пижаму, хлопчатобумажная ткань прилипает к телу. Эван кашляет, а когда он поворачивается и его челка крылом скользит по черным бровям, мне становится тревожно, но это приятная тревога. Я прошу расческу с самыми редкими зубцами. Эван ищет в тумбочке под раковиной, а я наблюдаю за ним боковым зрением. Смутно вижу, как двигаются сильные плечи под фланелевой рубашкой, потертые джинсы с дырявыми задними карманами, совсем не обращаю внимания на круглый зад под джинсами, на сто процентов игнорирую тот факт, что мои уши огнем горят, пока теплая вода стекает с волос. Спустя вечность Эван находит расческу и перед тем как уйти спрашивает, не нужно ли мне чего-нибудь еще. Я бормочу «нет», а на самом деле мне хочется плакать и смеяться одновременно.

Оставшись одна, я сосредоточиваюсь на волосах. Они в жутком состоянии – колтуны, кусочки листьев и комочки грязи. Я распутываю волосы, пока вода не становится холодной, и дрожу в намокшей пижаме. За дверью слышен какой-то слабый звук, я замираю на секунду.

– Это ты? – спрашиваю я.

Кафельные стены ванной комнаты усиливают мой голос, как в эхо-камере.

Короткая пауза, а потом тихо так:

– Да.

– И чего ты там делаешь?

– Жду, чтобы ополоснуть тебе волосы.

– Это еще не скоро.

– Нормально, я подожду.

– Почему бы тебе не испечь пирог или еще что-нибудь, а минут через пятнадцать возвращайся.

Ответа не слышно, но и шагов тоже.

– Ты еще там?

Скрип половицы в коридоре.

– Да.

Потратив десять минут на распутывание и расчесывание, я сдаюсь. Эван возвращается и садится на край ванны. Я кладу голову ему на ладонь, а он смывает мыльную воду с моих волос.

– Странно, что ты здесь, – говорю я.

– Я здесь живу.

– Странно, что ты здесь остался.

После того как новости о начале Второй волны просочились вглубь страны, много молодежи собралось у полицейских участков и арсеналов национальной гвардии. Совсем как после одиннадцатого сентября, только все надо помножить на десять.

– Вместе с отцом и мамой нас было восемь, – говорит Эван. – Я старший. После того как родители умерли, я заботился о младших.

– Помедленнее, Эван, – прошу я, когда он одним махом выливает мне на голову полкувшина. – Я так захлебнусь.

– Извини.

Эван ребром ладони, как плотиной, перекрывает мне лоб. Теплая вода приятно щекочет кожу. Я закрываю глаза.

– Ты болел? – спрашиваю я.

– Да, но выздоровел.

Он снова зачерпывает воду кувшином из металлической бадьи, а я задерживаю дыхание в предчувствии наслаждения.

– Моя младшая сестренка, Вэл, умерла два месяца назад. Это в ее комнате ты сейчас живешь. С тех пор я пытаюсь понять, что мне делать дальше. Знаю, что не могу оставаться здесь, но я ходил до самого Цинциннати. Наверное, не надо объяснять, почему я не собираюсь туда возвращаться.

Одной рукой он льет мне на голову, а второй отжимает излишки воды, жестко, но не очень. Такое впечатление, что я не первая девушка, которой он моет голову.

Голос у меня в голове кричит чуть-чуть истерично: «Что ты делаешь? Ты даже не знаешь этого парня!»

Но потом тот же голос продолжает: «Какие хорошие руки. Попроси его помассировать голову, раз уж он все равно тобой занимается».

А тем временем его низкий, спокойный голос продолжает:

– Теперь я думаю, что до наступления тепла уходить неразумно. Можно пойти в Райт-Паттерсон или в Кентукки. Отсюда до Форт-Нокса всего сто сорок миль.

– Форт-Нокс? Что ты задумал? Ограбление?

– Это крепость, причем мощная. По логике, отличный пункт сбора.

Эван сгребает мои волосы в кулак и отжимает. Вода стекает в ванну со львиными лапами.

– Я бы никогда туда не пошла, – говорю ему. – С их стороны логично уничтожить все места, которые, по логике, могут послужить местом сбора.

– Судя по тому, что ты рассказывала о глушителях, вообще нелогично собираться в одном месте.

– Или проводить там больше нескольких дней. Нельзя сбиваться в толпы и торчать на месте, надо держаться порознь и постоянно перемещаться.

– Вплоть до...

– Не «вплоть до», – обрываю я его, – а пока есть такая возможность.

Эван вытирает мне волосы белым махровым полотенцем. На крышке унитаза лежит свежая пижама.

Я смотрю в его шоколадные глаза и говорю:

– Отвернись.

Он отворачивается, а я тяну руку мимо потертых джинсов, которые так хорошо обтягивают его зад, на который я не смотрю, и беру сухую пижаму.

– Если попробуешь подглядывать в зеркало, я замечу, – предупреждаю парня, который уже видел меня голой.

Только я тогда была голая без сознания, а сейчас в сознании – это не одно и то же. Эван кивает и опускает голову, он закусывает нижнюю губу, как будто боится улыбнуться.

Я, изворачиваясь, стаскиваю с себя мокрую пижаму и надеваю сухую, а потом говорю Эвану, что можно повернуться.

Он берет меня на руки и несет обратно в комнату умершей сестры. Я одной рукой обнимаю его за плечи, а его рука крепко, но не слишком, обнимает меня за талию. Кажется, его тело на двадцать градусов теплее моего. Эван опускает меня на кровать и накрывает мои голые ноги стеганым одеялом. У него очень гладкие щеки, волосы аккуратно подстрижены, а ногти, как я уже говорила, ухожены просто до невозможности. Из всего этого следует, что в эпоху постапокалипсиса уход за собой занимает в его списке приоритетов одну из первых позиций. Почему? Кто здесь на него смотрит?

– Долго ты никого не видел? – спрашиваю я. – Ну, не считая меня.

– Я почти каждый день вижу людей, – говорит он. – Последней живой, до тебя, была Вэл. А до нее – Лорэн.

– Лорэн?

– Моя девушка. – Эван отводит глаза. – Она тоже умерла.

Я не знаю, что сказать, поэтому говорю только два слова:

– Проклятая чума.

– Это не чума, – говорит Эван. – То есть она болела, но убила ее не чума. Она сама себя убила.

Эван мнется около кровати. Он не хочет уходить и не может найти повод, чтобы остаться.

– Знаешь, я просто не могла не заметить, как заботливо ты ухаживаешь... – Нет, неудачное вступление. – Наверное, это тяжело, когда ты один и не за кем ухаживать...

Да уж, сказала так сказала.

– Ухаживать? – переспрашивает Эван. – Заботиться об одном человеке, когда практически все умерли?

– Я сейчас не о себе. – Тут я сдаюсь и говорю уже прямо: – Похоже, внешний вид – предмет твоей гордости.

– Дело не в гордости.

– Я не говорю, что ты самовлюбленный...

– Знаю. Ты просто не можешь понять, какой смысл теперь тратить на это время.

Ну, вообще-то я надеялась, что ради меня. Но вслух об этом не говорю.

– Я не уверен, – говорит Эван, – но это то, что я могу контролировать. Гигиена упорядочивает день, когда следишь за собой... – Эван пожимает плечами. – Чувствуешь себя человеком.

– Тебе обязательно что-то делать? Чтобы почувствовать себя человеком?

Эван смотрит на меня как-то странно и задает вопрос, над которым я еще долго думаю после его ухода:

– А тебе разве нет?

Эван уходит почти каждый вечер, а днем ухаживает за мной, так что я не понимаю, когда этот парень спит. Во вторую неделю заточения в маленькой спальне я начинаю сходить с ума, и в тот день, когда температура на улице поднимается выше нуля, Эван помогает мне надеть кое-какие вещи Вэл (в соответствующие моменты он отводит глаза) и относит меня вниз, на веранду. Там усаживает на скамью и укрывает колени большим шерстяным одеялом. Потом уходит в дом и возвращается с двумя чашками горячего шоколада. Об окружающем пейзаже много не скажешь: коричневые безжизненные холмы, голые деревья и серое тоскливое небо. Но холодный воздух дарит бодрость, а шоколад именно той температуры, что надо.

Об иных мы не говорим. Мы говорим о нашей жизни до их появления. После школы Эван собирался учиться на инженера в Кентском университете. Можно было пожить пару лет на ферме, но его отец настоял, чтобы он поехал в колледж. С Лорэн они были знакомы с четвертого класса, стали встречаться на втором курсе. Подумывали о свадьбе. Эван заметил, что я напряглась, когда в его рассказе появилась Лорэн. Я уже говорила, что он все подмечает.

– А ты? – спросил он. – У тебя был парень?

– Нет, то есть да. Его звали Бен Пэриш. Можно сказать, он запал на меня. Мы встречались пару раз. Но это было не всерьез.

Даже не знаю, почему мне понадобилось обманывать. Эван не знает ничего о существовании Бена. Бен примерно столько же знал о моем существовании. Я верчу кружку с шоколадом в руках и отвожу глаза.

На следующее утро Эван появляется возле моей кровати с самодельным костылем в руках. Костыль отполирован до блеска, легкий и по высоте такой, как надо. Оценив штукину с первого взгляда, я потребовала, чтобы Эван назвал мне три вещи, которые он не умеет делать хорошо.

– Кататься на роликах, петь и разговаривать с девчонками.

– Ты пропустил слежку, – говорю я, пока он помогает мне встать с кровати. – Я всегда знаю, когда ты подглядываешь.

– Ты просила назвать три.

Врать не буду, восстановилась я хреново. Каждый раз, когда я переносила вес на раненую ногу, острая боль пронзала мой левый бок, колено подгибалось, и только сильные руки Эвана не давали мне упасть.

Но я не останавливалась и продолжала упражняться весь тот долгий день и все долгие дни после него. Я решительно настроилась стать сильной. Я должна быть сильнее, чем та Кэсси, которую подстрелил на шоссе глушитель, сильнее, чем та, которая пряталась в лесу и оплакивала себя, пока с Сэмми происходило бог знает что. Сильнее, чем была, когда бродила по лагерю возле ямы с пеплом и проклинала мир за то, каким он стал и каким всегда был. Ненавижу его – место, где наш человеческий шум создает иллюзию безопасности.

Три часа упражнений утром. Полчаса на обед. Потом три часа упражнений днем. Качаю мышцы, пока они не превращаются в потную желеобразную массу.

Но мой день на этом не заканчивался. Я спросила у Эвана, что стало с моим «люгером». Страх перед оружием у меня прошел, а меткость оставляла желать лучшего. Эван показал, как правильно держать пистолет, научил целиться. Он ставил на забор жестяные банки из-под краски объемом в галлон, а когда я стала стрелять точнее, поменял их на банки поменьше. Я попросила взять меня на охоту, надо было привыкнуть к стрельбе по движущимся живым мишеням, но он отказался. Мол, я еще слишком слаба, не могу даже бегать. А ну как нас засечет глушитель?

На закате мы гуляем. Сначала я проходила всего полмили, после чего Эван был вынужден тащить меня на себе обратно. Но каждый день я преодолевала на сто ярдов больше, чем в предыдущий. Полмили превратились в три четверти, три четверти – в милю. Во вторую неделю я могла пройти две мили без остановки.

Я еще не бегаю, но поступь и скорость теперь намного лучше.

Эван остается со мной, пока я ужинаю, и еще два часа после ужина, а потом вешает на плечо винтовку и говорит, что вернется до рассвета. Просыпаюсь я позже, чем он возвращается.

Однажды я его спросила:

– Куда ты ходишь по ночам?

– Охочусь.

Эван мужчина немногословный.

– Хреновый ты, наверное, охотник, – поддела я его. – Редко с добычей приходишь.

– Вообще-то я очень хороший охотник, – совершенно спокойно ответил Эван.

Со стороны это может показаться хвастовством, но в исполнении Эвана звучит как простая констатация факта, будто мы говорим о погоде.

– Просто не рожден убивать?

– Я рожден делать то, что надо делать. – Он провел рукой по волосам и вздохнул. – Сначала надо было остаться в живых. Потом защищать братьев и сестер от психов, которые бегали по округе после первого удара чумы. Потом охранять свою территорию и припасы...

– А теперь? – тихо спросила я.

Впервые я увидела, что Эван немного разволновался.

– Теперь меня это успокаивает, – признался он и пожал плечами, как будто ему неловко. – Хоть какое-то дело.

– Как личная гигиена.

– К тому же я плохо сплю по ночам, – продолжал Эван, не глядя на меня; впрочем, он вообще ни на что не смотрел. – Время сна сдвинулось, я перестал с этим бороться и теперь сплю днем. Ну, или пытаюсь. На самом деле я сплю два-три часа в сутки.

– Ты, наверное, здорово вымотался.

Эван наконец посмотрел в мою сторону, и я увидела в его глазах грусть и что-то похожее на отчаяние.

– Нет, хуже всего то, что я совсем не чувствую усталости, – тихо сказал он.

Мне все не давала покоя его привычка исчезать по ночам, поэтому однажды я решила проследить. Плохая идея. – Я потеряла Эвана через десять минут, испугалась, что потеряюсь сама, повернула обратно и столкнулась с ним нос к носу.

Эван не разозлился, не стал обвинять меня в недоверии. – Он просто сказал:

– Ты не должна быть здесь, Кэсси.

И повел обратно в дом.

Чтобы мы могли топить камин и зажигать пару ламп, Эван завесил окна в большой комнате на первом этаже тяжелыми одеялами. Правда, я не думаю, что поверил в мою гипотезу насчет глушителей и забеспокоился о нашей безопасности; скорее всего, его заботило состояние моей психики. В этой комнате я ждала, когда он вернется с очередной вылазки, спала на большом кожаном диване или читала дамский роман из коллекции его матери. Что ни обложка, то мускулистый полуобнаженный мужчина и женщина в бальном платье на грани обморока. Около трех утра Эван возвращался, мы подкидывали дрова в камин и заводили разговор.

Эван не любит много говорить о своей семье (когда я спросила о литературных пристрастиях его мамы, он пожал плечами и ответил, что она просто любила читать). Если разговор заходит о чем-то слишком уж личном, Эван переводит тему на меня. Больше всего его интересует Сэмми: например, как я собираюсь выполнить данное ему обещание. Поскольку у меня нет никакого плана, разговор на эту тему всегда заканчивается плохо. Я «плыву», Эван давит и требует подробностей. Я защищаюсь, он настаивает. Под конец я злюсь, и он затыкается.

– Расскажи мне все еще раз по пунктам, – просит он как-то ночью, после того как мы разговаривали целый час. – Ты не знаешь, что они из себя представляют, но знаешь, что они хорошо вооружены и имеют доступ к инопланетному оружию. Ты не знаешь, куда они увезли

твоего брата, но собираешься идти туда, чтобы его спасти. Ты не знаешь, как его вытащить после того, как туда попадешь, но...

– К чему все это? – спрашиваю я. – Ты пытаешься помочь или хочешь, чтобы я почувствовала себя душой?

Мы сидим на пушистом ковре напротив камина: его винтовка с одной стороны, мой «люгер» с другой и мы посередине.

Эван поднимает руки, как будто сдается:

– Просто пытаюсь понять.

– Вернусь в лагерь беженцев, начну поиски оттуда, – говорю в тысячный раз.

Кажется, я знаю, почему Эван задает мне одни и те же вопросы, но он такой упертый, просто сладу нет. Он, конечно, может то же самое сказать обо мне. Как это часто бывает с планами, мой – скорее цель, чем план.

– А если не возьмешь след? – спрашивает Эван.

– Не сдамся, пока не возьму.

Он кивает, и я понимаю, что это значит:

«Я киваю, но не потому, что ты говоришь разумные вещи. Я киваю, потому что считаю тебя непробиваемой душой и не хочу, чтобы ты прикончила меня костылем, который я сделал собственными руками».

Поэтому я говорю:

– Я не абсолютная тупица. Ты бы для Вэл тоже на все пошел.

На это ему нечего ответить. Он обхватывает руками колени и смотрит на огонь в камине.

– Считаешь, что я зря трачу время, – нападаю я на его безупречный профиль. – Думаешь, Сэмми уже нет в живых.

– Как я могу это знать, Кэсси?

– Я не говорю, что ты знаешь, я говорю, что ты так думаешь.

– Какая разница, что я думаю?

– Никакой, поэтому заткнись.

– Я ничего и не говорил. Это ты сказала...

– Просто ничего не говори!

– Я и не говорю.

– Только что сказал.

– Больше не буду.

– Но ты не молчишь. Ты говоришь, что больше не будешь, и продолжаешь говорить.

Эван открывает рот, чтобы что-то сказать, потом закрывает так плотно, что я слышу, как клацнули зубы.

– Я проголодалась.

– Сейчас принесу что-нибудь.

– Я что, просила об этом?

Хочется врезать ему прямо по идеально очерченным губам. Откуда такое желание? Почему именно сейчас я так разозлилась?

– Я прекрасно могу о себе позаботиться. В этом все дело, Эван. Я здесь не для того, чтобы вернуть смысл твоей жизни. Ты сам должен решить, для чего живешь.

– Я хочу помочь, – говорит Эван, и я впервые вижу злость в его щенячьих глазах. – Почему спасение Сэмми не может быть и моей целью тоже?

Этот вопрос преследует меня по пути на кухню. Он, как облако, висит у меня над головой, пока я накладываю консервированную оленину на плоскую лепешку, которую Эван, наверное, как истинный скаут в ранге орла, испек на плите во дворе. Этот вопрос преследует меня на обратном пути в большую комнату. Там я плюхаюсь на диван прямо за спиной Эвана. Так и подмывает пнуть между этих широких плеч. На столике рядом с диваном лежит «Отчаянная жажда любви». Я бы книжку с такой обложкой назвала «Мой возбуждающий накачанный пресс».

Вот оно! Вот в чем моя проблема. До Прибытия парень, такой как Эван Уокер, никогда бы не посмотрел в мою сторону дважды и уж точно не стал бы охотиться, чтобы меня накормить, и мыть мне голову. Он никогда бы не обнял меня за шею, как этот прилизанный красавчик на обложке – пресс напрягся, грудь вздымается. Не стал бы заглядывать в глаза или поднимать мой подбородок, чтобы приблизить губы к своим. Я была девочкой заднего плана, просто подружка или даже хуже – подружка просто подружки, «та, которая сидит с ней на геометрии, только не вспомню, как зовут». Лучше бы уж в том сугробе меня нашел какой-нибудь престарелый коллекционер фигурок из «Звездных войн».

– Что? – спрашиваю я затылок Эвана. – Теперь решил лечить меня молчанием?

Плечи у него вздрагивают. Знаете эту беззвучную усмешку, которую обычно сопровождают покачиванием головы: девчонки такие глупые.

– Наверное, мне следовало спросить, – говорит он. – Я и не предполагал...

– Что?

Он поворачивается кругом. Я на диване, он на полу, смотрит мне в глаза.

– Что пойду с тобой.

– Что? Мы даже не говорили об этом! И зачем тебе идти со мной, Эван? Тем более что ты считаешь его мертвым?

– Просто не хочу, чтобы умерла и ты, Кэсси.

Ну, вот и все – я бросаю в него оленину.

Тарелка чиркает его по щеке, он встает и оказывается рядом, я даже глазом не успеваю моргнуть. Эван наклоняется ко мне и крепко, так, чтобы я не могла вырваться, берет за плечи. В его глазах блестят слезы.

– Ты не одна такая, – говорит он сквозь зубы. – Моя двенадцатилетняя сестра умерла у меня на руках. Она захлебнулась собственной кровью. А я ничего не мог сделать. Меня тошнит, когда ты ведешь себя так, будто самые страшные несчастья в истории человечества свалились именно на тебя. Не ты одна потеряла все... Не ты одна думаешь: надо что-нибудь сделать, чтобы все это дерьмо обрело смысл. У тебя есть обещание, которое ты дала Сэмми, у меня есть ты.

Эван замолкает. Он понимает, что зашел слишком далеко.

– Я тебе не принадлежу, Эван.

– Ты знаешь, о чем я. – Он пристально смотрит мне в глаза, и я с трудом выдерживаю его взгляд. – Я не могу остановить тебя, хотя следовало бы. Но и одну тебя отпустить не могу.

– В одиночку лучше. Ты знаешь, что это так. Ты еще жив, потому что ты один! – говорю я и тычу пальцем ему в грудь.

Эван отстраняется, а я подавляю инстинктивное желание потянуться к нему. Отчего-то хочется, чтобы он оставался рядом.

– Но ты жива по другой причине, – огрызается Эван. – Без меня ты и двух минут не протянешь.

Я взрываюсь. Просто не могу сдержаться. Это самые неподходящие слова, сказанные в самое неподходящее время.

– Пошел ты! – ору я. – Ты мне не нужен. Мне никто не нужен! Ладно, наверное, ты подходящий парень, когда надо помыть голову, подуть на болячку или испечь пирожок!

Со второй попытки я встаю на ноги. Тот самый момент, когда надо с гордым видом промаршировать из комнаты, пока парень стоит, скрестив руки на груди, и дуется. Преодолев половину лестницы, я останавливаюсь и говорю себе: это чтобы отдышаться, а не для того, чтобы он меня догнал. Но Эван все равно за мной не идет. Я поднимаюсь до конца лестницы и ухожу в свою комнату.

То есть это не моя комната, это комната Вэл. У меня больше нет комнаты и, вероятнее всего, никогда не будет.

«Эй, хватит уже себя оплакивать. Мир не вертится вокруг тебя. И к черту чувство вины. Не ты заставила Сэмми сесть в тот автобус. И скорбеть не нужно больше. Эван оплакивает свою сестру, но этим не вернет ее обратно».

«У меня есть ты».

Что ж, Эван, правда в том, что нет никакой разницы, двое нас или две сотни. У нас нет шансов. Против иных – нет. Я набираюсь сил... для чего? Если уж погибнуть, то погибнуть сильной? А какая разница?

Я со злостью сбрасываю мишку с его насеста на кровати.

«На что уставился?»

Он заваливается на бок, одна лапа поднята, как будто хочет задать вопрос на уроке.

У меня за спиной скрипят ржавые дверные петли.

– Проваливай, – говорю я, но не оборачиваюсь.

Еще один скрип, потом тишина.

– Эван, ты за дверью стоишь?

Пауза.

– Да.

– А ты вуайерист, знаешь об этом?

Если он и ответил, я не услышала. Мне зябко в этой маленькой комнате, я растираю плечи руками, колено болит просто жутко, но я закусываю губу и упорно не сдаю позиции – стою спиной к двери.

– Ты еще там? – спрашиваю, когда тишина становится невыносимой.

– Если уйдешь без меня, я просто пойду за тобой. Ты не можешь мне помешать, Кэсси. Как ты меня остановишь?

Слезы наворачиваются на глаза, остается только беспомощно пожать плечами.

– Думаю, застрелю.

– Как того солдата с распятием?

Вопрос, как пуля, вонзается мне между лопаток. Я резко поворачиваюсь и распахиваю дверь:

– Откуда ты про него знаешь? – Дураку понятно откуда. – Читал мой дневник.

– Я не думал, что ты выживешь.

– Извини, разочаровала.

– Я, наверное, хотел узнать, что случилось...

– Тебе повезло, что я оставила пистолет внизу, иначе бы прямо сейчас пристрелила. Хоть представляешь, как мерзко я себя чувствую оттого, что ты совал нос в мой дневник? Много прочитал?

Эван опускает глаза, щеки у него розовеют.

– Ты все прочитал, да?

Я просто не знаю, куда себя девать. Мне стыдно, меня как будто изнасиловали, это даже хуже, чем проснуться в кровати Вэл и сообразить, что Эван видел меня в чем мать родила. Ладно бы таращился только на голое тело, он заглядывал мне в душу.

Я бью ему под дых. Никакой реакции, будто в бетонную стену ударила.

– Ты все врешь! – кричу я. – Ты сидел тут, вот! Просто сидел, пока я врала про Бена Пэриша. Знал, что я вру, но сидел и слушал!

Эван засовывает руки в карманы и смотрит себе под ноги. Он как мальчишка, которого отчитывают за разбитую мамину вазу.

– Я не думал, что это так важно.

– Ты не думал?

Я ничего не понимаю. Кто этот парень? Меня вдруг бросает в дрожь. Что-то с ним не так. Может, это из-за того, что он потерял всех родственников и свою подружку, или невесту, или кем она ему приходилась? Он несколько месяцев жил в полном одиночестве и внушал себе, будто полное бездействие и есть реальное действие. Возможно, он окуклился на этой ферме в Огайо, чтобы не соприкасаться с дерьмом, которое разлили по всей земле иные, а

возможно, он чужак и был чужаком до Прибытия. Как бы то ни было, что-то с Эваном Уокером определенно не так. Он слишком спокоен, слишком рационален, слишком холоден для нормального фермера.

– Почему ты его застрелила? – тихо спрашивает Эван. – Того солдата в магазине.

– Ты знаешь почему, – отвечаю я, а сама чувствую, что сейчас расплачусь.

Эван кивает:

– Из-за Сэмми.

Теперь я действительно ничего не понимаю.

– Сэмми тут ни при чем.

Эван поднимает голову и смотрит мне в глаза.

– Сэмми взял солдата за руку и пошел в тот автобус. Сэмми поверил. А теперь, даже после того, как я спас тебя, ты не хочешь довериться мне.

Он берет мою руку и крепко сжимает.

– Я не солдат с распятием, Кэсси. И я не Вош. Я точно такой же, как ты. Я напуган, зол, сбит с толку и не знаю, что мне делать, но я точно знаю, что нельзя раскачиваться в разные стороны. Ты не можешь в один момент называть себя человеком, а в следующий – тараканом. Ты не веришь в то, что ты таракан. Если бы так думала, не осталась бы на шоссе под прицелом у снайпера.

– О господи, – шепчу я, – это же просто метафора.

– Хочешь сравнить себя с насекомым? Тогда ты, Кэсси, поденка. Сегодня ты есть, а завтра нет тебя. И иные к этому не имеют отношения. Так всегда было. Мы живем, затем умираем, и вопрос не во времени, а в том, как мы им распоряжаемся.

– Ты понимаешь, что говоришь бессмыслицу?

Меня притягивает к нему, пропадает всякое желание спорить. Я не могу понять, то ли он меня отстраняет, то ли приподнимает.

– Ты моя поденка, – бормочет он.

А потом Эван Уокер меня целует.

Одной рукой он прижимает мою ладонь к своей груди, а вторую заводит мне за шею. От его легкого как перышко прикосновения мурашки бегут вниз по моему позвоночнику, и я теряю равновесие. Чувствую ладонью, как бьется его сердце, вдыхаю запах его дыхания, ощущаю щетину над мягкими губами. Мы смотрим друг другу в глаза.

Я немного отстраняюсь, чтобы сказать:

– Не целуй меня.

Эван поднимает меня над полом. Я плыву вверх, и это продолжается целую вечность. Так бывало в детстве, когда папа подкидывал меня на руках, и казалось, я могу долететь до самого края Галактики.

Эван укладывает меня на кровать.

– Еще раз меня поцелуешь, получишь коленом между ног, – успеваю предупредить я за секунду до того, как он снова меня целует.

У Эвана волшебные нежные руки – меня словно облако обнимает.

– Я не дам тебе... – Он подыскивает правильное слово. – Я не дам тебе улететь от меня, Кэсси Салливан.

Эван задувает свечку возле кровати.

Теперь, в темноте, я особенно остро чувствую его поцелуи. В этой комнате умерла его сестра. В этом доме умерла вся его семья. Мы в тишине того мира, который исчез после Прибытия. Эван узнает вкус моих слез раньше, чем я чувствую их на своих щеках. Вместо моих слез – его поцелуи.

– Это не я тебя спас, – шепчет Эван, и его губы касаются моих ресниц. – Ты спасла меня.

Он повторяет это снова и снова, пока мы не засыпаем, прижавшись друг к другу. Его шепот у меня в ушах, мои слезы у него на губах.

– Ты спасла меня.

V. Веялка

37

Кэсси за грязным окном все уменьшается.

С мишкой в руках она стоит на дороге.

Поднимает мишкину лапу, чтобы помахать на прощание.

«До свидания, Сэмми».

«До свидания, мишка».

Большие черные колеса поднимают над дорогой облака коричневой пыли.

«До свидания, Кэсси».

Кэсси и мишка уменьшаются, а стекло в окне автобуса становится тверже.

«До свидания, Кэсси. До свидания, мишка».

Потом пыль проглатывает Кэсси и мишку, а он остается один. Все места в автобусе заняты детьми, но нет мамы, нет папы и нет Кэсси. Наверное, не надо было оставлять мишку – сколько он себя помнил, мишка всегда был с ним. – Но мама тоже была всегда. И мама, и бабушка, и дедушка, и вся семья. И дети из класса мисс Нейман, и сама мисс Нейман, и все Маевски, и добродушная кассирша из супер-маркета «Крогер», у которой под прилавком земляничные леденцы.

Теперь никого нет.

Он убирает руку от окна, а стекло запоминает его ладонь. Только след от ладони не такой четкий, как фотография, это скорее смазанная тень, совсем как лицо мамы, когда он пытается ее вспомнить.

Если не считать лиц папы и Кэсси, все остальные лица, которые он когда-то знал, смазались в его памяти. Теперь лицо любого человека стало для него незнакомым лицом чужого человека.

По проходу в автобусе идет солдат. Он уже снял противогаз. У него круглое лицо и усыпанный веснушками маленький нос. Солдат, с виду ровесник Кэсси или, может, чуть-чуть постарше, по пути раздает детям пакетики с фруктовым мармеладом и коробочки с соком. Дети тянут грязные ручки за лакомствами. Многие уже сутки не держали ни крошки во рту. Для некоторых солдаты – первые взрослые, встреченные после смерти родителей. Самые тихие дети – это те, кого нашли на городских окраинах, они бродили там среди обуглившихся трупов, а теперь ведут себя так, будто кроме трупов ничего в своей жизни не видели. Они одеты в лохмотья, лица изможденные, а в глазах пустота. Совсем не похожи на детей, которых забрали из лагерей беженцев, таких как Сэмми.

Конопатый солдат подходит к последнему ряду сидений в автобусе. У него на рукаве белая повязка с красным крестом.

– Привет, – говорит солдат, – хочешь перекусить?

Коробка с соком и мармеладные фигурки динозавров. Сок холодный. Холодный. Никогда ему не давали пить такое холодное.

Солдат легко и непринужденно садится рядом с ним и протягивает ноги в проход. Сэмми протыкает соломинкой дырочку в коробке с соком, втягивает немножко в рот и смотрит через проход на девочку, она ссутулилась и клюет носом. Розовая майка на ней вся в пятнах сажи, шортики изодраны до дыр, а на босоножках присохли комки грязи. Девочка улыбается, ей снится хороший сон.

– Ты ее знаешь? – спрашивает солдат.

Сэмми отрицательно качает головой. Этой девочки не было в его лагере.

– Почему у тебя красный крест на повязке?

– Это значит, что я доктор. Помогаю тем, кто заболел.

– А почему ты снял противогаз?

– Он мне больше не нужен, – отвечает доктор и забрасывает в рот пригоршню мармеладок.

– Почему?

– Чума осталась там. – Солдат показывает пальцем в заднее окно, туда, где Кэсси с мишкой в руках превратилась в точку и исчезла в коричневой пыли.

– А папа говорил, что чума везде.

Солдат качает головой:

– Там, куда мы едем, ее нет.

– А куда мы едем?

– В лагерь «Приют».

– Куда? – переспрашивает Сэмми.

– Тебе там понравится. – Солдат хлопает его по коленке. – Мы всё для тебя приготовили.

– Для меня?

– Для всех.

Кэсси на дороге помогает мишке махать лапой.

– Тогда почему вы всех не взяли?

– Возьмем.

– Когда?

– Как только вы, ребятки, будете в безопасности.

Солдат снова глядит на девочку, потом встает, снимает с себя зеленую куртку и заботливо укрывает спящую.

– Самое главное – это вы, – говорит солдат, и лицо у него становится решительным и серьезным. – Вы наше будущее.

Узкая земляная дорога превращается в широкую и мощеную, а потом автобусы выезжают на еще более широкую дорогу. Двигатели режут громче, автобусы набирают скорость и мчатся по расчищенному от всякого хлама шоссе на восток. Заглохшие машины оттащили на обочину, и они не мешают колонне с детьми.

Конопатый доктор снова движется по проходу, но теперь он раздает детям бутылки с водой и закрывает окна, потому что некоторые дети мерзнут, а некоторых пугает ветер, завывающий, как чудище лесное. Воздух в автобусе очень быстро становится спертым, температура поднимается, и детей клонит ко сну.

Но Сэм отдал мишку Кэсси, а он никогда не засыпал без своего мишки, никогда, во всяком случае после того, как мишка появился в его жизни. Он устал, но он без мишки. Чем больше Сэмми старается забыть мишку, тем чаще его вспоминает и тем больше сожалеет о расставании с ним.

Солдат предлагает Сэмми бутылку с водой. Сэмми улыбается и притворяется, что ему совсем не одиноко без мишки, но солдат понимает: что-то не так. Он снова садится рядом с Сэмми и предлагает познакомиться. Солдат говорит, что его зовут Паркер.

– Долго еще? – спрашивает Сэмми.

Скоро стемнеет, а темнота – самое плохое время. Ему никто об этом не говорил, он просто знает: когда они придут, они придут в темноте и без предупреждения, – еще одна волна. И ничего нельзя будет сделать, это просто случится, как когда-то выключился телевизор, заглохли все машины, попадали самолеты и началась чума. Кэсси и папа сравнивали это с домовыми муравьями. А маму обернули в окровавленные простыни.

Когда иные объявились в первый раз, папа сказал ему, что мир изменился и все уже не будет таким, как раньше. Папа сказал, что иные могут забрать его к себе на корабль-носитель или даже увезти в космическое путешествие. И Сэмми не мог дождаться, когда же он улетит в космос, как Люк Скайуокер на своем Х-крылом корабле. Каждый вечер был для него как канун Рождества, он ждал, что проснется утром и найдет в своей комнате чудесные подарки от иных.

Но иные не принесли ничего, кроме смерти.

Они явились не с подарками для него. Они явились, чтобы все забрать.

Когда же они остановятся? Может быть, никогда. Может быть, инопланетяне не останавливаются, пока не заберут все, пока весь мир не станет таким же пустым и одиноким, как Сэмми без мишки.

Поэтому он и спрашивает солдата:

– Далеко еще?

– Нет, совсем недалеко, – отвечает солдат по имени Паркер. – Хочешь, я с тобой побуду?

– Мне не страшно, – говорит Сэмми.

«Теперь ты должен быть храбрым» – так сказала ему Кэсси в день, когда умерла мама.

Тогда он увидел пустую кровать и сразу понял, что мама ушла, как ушла бабушка и все, кого он знал и не знал, как те люди, трупы которых складывали в кучи и сжигали на окраине города.

– Теперь тебе ничто не угрожает, – говорит солдат.

То же самое говорил папа в тот вечер, когда отключилось электричество. Тогда папа, после того как плохие люди с оружием начали грабить дома, заколотил досками окна и запер все двери.

«Теперь тебе ничто не угрожает».

После того как заболела мама, папа дал им с Кэсси марлевые повязки на лицо.

«Это просто для надежности, Сэм. Я уверен, тебе ничто не угрожает».

– Тебе понравится в лагере «Приют», – говорит солдат. – Вот увидишь. Мы там все устроили для таких ребят, как ты.

– А они нас там не найдут?

Паркер улыбается.

– Ну, я не знаю. Но сейчас это самое безопасное место в Северной Америке. Там даже есть невидимое силовое поле, на случай, если плохие гости захотят что-то сделать.

– Силовых полей не бывает.

– Ну, раньше люди говорили то же самое об инопланетянах.

– А ты видел хоть одного?

– Пока нет, – отвечает Паркер. – Никто не видел. Во всяком случае, из тех, кого я знаю. Но мы ждем не дождемся, когда увидим.

Паркер улыбается. Это такая жесткая улыбка солдата, у Сэмми от нее быстрее стучит сердце. Ему хочется быть таким же взрослым, как солдат Паркер.

– Как тут угадать? – говорит Паркер. – Может, они выглядят в точности как мы. Может, ты сейчас на одного такого смотришь.

Теперь он улыбается по-другому. Дразнится.

Солдат встает, а Сэмми тянется к его руке. Он хочет, чтобы Паркер остался.

– В лагере «Приют» правда есть силовое поле?

– Так точно. Видеонаблюдение ведется двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, а вокруг ограждение высотой двадцать футов с острой-преострой проволокой поверху, а еще злые собаки, они унюхают инопланетянина за пять миль.

Сэмми морщит нос:

– Совсем не похоже на Небеса! Похоже на тюрьму!

– Ага, только в тюрьме держат плохих парней, а в наш лагерь их не пустят.

38

Ночь.

Вверху яркие холодные звезды, внизу черная дорога и жужжание колес на черной дороге под холодными звездами. Лучи фар протыкают плотную мглу ночи. Автобус покачивается, в салоне тепло и душно.

Девочка, которая сидит через проход от Сэмми, уже выпрямилась. Ее темные волосы спутаны, кожа обтягивает лицо, щеки запали, и глаза из-за этого кажутся неестественно большими и круглыми, как у совенка.

Сэмми неуверенно улыбается девочке. Девочка не улыбается в ответ, ее взгляд прикован к бутылке с водой, которая стоит возле его ноги.

Сэмми протягивает бутылку девочке:

– Хочешь попить?

Худенькая рука стрелой летит через проход и хватает бутылку. Девочка за четыре глотка выпивает всю воду и бросает пустую бутылку на сиденье.

– Если ты не напилась, у них, наверное, есть еще, – говорит Сэмми.

Девочка не отвечает, она пристально, не моргая, смотрит на Сэмми.

– А еще, если ты голодная, у них есть мармелад.

Девочка просто смотрит и молчит. Сидит, поджав под себя ноги, и по-прежнему не моргает.

– Я Сэм, но все зовут меня Сэмми. Кроме Кэсси. Кэсси зовет меня Сэмсом. А тебя как зовут?

– Меган, – громко, чтобы перекрыть жужжание колес и рычание мотора, отвечает девочка.

Ее тоненькие пальцы теребят зеленую армейскую куртку.

– Откуда это взялось? – удивляется она вслух.

Ее голос с трудом выдерживает соревнование с шумом автобуса. Сэмми встает и пересаживается на свободное место рядом с девочкой, она вздрагивает и отодвигает ноги подальше от Сэмми.

– Это куртка Паркера, – говорит девочке Сэмми. – Вон он, сидит рядом с водителем. Паркер – доктор. Это значит, что он заботится о больных людях. Он правда хороший.

Девочка по имени Меган качает головой:

– Я не болею.

У нее вокруг глаз темные круги, губы потрескались, волосы нерасчесанные, в них застряли веточки и сухие листья. Лоб у девочки блестит, а щеки разругались.

– Куда мы едем? – спрашивает она.

– В лагерь «Приют».

– Как-как?

– Это форт, – объясняет Сэмми. – Он не такой, как другие. Он самый большой, самый лучший, самый безопасный во всем мире. Там даже есть силовое поле!

В автобусе очень тепло и душно, но Меган все время дрожит. Сэмми укрывает ее курткой Паркера до подбородка. Она смотрит на него своими круглыми, как у совенка, глазами и спрашивает:

– А кто такая Кэсси?

– Моя сестра. Она тоже приедет. Солдаты за ней вернутся. За ней и за папой, и за всеми остальными.

– Значит, она живая?

Сэмми озадаченно кивает. Почему Кэсси не должна быть живой?

– Твои папа и сестра живые?

У девочки вздрагивает нижняя губа, слезы оставляют светлые тропинки на измазанных черным щеках. Это сажа от костров, на которых сжигали трупы людей.

Сэмми, не задумываясь, берет ее за руку. Точно так же Кэсси взяла его за руку, когда рассказывала о том, что сделали иные.

Это была их первая ночь в лагере беженцев. Сэмми лежал, свернувшись калачиком, рядом с Кэсси. До этой ночи он не мог осознать масштаб того, что случилось за последние месяцы. Все произошло слишком быстро. Отключилось электричество, папа завернул маму в белую простыню, семья перебралась в лагерь беженцев. Мальчик всегда верил, что наступит день, когда они вернутся домой и все будет как раньше. Мама не вернется, он не маленький и

понимает, что она не вернется. Но он не осознавал, что обратного пути нет и что случившееся изменило все навсегда.

Не осознавал до того самого вечера. Тогда Кэсси взяла его за руку и сказала, что мама была одной из миллионов. Она сказала, что почти все на Земле умерли. И еще, что Сэмми больше никогда не будет жить в родительском доме. Он больше никогда не пойдет в школу, а всех его друзей забрала чума.

– Это неправильно, – шепчет Меган в темном салоне автобуса. – Это неправильно. – Она смотрит Сэмми в лицо. – Моя семья умерла, а у тебя есть папа и сестра? Это неправильно!

Паркер снова идет по проходу, он останавливается возле каждого места, тихо говорит с каждым ребенком и трогает у него лоб. Когда он прикасается к детской голове, в полумраке автобуса загорается огонек. Иногда огонек зеленый, иногда красный. После того как огонек гаснет, Паркер ставит ребенку на руку штамп. Красный огонек – красный штамп, зеленый огонек – зеленый штамп.

– Моему младшему брату было примерно столько же лет, сколько тебе, – говорит Меган.

Это звучит как обвинение: «Почему ты жив, а он нет?»

– Как его звали? – спрашивает Сэмми.

– Какая разница? Зачем тебе знать его имя?

Ему так хочется, чтобы Кэсси была рядом. Кэсси бы придумала, как успокоить Меган. Она всегда находит нужные слова.

– Его звали Майкл, понятно? Майкл Джозеф. Ему было шесть лет, и он никогда никому ничего плохого не сделал. Устраивает? Теперь ты счастлив? Моего брата звали Майкл Джозеф. Назвать всех остальных?

Меган смотрит через плечо Сэмми на Паркера, который останавливается возле их мест.

– Привет, соня, – говорит доктор девочке.

– Паркер, она болеет, – говорит ему Сэмми. – Вы должны ее вылечить.

– Мы всех вылечим, – обещает Паркер и улыбается.

– Я не болею, – возражает Меган, а сама дрожит под зеленой курткой доктора.

– Конечно нет. – Паркер кивает и снова улыбается. – Но давай-ка померим тебе температуру, просто чтобы удостовериться. Хорошо?

У него в руке серебряный диск размером с двадцатипятицентовую монету.

– Если температура выше тридцати восьми, загорится зеленый.

Паркер наклоняется через Сэмми и прижимает диск ко лбу Меган. Вспыхивает зеленый огонек.

– Ой-ой, – говорит Паркер. – А теперь давай я померяю у тебя, Сэм.

Диск теплый. Лицо Паркера на секунду окрашивает красный свет. Паркер ставит штамп на тыльную сторону кисти Меган. Зеленые чернила слабо светятся в полумраке автобуса. Это смайлик. Потом на руке Сэма появляется красный смайлик.

– Подожди, пока не назовут твой цвет, – говорит Паркер девочке. – Зеленые сразу пойдут в больницу.

– Я не болею, – протестует Меган.

Голос у нее хриплый. Она сгибается в три погибели и кашляет. Сэмми инстинктивно отстраняется. Паркер хлопает его по плечу.

– Это просто сильная простуда, – шепотом говорит он. – Меган поправится.

– Я не пойду в больницу, – говорит Меган, когда Паркер уходит на свое место рядом с водителем.

Она трет руку об куртку, и смайлик превращается в зеленое пятно.

– Но тебе надо туда, – говорит Сэмми. – Разве не хочешь выздороветь?

Меган трясет головой. Сэмми не понимает ее.

– В больницах не выздоравливают. В больницах умирают.

Когда мама заболела, он спросил папу:

– Ты не отправишь маму в больницу?

А папа сказал, что там небезопасно. Очень много больных людей и мало докторов, которые все равно уже ничего не могут сделать для мамы. Кэсси сказала, что больницы больше не работают, как телевизор, свет, машины и все остальное.

– Все сломалось? – спросил он тогда Кэсси. – Всё-превсё?

– Нет, Сэмс, не все, – ответила Кэсси. – Это не сломалось.

Она взяла его руку и приложила к его груди. Сердце Сэмми сильно стучалось об его ладонь.

– Не сломалось, – сказала Кэсси.

39

Мама может прийти к нему только в серое время между бодрствованием и сном. Она не появляется в сновидениях, как будто знает, что лучше этого не делать. То, что происходит во сне, оно ненастоящее, но ведь ты все это видишь и чувствуешь совсем не понарошку. Мама слишком сильно его любит, чтобы пугать во сне.

Иногда он видит ее лицо, но чаще только силуэт, который чуть темнее, чем серость у него под веками. А еще он может чувствовать ее запах, прикасаться к волосам – они ощутимо скользят меж его пальцев. Но если он попытается крепко ее обнять, она ускользнет, как волосы между пальцами.

Жужжание колес на темной дороге. Спертый воздух, раскачивающийся автобус и холодные звезды. Сколько еще ехать до лагеря «Приют»? Кажется, они уже целую вечность движутся по этой темной дороге под холодными звездами. Он смежил веки, ждет, когда появится мама, а Меган в это время смотрит на него большими круглыми глазами.

Он так и засыпает в ожидании.

Он спит, когда три школьных автобуса подъезжают к воротам лагеря «Приют». На сторожевой башне часовой нажимает кнопку, электронный замок срабатывает, и ворота плавно открываются. Автобусы въезжают на территорию лагеря, и ворота закрываются.

Он просыпается, только когда раздается злобное шипение тормозов и автобус окончательно останавливается. Два солдата идут по проходу и будят заснувших детей. Солдаты вооружены до зубов, но они улыбаются и голоса у них тихие.

– Все хорошо. Пора просыпаться. Теперь вы в полной безопасности.

Сэмми выпрямляется и щурится – за окнами яркий свет. Их автобус остановился напротив большого ангара для самолетов. Двери в ангар закрыты, так что мальчик не может увидеть, что там внутри. На секунду он перестает волноваться из-за того, что оказался в незнакомом месте без папы, Кэсси и мишки. Он понимает, что означает яркий свет – иным не удалось отключить электричество в этом месте. А еще это значит, что Паркер сказал правду – у военных есть силовое поле. Оно должно быть здесь. Их не волнует, что иные могут узнать о лагере.

Дети в полной безопасности.

Меган тяжело дышит, и он поворачивается взглянуть, как она. При ярком свете глаза у нее просто огромные. Меган хватает его за руку.

– Не бросай меня, – умоляет она.

Высокий грузный мужчина забирается в автобус. Он становится рядом с водителем – ноги на ширине плеч, руки на бедрах. У него широкое, мясистое лицо и очень маленькие глаза.

– Доброе утро, мальчики и девочки, и добро пожаловать в лагерь «Приют»! Меня зовут майор Боб. Я знаю, что вы устали и проголодались, а еще, наверное, слегка напуганы... Кто из вас немножко напуган? Поднимите руки.

Никто не поднял руку. Двадцать шесть пар детских глаз вопросительно смотрят на майора, и он улыбается. Зубы у него тоже маленькие.

– Превосходно. И знаете что? Вам не надо бояться! Сейчас наш лагерь – самое надежное место в этом свихнувшемся мире. Я не шучу. Вы в полной безопасности. – Он поворачивается к одному из улыбающихся солдат, и тот передает планшет с зажимом для бумаг. – Итак, в лагере «Приют» есть только два правила. Правило номер один: запомните свой цвет. Ну-ка, все подняли свой цвет!

Двадцать пять кулачков поднялись, двадцать шестой, кулачок Меган, остался у нее на колене.

– Красные, через пару минут вас проведут в ангар номер один для обработки. Зеленые, оставайтесь на местах, вам надо еще немножко проехать.

– Я никуда не пойду, – шепчет Меган на ухо Сэмми.

– Правило номер два! – громко басит майор Боб. – Правило номер два состоит всего из двух слов: слушайте и слушайтесь. Слушайте командира вашей группы и делайте все, как он говорит. Не задавайте вопросов и не пререкайтесь. У них... то есть у всех здесь только одна задача, ребята: обеспечить вам безопасность. А мы не сможем обеспечить вам безопасность, если вы не будете выполнять все инструкции и будете задавать вопросы. – Он возвращает планшет улыбающемуся солдату, хлопает в ладоши и говорит: – Есть вопросы?

– Сам только что сказал – не задавать вопросов, – шепчет Меган. – А теперь спрашивает, есть ли у нас вопросы.

– Превосходно! – радостно кричит майор Боб. – А теперь переходим к обработке! Красные, командир вашей группы капрал Паркер. Все идут спокойно, никто не бежит, никто не толкается. Не нарушаем очередь, не разговариваем и не забываем у дверей показывать свой штампик. Чем скорее вы пройдете обработку, тем скорее сможете поспать, а потом и позавтракать. Не скажу, что у нас лучшая еда в мире, но зато ее вдоволь!

После этого майор тяжело спускается по ступенькам. Автобус раскачивается от каждого его шага. Сэмми начинает подниматься, но Меган рывком усаживает его обратно.

– Не бросай меня, – снова шепчет она.

– Но я же красный, – возражает Сэмми.

Ему жалко Меган, но в то же время хочется уйти. У него такое ощущение, что он в этом автобусе сто лет просидел. К тому же, чем скорее они все выйдут из автобусов, тем скорее солдаты смогу вернуться за Кэсси и папой.

– Все хорошо, – пытается он успокоить Меган. – Ты слышала, что говорил Паркер. Они всех вылечат.

Он пристраивается к очереди красных. Паркер стоит на выходе из автобуса и проверяет штампик на руках у детей.

– Эй! – кричит водитель.

Сэмми оборачивается как раз в тот момент, когда Меган спрыгивает с последней ступеньки. Она врывается в грудь преградившего дорогу капрала и кричит, а он хватается за руки.

– Отпусти меня!

Водитель принимает сопротивляющуюся Меган у капрала и тащит ее обратно в автобус.

– Сэмми! – кричит Меган. – Сэмми, не бросай меня! Не дай им...

Двери закрываются, и крики Меган стихают. Сэмми смотрит снизу вверх на Паркера, тот ободряюще хлопает его по плечу.

– С ней все будет хорошо, Сэм, – говорит доктор. – Идем.

По пути к ангару он слышит крики Меган, они прорываются сквозь желтую металлическую обшивку автобуса, заглушают рычание двигателя и шипение тормозов. Меган кричит так, словно умирает, словно ее там пытаются. А потом он входит в ангар через боковую дверь и больше не слышит ее криков.

Сразу за дверью стоит солдат, он дает Сэмми карточку с номером сорок пять.

– Иди к ближайшему красному кругу, – говорит солдат. – Садись и жди, когда назовут твой номер.

– А я должен пойти в больницу, – сообщает Паркер. – Не волнуйся, приятель, и помни, что теперь все будет как надо. Здесь тебя никто не обидит.

На прощание капрал взъерошил Сэмми волосы и дружески стукнул кулаком в плечо.

К великому разочарованию Сэмми, в огромном ангаре нет ни одного самолета. Он никогда не видел вблизи истребитель, хотя после Прибытия тысячу раз был пилотом. Когда мама умирала, он, пилот «Файтинг фалкона», в три раза быстрее звука взмывал к самому краю атмосферы и нацеливался на инопланетный корабль-носитель. Серый корпус корабля-носителя был весь утыкан ракетными установками и лучевыми пушками, и, естественно, вокруг него светилось силовое поле противного зеленого цвета. Но в этом поле была брешь по диаметру, всего на два дюйма шире его истребителя, так что если он хорошенько прицелится... Надо нанести очень точный удар, потому что вся эскадрилья уничтожена и у Земли остался только один защитник от инопланетных орд – это он, Сэмми Салливан, позывной «Гадюка».

На полу в ангаре нарисованы три больших круга красного цвета. Сэм присоединяется к тринадцати ребятам в ближайшем круге и садится на пол. В ушах все еще звучит испуганный крик Меган. Его преследует взгляд огромных глаз, он видит, как блестит от пота ее лоб, чувствует запах ее нездорового дыхания. Кэсси говорила ему, что «домовые муравьи» ушли, они убили всех, кого собирались убить; остались те, кого они не могут заразить, такие как она, папа, Сэмми и все остальные в лагере беженцев. У тех, кто остался, иммунитет, так сказала Кэсси.

Но вдруг она ошибается? Может быть, некоторых болезней убивает дольше. Может, она прямо сейчас убивает Меган.

Или, думает Сэмми, иные спустили на людей вторую чуму, которая еще хуже домовых муравьев и которая убьет всех, кто выжил после первой.

Сэмми отмахивается от этих мыслей. После смерти мамы он хорошо научился отмахиваться от плохих мыслей.

В трех кругах примерно сто детей, но в ангаре очень тихо. Мальчик, который сидит рядом с Сэмми, так устал, что лег на пол, свернулся калачиком и теперь крепко спит. – Он старше Сэмми, ему лет десять или одиннадцать, но он во сне сосет палец, как маленький.

Звенит звонок, а потом из репродуктора звучит громкий женский голос. Сначала говорит на английском, потом на испанском.

– Дети, добро пожаловать в лагерь «Приют»! Мы очень рады, что вы теперь с нами! Мы знаем, что вы устали и проголодались, а кто-то из вас не очень хорошо себя чувствует. Но теперь все будет хорошо. Вас будут вызывать по номерам. Сидите на месте и внимательно слушайте. Ни в коем случае не выходите из своего круга. Мы не хотим, чтобы кто-то потерялся. Ведите себя тихо и помните: мы здесь для того, чтобы о вас позаботиться! Вы в полной безопасности.

И через секунду вызывают первый номер. Ребенок встает в своем круге, и солдат сопровождает его к двери такого же цвета в конце ангара. Солдат забирает у ребенка карточку с номером и открывает дверь. Дальше ребенок идет один. – Солдат закрывает дверь и возвращается на свое место рядом с красным кругом. Возле каждого круга стоят по два солдата. Они вооружены, но улыбаются. Все солдаты улыбаются. Они ни на секунду не перестают улыбаться.

Детей вызывают по номерам, они покидают свой круг, проходят через ангар и исчезают за красной дверью. Никто не возвращается.

Почти истекает час, прежде чем женский голос называет номер Сэмми. Уже утро, солнечный свет льется через высокие окна и окрашивает ангар в золотистый цвет.

Голос из репродуктора объявляет:

– Сорок пятый! Пройди, пожалуйста, к красной двери!

Сэм ужасно устал, ему очень хочется есть, от долгого сидения на одном месте затекли ноги, но, заслышав свой номер, он подскакивает и едва не падает, наткнувшись на спящего мальчика.

За красной дверью его встречает медсестра. Он знает, что это медсестра, потому что на ней зеленые брюки, и халат, и тапочки на резиновой подошве, как у медсестры Рэйчел в кабинете у его доктора. И улыбка у этой женщины тоже как у медсестры Рэйчел. Она берет Сэмми за руку и отводит в маленькую комнату. Там стоит корзина, доверху заваленная грязной одеждой, а на крючках рядом с белой занавеской висят бумажные халаты.

– Ну, дружок, ты когда последний раз мылся? – спрашивает медсестра и смеется, видя испуг на его лице.

Она отдергивает белую занавеску – это душевая кабина.

– А теперь все снимаем и кладем в корзину. Да, даже трусики. Мы любим детей, но не любим вшей, клещей и всех, у кого не две, а много ножек!

Сэмми протестует, но медсестра настаивает на том, что помоеет его сама. Он стоит, прикрыв пах руками, а она втирает ему в волосы какой-то шампунь с противным запахом и намывает его с головы до ног.

– Зажмурься покрепче, а то будет щипать глаза, – предупреждает медсестра.

Она позволяет ему вытереться самостоятельно, а потом говорит, чтобы он надел бумажный халат.

– Иди вон туда. – Медсестра показывает на дверь в противоположной от душевой кабинки стороне.

Халат слишком большой, его полы волочатся по полу. В соседней комнате Сэмми встречает еще одна медсестра. Она толще, чем первая, и старше, и не такая добродушная. – Она велит Сэмми встать на весы и записывает его вес на прикрепленный к планшету лист бумаги рядом с его номером. Потом она требует, чтобы он запрыгнул на смотровой стол, и прикладывает к его лбу металлический диск, точно такой же, как у Паркера в автобусе.

– Я мерю тебе температуру, – объясняет медсестра.

Сэмми кивает:

– Я знаю, Паркер мне говорил. Красный – значит температура нормальная.

– У тебя красный, все нормально.

Медсестра холодными пальцами берет его за запястье – считает пульс.

Сэмми дрожит, он весь покрылся мурашками, и ему страшно. Ему никогда не нравилось ходить к докторам, он боялся уколов. Медсестра садится напротив Сэмми и говорит, что должна задать несколько вопросов. Ему надо внимательно слушать и отвечать честно. Если он не знает, что ответить, – ничего страшного.

И она начинает:

Назови свое полное имя.

Сколько тебе лет?

Из какого ты города?

У тебя есть братья и сестры?

Они живы?

– Кэсси, – говорит Сэмми. – Кэсси жива.

Медсестра записывает имя Кэсси и спрашивает:

– Сколько лет Кэсси?

– Кэсси шестнадцать лет. Они за ней поехали.

– Кто?

– Солдаты. Солдаты сказали, что для нее нет места в автобусе, но они вернутся за ней и за папой.

– За папой? Значит, твой папа тоже жив? А мама?

Сэмми качает головой. Он закусывает нижнюю губу. Его трясет. Так холодно. Он вспоминает два пустых места в автобусе. На одно, рядом с ним, сел капрал Паркер. На второе, рядом с Меган, пересел он.

– Они сказали, что в автобусе нет мест, а места были, – запальчиво говорит он. – Папа и Кэсси тоже могли поехать. Почему солдаты их не взяли?

– Потому, Сэмюэль, что вы, дети, для нас на первом месте.

– Но ведь их тоже сюда привезут, да?

– Да, потом.

И снова вопросы:

Как умерла мама?

Что случилось после ее смерти?

Авторучка медсестры порхает по листку на планшете. Женщина встает и хлопает его по голой коленке.

– Не бойся, здесь ты в полной безопасности, – говорит она, перед тем как уйти.

Голос у нее ровный, как будто она уже в тысячный раз повторяет эти слова.

– Сиди спокойно, через минуту придет доктор.

Сэмми кажется, что это тянется намного дольше минуты. Он обхватывает себя руками и пытается сохранить тепло. С тревогой оглядывает комнату. Раковина и шкаф. Кресло, в котором сидела медсестра. В углу вращающийся табурет, а прямо над табуретом к потолку прикреплена видеокамера, ее черный блестящий глазок нацелен на смотровой стол.

Возвращается медсестра, и вместе с ней в комнату входит доктор Пэм. Если медсестра толстая и невысокая, то доктор высокая и худая. Сэмми сразу успокаивается. Чем-то эта тетя напоминает ему маму. Может быть, из-за того, как она с ним говорит. Смотрит в глаза, и голос у нее теплый и добрый. И руки тоже теплые. Доктор Пэм не надевает перчатки, как медсестра, перед тем как осматривает его.

Она ведет себя как доктора, к которым он привык. Светит фонариком ему в глаза, уши и горло. Слушает через стетоскоп, как он дышит. Нажимает пальцами под подбородком, но не сильно, и все время что-то тихонько напевает.

– Ложись на спину, Сэм.

Сильные пальцы нажимают ему на живот.

– Не больно, когда я так делаю?

Она просит встать, нагнуться и дотянуться до пальцев на ногах, а сама быстро прощупывает ему позвоночник.

– Молодец, теперь полезай обратно на стол.

Сэмми быстро забирается на стол, он чувствует, что осмотр уже почти закончен. Уколов не будет. Может, кольнут в палец – не очень приятно, но это все-таки не настоящий укол.

– Протяни руку.

Доктор Памела кладет ему на ладонь серый тюбик, крохотный, с рисовое зернышко, не больше.

– Знаешь, что это такое? Это называется микрочип. У тебя когда-нибудь были домашние животные? Собака или кот?

Нет, у папы аллергия. Но вообще-то Сэмми всегда хотел собаку.

– Понятно. Некоторые люди ставят такой микрочип своим питомцам, чтобы они не потерялись. Он подает сигналы, и можно за ним проследить.

Доктор объясняет, что микрочип помещают под кожу, и где бы Сэмми ни оказался, его всегда смогут найти. Просто чтобы убедиться: с ним все в порядке. Здесь, в лагере «Приют», безопасно, но ведь считанные месяцы назад все думали, что инопланетяне не могут напасть на Землю. Значит, осторожность не помешает.

Сэмми перестал слушать доктора после слов «помещают под кожу». Этот серый тюбик собираются поместить ему под кожу? Кусачий страх снова подбирается к его сердцу.

– Это не больно, – говорит доктор, почувствовав его испуг. – Сначала сделаем укол, чтобы ты ничего не почувствовал, а потом день или два у тебя будет немножко болеть в этом месте.

Доктор очень добрая. Сэмми видит, что она понимает, как сильно он не любит уколы. На самом деле она не хочет делать ему укол, но должна. Доктор показывает Сэмми иголку, которой сделает ему обезболивающий укол. Иголочка очень тонкая, не толще человеческого волоса. Доктор говорит, что укол будет, как укус комара. Не так уж и плохо. Комары его много раз кусали. И еще доктор Пэм обещает, что он не почувствует, как серый тюбик войдет

ему под кожу. Она говорит, что после обезболивающего укола он вообще ничего не почувствует.

Сэмми ложится на живот и утыкается лицом в согнутый локоть. В комнате и так холодно, а когда доктор протирает ему шею смоченным в спирте тампоном, он весь сжимается. Доктор просит, чтобы он расслабился.

– Не напрягайся, а то будет больно, – говорит она.

Сэмми старается думать о чем-нибудь хорошем, о чем-нибудь таком, что отвлечет его от происходящего в этой комнате. В его воображении возникает лицо Кэсси. Это странно, поскольку он рассчитывал увидеть лицо мамы.

Кэсси улыбается, а он улыбается ей. Хоботок комара величиной, наверное, с клюв птицы вонзается ему в шею. Сэмми не двигается, только тихонько взвизгивает. Меньше чем через минуту все заканчивается.

Метка на номер сорок пять установлена.

40

Доктор накладывает повязку на место имплантации микрочипа, потом делает запись в карточке Сэмми и передает ее медсестре, а Сэмми она говорит, что остался еще один тест.

Сэмми идет за доктором в следующую комнату. Эта комната меньше смотровой, она чуть больше шкафа. В центре комнаты стоит кресло с высокой спинкой и узкими подлокотниками, оно напоминает Сэмми кресло в кабинете дантиста.

Доктор говорит Сэмми, чтобы он сел в кресло.

– Откинься на спинку. И голову тоже, вот так. Расслабься.

Что-то тихо стрекочет. Спинка кресла опускается так, что ноги Сэмми поднимаются вверх. В поле зрения Сэмми попадает лицо доктора. Она улыбается.

– Хорошо, Сэм, ты вел себя очень хорошо, потерпи еще немножко, обещаю, этот тест – последний. Он не займет много времени, и больно тебе не будет, но иногда он бывает, скажем так, интенсивным. Это тест имплантата, который мы тебе только что установили. Мы должны убедиться в том, что он хорошо работает. Тест займет несколько минут, и ты должен лежать очень-очень тихо. Это непросто. Нельзя ерзать, даже нос почесать нельзя, потому что это может испортить тест. Как ты думаешь, у тебя получится?

Сэмми кивает и тоже улыбается доктору:

– Я много раз играл в замри-отомри. У меня здорово получается.

– Хорошо! Но, просто на случай, если у тебя зачесется нос, я вот этими ремнями пристегну тебе руки и ноги. Я не буду их туго затягивать. Ремни будут тебе напоминать о том, что надо лежать смирно. Ты согласен?

Сэмми кивает.

– Хорошо, – говорит доктор, пока пристегивает ремни, – а теперь я отойду к компьютеру. Компьютер будет посылать сигналы, чтобы проверить передатчик, а передатчик будет посылать сигналы обратно на компьютер. Это займет всего несколько секунд, но тебе может показаться, что намного дольше. Разные люди реагируют по-разному. Готов попробовать?

– Готов.

– Хорошо! Закрой глаза и не открывай, пока я не скажу, что можно. Дыши глубоко. Начинаем. Глаза не открываем. Считаем – три... два... один...

В голове Сэмми Салливана взрывается ослепительно-белый шар. Все его тело цепенеет от напряжения, ремни впиваются в запястья и щиколотки, он судорожно хватается за подлокотники. По ту сторону стены ослепляющего света звучит голос доктора.

– Все хорошо, Сэмми, – успокаивает она его. – Не бойся. Еще несколько секунд, и все. Я обещаю...

Сэмми видит свою детскую кроватку. Рядом с ним в кроватке лежит мишка. Потом над его кроваткой начинают медленно плыть по орбитам звезды и планеты. Он видит маму. Мама

наклоняется к нему с ложкой лекарства и говорит, что он должен это выпить. Лето. Кэсси на заднем дворе. Он ходит рядом в трусиках-подгузниках. Кэсси направляет струю воды из поливочного шланга вверх, и в воздухе из ниоткуда появляется радуга. Кэсси брызгает из шланга в разные стороны и смеется, глядя на то, как он пытается поймать неуловимые искры золотого цвета.

«Поймай радугу, Сэмми! Лови ее!»

Воспоминания и картинки из прошлого выливаются из него, как вода в дренажную трубу. Меньше чем за полторы минуты вся жизнь Сэмми перекачивается в компьютер. Лавина из опыта осязания предметов, обоняния, вкуса и звуков устремляется в белое ничто. Его сознание открывается в ослепительно-белом свете. Все, что он испытал, все его воспоминания и даже то, что он не мог вспомнить, все, что составляет личность Сэмми Салливана, вытягивается из него, сортируется и передается через имплантат в его шее на компьютер доктора Пэм.

Картирование номера сорок пять закончено.

41

Доктор Памела отстегивает ремни и помогает Сэмми встать с кресла. У него подгибаются колени, но доктор держит его за руки и не дает упасть. Желудок у Сэмми сжимается, его рвет прямо на белый пол. Куда бы он ни посмотрел, перед глазами дрожат и пляшут темные пятна. Большая неулыбчивая медсестра отводит его обратно в смотровую, укладывает на стол, говорит, что все будет хорошо, и спрашивает, не принести ли ему чего-нибудь.

– Я хочу моего мишку! – кричит Сэмми. – Я хочу папу и Кэсси, я хочу домой!

Рядом возникает доктор Памела. Ее добрые глаза светятся пониманием. Она знает, что чувствует Сэмми. Доктор говорит ему, какой он храбрый и умный, – молодчина, что сумел пройти так далеко. Последний тест он выдержал на отлично. Он абсолютно здоров и в полной безопасности. Все худшее позади.

– Папа всегда так говорил, когда что-нибудь плохое случалось, а потом все становилось еще хуже, – захлебываясь слезами, лепечет Сэмми.

Ему приносят белый комбинезон. Он похож на летчицкий, сделан из гладкой ткани и с молнией впереди, только велик Сэмми и рукава приходится подвернуть.

– Сэмми, догадываешься, почему ты так важен для нас? – спрашивает доктор Памела. – Потому что ты – наше будущее. Без тебя и всех других детей у нас нет шанса их победить. Вот для чего мы вас искали, нашли и привезли сюда. Вот для чего мы все это делаем. Ты ведь знаешь, они нам сделали кое-что очень плохое, даже страшное. Но это еще не самое худшее, это не все, что они с нами сделали.

– А что еще они сделали? – шепотом спрашивает Сэмми.

– Правда хочешь знать? Могу показать тебе, но только если ты этого хочешь.

В той белой комнате он заново пережил смерть мамы: вдыхал запах ее крови, смотрел, как папа смывает с рук ее кровь. И вот теперь доктор говорит, это еще не самое плохое из того, что сделали иные.

– Да, я хочу знать, – говорит Сэмми.

Доктор показывает серебряный диск, которым медсестра мерила ему температуру; такой же в автобусе Паркер прикладывал к его лбу и ко лбу Меган.

– Это не термометр, Сэмми, – говорит доктор Памела. – Он действительно измеряет, но не температуру. Он показывает нам, кто ты. Или, наверное, лучше сказать – что ты. Ответь мне, пожалуйста, Сэм. Ты уже видел кого-нибудь из них? Хоть одного инопланетянина?

Сэмми отрицательно трясет головой. Он сидит на небольшом смотровом столе, поджав ноги, и дрожит в своем белом комбинезоне. Его подташнивает, у него болит голова, он голоден и очень устал. Хочется крикнуть: «Хватит! Я не хочу этого знать!», но он закусывает губу и молчит. Он не хочет знать, но он должен узнать.

– Мне тяжело это говорить, но ты видел. – У доктора тихий и печальный голос. – Мы все видели. Мы ждали их появления со дня Прибытия, но правда в том, что они уже очень давно были здесь, прямо у нас под носом.

Сэмми трясет головой: доктор Памела ошибается, он ни одного не видел. Он часами слушал папины рассуждения о том, на кого они могут быть похожи. Папа говорил, что люди могут так и не узнать, как выглядят иные. Они не посылали сигналы, не высаживались на Землю; кроме серо-зеленого корабля-носителя на орбите и дронов ничто не говорило об их присутствии. Почему доктор Памела уверена, что он видел кого-то из них?

Доктор протягивает ему руку:

– Если хочешь посмотреть, я могу показать.

VI. Человеческая глина

42

Бен Пэриш мертв.

Я по нему не скучаю. Бен был слабаком, размазней, нытиком.

Зомби не такой.

Зомби – противоположность Бена. Зомби – жесткач. Зомби – крутизна. Зомби холоден, как лед.

Зомби появился на свет, когда я вышел из палаты для выздоравливающих и поменял тонкую пижаму на синий комбинезон. Мне выделили койку в десятой казарме. Трехразовое питание и зверская физическая подготовка загнали меня обратно в форму. Но главную роль сыграл Резник, старший инструктор полка по строевой подготовке. Он уничтожил Бена Пэриша, разобрал на миллион деталей, а потом собрал из них Зомби – безжалостную машину для убийства, то есть меня теперешнего.

Не поймите неправильно: Резник – жестокий, холодный подонок с наклонностями садиста, и я каждую ночь, засыпая, придумываю разные способы его убить. С самого первого дня он решил, что его миссия – сделать мою жизнь невыносимой, и, надо сказать, он в этом преуспел. Он давал мне оплеухи, бил под дых, толкал, пинал, плевал в меня. Он надо мной насмехался, передразнивал, орал так, что у меня звенело в ушах. Заставлял часами стоять под ледяным дождем, драить казарму зубной щеткой, до содранных в кровь пальцев разбирать и собирать винтовку, бегать, пока ноги не превращались в студень... ну, вы понимаете.

Я не понимал. Сначала не понимал: он делает из меня солдата или хочет убить? Одно время я склонялся ко второму варианту. А потом понял – и то, и другое. Резник пытался меня убить, это был его способ сделать из меня солдата.

Приведу только один пример. Одного будет достаточно.

Утренняя зарядка во дворе. На плацу все подразделения полка, больше трехсот солдат, и Резник выбирает это время для моего публичного унижения. Я отжимаюсь семьдесят восьмой раз. Резник нависает надо мной – ноги широко расставлены, уперся руками в колени. Его лицо рядом с моим.

– Рядовой Зомби, у твоей матери были дети, которые выжили?

– Сэр! Да, сэр!

– Держу пари, когда ты родился, она посмотрела на тебя разок и сразу попыталась запихнуть обратно!

Он ставит ногу в черном ботинке на мой зад и придавливает меня к земле. Моя группа отжимается на кулаках на асфальтовой дорожке, которая огибает двор. Земля промерзла, асфальт впитывает кровь – не так скользко. Резник хочет, чтобы я сдался, не дотянув до ста. Я поднимаю туловище с его ногой на моей заднице. Нет, я не начну сначала. Только не перед всем полком. Я чувствую, что новобранцы наблюдают за мной. Они ждут моего неизбежного поражения. Ждут, когда победит Резник. Резник всегда побеждает.

– Рядовой Зомби, ты считаешь, что я ничтожество?

– Сэр! Нет, сэр!

У меня горят мышцы, костяшки кулаков ободрались об асфальт. Я наращиваю мускулатуру, но верну ли я обратно свою душу?

Восемьдесят восемь. Восемьдесят девять. Еще немного.

– Ты меня ненавидишь?

– Сэр! Нет, сэр!

Девяносто три. Девяносто четыре.

Кто-то из другой группы шепчет:

– Кто этот парень?

Кто-то еще, по голосу девушка, отвечает:

– Его зовут Зомби.

– Ты убийца, рядовой Зомби?

– Сэр! Да, сэр!

– Ты ешь мозги инопланетян на завтрак?

– Сэр! Да, сэр!

Девяносто пять. Девяносто шесть.

Во дворе гробовая тишина. Я не единственный новобранец, который его ненавидит. Наступит день, когда кто-нибудь из нас обыграет Резника на его собственном поле.

– Дерьмо собачье! Я слышал, ты трус. Я слышал, ты боишься драться.

– Сэр! Нет, сэр!

Девяносто семь. Девяносто восемь.

Еще два, и я победил. Я слышу, как та же девушка – она, наверное, стоит рядом – шепчет:

– Давай же.

На девяносто девятом жиме Резник придавливает меня пяткой. Я падаю на грудь, щека касается твердой утрамбованной земли. Его одутловатое лицо всего в дюйме от моего. Я смотрю в его бесцветные глазки.

Девяносто девять. Оставался только один жим. Мразь.

– Рядовой Зомби, ты – позор своего рода. Я уделывал недоносков покруче тебя. По твоей вине я начинаю думать, что враг не зря презирает нашу расу. Тебя следует пропустить через мясорубку и скормить свиньям! Чего ждешь, мешок с блевотиной? Нужно особое приглашение?

«Это было бы мило, спасибо, сэр».

Я поворачиваю голову и вижу девушку примерно моего возраста. Она стоит со своей группой. Скрестила руки на груди и качает головой.

«Бедный Зомби».

Девушка не улыбается. У нее темные глаза, темные волосы, а кожа такая светлая, она словно бы светится. Я вижу ее в первый раз, но у меня такое чувство, будто я ее знаю. Здесь готовят к войне сотни ребят и ежедневно подвозят еще сотни. Каждому выдают синий комбинезон, потом приписывают к взводу и селят в одну из окружающих двор казарм. Но у этой девушки запоминающееся лицо.

– Вставай, червяк! Встань и выдай мне еще сотню. Еще сотня или, клянусь Богом, я вырву тебе глаза и подвешу у себя на зеркале заднего вида!

Я выдохся; не думаю, что у меня остались силы даже на одно отжимание.

Резнику плевать на то, что я думаю. Это тоже до меня дошло не сразу. Им не только плевать на то, что я думаю, они вообще не хотят, чтобы я думал.

Его лицо так близко, что я чувствую запах у него изо рта. Похоже на мяту.

– В чем дело, сладенький? Устал? Пора сменить подгузник?

Хватит у меня сил еще на одно отжимание? Если получится, я не проиграю. Упираюсь лбом в асфальт и закрываю глаза. Мне есть от чего оттолкнуться. Это место, которое я нашел в себе, когда подполковник Вош показал мне поле последней битвы. Это центр абсолютного

покоя, там нет усталости, нет ни отчаяния, ни злости, нет ничего, что принес в нашу жизнь повисший в небе зеленый глаз. В этом месте у меня нет имени. Я не Бен и не Зомби, я – просто я. Ничто не может на меня повлиять, ничто не способно меня контролировать, ничто не в силах меня сломать. Я последний во Вселенной, в ком сконцентрирован весь потенциал человечества, включая способность выдать самому злобному придурку на Земле еще одно отжимание.

И я отжимаюсь.

43

Но я не какой-нибудь там особенный.

Резник – беспощадный садист, он ни для кого не делает исключений. В группе номер пятьдесят три, кроме меня, еще шесть новобранцев. Кремень, мой ровесник с крупной головой и густыми сросшимися бровями; Танк, худой раздражительный парнишка с фермы. Дамбо, двенадцать лет, большие уши; был улыбчивый, но утратил это качество в первую неделю подготовки. Кекс, восемь лет, все время молчит, но пока он наш лучший стрелок. Умпа, кривоzubый щекастый мальчишка, последний на тренировке, но первый в столовой. И наконец, Чашка, семь лет; совершеннейшая посредственность; восторженная дурочка, готова целовать землю, по которой ступал Резник. И всех нас Резник обрабатывает с одинаковой жестокостью.

Я не знаю настоящих имен ребят из моей группы. Мы не говорим, кем были до того, как попали в лагерь, или что случилось с нашими семьями. Все это уже не имеет значения. Всех этих ребят – до-Кремня, до-Танка, до-Дамбо и других – больше нет, так же как нет Бена Пэриша. Нам вживили микрочипы, скачали наши жизни в компьютер и сказали, что мы – единственная надежда человечества, молодое вино в старых мехах. Нас, естественно, связывает ненависть к инвазированным и их хозяевам. Но еще нас связывает жгучая ненависть к сержанту Резнику, а то, что мы постоянно должны держать это чувство в себе, делает его еще сильнее.

Когда в барак номер десять поселили ребятенка по прозвищу Наггетс, один из нас не смог больше держать это внутри и вся законсервированная злость вырвалась наружу.

Попробуйте догадаться, кто этот идиот.

Я глазам своим не поверил, когда малыш появился на переключке. Ему пять лет, не больше, потерялся где-то в своем белом комбинезоне. Утро было холодное, он дрожал, и казалось, его вот-вот вырвет. Никаких сомнений, пацаненок был напуган до чертиков. И вот идет сержант Резник – шляпа надвинута на свинячьи глазки, черные ботинки начищены до зеркального блеска, голос осип от постоянного ора. Он повернул свою жирную рябую морду к новичку. Чудо, что эта малявка не наложила в штаны от такого зрелища.

Сержант всегда начинает медленно, мягко стелет, у тебя даже возникает мысль, что он, возможно, нормальный человек.

– Так-так, что это у нас здесь? Что для нас отобрали на кастинге? Это хоббит? Ты волшебное существо из сказочного королевства? Явилось, чтобы заколдовать меня с помощью черной магии?

Резник еще разогревался, а малыш уже давился слезами. Он только что из автобуса, бог знает что пережил за пределами лагеря, и вот этот бешеный пес решил в него вцепиться. Ладно, поглядим, как молокосос воспринимает сержанта и вообще все это безумие, которое будто в насмешку назвали лагерем «Приют». Сам-то я худо-бедно приновился, но мне все-таки не пять лет.

– Ах ты, моя прелесть. Такой маленький, я сейчас заплачу! Господи, да наггетсы, которые я топил в соусе барбекю, и то были крупнее!

Резник наклонился к малышу и одновременно повысил голос. А новенький малыш держался на удивление хорошо – весь сжался, глаза бегают по сторонам, но сам не шевелится, хотя видно, что он рад бы сорваться с места и бежать, пока несут ноги.

– Расскажи мне свою сказку, рядовой Наггетс. Ты потерял маму? Хочешь домой? А, я знаю! Давайте все закроем глаза и загадаем желание! Может, мамочка вернется и заберет нас домой! Вот будет хорошо, да, рядовой Наггетс?

Малыш часто-часто закивал, как будто услышал от Резника вопрос, которого давно ждал. Наконец-то кто-то заговорил о самом главном! Малыш поднял голову и уставился большими, темными, как у плюшевого медведя, глазами в глаза-пуговицы сержанта Резника... Этого достаточно, чтобы у тебя разорвалось сердце. От такого взгляда хочется кричать.

Но ты не кричишь. Ты стоишь по стойке «смирно», глядишь прямо перед собой, руки по швам, грудь вперед. Боковым зрением наблюдаешь за происходящим, а в это время что-то внутри тебя высвобождается, так распускает свои кольца перед нападением гремучая змея. Ты долго держал это внутри себя, и давление все нарастало. Нельзя предугадать, когда произойдет взрыв, и после того, как он происходит, ты уже ничего не можешь сделать.

– Оставьте его в покое.

Резник резко обернулся. Никто не произнес ни звука, но послышался испуганный вдох. В другом конце шеренги Кремень выпучил глаза, он не мог поверить в содеянное мною. Я и сам не мог.

– Это кто сказал? Кто из вас, говнюки и недоделки, только что подписал себе смертный приговор?

Сержант сжал кулаки так крепко, что аж костяшки побелели, и двинулся вдоль шеренги.

– Что, никто? Тогда я сейчас упаду на колени и прикрою голову руками, потому что ко мне с Небес обратился сам Господь Всемогущий!

Сержант остановился напротив Танка. На улице минус пятнадцать градусов, а Танк вспотел так, что на комбинезоне темные пятна.

– Это ты сказал, тощая задница? Я руки тебе поотрываю!

Резник отвел руку назад, приготовился двинуть Танку кулаком в пах.

Стимул для кретина.

– Сэр, это я сказал, сэр!

На этот раз Резник поворачивался медленно. Он шел ко мне тысячу лет. Где-то вдалеке каркнула ворона, но кроме этого звука я ничего не слышал.

Сержант остановился в поле моего зрения, но не напротив, а это было плохо. Я не мог повернуться в его сторону. В строю надо смотреть прямо перед собой. Хуже всего было то, что я не видел его руки, не мог знать, когда и куда он ударит, и, следовательно, не мог подготовиться.

– Значит, теперь приказы отдает рядовой Зомби, – сказал Резник так тихо, что я с трудом расслышал его слова. – В группе номер пятьдесят три рядовой Зомби лично отвечает за отлов детей над пропастью в гребаной ржи. Рядовой Зомби, кажется, я влюбился. Смотрю на тебя, и коленки дрожат. Ненавижу собственную мать за то, что она родила сына и теперь я не могу иметь от тебя детей.

Я гадал, куда он собирается врезать. По колену? Между ног? Под дых? Резник больше всего любил бить под дых.

Не угадал. Он ударил ребром ладони по кадыку. Я пошатнулся, но приложил все силы, чтобы стоять прямо и держать руки по швам. Я не собирался давать сержанту повод для второго удара. Плац и казармы подпрыгнули и начали расплываться у меня перед глазами. Мне, естественно, было больно, но слезы выступили не только из-за боли.

– Сэр, это маленький ребенок, сэр, – еле выговорил я.

– Рядовой Зомби, у тебя две секунды, ровно две секунды на то, чтобы заткнуть эту сортирную дыру, которая у тебя вместо рта. Если не заткнешься, я кремирую твой зад вместе с зараженными сукиными детьми!

Сержант сделал глубокий вдох и приготовился к очередному словесному залпу. Я тогда, видно, окончательно утерять способность соображать, потому что открыл рот и заговорил.

Скажу честно: в тот момент какая-то часть меня почувствовала облегчение и что-то чертовски похожее на веселье. Я слишком долго сдерживал ненависть.

– Тогда старший инструктор по строевой подготовке должен это сделать, сэр! Рядовому плевать на это, сэр! Только... только не трогайте ребенка.

Гробовая тишина. Даже ворона перестала каркать. Вся группа прекратила дышать. Я знал, о чем думают солдаты. Мы все слышали о дерзком новобранце и «несчастном случае», который произошел с ним на полосе препятствий. – После того случая новобранец три недели провалялся в больнице. Была еще история о тихом пацанчике десяти лет, который повесился в душе на шнуре от удлинителя. Доктор констатировал самоубийство. Многие в этом сомневались.

Сержант не сдвинулся с места.

– Рядовой Зомби, кто командир твоей группы?

– Сэр, командир группы рядовой Кремень, сэр!

– Рядовой Кремень, шаг вперед! – рявкнул сержант.

Кремень вышел из строя и четко отдал честь. Его сросшиеся брови подрагивали от напряжения.

– Рядовой Кремень, ты отстранен. С этого момента командир группы рядовой Зомби. Рядовой Зомби – наглый урод, но он не слабак.

Я чувствовал, как сержант Резник буравит меня своими глазками.

– Рядовой Зомби, что случилось с твоей младшей сестрой? – спросил он.

Я моргнул. Два раза. Я старался оставаться непроницаемым для сержанта. Но когда отвечал, голос у меня все-таки дрогнул.

– Сэр, сестра рядового умерла, сэр!

– Потому что ты сбежал, как последний трус!

– Сэр, рядовой сбежал, как последний трус, сэр!

– Но сейчас ты не убегаешь, так, рядовой Зомби? Ты не убегаешь?

– Сэр, нет, сэр!

Сержант Резник отступил на шаг. Что-то мелькнуло в его глазах. Раньше я никогда этого не видел. Конечно, такого не могло быть, но мне показалось, что это уважение.

– Рядовой Наггетс, выйти из строя!

Новичок не пошевелился, пока Кекс не толкнул его в спину. Малыш не хотел плакать, он старался сдержать слезы, но, господи, какой ребенок не расплакался бы на его месте? Твоя прошлая жизнь выплюнула тебя, и вот где ты оказался?

– Рядовой Наггетс, рядовой Зомби – командир твоей группы, ты будешь спать на соседней койке. Он научит тебя ходить, говорить и думать. Он будет тебе старшим братом, которого у тебя никогда не было. Ты меня понял, рядовой Наггетс?

– Сэр, да, сэр! – ответил малыш.

Голосок у него дрожал, но он усваивал правила и делал это быстро.

Вот так это и началось.

44

Вот типичный распорядок дня атипичной новой реальности в лагере «Приют».

Пять утра:

Подъем и умывание. Одеваемся, застилаем койки.

Пять десять:

Построение. Сержант проверяет наши места. Увидит морщинку на чьем-нибудь одеяле – орет минут двадцать. Потом выбирает наугад новобранца и орет двадцать минут уже без всякой причины. После этого отмораживаем задницы на плацу, бежим три круга. Подгоняю Умпу и Наггетса – если они отстанут, я должен буду, как финишировавший последним, пробежать лишний круг. Мерзлая земля под ботинками. Выдыхаемая влага замерзает в

воздухе. Над трубами электростанции за аэродромом поднимаются два столба черного дыма, из главных ворот выезжают школьные автобусы.

Шесть тридцать:

Утренний прием пищи. В столовой не протолкнуться. Попахивает скисшим молоком. Этот запах напоминает о чуме, а еще о том, что когда-то мои мысли крутились вокруг машин, футбола и девчонок. Именно в таком порядке. Я помогаю Наггетсу наполнить поднос и заставляю все съесть: если он не будет хорошо питаться, ему здесь не выжить. Я прямо так ему и говорю: «Учебный лагерь тебя прикончит». Танк и Кремень смеются надо мной. Они уже прозвали меня Нянькой Наггетса. Плевать на них. После завтрака мы проверяем показатели в таблице лидеров. Таблица вывешивается на доске рядом со входом в столовую, и каждое утро туда вносят очки за прошлый день: стрельба, полоса препятствий, действия во время воздушного налета, бег на две мили. Первые четыре группы выпускаются в конце ноября, так что борьба за лидерство серьезная. Наша группа уже не первую неделю висит на десятом месте. Десятое место – не так плохо, но недостаточно хорошо.

Восемь тридцать:

Тренировки. Оружие. Рукопашный бой. Выживание в дикой местности. Выживание в городской среде. Разведка. Связь. Мои любимые тренировки на выживание. Не забуду занятия, когда нам пришлось пить собственную мочу.

Полдень:

Дневной прием пищи. Между двумя подсохшими кусками хлеба мясо загадочного происхождения. Дамбо, чьи шуточки по тупости могут соревноваться с размером его ушей, говорит, что зараженных не кремируют, а жарят на гриле и скормливают новобранцам. Я хватаю Чашку до того, как она успевает обрушить поднос на его голову. Наггетс смотрит на свой бургер так, будто тот может выпрыгнуть из тарелки и укусить его. Дамбо скотина – малыш и так худенький.

Час дня:

Еще тренировки. В основном стрельба по мишеням. Наггетсу вместо винтовки выдали палку, и он стреляет воображаемыми патронами. Мы палим из настоящих М-16. Мишени – фанерные фигуры людей. Фанера трещит и разлетается в щепки. Лучший результат у Кекса. Я худший стрелок в группе. Представляю, что человек из фанеры – Резник, но это не помогает.

Пять вечера:

Вечерний прием пищи. Консервированное мясо, консервированный горошек, консервированные фрукты. Наггетс ковыряется в еде, а потом плачет. Вся группа смотрит на меня. Я отвечаю за Наггетса. В любой момент может заявиться Резник с проверкой, и тогда всем несдобровать, а виноват буду я. Дополнительные нагрузки, сокращение рациона... Сержант может даже снять заработанные очки. Плевать на все, главное – заработать очки и выпускаться, избавиться от Резника. За столом напротив сидит Кремень и злобно смотрит на меня из-под сросшихся бровей. Он злится на Наггетса, но еще больше злится на меня – за то, что я занял его место. Я не выпрашивал себе место командира группы. В тот день, когда сержант назначил меня на эту должность, Кремень подошел ко мне и сказал: «Мне плевать, кто ты теперь, когда выпустимся, я стану сержантом». А я сказал что-то вроде: «Ветер в спину, Кремень». Я вообще считаю, что делать из меня командира группы было глупо. А пока я никак не могу успокоить Наггетса. Он опять завел шарманку о своей сестре. Все твердит, что она обещала прийти за ним. Вот как командиру группы вести себя с малышом, который даже винтовку поднять не может? Если «Страна чудес» распыляет своих лучших бойцов, какой прок может быть от этого сопляка?

Шесть вечера:

Инструктаж «Вопрос – ответ». Мое любимое время суток, когда есть толк от общения с лучшим представителем рода человеческого. Проинформировав нас о том, какие мы бесполезные отбросы, Резник открывается и разрешает задавать вопросы. Нас больше всего волнует соревнование: правила; как выбирают лидера в случае равных очков у групп; слухи о

том, что кто-то жульничает. Главное для нас – перейти на следующий уровень. Другие темы: операции по спасению и распространению (кодовое название «Малышка Бо Пип»⁹, и это не шутка); что нового за оградой лагеря и когда нас переведут в подземный бункер? – Ясно же, что враг не может не заметить, чем мы тут занимаемся. Нас тут уничтожат, это только вопрос времени. Ответ всегда стандартный: «Комендант Вош знает, что делать. Ваша забота – стратегия и логистика. Ваша работа – уничтожение врага».

Восемь тридцать вечера:

Личное время. Наконец-то без Резника. Стираем комбинезоны, начищаем ботинки, драим казарму и туалет, смазываем винтовки, меняемся журналами и «контрабандными» леденцами и жевательными резинками. Играем в карты, разоряем друг друга и проклинаем Резника. Слухи, тупые анекдоты, все что угодно, только бы не слышать тишину в собственной голове. Так мы отгораживаемся от тишины, которая извергает беззвучные вопли, как вулкан раскаленную лаву. А потом – разговор, который начинается и заканчивается, как кулачный бой. Мы открываемся и закрываемся. Мы знаем слишком много. Мы почти ничего не знаем. Почему в полк набирают таких, как мы, и никого старше восемнадцати? Что случилось со взрослыми? Их увезли? Если увезли, то куда и зачем? Те, кого здесь называют гадами, – последняя волна, или будет еще одна, Пятая, в сравнении с которой первые четыре покажутся мелкой рябью? Мысли о Пятой волне прекращают все разговоры.

Девять тридцать вечера:

Выключается свет. Нужно лежать на койке без сна и изобретать новый изощренный способ избавиться от сержанта Резника. Через некоторое время это занятие меня утомляет, и я думаю о девчонках, с которыми встречался. Располагаю их в разном порядке, на какую базу попаду. Самые красивые. Самые умные. Самые веселые. Блондинки. Брюнетки. Они постепенно перемешиваются, и под конец остается только одна девочка. Это Девочка, которой больше нет, и в ее глазах снова оживает бог из школьного спортзала – Бен Пэриш. Я достаю из тайника под койкой медальон Сисси и прижимаю к сердцу. Больше нет вины. Нет горя. Я поменял жалость к себе на ненависть. Чувство вины на коварство. Горе на дух мести.

– Зомби?

Это Наггетс на соседней койке.

– Свет выключен – никаких разговоров, – шепотом отзываюсь я.

– Мне не уснуть.

– Закрой глаза и думай о чем-нибудь хорошем.

– А нам можно молиться? Это по правилам?

– Конечно, помолись. Только не вслух.

Я слышу его дыхание, слышу, как он ворочается с боку на бок.

– Кэсси всегда молилась вместе со мной, – признается Наггетс.

– Кто такая Кэсси?

– Я тебе говорил.

– Я забыл.

– Кэсси моя сестра. Она за мной придет.

– А, да, конечно.

Я не говорю малышу, что если сестра до сих пор не объявилась, то она наверняка мертва. Не мне разбивать ему сердце, это сделает время.

– Кэсси обещала. Она обещала.

Наггетс тихонько икает. Заплакал. Отлично. Никто не знает точно, но мы для себя решили, что казармы прослушиваются и Резник постоянно держит нас под наблюдением, ждет, когда мы нарушим правила, чтобы устроить выволочку. За болтовню после отбоя нам полагается недельный наряд на кухне.

– Наггетс, все хорошо...

⁹ *Малышка Бо Пип* – девочка-пастушка из детского стишка, которая потеряла овечку и не знает, как ее найти.

Я протягиваю к нему руку и глажу недавно обритую голову. Сисси, когда ей было плохо, любила, чтобы я гладил ее по голове... Может, и Наггетса это успокоит.

– Эй, заткнитесь там! – шипит со своей койки Кремень.

– Вот именно, – вторит ему Танк. – Зомби, хочешь, чтобы с нас очки сняли?

Я подвигаюсь на край койки и хлопаю по матрасу:

– Перебирайся сюда, Наггетс. Я с тобой помолюсь, а потом ты будешь спать, уговор?

Матрас прогибается из-за дополнительного веса. О господи, что я делаю? Если заявится Резник с проверкой, я буду целый месяц чистить картошку. Наггетс устраивается на боку лицом ко мне, его сложенные кисти, когда он подносит их к подбородку, касаются моего плеча.

– Какую молитву она с тобой читала? – шепотом спрашиваю я.

– Вот сейчас улягусь спать, – шепчет он в ответ.

– Кто-нибудь, придушите Наггетса подушкой, – подает голос Дамбо.

Я вижу свет в больших карих глазах малыша. На моей груди медальон Сисси. Глаза Наггетса поблескивают в темноте, как маяки. Молитвы и обещания. Одно дала ему сестра. Другое, не высказанное вслух, я дал своей сестре. Сейчас время нарушенных обещаний. Мне вдруг захотелось пробить кулаком стену.

– Вот улягусь спать и попрошу Бога хранить мою душу.

Наггетс подхватывает на второй строке:

– Когда утром я проснусь, покажи мне тропинку любви.

На следующей строфе в казарме начинают шикать. Кто-то кидается в нас подушкой, но малыш продолжает молиться:

– Вот улягусь спать и попрошу Бога присмотреть за моей душой: пусть ангелы оберегают меня до утра.

На «ангелы оберегают меня» шиканье прекращается и в казарме наступает абсолютная тишина.

Последнюю строфу мы произносим очень медленно, нам как будто не хочется, чтобы молитва заканчивалась, потому что после нее будет пустой сон, а потом еще один день в ожидании последнего дня, когда мы умрем. Даже Чашка понимает, что вряд ли доживет до своего восьмого дня рождения. Но утром мы встанем и выдержим еще один адский семнадцатичасовой день. Потому что мы знаем, что умрем, но умрем мы не сломленными.

– А если я умру во сне, Господи, возьми к себе мою душу.

45

На следующее утро я иду в офис Резника с особой просьбой. Знаю, каким будет ответ, но все равно иду.

– Сэр, командир группы просит старшего инструктора по строевой подготовке освободить рядового Наггетса от занятий на сегодняшнее утро.

– Рядовой Наггетс – военнослужащий, – напоминает мне Резник. – Как военнослужащий, он должен выполнять все задания центрального командования. Все задания, рядовой.

– Сэр, командир группы просит старшего инструктора пересмотреть свое решение, учитывая возраст рядового Наггетса и...

Резник отмахивается от моих аргументов:

– Этот мальчишка не с неба свалился, рядовой. Если бы он не прошел вступительный экзамен, его бы не зачислили в твою группу. Но он прошел вступительный экзамен, его зачислили в твою группу, и он будет выполнять все задания центрального командования, включая ОУ. Все ясно, рядовой?

Что ж, Наггетс, я хотя бы попробовал.

– А что такое ОУ? – спрашивает Наггетс за завтраком.

– Обработка и уборка. – Я отвожу глаза.

Дамбо, который сидит напротив нас, стонет и отодвигает поднос с едой.

– Просто здорово. Спасибо. Для меня единственный способ проглотить завтрак – не думать об этом!

– Выдоить и выкинуть, малыш, – говорит Танк. – Здесь такая система.

Он смотрит на Кремня и ждет одобрения. Эти двое связаны крепко. В тот день, когда Резник меня повысил, Танк сказал, что ему плевать, кто теперь командир, он будет слушать Кремня. Я только пожал плечами. Без разницы. Когда мы выпустимся – если когда-нибудь выпустимся, – один из нас станет сержантом, и я знал, что это буду не я.

– Доктор Пэм показывала тебе гада, – говорю я Наггетсу.

Малыш кивает, по его лицу я вижу, что это неприятное воспоминание.

– Ты нажал на кнопку.

Малыш снова кивает, на этот раз медленнее.

– Как думаешь, что случается с теми, кто за стеклом, после того как нажимают на кнопку?

– Они умирают, – шепотом отвечает Наггетс.

– А больные люди, которых привозят в лагерь, те, которые не выздоравливают... По-твоему, что с ними делают?

– Хватит, Зомби, просто скажи ему как есть!

Это Умпа, он тоже отодвигает поднос с завтраком, причем это не добавка. Умпа, единственный в группе, никогда не обходится одной порцией. Кормят в лагере, мягко скажем, паршиво.

Я повторяю для малыша основную мысль руководства:

– Это не то, что нам нравится делать, но мы должны это делать. Идет война. Ты ведь понимаешь? Это война.

Я смотрю на сидящих за столом ребят и жду, что они меня поддержат, но только Чашка встречается со мной взглядом. Она радостно кивает.

– Война, – говорит Чашка, и вид у нее счастливый.

Мы выходим из столовой и пересекаем плац. Там под присмотром сержантов тренируются сразу несколько групп. Наггетс трусцой бежит возле меня, в группе его за глаза называют собачонкой Зомби. Мы проходим между третьей и четвертой казармами и выходим на дорогу, которая ведет к электростанции и ангарам по переработке. Холодно, небо затянуто тучами; такое ощущение, что вот-вот пойдет снег. Слышно, как где-то вдалеке взлетает «Блэк хоук», потом отрывистая и четкая стрельба из автоматического оружия. Прямо перед нами две трубы электростанции изрыгают в небо черный и серый дым. Серый сливается с тучами, черный долго не рассеивается.

У входа в ангар установлена большая белая палатка, вход увешан красно-белыми предупреждающими знаками. – В этой палатке мы переодеваемся перед тем, как приступить к обработке. Одевшись сам, я помогаю Наггетсу облачиться в оранжевый комбинезон, ботинки, резиновые перчатки, маску и капюшон. После этого читаю ему лекцию о том, что, находясь в ангаре, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нельзя снимать с себя любую деталь защитного костюма. Прежде чем дотронуться до чего-то, Наггетс должен спросить разрешения. Если по какой-то причине он выйдет из ангара, перед возвращением обязательно надо пройти обеззараживание.

– Главное, держись рядом со мной, – велю я Наггетсу, – и все будет в порядке.

Малыш кивает, капюшон раскачивается взад-вперед, и защитное стекло бьет его по лбу. Он пытается усвоить информацию, но получается не очень. Тогда я говорю:

– Наггетс, они просто люди. Самые обычные люди.

Внутри ангара сортируются тела этих самых обычных людей. Зараженные отсеиваются от чистых, или, как мы говорим, – гады от негадов. У гадов на лбу метки – яркие зеленые круги, но и без них можно понять, кто есть кто. Трупы гадов всегда свежее.

Тела складывают у дальней стены, там они ожидают, когда их переложат на длинные металлические столы, которые установлены по всей длине ангара. Все тела на разных

стадиях разложения. Каким-то месяц, а какие-то выглядят достаточно свежо, чтобы сесть на столе и помахать вам ручкой.

В процессе обработки участвуют три группы. Одна перекачивает трупы к столам, вторая их обрабатывает, третья перемещает обработанные тела к выходу. Чтобы труд был не таким монотонным, группы периодически меняются местами.

Обработка – самое интересное, именно с нее начинается наша группа. Я приказываю Наггетсу ничего не трогать и только смотреть, пока не поймет, что и как делать.

Вытаскиваем все из карманов. Сортируем содержимое. Мусор в одну корзину, электронику – в другую, драгоценные металлы – в третью, просто металлы – в четвертую. Бумажники, сумочки, документы, наличные – это все мусор. Некоторые новобранцы не могут сдержаться – старые привычки умирают не сразу – и набивают карманы банкнотами.

Фотографии, удостоверения личности, всякие маленькие сувениры, которые не из керамики, – мусор. Почти у всех, и у старых, и у молодых, карманы заполнены предметами, ценность которых могли бы объяснить только их владельцы.

Наггетс не произносит ни звука. Он наблюдает за моими действиями и перемещается вместе со мной от одного тела к другому. В ангаре работает вентиляция, но трупный запах неистребим, он проникает повсюду, и ты привыкаешь к нему, а через какое-то время уже практически не ощущаешь.

То же самое происходит и с другими органами чувств. С душой. Что способно шокировать после пятисотого мертвого ребенка? Разве повидавший такое может почувствовать тошноту или вообще что-то почувствовать?

Наггетс от меня не отходит, молчит, наблюдает.

– Если затошнит, скажи мне, – строго говорю я.

Рвота в комбинезоне – жутко неприятная штука.

Под крышей ангара включаются динамики. Пустили музыку. Большинство ребят во время обработки предпочитают слушать рэп, я же люблю, чтобы к рэпу иногда подмешивали немного металла и ритм-н-блюз. Наггетс хочет чем-нибудь заняться, поэтому я поручаю ему относить испорченную одежду и бросать в корзины для белья. Позже, вечером, ее сожгут вместе с обработанными трупами. «Уборка» происходит по соседству, в мусоросжигательной печи электростанции. Говорят, что черный дым от угля, а серый от трупов. Не знаю, правда это или нет.

Сегодняшняя обработка дается мне особенно тяжело. В ангаре нет сержантов и вообще взрослых, если не считать мертвецов, так что я должен думать о Наггетсе, заниматься своими трупами и одновременно приглядывать за ребятами из группы. Здесь только дети и подростки, и порой я чувствую себя как в школе, когда из класса вдруг выходит учитель.

За пределами ангара по переработке группы почти не контактируют между собой. Борьба за первые места в таблице лидеров жесткая, так что отношения между соревнующимися далеко не дружеские.

Поэтому, когда я вижу девушку с бледной кожей и темными волосами, которая откатывает трупы от стола Кекса, я не пытаюсь с ней познакомиться и не выспрашиваю ее имя у кого-нибудь из ее группы, а просто смотрю на нее, пока ощупываю карманы мертвецов. Я замечаю, что она организует движение возле дверей. Наверное, сама командир группы. Во время утреннего перерыва я отвожу в сторону Кекса. Он мальчишка хороший, просто молчун, но без странностей. У Дамбо есть теория, что когда-нибудь «пробка вылетит из бутылки» и Кекс целую неделю будет болтать без умолку.

– Заметил девчонку из девятнадцатой группы, ту, что работала у твоего стола? – спрашиваю я.

Кекс кивает.

– Знаешь что-нибудь про нее?

Кекс отрицательно трясет головой.

– Почему, Кекс, я тебя об этом спрашиваю?

Он пожимает плечами.

– Ладно, – киваю я. – Чтоб никому об этом разговоре.

На четвертый час работы Наггетс уже нетвердо стоит на ногах. Ему нужно отдохнуть. Я вывожу его на несколько минут из ангара. Он садится у дверей и смотрит на поднимающийся к облакам черный и серый дым.

Малыш откидывает капюшон и прислоняется к холодной металлической двери. Его круглое лицо блестит от пота.

– Они просто люди, – повторяю я, не зная, что еще сказать. – Потом будет легче. Каждый наряд по ОУ легче предыдущего, а потом это не труднее, чем... ну, не знаю, не труднее, чем заправить койку или почистить зубы.

Я напрягаюсь и внутренне готовлюсь, что малыш сейчас сорвется – разрыдается, закричит, убежит, что-нибудь в этом роде, но вижу только пустоту в его взгляде. И тогда я совершенно неожиданно срываюсь сам. Но злюсь я не на Наггетса и не на Резника, который заставил меня взять малыша в наряд по ОУ. Я злюсь на них. На сволочей, которые сделали это с нами. Мне плевать на собственную жизнь, я знаю, чем она закончится. Но жизнь Наггетса? Ему всего пять лет, чего ему ждать от такой жизни? И какого черта подполковник Вош направил его в боевую часть? Малышу ведь даже винтовку поднять не по силам! Может, они додумались готовить свои кадры к войне с молодых ногтей? Тогда к тому времени, когда дети достигнут моего сегодняшнего возраста, из них получатся бездушные убийцы, в чьих венах вместо крови течет азот.

Я слышу голос Наггетса и только потом чувствую его ладонь на своей руке.

– Зомби, ты в порядке?

– Конечно, все хорошо.

Странный поворот – малыш беспокоится обо мне.

К ангару подъезжает грузовик с большой безбортовой платформой. Девятнадцатая группа загружает на нее обработанные тела. Ребята забрасывают трупы, как будто это мешки с зерном. Снова появляется темноволосая девушка. – Она тащит за плечи очень толстого мертвеца. Перед тем как вернуться в ангар за следующим покойником, мельком смотрит в нашу сторону. Отлично. Теперь наверняка, чтобы лишить нас пары очков, доложит о том, что мы отлыниваем от работы.

– Кэсси говорит, что бы они ни делали, все равно не смогут убить нас всех, – произносит вдруг Наггетс.

– Почему не смогут? – спрашиваю я; мне правда хочется узнать ответ.

– Потому что нас очень трудно убить. Им нас не по... не пере... не о...

– Не одолеть?

– Точно! – Малыш хлопает меня ладошкой по руке. – Нас не одолеть.

Черный дым, серый дым. Холод кусает за щеки, тепло наших тел заключено в комбинезоны. Зомби и Наггетс, и нависшие над нами облака, а за облаками укрылся корабль-носитель, который породил этот дым и в какой-то степени нас. Да, нас он тоже породил.

46

Теперь Наггетс каждый вечер после выключения света в казарме перебирается на мою койку. Я разрешаю малышу лежать рядом, пока не заснет, а потом переносу обратно на его место. Танк грозит выдать меня, особенно когда я приказываю ему сделать то, что он делать не хочет. Но не выдает, и я даже думаю, он втайне ждет, когда наступит время молитвы.

Просто удивительно, как быстро Наггетс привык к жизни в лагере. Хотя дети все быстро приспосабливаются, они легко адаптируются практически к любым условиям существования. Малыш не может поднять винтовку и прицелиться, но все остальное делает, и порой даже лучше других ребят. Он быстрее Умпы преодолевает полосу препятствий и

быстрее Кремня усваивает новую информацию. – В группе плохо к нему относится только Чашка. Я думаю, это ревность, до появления Наггетса она была младшим ребенком в семье.

Во время своей первой воздушной тревоги Наггетс слегка психанул. Малыш, как и все мы, не знал, что в эту ночь будут учения. Но когда завывала сирена, мы поняли, что происходит, а он – нет.

Тренировка с воздушной тревогой проводится раз в месяц и всегда посреди ночи. Сирены воют так громко, что аж пол под ногами вибрирует, а ты в темноте натягиваешь комбинезон, запрыгиваешь в ботинки, хватаешь свою М-16 и выбегаешь из казармы. Сотни новобранцев бегут по плацу к тоннелям, которые ведут в подземную базу.

Наггетс завопил от страха и вцепился в меня, как обезьянка в свою мамашу. Я из-за этого отстал от группы на целых две минуты. Малыш, наверное, подумал, что боевые корабли инопланетян вот-вот обрушат на нас всю свою мощь.

Я орал, чтобы он успокоился и бежал за мной, но только напрасно драл глотку. В конце концов пришлось забросить его себе на плечо. Я бежал из казармы, одной рукой придерживая Наггетса за попку. В этот момент я думал о другой ночи и другом ребенке. Это воспоминание подгоняло меня вперед.

В лестничный колодец, вниз на четыре марша с желтыми лампами аварийного освещения. Голова Наггетса бьется о мою спину. В самом низу через бронированную дверь и дальше по небольшому коридору, через еще одну бронированную дверь, в подземный комплекс.

Тяжелая дверь с грохотом закрылась у нас за спиной. К этому моменту малыш мог уже не бояться, что его распылят на молекулы, и я поставил его на пол.

Подземный комплекс – это лабиринт из пересекающихся коридоров, но нас так часто гоняли по ним, что теперь я даже с закрытыми глазами найду дорогу к нашей станции. Я крикнул Наггетсу, чтобы не отставал, и рванул вперед. Мимо нас в противоположном направлении пробежали ребята из другой группы.

Направо, налево, два раза направо, налево и в последний коридор. Одной рукой я придерживаю Наггетса за шею.

В двадцати ярдах впереди, в тупике одного из коридоров, ребята из нашей группы изготовились к стрельбе с колена. Винтовки нацелены на решетку вентиляционной шахты, которая ведет на поверхность.

У ребят за спиной стоит Резник с секундомером в руке.

«Вот зараза!»

Мы опоздали на сорок восемь секунд. Сорок восемь секунд обойдутся в три дня без свободного времени. Сорок восемь секунд опустят нас на одно место в таблице лидеров. Сорок восемь секунд – это черт знает сколько времени в обществе сержанта Резника.

Когда возвращаемся в казарму, все слишком возбуждены, чтобы уснуть. Одна половина группы злится на меня, вторая – на Наггетса. Танк, естественно, считает, что во всем виноват я. Его худое лицо покраснело от злости.

– Ты должен был его там бросить!

– Танк, нас для чего готовят? – напоминаю я. – А что, если бы тревога была настоящей?

– Тогда его бы уже не было.

– Он член команды, такой же, как ты и я.

– Ты что, Зомби, все еще не понял? Это закон природы. Больным и слабым не место среди живых.

Танк стаскивает ботинки и бросает их в ящик, который стоит в ногах койки.

– Будь моя воля, я бы их всех в печи отправил, вместе с гадами, – говорит он.

– Убивать людей – это вроде работа инопланетян.

Лицо Танка становится темно-красным, как свекла, он бьет в невидимого противника кулаком. Кремень делает шаг к Танку, чтобы как-то успокоить его, но тот отмахивается.

– Каждый слабак, каждый больной, каждый неповоротливый, все тупые или слишком мелкие – все должны умереть! – орет Танк. – Все, кто не может драться или помогать в бою, все они тянут нас назад!

– Ну да, ну да, – саркастически говорю я. – Отбросы – в топку.

– Сила цепи определяется ее слабым звеном, – рычит Танк. – Это закон долбаной природы, Зомби. Выживают сильнейшие!

– Эй, чувак, перестань, – говорит Кремень. – Зомби прав. Наггетс – член нашей команды.

– Отвали от меня, Кремень, – орет Танк. – Все отвалите! Можно подумать, это я виноват. Как будто я за все это дерьмо должен отвечать!

– Зомби, сделай что-нибудь, – умоляющим голосом просит меня Дамбо. – Он сейчас как Дороти станет.

Дамбо вспомнил девчонку-новобранца, которая в один прекрасный день схватила винтовку и открыла огонь по своей группе. До того как сержант выстрелил ей из пистолета в затылок, она успела убить двоих и ранить троих ребят. Каждую неделю мы слышим о том, как кто-то из новобранцев стал Дороти¹⁰. Иногда мы называем это «улететь к волшебнику». В лагере на тебя постоянно давят, а когда давление зашкаливает, ты ломаешься. Бывает, что ребята, которые не выдерживают, палят в других, а иногда и в самих себя. Иногда я даже сомневаюсь в мудрости центрального командования – зачем выдавать серьезное автоматическое оружие детям, которые постоянно находятся в стрессовой ситуации?

– Ай, Дамбо, засунь язык себе в задницу, – рычит Танк. – Можно подумать, ты что-то понимаешь. Кто здесь вообще что-то понимает? Чем мы тут занимаемся, а? Может, ты мне скажешь, Дамбо? Или ты, командир группы? У тебя есть ответ? Если кто-то знает, зачем мы здесь, пусть скажет прямо сейчас, или я все разнесу! И всех перебью, потому что меня вконец достал этот маразм! Мы собираемся драться с теми, кто уничтожил миллиарды людей? И кто будет с ними драться? – Танк показывает винтовкой на Наггетса, который стоит, вцепившись в мою ногу. – Вот он?

Дальше – истерический смех.

Все оцепенели, а ствол винтовки Танка раскачивается по дуге. Я поднимаю руки и говорю как можно спокойнее:

– Рядовой, опусти винтовку. Это приказ.

– Ты мне не командир! Никто не может мне приказывать!

Танк стоит возле своей койки и держит винтовку у бедра. Отлично – парень ступил на дорогу из желтого кирпича.

Я перевожу взгляд на Кремня. Он стоит ближе всех к Танку, всего в двух футах справа. Кремень едва заметно кивает в ответ.

– Кретины долбанные, вы хоть понимаете, почему они до сих пор нас не уничтожили? – спрашивает Танк.

Он больше не смеется. Он плачет.

– Вы же знаете, что им это раз плюнуть. Вы знаете, что они знают, что мы здесь. Вы знаете, что они знают, чем мы тут занимаемся. Так почему они позволяют нам это делать?

– Я не знаю, Танк, – отвечаю спокойно, не повышая голоса. – Почему?

– Потому что уже не важно, что мы делаем! Все кончено, чувак. Кончено!

Танк нацеливает винтовку на всех подряд. Если он нажмет на спусковой крючок...

– Ты, я, все на этой базе обречены! Нас всех...

Кремень бросается на Танка, вырывает винтовку и сбивает его с ног. Танк, падая, задевает головой край койки.

Вот он лежит, свернувшись в клубок, прикрывает голову руками и вопит как резаный, а когда не хватает воздуха, замолкает, делает вдох и вопит снова. Не знаю почему, но это даже хуже, чем когда он размахивал заряженной М-16. Кекс убегает и прячется в туалетной кабинке. Дамбо закрывает ладонями свои большие уши и отодвигается в изголовье койки.

¹⁰ Дороти – героиня книги Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник из Страны Оз».

Умпа бочком подходит ко мне и становится рядом с Наггетсом. А Наггетс обхватил мою ногу руками и смотрит, как Танк корчится на полу. Чашка, семилетняя девчонка, – единственная в группе, на кого не произвела впечатления истерика Танка. Она смотрит так, будто он каждую ночь катается по полу и вопит благим матом.

И тут до меня доходит: вот как они нас убивают. Это очень медленный и очень жестокий способ уничтожения. Они начинают изнутри, умерщвляют душу, а потом убивают физически.

Я вспоминаю слова Воша: «Главное – не лишить нас способности сопротивляться, главное – отнять у нас волю к борьбе».

Нам не на что надеяться. Надеются только безумцы. Танк нормален, потому что он это понимает.

И поэтому ему здесь не место.

47

Старший инструктор по строевой подготовке соглашается со мной, и утром Танка уводят в больницу для полного психиатрического обследования. Койка Танка пустует целую неделю, а наша группа, лишившись бойца, теряет очки в таблице лидеров. Мы никогда не выпустимся, никогда не поменяем синие комбинезоны на настоящую военную форму, никогда не выберемся за эту ограду из колючей проволоки под током. И не сможем показать, чего мы стоим, не сможем отомстить за все наши потери.

Мы не говорим о Танке. Его как будто никогда и не было. Мы должны верить в то, что система подготовки новобранцев совершенна, а Танк – всего лишь пустяковая погрешность.

А потом как-то утром в ангаре ОУ Дамбо подзывает меня к своему столу. Дамбо готовится стать санитаром в нашей группе, поэтому он, чтобы понять анатомию человека, вскрывает специально отобранные трупы. В основном это гады. Когда я подхожу, он не говорит ни слова, просто указывает кивком.

Это Танк.

Глаза у Танка открыты. Мы с Дамбо смотрим на него, а он смотрит невидящими глазами в потолок. Он совсем как живой, мне даже не по себе. Дамбо оглядывается – не слышит ли кто нас? – и шепчет:

– Только Кремню не говори.

Я киваю.

– От чего он умер?

Дамбо трясет головой, он сильно вспотел под защитным капюшоном.

– Зомби, это правда чертовщина какая-то. Я ничего не нашел.

Я смотрю на Танка. Он даже не бледный, кожа розовая и без всяких пятен или царапин. Как он умер? Превратился в Дороти и закинулся кучей таблеток в палате для психов?

– Может, ты его вскрыешь и посмотришь?

– Я не буду вскрывать Танка. – Дамбо смотрит на меня так, будто я предлагаю ему спрыгнуть со скалы.

Я молча киваю. Плохая идея. Дамбо – не врач, он мальчишка двенадцати лет. Осматриваюсь и говорю:

– Тогда убери его со стола. Не нужно, чтобы кто-то его увидел.

Мне тоже не стоило его видеть. Я отворачиваюсь, чувствуя, что меня вот-вот вырвет, а потом что-то заставляет меня повернуться обратно. Я дотрагиваюсь до подбородка Танка и аккуратно наклоняю его голову набок. Потом ощупываю шею в основании черепа.

– Дамбо, дай нож.

Я никогда не резал ножом человека и никогда не собирался. Указательным и большим пальцами залезаю в разрез и достаю микрочип, который вживили Танку в основание черепа. Дамбо удивленно сморит на меня.

– Для следующего новобранца, – объясняю я. – Выбрасывать чип неразумно.

Тело Танка переместили к другим трупам, сложенным у дверей в ангар. Скоро его отправят в последнее путешествие, к мусоросжигательным печам, его пепел в потоках горячего воздуха смешается с серым дымом и в конце концов осядет невидимыми глазу частицами. Дамбо будет с нами, на нас, пока мы вечером не пойдем в душ. Там мы смоём с себя останки Танка, они утекут с мыльной водой к септикам и, перед тем как впитаться в землю, смешаются с нашими экскрементами.

48

Замена Танку прибывает через два дня после этого дежурства в ангаре ОУ. О его появлении мы знаем заранее, потому что Резник выдал информацию на инструктаже «Вопрос – ответ». Сержант ничего не рассказывает о новеньком, произносит только кличку – Рингер. После ухода Резника ребята гадают, почему сержант так назвал бойца. Должна быть какая-то причина.

Наггетс подходит к моей койке и спрашивает:

– Что значит рингер?

– Это тот, кого незаконно зачисляют в команду, чтобы набрать побольше очков, – объясняю я малышу. – Очень хороший игрок.

– Снайпер, – угадывает Кремень. – Это наше слабое место. Кекс хороший стрелок, я тоже ничего, но ты, Дамбо и Чашка просто мазила. А Наггетс и стрелять-то не может.

– Иди сюда и повтори, что я мазила, – кричит Чашка.

Девчонка постоянно рвется в бой. Будь моя воля, я бы выдал ей винтовку, пару обойм и выпустил из лагеря, чтобы она перестреляла всех гадов в радиусе ста миль.

После молитвы Наггетс долго ворочается у меня под боком, я не выдерживаю и шепотом говорю, чтобы он возвращался на свою койку.

– Зомби, это она.

– Кто – она?

– Рингер! Рингер – это Кэсси!

Я не сразу вспоминаю, кто такая Кэсси.

«Ой, братишка, только не заводи эту шарманку».

– Я не думаю, что Рингер – это твоя сестра.

– Но ты же этого не знаешь.

Мне очень хочется сказать: «Не будь дураком, малыш. Твоей сестры здесь нет, потому что она умерла». Но я прикусываю язык. Кэсси для Наггетса, как мой серебряный медальон для меня. Малыш вцепился в Кэсси неспроста – если перестанет в нее верить, ураган унесет его в страну Оз, как унес других Дороти из нашего лагеря. Вот почему имеет смысл формировать армию из детей. Взрослые не тратят свое время на мечты о волшебной стране и всяких чудесах. Они держатся за неудобную правду, ту самую, благодаря которой Танк оказался на столе для вскрытий.

На переключке Рингера нет, его нет и на пробежке, и за завтраком он тоже не появляется. Впереди стрельбы. Мы проверяем свое оружие и шагаем через плац на стрельбище. День ясный, но холод собачий. Нет настроения разговаривать, все гадают, каким окажется Рингер.

Наггетс первый замечает новичка. Тот стоит на позиции для стрельбы по мишеням, и мы убеждаемся в правоте Кремня – к нам пожаловал чертовски меткий стрелок. Мишень поднимается из высокой пожухлой травы. Выстрел, и голова силуэта разлетается в щепки. Еще одна мишень, результат тот же. Сержант Резник стоит неподалеку и управляет мишенями. Он видит, что мы пришли, и быстрее нажимает на кнопки. Мишени одна за другой выскакивают из травы, а Рингер крошит их еще до того, как они встают в полный рост. Кремень одобрительно свистит.

– Этот парень действительно хорош.

– Это не парень! – восклицает малыш и мчится через замерзшее поле к одинокой фигуре с винтовкой в руках.

Наверное, увидел подсказку в осанке или фигуре новенького.

Она поворачивается до того, как Наггетс к ней подбегает. – Малыш останавливается, сначала я вижу на его лице растерянность, а потом разочарование. Рингер явно не его сестра.

Странно, но издала она кажется выше. Девочка примерно одного роста с Дамбо, но весит намного меньше... и она старше. Думаю, ей лет пятнадцать-шестнадцать, у нее лицо эльфа, темные, глубоко посаженные глаза, чистая белая кожа и прямые черные волосы. Первое, что привлекает внимание, – это ее глаза. В таких всегда пытаешься что-то разглядеть, но в результате приходится выбирать: либо они настолько глубокие, что тебе этого не увидеть, либо там просто ничего нет.

Это та девчонка, которая засекла нас с Наггетсом у дверей амбара ОУ.

– Рингер – девка, – шепчет Чашка и морщит нос, как будто почуяла какую-то гадость.

После появления Наггетса она перестала быть младшим ребенком в семье, и вот теперь она не единственная девочка в группе.

– И что мы будем с ней делать? – спрашивает Дамбо.

Я слышу в его голосе панику и улыбаюсь. Просто ничего не могу с собой поделать.

– Мы будем первыми выпускниками в лагере, – говорю я.

И не ошибаюсь.

49

В первый вечер пребывания Рингер в казарме номер десять царит атмосфера, которую можно описать одним словом: неловкость.

Никаких подколов. Никаких грязных шуточек. Никто не строит из себя крутого. Мы ведем себя как восторженный юнец на первом свидании; мы считаем минуты до отбоя. В других группах, может, и есть ровесницы Рингер, а у нас есть только Чашка. Но сама Рингер, кажется, не замечает нашей неловкости. Сидя на краю бывшей койки Танка, она разбирает и чистит винтовку. Рингер любит свою винтовку, это сразу видно. Она тщательно натирает ствол промасленной ветошью, пока холодный металл не начинает блестеть в свете флуоресцентных ламп. Мы изо всех сил стараемся не смотреть в ее сторону. Рингер собирает винтовку и запирает в шкафчике рядом со своей койкой, а потом подходит ко мне.

У меня в груди что-то сжимается. Я не общался с девчонкой своего возраста уже... сколько? Последний раз это было до начала чумы. Я не вспоминаю о своей жизни до чумы, это была жизнь Бена. У Зомби своя жизнь.

– Ты командир группы. – Голос у Рингер ровный; он, как и ее глаза, не выражает никаких эмоций. – Почему ты? – спрашивает она.

Я отвечаю вопросом на вопрос:

– А почему нет?

Рингер разделась до трусов и стандартной футболки без рукавов. Она смотрит на меня сверху вниз, прямая черная челка закрывает ей лоб почти до бровей. Дамбо и Умпа, чтобы не пропустить самое интересное, откладывают карты. Чашка улыбается – предчувствует конфликт. Кремень, который до этого складывал одежду для стирки, бросает комбинезон в кучу грязного белья.

– Ты хреново стреляешь, – говорит Рингер.

– У меня есть другие таланты. – Я скрещиваю руки на груди. – Видела бы ты, как я чищу картошку.

– У тебя хорошее тело. – Кто-то тихо ухмыляется, я думаю, что это Кремень. – Спортсмен?

– Был когда-то.

Рингер стоит надо мной: кулаки уперты в бедра, ноги на ширине плеч. Меня тревожат ее глаза, их чернота. Что там? Ничего или, наоборот, все?

- Футбол?
- Прямо в точку.
- И бейсбол, наверное.
- Когда был помладше.

Рингер резко меняет тему разговора:

- Парень, на место которого меня прислали, стал Дороти.
- Верно.
- Почему?

Я пожимаю плечами:

- А это важно?

Рингер кивает. Это не важно.

- Я была командиром в своей группе.
- Кто бы сомневался.
- То, что ты командир, еще не значит, что после выпуска станешь сержантом.
- Очень надеюсь, что это так.
- Я знаю, что так. Я спрашивала.

Рингер резко разворачивается и возвращается к своей койке. Я смотрю на свои ступни и понимаю, что пора бы подстричь ногти. У Рингер очень маленькие ступни с короткими широкими пальцами. Когда я снова поднимаю голову, она уже направляется в душевую с переброшенным через плечо полотенцем. Возле двери останавливается и говорит:

- Если кто-то в группе дотронется до меня, я его убью.

В ее словах нет ни угрозы, ни издевки. Она произносит это так, будто констатирует факт: сегодня холодно.

- Доведу твою мысль до всех, – говорю я.
- И когда я в душе, другим туда вход запрещен.
- Принято. Что-нибудь еще?

Рингер молча смотрит на меня через комнату. Я чувствую, что напрягаюсь. Каким будет следующий ход?

- Я люблю играть в шахматы. Ты играешь?
- Я отрицательно качаю головой и кричу ребятам:
- Эй, извращенцы, кто-нибудь из вас играет в шахматы?

- Нет, – отзывается Кремень. – Но если ей захочется сыграть в покер на раздевание...

Это произошло раньше, чем я приподнялся над матрасом на два дюйма. Кремень лежит на полу, держится за горло и колотит воздух ногами, а над ним стоит Рингер.

- И еще: никаких сексистских подколов.
- Ну ты крутая! – восклицает Чашка.

Она действительно так считает; похоже, появление Рингер ее уже не расстраивает. Еще одна девчонка в группе – может быть, это не так уж и плохо.

– За то, что ты сейчас сделала, на десять дней вполнину урезается рацион, – говорю я Рингер.

Пусть Кремень получил по заслугам, но, когда рядом нет Резника, команду я, и Рингер не должна забывать об этом.

- Донесешь?
- И снова в ее голосе нет ничего – ни страха, ни злости.
- Это предупреждение.

Рингер кивает и отходит от Кремня. Она задевает меня, когда идет за своим набором туалетных принадлежностей. Это девчонка пахнет, как... в общем, она пахнет как девчонка. В эту секунду я чувствую легкое головокружение.

– Я не забуду, что ты хорошо себя вел со мной, – Рингер откидывает назад челку, – когда стану новым командиром пятьдесят третьей группы.

Через неделю после появления Рингер наша группа переместилась с десятого места на седьмое. На третью неделю мы подвинули девятнадцатую группу с пятого места. А всего за две недели до выпуска уперлись в стену. Мы скатились с четвертого места на шестнадцать пунктов – это практически непреодолимое отставание.

Кекс, хоть и молчун, считает хорошо, он разложил все по полочкам. В каждой категории, кроме одной, есть небольшой шанс улучшить показатели. Мы вторые на полосе препятствий; третьи на воздушной тревоге и в кроссе; первые в «прочем», куда входят утренние проверки и соответствие несению службы в действующих войсках. Стрельба по мишеням – вот где мы провалились. Рингер и Кекс – отличные стрелки, и все равно в этой дисциплине мы на шестнадцатом месте. Если в следующие две недели не улучшим показатели, нам конец.

Естественно, не надо быть математическим гением, чтобы понять, почему мы набираем так мало очков. Командир группы хреново стреляет по мишеням. Поэтому хреновый стрелок отправляется к старшему инструктору по строевой подготовке и просит, чтобы ему дали время для дополнительных тренировок. Без толку. У меня неплохая техника, я все делаю уверенно и четко, и все равно, если я, расстреляв обойму на тридцать патронов, один раз попадаю в голову, можно считать, что мне повезло. Рингер так и считает, что это просто тупое везение. Она говорит, что даже Наггетс может выбить один из тридцати. Она старается этого не показывать, но моя «меткость» бесит ее. Бывшая группа Рингер на втором месте. Если бы ее перевели обратно, она бы попала в первый выпуск и была бы первым кандидатом на сержантские нашивки.

Как-то утром на пробежке она говорит:

– У меня к тебе предложение.

Рингер убрала черные шелковистые волосы назад и закрепила их узким ободком. Меня, естественно, не волнует, шелковистые они или нет.

– Я помогу тебе, но только при одном условии.

– Это ты о шахматах?

– Откажись от места командира.

Я мельком смотрю на Рингер. Ее щеки цвета слоновой кости разрумянились от холода. Рингер неразговорчивая девчонка, но молчит она не так, как Кекс. В ее молчании есть напряжение, от которого становится не по себе. Ее взгляд будто вспарывает тебя, он острый, как хирургические ножи Дамбо.

– Если ты не просился на эту должность, значит, тебе на нее плевать. Так отчего бы мне не занять ее?

– Откуда у тебя такие амбиции?

– Отдавать приказы – лучший шанс выжить.

Мы бежим от плаца к парковке у больницы и дальше к подъездной дороге на аэродром. Теперь перед нами трубы электростанции. Они продолжают изрыгать в небо черный и серый дым.

– Давай так: ты помогаешь мне, мы выигрываем, и я отступаю, – предлагаю я.

Это предложение ничего не стоит. Мы новобранцы. Не мы выбираем себе командира, его назначает сержант Резник. И я понимаю, что дело вовсе не в том, кто из нас командир. Дело в том, кто из нас станет сержантом в действующей армии. Должность командира группы не гарантирует продвижение, но и не помешает, если что.

У нас над головой стрекочет «Блэк хоук». Возвращается с ночного патрулирования.

– Никогда не думал, как у них это получилось? – спрашивает Рингер, глядя на вертолет, уходящий вправо от нас, к посадочной площадке. – Как у них все заработало после электромагнитного импульса?

– Нет, – честно отвечаю я. – А ты что думаешь?

Рингер выдыхает белые облачка в холодный воздух.

– Подземные бункеры, наверняка подземные бункеры. Или...

– Или что?

Рингер трясет головой и раздувает красные от холода щеки, а черные волосы, подсвеченные утренним солнцем, раскачиваются у нее за спиной.

– Это бредовая идея, Зомби, – наконец говорит она. – Ладно, звезда футбола, давай посмотрим, на что ты способен.

Я на четыре дюйма выше, на один мой шаг приходится два ее шага, так что я выигрываю.

С трудом.

Днем на стрельбах Умпа управляет мишенями. Рингер молча наблюдает за тем, как я расстреливаю несколько обойм, а потом выносит заключение эксперта:

– Кошмар.

– Кошмар – моя стихия, на то я и Зомби. – Я выдаю свою лучшую улыбку.

До прибытия инопланетян я славился своей улыбкой. Без хвастовства скажу: я опасался улыбаться за рулем. Моя улыбка могла ослепить водителя встречной машины. Только на Рингер она никак не действовала, эта девчонка даже не зажмурилась.

– Техника у тебя хорошая. Что происходит, когда ты стреляешь?

– Вообще говоря, я промахиваюсь.

Рингер качает головой. Кстати об улыбках, я еще не видел, как она улыбается, так что поставил перед собой цель – заставить ее улыбнуться. Это, конечно, в духе Бена, а не Зомби, но от старой привычки так просто не избавишься.

– Я имею в виду, что происходит между тобой и мишенью, – говорит Рингер.

Что-что?

– Ну, когда она появляется...

– Нет. Я говорю о том, что происходит между вот этим, – она прикасается к моей правой руке, – и вон тем, – и она показывает на мишень в двадцати ярдах от нас.

– Я не понимаю, Рингер.

– Твое оружие должно стать частью тебя. Стреляет не винтовка, ты стреляешь. Это как дуть на одуванчик. Ты выдыхаешь пулю.

Она снимает с плеча винтовку и кивает Умпе. Рингер не знает, в каком месте появится мишень, но фанерная голова разлетается в щепки еще до того, как фигура встает в полный рост.

– Думай об этом так, будто нет ничего, кроме тебя. Винтовка – часть тебя. Пуля – часть тебя. Мишень – часть тебя. Здесь есть только ты.

– Тебя послушать, получается, что я должен отстрелить себе башку.

В этот момент я был близок к цели. Левый уголок рта у Рингер дрогнул.

Предпринимаю еще одну попытку:

– Очень по-дзен-буддистски.

Рингер хмурится:

– Больше похоже на квантовую механику.

Я киваю с серьезным видом:

– О да, точно. Именно это я и хотел сказать. Квантовая механика.

Рингер отворачивается. Прячет улыбку? Или я просто не вижу, как она с утомленным видом закатывает глаза? Когда она снова поворачивается ко мне, я натыкаюсь на этот ее пронзительный взгляд, от которого кишки в клубок сжимаются.

– Ты хочешь выпуститься?

– Я хочу убраться подальше от Резника.

– Этого мало. – Рингер показывает на одну из мишеней. – Что ты видишь, когда на нее смотришь?

– Вижу вырезанную из фанеры фигуру человека.

– Хорошо, но кого именно ты видишь?

– Я понял. Иногда я представляю лицо Резника.

– Помогает?

– Сама знаешь.

– Дело в контакте, – говорит Рингер и жестом показывает, чтобы я сел.

Она садится напротив и берет меня за руки. Руки у этой девчонки холодные, как тела мертвецов в ангаре ОУ.

– Закрой глаза, – говорит она. – Как твое отношение работает на тебя? Хорошо, запомни, дело не в мишени и не в тебе, и не в том, что между вами. Дело в том, что вас связывает. Представь льва и косулю. Что их связывает?

– Хм. Голод?

– Голод – это лев. Я спрашиваю, что у них общего?

Трудная задачка. Возможно, мне не стоило принимать ее предложение. Она и так убеждена в том, что я никудышный солдат, а теперь у нее есть возможность убедиться в том, что я конченный тупица.

– Страх, – шепчет Рингер мне на ухо, как будто хочет поделиться секретом. – Косуля боится, что ее сожрут. Лев боится голода. Страх – вот цепь, которая удерживает их вместе.

Цепь. Я ношу в кармане цепочку с медальоном. Ночь, когда умерла моя сестра, была тысячу лет назад. Та ночь была последней. Все кончилось. Это никогда не кончится. Это не линия, которая тянется от той ночи к сегодняшнему дню. Это круг. Я крепко сжимаю ее пальцы.

– Не знаю, какая цепь у тебя, – продолжает шептать Рингер. – У каждого – своя. Они знают. «Страна чудес» им все рассказала. Они знают, какая твоя, и поэтому они дали тебе оружие. Та же цепь связывает тебя с мишенью.

А потом, словно прочитав мои мысли, она добавляет:

– Это не линия, Зомби, это круг. Дистанции не существует.

Я открываю глаза. Заходящее солнце окружает ее ореолом из золотых лучей.

Рингер кивает и подталкивает меня, чтобы я встал.

– Темнеет.

Я поднимаю винтовку и прижимаю приклад к плечу. Не знаю, где появится мишень, знаю только, что она появится. Рингер подает знак Умпе. Справа от меня за миллисекунду до появления мишени вздрагивает трава, но этого достаточно. Эта миллисекунда бесконечна.

Нет никакой дистанции. Между мной и немой нет ничего.

Голова мишени с треском разлетается в щепы. Умпа вопит и выбрасывает кулак над головой. Я, не помня себя, хватаю Рингер за талию, отрываю от земли и начинаю кружить. Я в одной секунде от опасного для моей жизни поцелуя. После того, как я ставлю ее на землю, она отступает на два шага и аккуратно поправляет волосы.

– Это было что-то, – говорю я.

Не знаю, кто из нас больше смущен. Мы никак не можем отдышаться. Возможно, по разным причинам.

– Повтори, – говорит она.

– Выстрелить или покружить?

Губы Рингер вздрагивают. Я почти у цели.

– Делай то, что имеет значение.

51

День выпуска.

Мы возвращаемся в казарму после завтрака. На койках нас ожидает новая форма. Она отглажена, накрахмалена и аккуратно сложена. А еще спецбонус, последние технологии пришельцев: оголовье с прозрачным диском размером с двадцатипятицентовик, который опускается на левый глаз. Если смотреть через такую линзу, инвазированные люди подсвечиваются. Так нам, во всяком случае, сказали.

Когда я чуть позднее в тот же день спросил техника, ответ был простым: «Нечистые светятся зеленым».

А когда я вежливо попросил у него демо, он рассмеялся: «Получишь демо в бою, солдат».

Впервые после приезда в лагерь «Приют» – и, скорее всего, в последний раз в своей жизни – мы снова дети. Вопим от радости, скачем по койкам, как победители, хлопаем друг друга по ладоням. Одна Рингер уходит в туалет, чтобы переодеться. Все остальные раздеваются, где стоят. Мы бросаем ненавистные синие комбинезоны прямо на пол, в одну кучу. У Чашки возникает гениальная идея поджечь их, – она бы так и сделала, если бы Дамбо в последнюю секунду не выбил у нее из руки горящую спичку.

Только один из нас остается без формы. Он сидит на своей койке в белом комбинезоне и качает ногами. Руки скрестил на груди, а нижнюю губу выставил на милню вперед. Я не забыл о нем. Я все понимаю. Переодевшись, сажусь рядом и хлопаю его по коленке:

– Придет и твой черед, рядовой. Пока побудешь здесь.

– Два года, Зомби.

– Ну и что? Представь, каким крутым ты станешь через два года. Ты нам всем фору дашь.

Наггетса после нашего назначения прикрепили к другой группе. Я пообещал ему, что, когда буду на базе, он сможет спать на соседней койке. Только я понятия не имею, когда вернусь и вернусь ли вообще. Наша миссия все еще секрет для всех. В чем она заключается, знает только центральное командование. Думаю, даже Резник не в курсе, куда нас отправят. Но мне на это плевать, главное – Резник останется здесь.

– Не вешай нос, солдат. Ты же должен за меня радоваться.

– Ты не вернешься, – говорит Наггетс, в его голосе столько злой уверенности, я даже не знаю, что ему ответить. – Я тебя больше никогда не увижу.

– Конечно, ты меня увидишь, Наггетс. Обещаю.

Малыш со всей силы бьет меня кулачком в грудь, туда, где сердце. Он бьет снова и снова. Я хватаю его за запястье. Тогда малыш колотит меня другой рукой. Я перехватываю и эту руку и приказываю уюмониться.

– Не обещай, не обещай, не обещай! Ничего никогда-никогда не обещай! – кричит Наггетс, и его маленькое лицо искажает злоба.

– Эй, Наггетс, послушай. – Я прижимаю руки малыша к его груди и наклоняюсь, чтобы видеть глаза. – Есть вещи, которые не обещают. Их просто делают.

Я достаю из кармана медальон Сисси. Расстегиваю замок. – Я не делал этого с тех пор, как починил цепочку в палаточном городке у базы. Круг разомкнут. Я надеваю цепочку на шею Наггетсу и закрываю замок. Круг замкнут.

– Что бы ни случилось, я вернусь за тобой.

Через плечо Наггетса я вижу, как из туалета выходит Рингер, по пути она заправляет волосы под новенькое кепи. Я встаю по стойке «смирно» и отдаю честь.

– Рядовой Зомби готов к прохождению службы, командир группы!

– Мой единственный день славы, – говорит Рингер и тоже отдает честь. – Все знают, кто станет сержантом.

Я пожимаю плечами и скромно отвечаю:

– Слухами не интересуюсь.

– Ты дал обещание, хотя знаешь, что не сможешь его выполнить.

Она говорит это, как всегда, без эмоций. Плохо то, что она говорит это прямо перед Наггетсом.

– Уверен, что не хочешь научиться играть в шахматы, Зомби? У тебя бы неплохо получилось.

Смех в этот момент мне кажется самой безопасной реакцией, поэтому я смеюсь.

Дверь распахивается, и Дамбо орет:

– Сэр! Доброе утро, сэр!

Мы выбегаем в проход между койками и выстраиваемся в шеренгу. Сержант проходит вдоль строя – это, судя по всему, наша последняя утренняя проверка. Резник сдержан,

насколько это возможно в его случае. Он не называет нас слизняками и дерьмом собачьим, но, как всегда, придирается к любой мелочи. Рубашка Кремня вылезла из-под ремня с одного боку. Кепи Умпы замялось. Сержант сбивает с воротника Чашки не видимую никому, кроме него, пылинку. Возле Чашки он задерживается и смотрит сверху вниз ей в глаза. Смотрит так серьезно, что со стороны это выглядит почти комично.

– Итак, рядовой. Ты готова умереть?

– Сэр, да, сэр! – как можно громче и воинственнее кричит Чашка.

Резник поворачивается ко всем остальным:

– А вы? Вы готовы?

– Сэр, да, сэр! – гремим мы в ответ.

Перед уходом Резник приказывает мне выйти из строя.

– Пойдешь со мной, рядовой. – Последний раз отдает честь новобранцам. – Увидимся на вечеринке, детки.

Когда я иду к выходу, Рингер смотрит на меня.

«Я же говорила», – читаю я в ее взгляде.

Сержант шагает через плац, я иду в двух шагах позади него. Новобранцы в синих комбинезонах заканчивают украшать платформу флажками, расставляют стулья для офицеров, раскатывают красную ковровую дорожку. Между казармами в дальней стороне плаца растянута баннер: «МЫ – ЧЕЛОВЕЧЕСТВО». Напротив него другой: «МЫ – ОДНО ЦЕЛОЕ».

В неприметном одноэтажном здании в западной части базы мы подходим к двери с табличкой «Вход только по спецпропускам». У рамки металлоискателя стоят вооруженные солдаты с каменными лицами. Затем мы спускаемся в лифте на четыре этажа под землю. Резник ничего не говорит и даже на меня не смотрит. Я нервно поправляю новенькую форму, мне понятно, куда мы направляемся, только непонятно зачем.

Выходим в длинный коридор, освещенный флуоресцентными лампами. Минуем еще один КПП. Снова вооруженные солдаты с непроницаемыми лицами. Резник останавливается напротив двери без таблички и проводит карточкой через считывающее устройство электронного замка. – Входим в небольшую комнату. Возле двери нас встречает офицер в звании лейтенанта, сопровождает по еще одному коридору в просторный кабинет. Мужчина за большим столом просматривает компьютерные распечатки.

Вош.

Он отпускает Резника и лейтенанта. Мы остаемся наедине.

– Вольно, рядовой.

Я расставляю ноги на ширину плеч и завожу руки за спину. Левая рука свободно держит запястье правой. Грудь вперед, смотрю прямо перед собой. Вош высший начальник. Я рядовой, новобранец в самом низком звании; я даже еще не настоящий солдат. Сердце колотится так, что вот-вот оторвет пуговицы от моей новенькой формы.

– Ну, Бен, как ты?

Вош тепло улыбается. Я даже не знаю, как отвечать на этот вопрос. Плюс ко всему я растерялся, оттого что он назвал меня Беном. Меня так долго звали Зомби, что я с трудом воспринимаю обращение «Бен».

Вош ждет ответа, и я не нахожу ничего лучше, чем брякнуть:

– Сэр! Рядовой готов умереть, сэр!

Вош, все еще улыбаясь, кивает, потом встает и обходит стол.

– Давай поговорим просто, как солдат с солдатом. Это ведь так и есть, ты теперь сержант Пэриш.

И только в этот момент я замечаю, что подполковник держит в руке сержантские полоски. Значит, Рингер была права. Я снова встаю по стойке «смирно», а Вош прикрепляет парные знаки различия к моему воротнику. Потом он хлопает меня по плечу и сверлит холодными голубыми глазами.

Такой взгляд трудно выдержать. Когда на тебя так смотрят, возникает ощущение, что ты голый и совершенно незащищенный.

– Вы потеряли товарища, – говорит Вош.

– Да, сэр.

– Очень плохо.

– Да, сэр.

Полковник опирается задом о стол и скрещивает руки на груди.

– У него был отличный психологический профиль. Не такой хороший, как у тебя, но... Извлеки из этого случая урок, Бен. У каждого из нас есть предел прочности. Мы ведь все люди, согласен?

– Да, сэр.

Вош улыбается. Почему он улыбается? В подземном бункере холодно, но я начинаю потеть.

– Можешь задать вопрос, – говорит подполковник и взмахом руки предлагает начать.

– Сэр?

– Задай вопрос, который тебя сейчас волнует. Ты думаешь об этом с тех пор, как увидел тело Танка в ангаре ОУ. Ты не задал вопрос, когда возвращал старшему инструктору по строевой следящее устройство.

– Как он умер?

– Передозировка. Я не сомневаюсь, что именно так ты и подумал. Танк воспользовался моментом, когда сняли наблюдение, и покончил с собой. – Вош указывает на кресло рядом со мной. – Садись, Бен. Я хочу кое-что с тобой обсудить.

Я утопаю в кресле, потом пересаживаюсь на краешек, выпрямляю спину и поднимаю подбородок. В общем, если возможно сидеть по стойке «смирно», то я это делаю.

– У каждого из нас есть предел прочности. – Голубые глаза подполковника пригвозждают меня к креслу. – Я расскажу тебе о своем. Две недели после начала Четвертой волны. Мы забираем выживших беженцев из лагеря в шести километрах отсюда. То есть не всех выживших, а только детей. Мы тогда еще не умели определять инвазированных, но уже точно знали: что бы с нами ни происходило, дети в это не вовлечены. Так как мы не могли определить, кто враг, а кто нет, командование приняло решение уничтожить всех старше пятнадцати лет.

Лицо Воша потемнело. Он отвел взгляд и так сильно вцепился в край стола, что аж костяшки пальцев побелели.

– Я хочу сказать, что это было мое решение. – Глубокий вдох. – Мы убили их, Бен. Посадили детей в автобусы, а всех оставшихся убили. После этого сожгли лагерь. Стерли его с лица земли.

Подполковник снова смотрит на меня. В это трудно поверить, но я вижу слезы в его глазах.

– Это был мой предел прочности. Потом, к своему ужасу, я понял, что попал в расставленный инопланетянами капкан. Я превратился в орудие врага. На каждого уничтоженного мной инвазированного пришлось три невинных человека. И я вынужден с этим жить, потому что я должен жить. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Подполковник оттолкнулся от стола и встал прямо. Слезы исчезли.

– Сержант Пэриш, сегодня мы выпускаем первые четыре группы из вашего батальона. Как командир победившего подразделения, ты первым получаешь задание. Две группы выводятся на периметр для охраны базы. Другие две десантируются на вражескую территорию.

Вош дает мне две минуты на то, чтобы я усвоил полученную информацию. Он берет со стола распечатки и кладет напротив меня. Там куча цифр, какие-то волнообразные линии и символы, которые мне абсолютно ни о чем не говорят.

– Я не надеюсь, что ты сумеешь прочесть, – говорит подполковник, – но, может, попробуешь угадать, что это?

– Полагаю, это означает ровно то, что должно означать, сэр, – отвечаю я.

– Это аналитика по инвазированным.

Я киваю. Какого черта я киваю? Ведь не собираюсь сказать: «Ах, да, подполковник, аналитика! Пожалуйста, продолжайте».

– Мы, естественно, пропустили все это через «Страну чудес», но не могли расшифровать карту размещения жертв... или клонов, или кто они там такие. Но так было до сегодняшнего дня. – Вош берет пачку распечаток. – Это, сержант Пэриш, отражение сознания пришельцев.

Я снова киваю. Только в этот раз киваю потому, что начинаю понимать.

– Вы знаете, как они думают?

– Именно! – Подполковник широко улыбается, как учитель лучшему ученику. – Ключ к победе – не стратегия и не тактика, и даже не разница в уровне технологий. Чтобы одержать верх в этой войне или в любой другой, надо понимать, как думает противник. Теперь мы понимаем.

Я сижу и жду, что он постепенно выдаст мне эту информацию.

– Большинство наших предположений оказались верными. Инопланетяне какое-то время за нами наблюдали. Инвазии подверглись ключевые фигуры по всему миру. После того как население Земли уменьшится до приемлемой для них цифры, «спящие агенты» дают сигнал для высадки и координируют действия десанта. Здесь, в лагере «Приют», мы знаем, какой будет атака, но у нас есть серьезные подозрения, что другим базам повезло меньше нашего.

Вош хлопает распечаткой себя по бедру. Я, наверное, вздрогнул, потому что он улыбается, как бы давая понять, что все в порядке.

– Треть выжившего населения. Они внедрены, чтобы уничтожить тех, кто остался после первых трех волн. Тебя. Меня. Ребят из твоей группы. Всех нас. Если в тебе, как в бедолаге Танке, живет страх прихода Пятой волны, забудь о нем. Никакой Пятой волны не будет. Они не собираются высаживаться на Землю, пока вся человеческая раса не будет уничтожена.

– Это поэтому они не...

– Не атакуют нас снова? Мы думаем, что да. Мы считаем, что их главная задача – законсервировать нашу планету для дальнейшей колонизации. Сейчас идет война на истощение. Наши ресурсы ограничены. Раньше или позже они закончатся. Мы это понимаем. Они это понимают. Без поставок продовольствия, без возможности формировать реальные боевые части эта база и любые другие зачахнут и умрут. Как лоза, вырванная с корнем из земли.

Странно все это. Подполковник продолжает улыбаться, будто его заводит такой сценарий конца света.

– И что мы должны делать? – спрашиваю я.

– Единственное, на что мы способны, сержант. Мы примем бой.

Именно так он это и сказал. Ни сомнений, ни страха, ни безнадёжности.

«Мы примем бой».

Вот почему Вош у нас высший начальник. Он стоит надо мной и улыбается, он излучает уверенность, его лицо, словно высеченное из мрамора лицо древней статуи, – благородное, мудрое, волевое. Он скала, о которую разобьются волны инопланетян. Он устоит, что бы ни случилось.

«Мы – человечество» – это слова на одном из баннеров.

Неправильно. Мы бледная тень человечества, его далекое эхо.

Полковник Вош – человечество, он пульс человечества, его сердце, которое никто не сможет победить. Если бы он сейчас приказал мне ради общего дела застрелиться, я бы ни секунды не раздумывал.

– Это возвращает нас к вашему заданию, – спокойно продолжает Вош. – Согласно результатам авиаразведки, в самом Дейтоне и вокруг него обнаружены значительные группировки инвазированных комбатантов. Группа, которой предстоит десантироваться в

данную местность, в ближайшие четыре часа будет действовать самостоятельно, то есть без поддержки. Шансы выжить – один к четырем.

– И две группы останутся здесь, – говорю я, предварительно откашлявшись, чтобы ответ звучал четко.

Подполковник кивает. Его голубые глаза способны просверлить меня до спинного мозга.

– Тебе решать.

И снова эта едва заметная улыбка. Он знает, что я отвечу. Знал еще до того, как я вошел в его кабинет. Может, профиль, составленный «Страной чудес», дал ему подсказку, но я так не думаю. Он знает меня.

Я поднимаюсь из кресла и встаю по стойке «смирно».

И говорю Вошу то, что он и без меня знает.

52

В девять ноль-ноль весь батальон выстраивается на плацу. Море синих комбинезонов и четыре группы в новенькой форме в голове идеального строя. Тысяча новобранцев стоит лицом на восток, в направлении зари нового дня. – Все смотрят на поставленную вчера трибуну. Ледяной ветер хлопает флагами, но мы не чувствуем холода. Внутри нас горит огонь жарче того, который превратил Танка в пепел. Старшие офицеры центрального командования подходят к первой шеренге, к шеренге победителей, они жмут нам руки и поздравляют с отлично выполненной работой. Потом – личные поздравления от инструктора по строевой подготовке. У меня есть несколько заготовок на такой случай. Я мечтал, что, когда Резник будет жать мне руку, я скажу: «Спасибо, что превратили мою жизнь в ад!» «Сдохни. Просто сдохни, сукин сын!» Или вот, лучший, на мой взгляд, вариант, коротко и в точку: «Пошел ты...»

Но когда сержант отдает честь и протягивает мне руку, я торможу и едва успеваю ее схватить. Хочется и дать ему в морду, и обнять.

– Поздравляю, Бен, – говорит Резник.

Это обращение окончательно сбивает меня с толку – я даже не подозревал, что он знает мое имя. Сержант подмигивает мне и двигается дальше.

Пару коротких речей произносят офицеры, которых я раньше не видел. Потом нам представляют коменданта лагеря. Новобранцы ликуют. Мы бросаем вверх кепи и приветственно вскидываем кулаки. Стены казарм эхом отражают наши радостные вопли и делают их в два раза громче, отчего кажется, что и нас в два раза больше. Комендант Вош нарочито медленно подносит руку ко лбу. Он словно щелкает выключателем. Мгновенно наступает тишина, и мы тоже отдаем честь. Я слышу рядом тихое сопение. Нас переполняют эмоции. После всех событий, которые привели нас сюда, после всего, через что мы здесь прошли, после всей крови, всех смертей и пожаров, после того, как нам с помощью программы «Страна чудес» показали жуткое отражение нашего прошлого и заставили посмотреть в глаза не менее жуткому будущему в комнате казни, после месяцев тренировок, настолько зверских, что некоторые из нас прошли точку невозврата, мы наконец достигли нашей цели. Мы пережили смерть своего детства. Теперь мы солдаты, может быть, последние солдаты, способные принять бой, мы последняя надежда Земли, и нас объединяет дух мести.

Я не слышу ни слова из речи Воша. Я смотрю, как у него за спиной всходит солнце, оно как в рамке поднимается между двух башен электростанции, его свет отражает корабль-носитель – единственный изыян на безупречно чистом небе. У меня возникает уверенность, что я могу дотянуться до него, сорвать с орбиты, бросить под ноги и раздавить каблуком. Огонь в моей груди пылает все яростнее, он проникает в каждую клетку тела, расплавляет кости, испепеляет кожу – я превращаюсь в сверхновое солнце.

Я ошибся, решив, что Бен Пэриш умер в тот день, когда вышел из палаты выздоравливающих. Все это время я таскал его гниющий труп внутри себя. И вот теперь, когда я смотрю на одинокую фигуру человека, который зажег во мне этот огонь, останки Бена Пэриша превратились в прах и исчезли. Этот человек показал мне, где настоящее поле боя. Он опустошил меня, чтобы меня можно было наполнить. Он убил меня, чтобы я жил дальше. Я готов поклясться, что он сейчас смотрит на меня. Холодные как лед голубые глаза проникают мне в самую душу, и я догадываюсь, я знаю, о чем он сейчас думает.

«Мы одно целое. Мы братья, ты и я. Нас объединяют ненависть, коварство и дух мести».

VII. Рожден, чтобы убивать

53

«Ты спасла меня».

Ночь. Я лежу в его объятиях, у меня в ушах звучат эти слова, а я думаю: «Идиотка, идиотка, идиотка. Ты не можешь этого допустить. Не можешь, не можешь, не можешь».

Правило номер один: «Не доверяй никому». Из него следует правило номер два: «Единственный способ как можно дольше оставаться в живых – как можно дольше оставаться одной».

Я нарушила оба правила.

О, какие же они умные. Чем труднее выживать, тем сильнее желание прибиться к людям. И чем сильнее желание прибиться к людям, тем меньше шансов выжить.

Дело в том, что у меня был шанс, но в одиночку я не очень-то справилась с задачей. Прямо скажем, хреново справилась: если бы Эван меня не нашел, я бы умерла.

Его тело прижимается к моей спине, его рука бережно обхватывает мою талию, его дыхание приятно щекочет мне шею. В комнате очень холодно, было бы здорово забраться под одеяло, но мне не хочется шевелиться. Я не хочу, чтобы он отодвинулся от меня. Я пробегаю пальцами по его голой руке, вспоминаю его теплые губы и шелковистые волосы. Парень, который никогда не спит, заснул. В океане крови он нашел покой на берегу острова Кассиопея.

«У тебя есть твое обещание, а у меня есть ты».

Я не могу ему доверять. Я должна ему верить.

Я не могу с ним остаться. Я не могу его оставить.

Нельзя полагаться на удачу. Иные отучили меня верить в удачу.

Но можно ли довериться любви?

Не то чтобы я его люблю. Даже не знаю, что это за чувство. Помню, что меня заставлял чувствовать Бен Пэриш, это не описать словами, во всяком случае мне такие слова неизвестны.

– Уже поздно, – бормочет Эван. – Тебе лучше поспать.

«Откуда он знает, что я не сплю?»

– А ты?

Эван скатывается с кровати и шлепает к двери. Я сажусь, пульс у меня учащается, сама не понимаю почему.

– Куда ты?

– Пойду осмотрюсь. Я ненадолго.

После того как он уходит, я стягиваю с себя всю одежду и надеваю клетчатую рубашку Эвана. Вэл спала в ночнушке с оборками. Не мой стиль.

Я снова забираюсь в кровать и до подбородка натягиваю одеяло. Черт, холод собачий. Вслушиваюсь в тишину. Дом без Эвана, вот что я слышу. Снаружи проникают звуки природы

– лай диких собак, волчий вой, пронзительные крики совы. Зима на дворе, а это время года разговаривает шепотом. Если доживу до весны, услышу симфонию дикой природы.

Жду Эвана. Проходит час. Второй.

Снова различаю предательский скрип за дверью и задерживаю дыхание. Обычно я слышу, когда он возвращается: сначала хлопает дверь в кухне, потом топают ботинки по лестнице. Сейчас я слышу только скрип под дверью.

Я беру с прикроватного столика «люгер». Пистолет всегда у меня под рукой.

Моя первая мысль: «Эван погиб. За дверью не Эван, там глушитель».

Соскальзываю с кровати и на цыпочках подхожу к двери. Прижимаюсь к ней ухом. Закрываю глаза, чтобы сосредоточиться. Крепко держу пистолет двумя руками. Просчитываю каждый следующий шаг. Все как он меня учил.

«Левая рука на ручку двери. Поворот ручки, два шага назад, поднять пистолет. Поворот, два шага назад, поднять пистолет...»

Снова скрип половиц.

Ладно, начали.

Распахиваю дверь, делаю всего один шаг назад – тоже мне, просчитала, – и вскидываю пистолет. Эван отскакивает от двери и ударяется спиной о стену. Он видит перед собой ствол и инстинктивно поднимает руки.

– Эй! – кричит Эван с вытаращенными глазами.

У него такой вид, будто он налетел на грабителя-наркомана.

– Какого черта ты делаешь? – Меня трясет от злости.

– Решил вернуться, проверить, как ты тут. Не могла бы ты опустить пистолет? Пожалуйста.

– Ты знаешь, что я не должна была открывать, – сердито ворчу я и опускаю пистолет. – Могла пристрелить тебя через дверь.

– В следующий раз обязательно постучу, – обещает Эван и дарит мне свою фирменную кривую улыбочку.

– Давай договоримся, как ты будешь стучать, когда тебе захочется меня напугать. Один раз – ты хочешь войти. Два – ты тормознул у двери, чтобы убедиться в том, что я сплю.

Эван переводит взгляд с моего лица на мою рубашку (которая вообще-то его рубашка), потом на мои голые ноги, задерживает дыхание и снова смотрит мне в лицо. У него теплый взгляд. А ноги у меня заледенели.

Он один раз стучит по косяку, но пропуском служит его улыбка.

Эван присаживается на кровать. Я стараюсь игнорировать тот факт, что на мне его рубашка и у рубашки его запах, а он сидит всего в одном футе от меня, и от его запаха у меня напрягается пресс, а под ложечкой начинает тлеть уголек.

Я хочу, чтобы он снова ко мне прикоснулся, хочу почувствовать кожей его мягкие, как облака, руки. Но боюсь, что, если он прикоснется, я взорвусь, и миллиарды атомов, из которых состоит мое тело, разлетятся по всей Вселенной.

– Он жив? – шепотом спрашивает Эван.

И снова в его глазах неизбывная печаль. Что за этим стоит? Почему он думает о Сэме?

Я пожимаю плечами. Откуда мне знать?

– Когда умерла Лорэн, я знал. То есть узнал, когда ее не стало.

Эван пощипывает одеяло, пробегает пальцами по стежкам, обводит по краю лоскутки, как будто прокладывает маршрут на карте сокровищ.

– Я почувствовал это. Тогда остались только я и Вэл. Вэл сильно болела, я понимал, что ей недолго осталось. Знал, когда это случится, с точностью до часа. Я прошел через это шесть раз.

Прежде чем продолжить, Эван целую минуту собирается с духом. Что-то не дает ему покоя. Его взгляд бегаёт по комнате, он словно хочет найти что-то, что отвлечет его, или, наоборот, хочет зацепиться за этот момент. Я имею в виду момент, когда он со мной, а не тот, о котором он все никак не перестанет думать.

– Однажды я вышел из дома, чтобы развесить постиранное белье, – говорит Эван. – И тогда это произошло. Меня будто кто-то в грудь ударил. Я хочу сказать – это было на физическом уровне, не какой-то там внутренний голос сказал мне... что Лорэн больше нет. Я почувствовал сильный удар в грудь и понял. Тогда я бросил простыню на землю и помчался к ее дому...

Эван трясет головой. Я дотрагиваюсь до его колена и сразу убираю руку. После первого прикосновения дальше становится уже слишком просто.

– Как она это сделала? – спрашиваю я.

Я не хочу, чтобы из-за меня он шел туда, куда еще не готов пойти. До этого момента он был эмоциональным айсбергом; две трети прятались под водой; он больше слушал, чем говорил, больше спрашивал, чем отвечал.

– Она повесилась, – отвечает Эван. – Я ее снял. – Он отводит глаза. Здесь – со мной, там – с ней. – А потом похоронил.

Я не знаю, что сказать, поэтому ничего и не говорю. Слишком многие говорят, когда на самом деле им и сказать-то нечего.

Помолчав минуту, Эван продолжает:

– Я думаю, вот так это и бывает. Когда любишь кого-то. С любимым человеком что-то случается, и это бьет тебя в сердце. Не как будто бы, а реально бьет. – Он пожимает плечами и усмехается. – По крайней мере, так я это почувствовал.

– И ты думаешь, что раз я этого не почувствовала, значит, Сэмми еще жив?

– Да, я знаю, это глупо. – Эван снова пожимает плечами и смущенно улыбается. – Зря я начал этот разговор.

– Ты ее сильно любил, да?

– Мы выросли вместе. – Глаза Эвана заблестели от нахлынувших воспоминаний. – Она приходила к нам, или я приходил в ее дом. Потом мы стали старше, и она все время была у себя дома, а я здесь. Я ведь должен был помогать отцу, но иногда мне удавалось улизнуть с фермы.

– Вот куда ты сегодня ходил, да? В дом Лорэн.

Слезы катятся по его щекам. Я вытираю их большим пальцем, как он вытирал мои, когда я спросила, верит ли он в Бога.

Эван вдруг наклоняется ко мне и целует. Вот так просто.

– Почему ты меня поцеловал?

Говорил о Лорэн, а потом вдруг целует меня. Это как-то странно.

– Не знаю.

Он опускает голову. Есть Эван загадочный, есть Эван молчун, есть Эван страстный, а сейчас Эван – смущенный маленький мальчик.

– В следующий раз лучше придумай уважительную причину, – поддразниваю я его.

– Хорошо.

И он снова меня целует.

– Причина?

– Хм. Ты очень красивая?

– Неплохая причина. Не знаю, правда это или нет, но звучит хорошо.

Эван берет мое лицо в свои мягкие ладони, наклоняется ко мне и целует в третий раз. Этот поцелуй длится дольше двух первых, он раздувает тлеющий уголек у меня в животе, а волосы на затылке шевелятся в маленьком танце счастья.

– Это правда, – шепчет Эван, прикасаясь губами к моим губам.

Мы засыпаем «ложечками», как и несколько часов назад. Я вдруг просыпаюсь посреди ночи, в первую секунду мне кажется, что я снова в лесу, лежу в своем спальном мешке. Есть только я, плюшевый мишка и моя М-16... и какой-то незнакомец прижимается ко мне за спиной.

«Успокойся, Кэсси, все нормально. Это Эван, он спас тебе жизнь, он выходил тебя, и он готов рисковать своей жизнью ради того, чтобы ты выполнила какое-то глупое обещание.

Эван – парень, который все замечает, – заметил тебя. Эван – простой фермер с теплыми, нежными, мягкими руками».

У меня подпрыгивает сердце. Разве у парня с фермы могут быть такие мягкие руки?

Я убираю его руку от моей груди. Эван тихо вздыхает. Теперь от его дыхания волосы у меня на затылке исполняют джигу по другому поводу. Я легонько касаюсь пальцами ладони Эвана. Гладкая, как попка младенца.

«Ладно, не паникуй. Он уже много месяцев не работал на ферме. Ты же видела, какие ухоженные у него ногти... Но могут ли мозоли так быстро сойти начисто после смены прежнего занятия на охоту в лесу?»

Охота в лесу...

Я немного наклоняю голову к груди и нюхаю его пальцы. Это все мое воспаленное воображение, или я действительно чувствую едкий металлический запах пороха? Когда он стрелял? Он сегодня не охотился, только ходил на могилу Лорэн.

Так я лежу до самого рассвета с открытыми глазами, чувствую спиной, как стучит его сердце, а мое в это время бьется об его ладонь.

«Хреновый ты, наверное, охотник. Редко с добычей приходишь».

«Вообще-то я очень хороший охотник».

«Просто не рожден убивать?»

«Я рожден делать то, что надо делать».

Для чего же ты рожден, Эван?

54

Следующий день превращается для меня в настоящую пытку.

Я понимаю, что не могу пойти против него в открытую. Это слишком рискованно. Что, если мои худшие предположения – правда? Что, если нет никакого Эвана Уокера, парня с фермы, а есть Эван Уокер – предатель или, что немыслимо (а это слово лучше всего характеризует вторжение пришельцев), Эван Уокер – глушитель? Я говорю себе, что последняя версия не лезет ни в какие ворота: глушитель не стал бы со мной нянчиться, тем более давать мне разные прозвища или нежничать со мной по ночам. Глушитель просто взял бы и «утихомирил» меня.

Если я сделаю первый шаг, обратной дороги не будет, скорее всего, игра на этом и закончится. Если Эван не тот, за кого себя выдает, сделав этот шаг, я не оставлю ему выбора. Не важно, какие у него резоны оставлять меня в живых. Думаю, после того как он поймет, что его раскусили, долго я не протяну.

«Не торопись. Спокойно все обдумай. Не лезь на рожон. – Салливан, действуй методично, это не твой стиль, но ты должна думать головой».

Итак, я притворяюсь, будто все нормально. Правда, за завтраком все-таки подвожу разговор к его жизни до Прибытия. Какой работой он занимался на ферме? Эван говорит, что любой. Водил трактор, заготавливал сено, кормил скот, ремонтировал технику, ставил ограду из колючей проволоки. Я смотрю на его руки, а сама придумываю ему оправдания. Самое лучшее: Эван всегда работал в перчатках. Только как бы его спросить об этом, и чтобы вопрос звучал естественно?

Знаешь, Эван, для парня, который вырос на ферме, у тебя очень нежные руки. Ты, наверное, все время работал в перчатках и пользовался лосьоном, не то что другие ребята? Ха-ха.

Эван не желает говорить о прошлом, его больше волнует будущее. Он хочет знать все детали предстоящей миссии, как будто мы должны каждый свой шаг нанести на карту и предусмотреть все случайности.

Что, если мы не дождемся весны и снова начнется буран? Вдруг на базе никого не окажется? Где мы тогда будем искать Сэмми? В какой момент следует остановиться и сказать: хватит, я сдаюсь?

– Я никогда не сдамся, – отвечаю я Эвану.

Жду наступления сумерек. Ждать спокойно я никогда не умела, и Эван замечает, что я нервничаю. Он с ружьем на плече стоит возле кухонной двери.

– Я пошел. Ты как, нормально?

Эван берет мое лицо в свои нежные ладони, а я смотрю в его теплые щенячьи глаза. Храбрая Кэсси, доверчивая Кэсси, Кэсси – поденка.

«Конечно, со мной все будет хорошо. Ты иди, подстрели пару людишек, а я пока нажарю попкорна».

Я закрываю за Эваном дверь и гляжу, как он легко сбегает с крыльца и быстро идет к лесу в западном направлении. Там, за лесом, шоссе, куда, как всем известно, сбегается всякая дичь: олени, зайцы, гомо сапиенс...

Я пробегаю через все комнаты. Четыре недели взаперти, как под домашним арестом. Надо бы немного осмотреться.

Что я нашла? Ничего. И много чего.

Семейные фотоальбомы. Вот младенец Эван в больнице, на голове у него полосатый чепчик для новорожденных. Эван-карапуз толкает перед собой пластмассовую газонокосилку. Пятилетний Эван верхом на лошадке. Десятилетний Эван на тракторе. Двенадцатилетний Эван в баскетбольной форме...

И другие члены семьи, включая Вэл. Ее я сразу узнала. Когда смотрю на лицо девочки, которая умерла у него на руках и одежду которой я теперь ношу, на меня снова наваливается смертная тоска, и я вдруг чувствую себя самым подлым существом на Земле. Фотографии «Семья на фоне рождественской елки», «Семья вокруг именинного торта», «Семья на прогулке в горах» говорят мне о том, что больше не будет ни рождественских елок, ни именинных тортов, ни прогулок всей семьей в горах, ни тысяч других самых обычных и привычных вещей. Каждая фотография как удар похоронного колокола, как таймер, отсчитывающий последние секунды нормального существования.

И она тоже есть на некоторых фотографиях. Лорэн. Высокая. Спортивная. А, да, еще блондинка. Естественно, она должна была быть блондинкой. Они были очень красивой парой. И почти на половине фотографий она не смотрит в камеру, она смотрит на него. Не так, как я смотрела бы на Бена Пэриша, вся в соплях от счастья. Лорэн на фотографиях смотрит на него сияющими от страсти глазами: «Этот? Этот – мой!»

Я откладываю альбомы в сторону. Паранойя постепенно отступает.

«Да, у него нежные руки, ну и что? Нежные руки – это приятно».

Чтобы согреть комнату и отогнать толпящиеся вокруг меня тени, я разжигаю огонь в камине.

«Да, после того, как он посещал могилу Лорэн, его пальцы пахли порошком, ну и что? Здесь повсюду дикие животные. Он не охотиться туда ходил, он ходил на ее могилу. Да, а на обратном пути ему пришлось пристрелить дикую собаку. С тех пор как Эван меня нашел, он постоянно обо мне заботится, думает о моей безопасности, все для меня делает».

Как ни стараюсь, ничего не помогает, не могу успокоиться. Что-то я упустила. Что-то важное. Хожу взад-вперед перед камином, в нем ревет огонь, но мне все равно зябко. Это как зуд, сколько ни чешешь, все без толку. Но что же все-таки я не заметила? Нутром чую, что, даже если переверну тут все вверх дном, не найду ничего криминального.

«Кэсси, ты не везде посмотрела. Он не ждет, что ты заглянешь еще в одно место, и ты туда пока не заглянула».

Я бегу в кухню. Времени у меня мало. Хватаю с крючка у двери тяжелую куртку и фонарик с буфета, засовываю за пояс «люгер» и выхожу из дома. Холод жуткий, небо чистое, звезды освещают двор. Я трусцой бегу к конюшне и стараюсь не думать о корабле-носителе, который завис в нескольких сотнях миль у меня над головой. Фонарик я включаю, только когда вхожу внутрь.

В конюшне пахнет старым навозом и заплесневелым сеном. По гнилым доскам у меня над головой снуют крысы. – Я освещаю стойла, земляной пол и сеновал. Не знаю точно, что

ищу, но продолжаю искать. В любом ужастике конюшня – это место, где герой находит то, что не ожидал найти, и потом всегда об этом жалеет.

Я нахожу то, что не ожидала найти, под грудой истлевших одеял у задней стены конюшни. Что-то длинное и темное блестит в круге света. Я не дотрагиваюсь до этого, просто ногой откидываю одеяла.

Это моя М-16.

Я знаю, что винтовка моя. Луч фонарика освещает инициалы, которые я нацарапала на ложе, когда пряталась в лесу. «К. С.», то есть Кретинка Сумасшедшая.

Я потеряла винтовку на разделительной полосе, когда глушитель выстрелил из леса. Запаниковала и бросила ее там. Думала, что не смогу за ней вернуться, и вот она здесь, в конюшне Эвана. Кошмар возвращается.

«Кэсси, знаешь, как на войне определить, кто твой враг?»

Я пячусь от своей винтовки, пячусь от сигнала, который она мне посылает. Я пячусь до самой двери и все это время держу в луче света черный ствол.

У двери я поворачиваюсь и натыкаюсь на твердую как камень грудь Эвана.

55

– Кэсси? – Он хватает меня за руки, и только благодаря этому я не падаю назад. – Что ты здесь делаешь?

Эван заглядывает через мое плечо в конюшню.

– Мне показалось, тут был какой-то шум.

Глупо! Теперь он захочет проверить. Но это первое, что пришло мне в голову. Вечно так со мной, надо избавляться от этой привычки. Избавлюсь, если проживу дольше пяти минут. Сердце до того сильно грохочет в груди, что аж в ушах звенит.

– Тебе показалось? Кэсси, ты не должна ночью выходить из дома.

Я послушно киваю и заставляю себя посмотреть ему в глаза. Эван Уокер все подмечает.

– Знаю, это глупо, но тебя так долго не было.

– Я выслеживал оленя.

Прямо передо мной на фоне занавеса из звездного неба стоит тень с очертаниями Эвана, за плечом у него крупнокалиберная снайперская винтовка.

«Держу пари, именно этим ты и занимался».

– Давай пойдем в дом. Я совсем околела.

Эван не двигается. Он продолжает смотреть в конюшню.

– Я проверила, – как можно беззаботнее говорю я. – Это крысы.

– Крысы?

– Ну да, крысы.

– Ты услышала крыс? В конюшне? Из дома?

– Нет. Как я могла их услышать из дома? – В этот момент мне лучше было бы утомленно закатыть глаза, а не хихикать, как дурочке. – Я вышла на крыльцо плотннуть свежего воздуха и услышала.

– Ты услышала крыс с крыльца?

– Это были очень большие крысы.

«А теперь – кокетливая улыбка!»

Я выдаю улыбку, которая, надеюсь, сойдет за кокетливую, беру Эвана под руку и тащу его в сторону дома. С тем же успехом я могла бы сдвинуть с места фонарный столб. Если он войдет в конюшню и увидит винтовку – все кончено. Какого черта я ее не прикрыла?

– Эван, все нормально. Просто я испугалась, вот и все.

– Хорошо.

Эван толкает дверь, дверь закрывается, и он одной рукой обнимает меня за плечи, словно хочет защитить. Он убирает руку, только когда мы подходим к двери в дом.

«Сейчас, Кэсси. Быстро отступаешь на шаг вправо, достаем „люгер“, крепко держишь двумя руками, колени слегка согнуты, нажимаешь плавно, не дергаешь. Давай».

Мы входим в теплую кухню. Возможность упущена.

– Я так понимаю, оленя ты не подстрелил, – как бы между делом замечаю я.

– Нет.

Эван прислоняет винтовку к стене и снимает куртку. Щеки у него покраснелись от холода.

– Может, ты кого другого подстрелил, – говорю я. – Может, это я выстрел слышала.

Эван качает головой:

– Я вообще не стрелял.

Он дышит на руки. Я иду следом за ним в большую комнату, там он наклоняется у камина, чтобы согреть руки. Я стою за диваном в считанных футах от него.

Мой второй шанс убить Эвана. Попасть с такого расстояния не проблема. Вернее, это не было бы проблемой, если бы его голова походила на консервную банку из-под кукурузы со сливками. Я ведь раньше только по таким мишеням стреляла.

Достаю из-за пояса пистолет.

После того как я побывала в конюшне, у меня не так много вариантов. Столько же было, когда я лежала под машиной на шоссе: или прятаться, или выйти из укрытия. Если буду бездействовать и притворяться, что все отлично, толку не будет. Если я выстрелю ему в затылок, толк будет, то есть я его убью. Но после встречи с тем солдатом я решила, что больше никогда не убью невинного человека. Лучше показать руку сейчас, пока я держу в ней пистолет.

– Я должна тебе кое-что сказать, – говорю дрожащим голосом. – Я соврала про крыс.

– Ты нашла винтовку.

Это не вопрос. Теперь он стоит спиной к огню, лицо в тени, и я не могу его разглядеть. Но голос у него спокойный.

– Я нашел ее пару дней назад на шоссе. Вспомнил, как ты сказала, что выронила винтовку, когда убегала. Увидел инициалы и сразу понял: это твоя.

С минуту я молчу. Объяснение Эвана звучит вполне разумно. Только я не ожидала, что он вот так сразу заговорит на эту тему.

– Почему ты мне не сказал? – наконец спрашиваю я.

Эван пожимает плечами:

– Я собирался. Наверное, забыл. Кэсси, что ты делаешь с этим пистолетом?

«А, с пистолетом? Да вот собиралась отстрелить тебе башку. Подумала, что ты можешь быть глушителем, или предателем человечества, или еще кем-нибудь в этом роде. Ха-ха!»

Я следом за Эваном смотрю на пистолет и вдруг чувствую, что сейчас разрыдаюсь.

– Мы должны верить друг другу, – шепотом говорю я. – Ведь должны?

– Да, – соглашается Эван и делает шаг ко мне. – Мы верим.

– Но как... как ты заставляешь себя верить? – спрашиваю я.

Теперь он стоит рядом. Он не протягивает руку за пистолетом, он тянется ко мне взглядом. Я хочу, чтобы он поймал меня до того, как я окажусь слишком далеко от Эвана, которого я знала, от Эвана, который спас меня, чтобы спастись самому. Кроме него у меня никого нет. Он – крошечный кустик на уступе скалы, за который я уцепилась.

«Помоги мне, Эван. Не дай упасть. Не дай потерять то, что делает меня человеком».

– Ты не можешь заставить себя верить, – тихо отвечает Эван. – Но ты можешь позволить себе верить. Ты можешь разрешить себе доверять.

Я смотрю снизу вверх ему в глаза и киваю. У него такие теплые шоколадные глаза. Такие понимающие и грустные. Проклятье, почему он так красив? И черт возьми, почему я так остро это чувствую? И еще: я доверяю Эвану, Сэмми доверял солдату, когда взял его за руку и пошел в тот автобус. В чем разница? Странно, но, глядя в глаза Эвана, я вспоминаю глаза Сэмми. Я вижу в них то же самое желание услышать, что все будет хорошо. Иные

ответили на этот вопрос категоричным «нет». Так что изменится, если мой ответ Эвану будет таким же?

– Я хочу верить. Я очень-очень хочу верить.

Не знаю, как это получилось, но мой пистолет уже у него в ладони.

Эван берет меня за руку и ведет к дивану. Потом кладет «люгер» на «Отчаянное желание любви» и опускается рядом со мной. Он садится слишком близко и упирается локтями в колени.

– Я не хочу уходить отсюда. – Эван трет ладони, как будто они еще не согрелись, но это не так, я только что держала его за руку. – Причин много. Так было, пока я не нашел тебя. – Он хлопает в ладоши, как будто от безысходности, но получается не очень хорошо. – Я знаю, ты не напрашивалась стать моим стимулом, чтобы продолжать... все это. Но после того, как я тебя нашел...

Эван поворачивается ко мне и берет мои руки в свои. Я вдруг чего-то пугаюсь. Он держит меня крепко, а в глазах стоят слезы. Как будто это я его кустик на скале.

– Я все неправильно понимал, – говорит он. – До того как тебя нашел, я думал, что единственный способ устоять – это найти то, ради чего будешь жить. Это не так. Чтобы устоять, надо найти то, ради чего ты готов умереть.

VIII. Дух мести

56

Мир пронзительно кричит.

Всего лишь ледяной ветер задувает через открытый люк в вертолете, но звучит это именно так. В разгар чумы, когда люди умирали сотнями каждый день, перепуганные обитатели палаточного городка иногда по ошибке бросали в костер тех, кто просто был без сознания. Ты не только слышал крики сгоравших заживо, ты физически получал удар в сердце.

Некоторые вещи нельзя оставить позади. Они не принадлежат прошлому, они принадлежат тебе.

Через окна вертолета видны разбросанные в темноте огни. На подлете к окраине города россыпь янтарно-желтых точек на чернильном фоне становится гуще. Это не погребальные костры. Эти огни загорелись от молний в летние грозы, осенний ветер перенес искры с пепелищ в другие сытные места. Вокруг полно пищи для огня. Мир будет гореть еще не один год. Он будет гореть, даже когда я стану ровесником своего отца, если, конечно, столько проживу.

Мы летим в десяти футах над верхушками деревьев, шум винтов глушится по какой-то стелс-технологии. К Дейтону подлетаем с севера. Легкий снег создает вокруг костров ореолы, они похожи на тусклые лампочки, которым нечего освещать.

Я отворачиваюсь от иллюминатора и вижу, что на меня через проход смотрит Рингер. Она поднимает два пальца. Я киваю. Две минуты до высадки. Опускаю оголовье так, чтобы монокуляр оказался перед левым глазом, и закрепляю ремешок.

Рингер показывает на Чашку, которая сидит рядом со мной. У Чашки все время соскальзывает монокуляр. Я затягиваю ремешок. Чашка показывает большой палец, а у меня к горлу подкатывает горький комок. Семь лет. О господи! Я наклоняюсь к девчонке и кричу ей в ухо:

– Держись рядом со мной, поняла?

Чашка улыбается, отрицательно трясет головой и показывает на Рингер:

«Буду с ней!»

Я смеюсь. Чашка молодец.

Теперь летим над рекой. «Блэк хоук» скользит всего в нескольких футах над водой. Рингер в тысячный раз проверяет свою винтовку. Рядом с ней Кремень нервно притоптывает и смотрит в пустоту.

Дамбо проводит инвентаризацию своей аптечки. Умпа наклонил голову, чтобы мы не заметили, как он засовывает в рот последний шоколадный батончик.

И наконец, Кекс. Сидит, опустив голову, руки скрестил на коленях. Резник сказал, что назвал этого мальчишку Кексом, потому что он мягкий и сладкий. Мне он не казался ни мягким, ни сладким, особенно на стрельбище. Рингер – лучшая из лучших, но я собственными глазами видел, как Кекс выбил шесть мишеней за шесть секунд.

«В том-то и дело, Зомби. Мишени. Вырезанные из фанеры фигуры людей. А когда он встретит реальных людей, будет ли стрелять так же метко? Любой из нас будет?»

В это трудно поверить. Мы передовой отряд. Семеро ребят, которые еще полгода назад были просто детьми. И мы должны нанести контрудар по тем, кто уничтожил семь миллиардов.

Рингер снова внимательно смотрит на меня. Вертолет идет на снижение. Рингер отстегивает ремни безопасности и шагает ко мне через проход. Она упирается руками мне в плечи и кричит прямо в лицо:

– Не забывай про круг! Мы не умрем!

Быстро и плавно снижаемся к зоне высадки. «Блэк хоук» не садится, он висит в нескольких дюймах над промерзшей землей, пока моя группа выпрыгивает из люка. Я осматриваюсь и вижу, что Чашка борется с ремнями безопасности. Наконец она побеждает и прыгает вперед меня. Я десантируюсь последним. Пилот в кабине показывает через плечо большой палец. Я отвечаю тем же.

«Блэк хоук» взмывает в ночное небо и резко поворачивает на север, черный корпус постепенно сливается с тучами, исчезает.

Винты расчистили от снега небольшой участок в парке у реки. Но «Блэк хоук» улетел, а снег вернулся и теперь злобно кружит вокруг нас. После пронзительного воя ветра тишина в парке просто оглушает. Прямо перед нами возвышается огромная тень – памятник ветерану войны в Корее. Слева от памятника мост. В десяти кварталах за мостом – старое здание суда. Там инвазированные устроили целый арсенал автоматического оружия, у них есть гранатометы и даже «Стингеры FIM-92». Эти сведения с помощью «Страны чудес» вытащили из одного инвазированного, которого взяли в ходе операции «Малышка Бо Пип». Именно «стингеры» – причина нашего появления в Дейтоне. Ракетные удары ослабили нашу авиацию, поэтому крайне важно защитить то, что осталось.

У нас двойная цель: уничтожить или частично захватить арсенал противника и ликвидировать весь инвазированный персонал.

Нанести наибольший ущерб.

Рингер идет первой, у нее самый острый глаз в нашей группе. Мы проходим следом за ней мимо памятника солдату с суровым лицом на мост: Кремень, Дамбо, Умпа, Кекс и Чашка. Я прикрываю. Петляем между заглохшими машинами, которые проглядывают сквозь покрывало накопившегося за три сезона хлама. Окна разбиты, борта разрисованы граффити, все ценные детали сняты, но что теперь имеет ценность? Впереди меня бежит трусцой Чашка – вот она сейчас ценная. Это самый главный вывод, который я сделал для себя после Прибытия. Убивая нас, они продемонстрировали нам бессмысленность материальных ценностей. Где тот парень, которому принадлежала эта «БМВ»? Да там же, где хозяйка вот этой «KIA».

Мы останавливаемся у южного съезда с моста, всего в двух шагах от Паттерсон-бульвара. Укрываемся за внедорожником. Из-за снегопада дорога впереди просматривается только на полквартала. Быстро не управимся. Гляжу на часы. До эвакуации в парке четыре часа.

В двадцати ярдах от нас посреди перекрестка стоит бензовоз. Он перекрывает вид на левую сторону улицы. На той стороне четырехэтажное здание, я его не вижу, но на

инструктаже мне сказали, что это самая выгодная точка наблюдения за мостом. Когда сбегает с моста, я даю знак Рингер держаться правее, чтобы бензовоз оказался между нами и четырехэтажным домом.

Рингер резко тормозит у бампера и падает на землю. Группа следует ее примеру. Я по-пластунски подползаю к Рингер и шепотом спрашиваю:

– Что видишь?

– Трое на два часа.

Прищурившись, смотрю через монокуляр в сторону здания на противоположной стороне дороги. За кружевным занавесом снежинок видно, как три зеленых пятнышка дрожат над тротуаром и увеличиваются по мере приближения к перекрестку.

Первая мысль: «Твою мать, а ведь от этих линз есть прок».

Мысль вторая: «Твою мать, это гады, и они идут прямо на нас».

– Патруль? – спрашиваю я у Рингер.

Она пожимает плечами:

– Наверное, засекли вертолет и теперь идут проверить.

Рингер лежит на животе, держит их в прицеле и ждет команды. Зеленые пятнышки увеличиваются – они дошли до угла напротив. Под «маячками» на плечах еле видны их фигуры. Ощущение очень неприятное, как будто их головы горят радужным зеленым огнем.

«Пока рано. Если начнут переходить дорогу, отдашь приказ».

Рингер делает глубокий вдох и задерживает дыхание. Она терпеливо ждет моей команды, и похоже, что ждать она может хоть тысячу лет. Снег оседает ей на плечи, вплетается в ее черные волосы. Кончик носа Рингер становится ярко-красным. Минута все тянется и тянется. А что, если их не трое, а больше? Если мы выдадим себя, сюда из дюжины разных мест может повыскакивать еще сотня. Открыть огонь или ждать? Я закусываю нижнюю губу и пытаюсь взвесить все «за» и «против».

– Держу их в прицеле. – Рингер, наверное, неправильно поняла, почему я медлю.

Зеленые пятна останавливаются и собираются в кучку, как будто решили о чем-то переговорить. Понять, куда они смотрят, невозможно, но я уверен, что о нашем присутствии они не знают. Если бы они знали, где мы прячемся, они бы побежали на нас, открыли огонь или нашли бы себе укрытие, – в общем, перешли бы к действиям. У нас преимущество – элемент внезапности. И у нас есть Рингер. Даже если в первый раз она промахнется, второй выстрел попадет в цель. Дать команду не проблема.

Так что же меня останавливает?

Рингер, наверное, думает о том же, потому что, взглянув на меня, спрашивает:

– Зомби? Какие будут распоряжения?

Какие могут быть распоряжения? У нас приказ: уничтожить весь инвазированный персонал.

Но вот что подсказывает интуиция: «Не спеши отдавать команду. Выжди».

А я где-то посередине.

За долю секунды до того, как мы слышим выстрел мощной снайперской винтовки, на дороге в двух футах перед нами возникает фонтанчик из грязного снега и крошек асфальта. Это сразу решает стоящую передо мной проблему выбора. Команда вылетает, как будто ее выбивает из моих легких ледяной ветер:

– Огонь.

Пуля Рингер попадает в один из подпрыгивающих зеленых огоньков, и тот гаснет. Другой огонек устремляется вправо. Рингер поворачивает ствол в мою сторону. Я пригибаюсь, она стреляет, и второй огонек гаснет. Третий уменьшается в размерах – бежит туда, откуда пришел.

Я вскакиваю на ноги. Нельзя допустить, чтобы он поднял тревогу. Рингер хватается меня за запястье и рывком возвращает на землю.

– Черт! Рингер, что ты делаешь?

– Это ловушка. – Она показывает на шестидюймовую канавку в дорожном покрытии. – Ты что, не слышал? Это не они стреляли. Стреляли оттуда. – Рингер кивает в сторону здания на противоположной стороне улицы. – Слева. И, судя по траектории, с высоты, возможно, с крыши.

Я трясую головой. На крыше четвертый инвазированный? Как он узнал, что мы здесь, и почему не предупредил остальных? Мы прячемся за бензовозом, стало быть, он засек нас еще на мосту. Засек и не открывал огонь, пока мы не нашли укрытие и он не лишился возможности в нас попасть. В этом нет смысла.

– Я так понимаю, это то, что называют туманом войны, – продолжает Рингер, словно прочитав мои мысли.

Я киваю. Все слишком быстро становится слишком сложно.

– Как он нас увидел? – спрашиваю я.

Рингер качает головой:

– Наверное, у него прибор ночного видения.

– Тогда мы попали. – Я думаю о двух-трех тоннах бензина, за которыми мы прячемся. – Он взорвет бензовоз.

Рингер пожимает плечами:

– Пулей вряд ли, так только в кино бывает, Зомби.

Она смотрит на меня и ждет команды. Я оглядываюсь назад. Вся группа тоже ждет. Сквозь пелену снега я вижу темные глаза ребят. Чашка или замерзла как цуцик, или ее трясет от страха. Кремень хмурится, он один подает голос, чтобы я знал, о чем думают остальные:

– Мы в западне. Теперь надо уходить, так?

Хорошо бы, но равносильно самоубийству. Если нас не перестреляет снайпер с крыши, перестреляет подкрепление, которое должно вот-вот появиться.

Отступление – не выход. Наступление – не выход. Остаться на месте – не выход. Выхода вообще нет.

Побежим – погибнем. Останемся – погибнем.

– Кстати, о приборах ночного видения, – зло ворчит Рингер. – Начальство могло бы подумать об этом, прежде чем нас сюда забрасывать. Мы как слепые котята.

Тут меня осеняет.

«Как слепые котята. Благослови тебя Бог, Рингер».

Я приказываю ребятам сгруппироваться вокруг меня.

– Следующий квартал, по правой стороне – офисное здание, сразу за ним – паркинг. – Во всяком случае, на карте он был. – Поднимаемся на третий уровень. Работаем парами: Кремень с Рингер, Кекс с Умпой, Дамбо с Чашкой.

– А ты? – спрашивает Рингер. – Кто твоя пара?

– Мне не нужна пара, – отвечаю. – Я тупой зомби.

Сейчас улыбнется. Как же, жди.

57

Я показываю в сторону набережной.

– До конца по тому тротуару, – приказываю Рингер. – И меня не ждите.

Рингер хмурится и качает головой. Я наклоняюсь к ней и говорю как можно серьезнее:

– Я-то думал, что поймал тебя на крючок с Зомби. Однажды я выбью из тебя улыбку, рядовой.

Совсем далеко до улыбки.

– Я так не думаю, сэр.

– Что-то имеешь против улыбок?

– Это первое, от чего я отучилась.

А потом снег и темнота проглатывают Рингер. За ней уходят все остальные. Я слышу, как поскуливает Чашка, а ее напарник Дамбо говорит:

– Кап, когда начнется, беги со всех ног, поняла?

Я опускаюсь на корточки возле топливного бака и берусь за крышку. Одновременно мысленно произношу молитву, которая противоречит всякому здравому смыслу. Я молюсь о том, чтобы бак был залит под завязку или, что лучше, наполовину, потому что дым послужит нам хорошим прикрытием. Цистерну я поджигать не рискую, а вот бак с несколькими галлонами дизельного топлива можно и взорвать. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Крышка бака примерзла, я бью по ней прикладом винтовки и кручу изо всех сил обеими руками. Наконец раздается хруст, и упрямица с приятным для моего слуха шипением откручивается. У меня будет десять секунд. Вести обратный отсчет или не вести? Нет, плевать на отсчет. Я выдергиваю чеку, бросаю гранату в бак и бегу вниз по склону. За спиной кружит снег, я цепляюсь за что-то ногой и остаток пути преодолеваю кувырком. Приземляюсь на спину и ударяюсь затылком о тротуар. Снег кружит у меня над головой, я чувствую запах реки, а потом слышу взрыв. Бензовоз подпрыгивает на два фута над дорогой, следом за ним в воздухе появляется огромный огненный шар – мини-вселенная из мерцающих крохотных солнц. Я встаю на ноги и, задышавшись, бегу вверх по склону холма. – Ребят нигде не видно. Поравнявшись с бензовозом, чувствую жар левой щекой. Цистерна пока цела, граната в топливном баке не подожгла бензин. Бросить еще одну? Или бежать? Ослепленный взрывом топливного бака снайпер должен снять прибор ночного видения. Но ослеплен он ненадолго.

К тому моменту, когда взрывается цистерна, я успеваю преодолеть перекресток и вскочить на обочину. Взрыв бросает меня вперед, через тело первого убитого Рингер гада, и прямо сквозь стеклянные двери в офисное здание. Я слышу треск и надеюсь, что это двери, а не какие-то важные части моего скелета. Сверху обрушивается дождь из огромных металлических осколков. Куски взорвавшейся цистерны разлетаются на сотню ярдов вокруг. Я обхватываю голову руками и сжимаюсь в комок. Одновременно слышу чей-то крик. Жара адская, меня как будто солнце проглотило.

У меня за спиной разбивается стекло, но не от взрыва, – это пуля из крупнокалиберной винтовки.

«Полквартала до гаража. Беги, Зомби».

И я бегу, пока не натываюсь на скорчившегося на тротуаре Умпу. Рядом на коленях стоит Кекс и трясет Умпу за плечо. Лицо лежащего искажено, рот разинут в беззвучном крике.

Это Умпу я слышал после взрыва бензовоза, но почему он кричал, понимаю только через секунду: из поясицы торчит кусок железа размером с тарелку фрисби.

Я толкаю Кекса в сторону паркинга:

– Вперед!

А сам закидываю маленькое тело толстячка Умпы себе на плечо. Снайпер на противоположной стороне улицы снова открывает огонь. На этот раз он стреляет дважды, крупнокалиберные пули выбивают из стены у меня за спиной бетонные осколки.

Первый уровень от тротуара отделяет бетонная стена высотой с метр. Я опускаю Умпу за стену, потом перепрыгиваю сам и сразу приседаю. Еще один выстрел, и приличный осколок стены летит в мою сторону. Стоя на коленях рядом с Умпой, я вижу, как Кекс бежит к лестничному колодцу. Итак, раз уж в этом здании нет другого снайпера и убежавший инвазированный не стал искать здесь укрытие...

Беглый осмотр ранения Умпы не внушает оптимизма. Чем скорее я донесу его к Дамбо, тем лучше.

– Рядовой Умпа, – говорю я ему прямо в ухо, – приказа умирать не было, понятно?

Умпа кивает и втягивает холодный воздух, а потом выдыхает уже теплый. Но лицо у него белое как снег. Я снова взваливаю Умпу на плечо и пригнувшись, насколько это возможно, бегу к лестнице.

До третьего уровня поднимаюсь, перешагивая через ступеньку. Моя группа укрылась за первым рядом машин в нескольких футах от стены, обращенной к позиции снайпера. Дамбо

стоит на коленях рядом с Чашкой и обрабатывает ее ногу. Лицо у нее все в царапинах, я вижу красную рану – пуля вырвала кусок мяса из икры. Дамбо накладывает повязку, передает Чашку Рингер и бросается к Умпе.

Кремень кивает в мою сторону:

– Говорил тебе, надо было отступать. – Его глаза сверкают от злости. – Теперь смотри, что получилось.

Я его игнорирую, поворачиваюсь к Дамбо и спрашиваю:

– Что там?

– Плохо, сержант.

– Значит, сделай так, чтобы было хорошо.

Поворачиваюсь к Чашке. Уткнувшись лицом в грудь Рингер, она тихонько поскуливает.

– Ничего не понимаю, – говорит мне Рингер. – Она не может пошевелиться.

Я киваю. Умпу подстрелили, Чашка выбилась из сил, Кремень готов взбунтоваться. В здании через дорогу засел снайпер, а сотня или больше его сотоварищей вот-вот примут участие в вечеринке. Надо что-то придумать, и быстро.

– Он знает, где мы, поэтому нам нельзя здесь задерживаться. Посмотри, сможешь его снять?

Рингер кивает, но она не может отцепить от себя Чашку. Я протягиваю к ней красные от крови Умпы руки.

Рингер передает мне Чашку, а та извивается и пытается вырваться. Она не хочет оставаться со мной. Я киваю в сторону улицы и говорю Кексу:

– Кекс, пойдешь с Рингер. Кончайте подонка.

Рингер и Кекс ныряют между двух машин и исчезают из вида. Я поглаживаю голову Чашки – где-то по пути сюда она потеряла свое кепи – и наблюдаю, как Дамбо осторожно тянет осколок из поясицы Умпы. Умпа воет от боли и скребет пальцами пол. Дамбо неуверенно смотрит на меня. Я киваю в ответ. Осколок надо вытащить.

– Давай рывком, – говорю я. – Будешь тянуть, только хуже сделаешь.

И Дамбо дергает. Умпа складывается пополам, стены паркинга отражают его крики. Дамбо отбрасывает металлический осколок в сторону и светит фонариком в открытую рану.

Скривившись, Дамбо переворачивает Умпу на спину. Рубашка на животе бедняги промокла от крови. Осколок попал в поясицу, прошел насквозь и прорвал живот.

Кремень отворачивается и отползает на пару футов, спина выгибается аркой, его рвет. Чашка, видящая все это, затихает, у нее шок. Чашка, которая громче всех вопила на плацу во время тренировки по рукопашному бою. Кровожадная Чашка, распевавшая песенки в ангаре по обработке и уничтожению. Я теряю ее.

И Умпу я тоже теряю. Дамбо прижимает ватные тампоны к ране в его животе, а он прячет от меня глаза.

– Какой у тебя приказ, рядовой? – спрашиваю я.

– Я не... я не должен...

Дамбо отбрасывает пропитанные кровью тампоны и прикладывает к ране новые. Он смотрит мне в глаза. Ему не надо ничего говорить. Ни мне, ни Умпе.

Я отпускаю Чашку и сажусь рядом с Умпой. Его дыхание пахнет кровью и шоколадом.

– Это потому, что я толстый, – запинаясь, говорит Умпа и плачет.

– Не пори чушь, – грубо говорю я.

Умпа что-то шепчет. Я наклоняюсь к его губам.

– Меня зовут Кенни, – шепчет Умпа, как будто это страшный секрет, которым он боялся поделиться.

Его глаза закатываются. Умпы больше нет.

Чашка ничего этого не видела. Она сидит, уткнувшись лбом в колени. Велю Кремню за ней присматривать. Меня беспокоит, как дела у Рингер и Кекса. Кремень смотрит в ответ так, словно готов убить голыми руками.

– Ты здесь командуешь, ты и присматривай, – огрызается он.

Дамбо счищает с пальцев кровь Умпы, вернее, кровь Кенни.

– Я присмотрю, сержант, – спокойно говорит он, но руки у него трясутся.

– Сержант. – Кремень зло сплевывает. – Вот именно. – Что дальше, сержант?

Я не отвечаю и ползу к стене. Рингер стоит на коленях и смотрит на противоположное здание. Рядом сидит на корточках Кекс, он вопросительно оглядывается на меня, но я делаю вид, что не замечаю этого, и сажусь рядом с Рингер.

– Умпа больше не кричит, – говорит Рингер, не прекращая высматривать.

– Его звали Кенни.

Рингер кивает. Она сразу все понимает, а вот Кексу на это требуется время. Через минуту он отодвигается подальше от нас, упирается руками в бетон и делает судорожный вдох.

– Ты все сделал правильно, Зомби, – говорит Рингер. – Если бы ты этого не сделал, мы бы все сейчас превратились в Кенни.

Звучит очень даже неплохо. Я смотрю на профиль Рингер и удивляюсь тому, что Вош решил прикрепить полоски сержанта к моему воротнику. Комендант повысил в звании не того рядового.

– Как там? – спрашиваю я.

Рингер кивает в сторону здания, где засел снайпер:

– Да все по-прежнему.

Я медленно приподнимаюсь со своего места. В затухающем пламени от взорвавшегося бензобака осматриваю фасад здания напротив: разбитые окна, облупившаяся белая штукатурка, крыша на этаж выше нашего уровня. Дальше какой-то смутный силуэт, похоже, водонапорная башня, но это все, что я вижу.

– Где? – шепотом спрашиваю я.

– Наверное, снова нырнул. Он как поплавок, все время вверх-вниз, вверх-вниз.

– Он там один?

– Я видела только одного.

– Он светится?

Рингер качает головой:

– Нет, Зомби. Он не опознается как инвазированный.

– Может, это не он стрелял...

– Я видела его оружие, – перебивает Рингер. – Снайперская винтовка.

Но тогда почему у него нет зеленой подсветки? Те, на улице, подсвечивались, а они были ближе, чем этот. А потом, я думаю, что не важно, зеленым он светится или фиолетовым, или вообще не светится. Он пытается нас убить, и мы не можем пойти дальше, пока его не обезвредим. А мы должны продвигаться, пока тот, убежавший, не привел подкрепление.

– А они умные ребята, – говорит Рингер, словно читая мои мысли. – Надеваешь маску человека, и люди перестают доверять друг другу. Выход один: убивай или убьют тебя.

– Он думает, что мы – это они?

– Или решил, что это не имеет значения. По-другому не выжить.

– Но он стрелял в нас, а не в тех троих, что были перед ним. Почему выбрал не легкие мишени, а ту, по которой нереально попасть?

У Рингер, как и у меня, нет ответа на этот вопрос. Только в отличие от меня она не ставит его на первое место в списке проблем.

– По-другому не выжить, – делая ударение на каждом слове, повторяет она.

Я смотрю на Кекса, он смотрит на меня и ждет, какое я приму решение. Решать тут нечего.

– Можешь снять его отсюда? – спрашиваю я Рингер.
Та качает головой:
– Слишком далеко. Я только что выдала нашу позицию.
Я перемещаюсь ближе к Кексу.
– Останешься здесь. Через десять минут откроешься, чтобы отвлечь его, пока мы переходим на ту сторону.
Глядит на меня наивными, доверчивыми глазами.
– Знаешь, рядовой, вообще-то принято отвечать, когда получаешь приказ от командира.
Кекс кивает.
Я предпринимаю еще одну попытку:
– Отвечают: есть, сэр.
Он снова кивает.
– Отвечают вслух. Не кивком, а словами.
Еще один кивок.
Ладно, я хотя бы попытался.
Когда мы с Рингер возвращаемся к остальным, тело Умпы уже убрано. Его спрятали в какую-то машину. Идея Кремня. Нечто похожее он предлагает всем нам.
– Этот паркинг – отличное укрытие. Я хочу сказать, мы можем пересидеть в машинах, пока нас отсюда не заберут.
– Кремьень, в этой группе решения принимает один человек, – говорю ему.
– Ага, и нам что от этого? А, я знаю. Давайте спросим Умпу.
– Кремьень, – говорит Рингер, – расслабься. Зомби прав.
– Ага, пока вы вдвоем не попадете в засаду. Тогда ты скажешь, что он ошибся.
– Тогда ты станешь за главного и будешь командовать, – жестко говорю я и обращаюсь к Дамбо: – Присмотришь за Чашкой.
Конечно, если нам удастся оторвать ее от Рингер. Чашка снова прилипла к ее ноге.
– Не вернемся через тридцать минут – значит не вернемся вообще.

59

Бензовоз сгорел до покрышек. Мы садимся на корточки у пешеходного входа в паркинг. Улица подсвечена оранжевым светом догорающего огня.
– Вон там мы войдем, – говорю я. – Третье от левого угла окно. Выломано практически полностью, видишь?
Рингер кивает с отсутствующим видом. Ее мысли заняты чем-то другим. Она все время теревит монокуляр, то опустит его на глаз, то снова поднимет. Уверенность, которую эта девушка демонстрировала перед ребятами, испарилась.
– Попасть было нереально... – бормочет она и поворачивается ко мне: – Как понять, когда становишься Дороти?
Я трясую головой. Откуда такие мысли?
– Ты не становишься Дороти, – говорю я и для убедительности хлопаю ее по руке.
– Почему ты так в этом уверен?
У Рингер бегают глаза, словно она ищет подсказку. Вот так же у Танка бегали глаза перед тем, как он сорвался.
– Сумасшедшие не считают себя сумасшедшими. Они считают, что рассуждают очень даже здраво.
Я вижу в глазах Рингер отчаяние, это совсем на нее не похоже.
– Ты не сумасшедшая. Можешь мне поверить.
Неправильно выбрал слово.
– С какой стати я должна тебе верить?
Впервые я слышу в голосе Рингер какие-то эмоции.

– Почему я должна тебе доверять, и почему ты должен доверять мне? Откуда ты знаешь, Зомби, что я не из них?

Наконец-то простой вопрос.

– Потому что нас обследовали и мы прошли отбор. И мы не светимся, когда смотрим друг на друга через монокуляры.

Рингер очень долго глядит на меня, а потом бормочет под нос:

– Господи, как жаль, что ты не играешь в шахматы.

Наши десять минут истекли. Кекс открывает огонь по крыше противоположного здания. Снайпер тут же отвечает. Мы стартуем. Только сбегаем с тротуара на дорогу, пули прошивают асфальт перед нами. Мы разделяемся: Рингер вправо, я влево. Слышу свист пули, и кажется, проходит целый месяц, прежде чем она разрывает рукав моей куртки. Еле сдерживаюсь, чтобы не начать ответный огонь. – За месяцы тренировок у меня выработался инстинкт – стрелять в того, кто стреляет в меня. Я запрыгиваю на тротуар, еще два шага, и прижимаюсь к холодной стене. Здесь он меня не достанет. И в этот момент я вижу, как Рингер поскользывается на небольшом обледеневшем участке дороги и падает лицом вперед, к тротуару.

Она машет мне рукой: «Уходи!»

Пуля выбивает осколок из бордюра, и этот осколок по касательной задевает шею Рингер. Плевать мне на ее протесты. Я бросаюсь к Рингер, хватаю за руку и затаскиваю на тротуар. Пока я пчусь к стене, еще одна пуля пролетает рядом с моей головой.

У Рингер из шеи течет кровь, в отблесках огня она кажется черной.

Рингер жестами показывает: «Уходим, уходим».

Мы быстро идем вдоль стены к выбитому окну и ныряем внутрь здания.

На все ушло меньше двух минут, а такое ощущение, что два часа.

Там, куда мы залезли, раньше был дорогой бутик. Его, конечно, разграбили, и не один раз. Кругом пустые витрины, разломанные вешалки и жуткого вида безголовые манекены, а на стенах постеры с преувеличенно серьезными моделями. Над прилавком выдачи покупок табличка: «Распродажа».

Рингер выбирает угол, откуда видны все окна и дверь, которая ведет в вестибюль. Она держится за шею, по руке стекает кровь. Надо осмотреть рану, но девчонка не хочет, чтобы я этим занимался. Делаю усталое лицо: «Не глупи, я должен посмотреть». Рингер сдается. Рана поверхностная. Я нахожу на демонстрационном столе кашне, Рингер его комкает и прикладывает к шее. Потом кивает на мой разорванный рукав:

– Ты ранен?

Я отрицательно мотаю головой и сажусь рядом с ней на пол. Мы оба тяжело дышим, от адреналина кружится голова.

– Я, конечно, не судья, но снайпер из него хреновый.

– Три выстрела, три промаха. Для бейсбола было бы здорово.

– Он стрелял больше трех раз, намного больше, – напоминаю я Рингер.

Из множества попыток только одна удачная – задел ногу Чашки.

– Любитель.

– Вероятно, – говорю я.

– Вероятно, – передразнивает меня Рингер.

– Он не светится, и он не профессионал. Одиночка защищает свою территорию, может, прячется от тех, за кем мы пришли. До смерти напуган.

Я не добавляю: «Как все мы». С уверенностью могу сказать только об одном из нас.

Кекс продолжает отвлекать снайпера. Выстрелы, тишина, потом снова выстрелы. Снайпер ни один выстрел не оставляет без ответа.

– Ну, тогда это будет легко, – мрачно говорит Рингер.

Я даже растерялся.

– Рингер, он не светится. У нас нет разрешения на...

– У меня есть. – Рингер кладет винтовку на колени. – Вот оно.

– Хм. Я думал, наша миссия – спасти человечество.

Рингер оценивающе смотрит на меня глазом, который не закрыт монокуляром.

– Шахматы, Зомби. Защищаешься от хода, который еще не сделан. Это важно, что он не светится в наших монокулярах? А то, что он мазал, когда мог нас всех перестрелять? Если два варианта одинаково вероятны, но один исключает другой, какой выбрать? Какой имеет значение, а какой нет? На какой поставишь свою жизнь?

Я киваю, но не понимаю.

– Ты хочешь сказать, что он все-таки может быть инвазированным?

– Я хочу сказать, что для нас безопаснее думать, что он инвазированный.

Рингер достает из ножен боевой нож. Я вздрагиваю, вспомнив ее ремарки в духе Дороти. Почему она взялась за нож?

– Что же имеет значение? – задумчиво говорит Рингер.

Теперь она абсолютно спокойна, но от этого спокойствия становится страшно, оно как надвигающийся грозовой фронт или как вулкан перед извержением.

– Что для нас важно, Зомби? Я всегда легко просчитывала такие вещи. А после инопланетных атак стала просто мастером в этом деле. Что по-настоящему важно? Первой умерла мама. Это было плохо, но важным было то, что у меня еще оставались папа, брат и сестренка. Потом я их тоже потеряла; важным стало то, что у меня осталась я. Когда дело дошло до меня, важных пунктов в моей жизни стало значительно меньше. Еда, вода, жилище. Что еще нужно? Что еще имеет значение?

Это плохо, а дальше будет еще хуже. Я не представляю, куда Рингер пойдет с такими мыслями, но, если она сейчас станет Дороти, мне конец. Возможно, потом она прикончит и всех остальных ребят из группы. Надо вернуть ее в реальность. Лучший способ вернуть человека в реальность – прикоснуться к нему, но боюсь, если предприму такую попытку, она вспорет мне живот боевым ножом с десятидюймовым лезвием.

– Важно это или нет, Зомби? – Рингер с интересом смотрит на меня и вертит в руках нож. – То, что он стрелял в нас, а не в гадов, которые стояли прямо перед ним? Или то, что он, когда стрелял в нас, все время промахивался? – Рингер поворачивает нож, кончик клинка упирается в палец. – Насколько важно то, что после электромагнитного импульса у них все работает? А то, что они орудуют прямо под кораблем-носителем: свозят в лагерь выживших, убивают инвазированных, сотнями сжигают тела, готовят нас, вооружают и посылают убивать остальных? Попробуй сказать, что это не важно. Скажи мне, что все это мелочи, что они вообще не они? Подскажи, на какой вариант мне поставить свою жизнь.

Я снова киваю, только на этот раз следую за ее мыслью по тропинке, которая уходит в темноту. Я опускаюсь рядом с Рингер на корточки и смотрю ей прямо в глаза:

– Я не знаю, кто этот парень и почему он там засел, и я ничего не знаю про электромагнитный импульс, но комендант сказал мне, почему нас оставили в покое. Они думают, что мы уже не опасны.

Рингер отбрасывает со лба челку и делает следующий ход:

– Откуда комендант знает, что они думают?

– «Страна чудес». Нам удалось создать профиль...

– «Страна чудес», – повторяет за мной Рингер и резко переводит взгляд на заснеженную улицу за окном, а потом снова смотрит на меня. – «Страна чудес» – программа пришельцев.

– Верно. – («Оставайся с ней, но постарайся аккуратно вернуть ее обратно».) – Так и есть, Рингер. Помнишь, после того как мы отбили базу, обнаружили там...

– А если бы не обнаружили? Зомби, если бы не обнаружили? – Рингер тычет ножом в мою сторону. – И то и другое одинаково вероятно, а вероятность имеет значение. Поверь мне, Зомби, я спец в таких вопросах. До сегодняшнего дня я играла в жмурки, пора перейти к шахматам. – Она перекидывает нож рукояткой вперед и протягивает мне: – Вырежи его из меня.

Я не знаю, что сказать, и тупо смотрю на нож в ее руке.

– Имплантат, Зомби. – Рингер бьет меня кулаком в грудь. – Мы должны от них избавиться. Ты извлечешь мой, а я твой.

Я даже закашлялся.

– Рингер, мы не можем это сделать. – Пытаюсь найти какой-нибудь аргумент, но самым веским оказывается вот этот: – Если не сможем вернуться к точке эвакуации, как нас найдут?

– Черт! Зомби, ты слышал хоть слово из того, что я тут наговорила? Что, если они – не мы? Что, если они – они? Что, если все это было обманом?

– Ой, Рингер, я тебя умоляю! Ты хоть понимаешь, что это сумасше... глупость? Инопланетяне спасают своих врагов, делают из них солдат и дают им оружие? Перестань, давай закроем эту тему, у нас есть работа. Может, тебе это и не нравится, но я твой командир...

– Ладно, – совершенно спокойно говорит Рингер.

Я разгорячился, а она, напротив, стала холодна как лед.

– Тогда я сделаю это сама.

Рингер наклоняет вперед голову и заносит руку с ножом над шеей. Я отбираю нож. С меня хватит.

– Встать, рядовой Рингер.

Я отбрасываю нож в темную часть комнаты. Меня всего трясет, и голос тоже дрожит.

– Хочешь просчитать все варианты – отлично. Сиди здесь, пока я не вернусь. А еще лучше – прикончи меня прямо сейчас. Вдруг мои инопланетные хозяева придумали, как скрыть от тебя, что я инвазирован. А после того, как прикончишь, возвращайся к ребятам и их тоже всех перебей. Пусти пулю в голову Чашке. Почему нет? Она ведь тоже может быть врагом? Так пристрели ее! Это же единственный выход, да? Убивай всех, чтобы не убили тебя.

Рингер никак не реагирует, ни жестом, ни словом. Снег залетает в разбитое окно, свет от раскаленных обломков бензовоза подкрашивает снежинки темно-красным.

– Ты уверен, что не умеешь играть в шахматы? – спрашивает Рингер, потом кладет винтовку на колени и поглаживает указательным пальцем спусковой крючок. – Повернись ко мне спиной, Зомби.

Мы дошли до конца тропинки, и это тупик. У меня кончились хоть сколько-нибудь убедительные аргументы, поэтому я говорю первое, что приходит в голову:

– Меня зовут Бен.

Рингер даже не моргнула.

– Паршивое имя. Зомби лучше.

– А у тебя какое? – не отступаю я.

– Вот это – то, что не имеет значения. Это уже давно не важно, Зомби, – отвечает Рингер.

Она продолжает ласкать спусковой крючок, медленно так поглаживает; это повторяющееся движение действует на меня гипнотически, даже голова немного кружится. Я пытаюсь найти выход:

– Давай сделаем так: я вырезаю твой имплантат, а ты обещаешь не убивать меня.

Мне легче принять бой с дюжиной снайперов, чем с одной Рингер, которая превратилась в Дороти, а так она останется на моей стороне. Мысленно я вижу картинку: моя голова разлетается, как голова фанерной мишени на стрельбах.

Рингер вскидывает голову, уголок ее рта вздрагивает. Улыбка? Почти, но не совсем.

– Шах.

Мой ход – я дарю Рингер улыбку искренней доброты. Старая добрая улыбка Бена Пэриша, та самая, с помощью которой я мог получить все, что хотел. Ну, конечно, теоретически, – я ведь скромный парень.

– Шах значит «да»? Или это урок игры в шахматы?

Рингер откладывает винтовку в сторону и поворачивается ко мне спиной. Наклоняет голову. Убирает волосы с шеи.

– И то и другое.

С улицы доносятся выстрелы Кекса. Снайпер отвечает. Этот джемсейшен продолжается, пока я опускаюсь на колено за спиной у Рингер. Какая-то часть меня готова сделать так, как она просит, если это поможет мне – и всем ребятам из группы – остаться в живых. А другая часть тихо протестует: «Это же все равно что кормить мышей домашним печеньем! Что будет дальше? Она захочет устроить физический осмотр моих мозгов?»

– Расслабься, Зомби, – ровным голосом говорит Рингер, теперь она снова та Рингер, которую я знал. – Если эти имплантаты не наши, может, лучше не носить их под кожей? А если наши, когда вернемся, доктор Пэм имплантирует их обратно. Согласен?

– Шах и мат?

– Точно, – кивает Рингер.

Я достаю свой нож и ощупываю участок кожи под шрамом. У Рингер длинная красивая шея, и еще очень холодная. У меня дрожат руки.

«Сделай, как она хочет. Это, скорее всего, кончится трибуналом и ты всю оставшуюся жизнь будешь чистить картошку, но хотя бы останешься в живых».

– Только аккуратно, – шепотом говорит Рингер.

Я делаю глубокий вдох и провожу кончиком ножа вдоль шрама. Появляется алая капля крови, она поразительно яркая на фоне ее перламутровой кожи. Рингер даже не вздрагивает, но я все равно спрашиваю:

– Не больно?

– Нет, даже приятно.

Я вынимаю имплантат. Чип в капельке крови примагнитился к острию ножа.

– Ну, как тебе это? – Рингер поворачивается ко мне, почти улыбка почти у нее на губах.

Я не отвечаю. Не могу. Я лишился дара речи. Нож выпадает у меня из руки. Я стою в шаге от Рингер и смотрю прямо на нее, но ее лицо исчезло. Я не вижу его через монокуляр.

Голова Рингер вспыхивает ослепительно-ярким зеленым огнем.

60

Инстинкт требует сорвать с плеча винтовку, но я этого не делаю. Я парализован шоком. Потом меня бросает в дрожь от отвращения. После отвращения – паника. И сразу за паникой – замешательство. Голова Рингер светится, как рождественская елка, за милую можно увидеть. Зеленый огонь такой интенсивный, что стирает послеобраз на сетчатке моего левого глаза.

– В чем дело? – спрашивает Рингер. – Что случилось?

– Ты светишься. Засветилась сразу, как только я вытащил имплантат.

Мы целых две минуты смотрим друг на друга.

Зеленым светятся нечистые. Я уже на ногах, держу М-16 и пядусь к двери. Снаружи Кекс и снайпер продолжают обмениваться выстрелами. Зеленым светятся нечистые. Рингер даже не пытается дотянуться до своей винтовки. Правым глазом я вижу нормальную Рингер; когда смотрю левым, она горит, как римская свеча.

– Подумай об этом, Зомби, – говорит Рингер. – Хорошо подумай. – Она поднимает руки, ладони у нее исцарапаны при падении, одна в крови. – Я засветилась после того, как ты достал имплантат. Монокуляры не фиксируют инвазированных. Они реагируют на тех, в ком нет имплантатов.

– Извини, Рингер, но это бред какой-то. Они реагировали на тех троих. Почему они светились, если не были инвазированными?

– Ты знаешь почему. Просто не хочешь себе в этом признаться. Те люди светились, потому что они не были инвазированными. Они такие же, как мы, только без имплантатов.

Рингер поднимается с пола. Господи, она такая маленькая, совсем девчонка... Но она ведь и есть девчонка? Если смотреть одним глазом – нормальная, если другим – зеленый огненный шар вместо головы. Какая из них Рингер?

– Нас собирают в лагере.

Она делает шаг в мою сторону. Я поднимаю винтовку. Она останавливается.
– Присваивают нам номера, заносят в базу. Учат нас убивать.
Еще один шаг. Я направляю ствол винтовки в ее сторону. Не целюсь в нее, просто даю знать: «Не приближайся».
– Любой, у кого нет имплантата, будет светиться, и когда они защищаются или нападают на нас, стреляют, как этот снайпер на крыше, мы только убеждаемся, что они враги.
Еще шаг. Теперь я целюсь ей в сердце.
– Не надо, – говорю я. – Пожалуйста, Рингер.
Одно лицо чистое, другое в огне.
– Так будет до тех пор, пока мы не перебьем всех, у кого нет имплантата.
Еще один шаг. Сейчас она стоит прямо напротив меня. Ствол винтовки упирается ей в грудь.
– Это Пятая волна, Бен.
Я мотаю головой:
– Нет никакой Пятой волны. Нет никакой Пятой волны! Комендант сказал мне...
– Комендант соврал.
Она протягивает ко мне руки и забирает винтовку. У меня такое чувство, будто я падаю в совершенно другую «Страну чудес», там верх – это низ, а правда – ложь. Там у врага два лица: мое лицо и его лицо. Лицо человека, который не дал мне упасть в бездну, того, кто взял мое сердце и превратил его в поле боя.
Она берет меня за руки:
– Бен, Пятая волна – это мы.

61

«МЫ – ЧЕЛОВЕЧЕСТВО».
Все ложь. «Страна чудес». Лагерь «Приют». Даже сама война.
Как же это было легко. Поразительно легко, особенно после всего, через что мы прошли. Или это было легко именно из-за того, через что мы все прошли.
Нас свезли в лагерь. Выпотрошили, а потом наполнили ненавистью, коварством и духом мщения.
После этого нас можно было выпускать из лагеря.
Чтобы мы убивали тех, кто от нас остался.
«Шах и мат».
Я чувствую позывы к рвоте. Рингер придерживает меня за плечо, пока я опоражниваюсь на валяющийся постер с надписью «Окупись в моду!».
Я заканчиваю, чувствуя, как холодные пальцы массируют мою шею. Ее голос говорит, что все будет хорошо. Я срываю монокуляр, зеленый огонь гаснет, к Рингер возвращается ее лицо. Она Рингер, я – это я, только я уже не уверен, что знаю, что означает это «я». Я не тот, кем себя представлял. Мир не таков, каким я его себе представлял. Может, в этом все дело.
Этот мир теперь принадлежит им, это мы теперь пришельцы.
– Мы не можем вернуться в лагерь, – сдавленным голосом говорю я.
Ее взгляд проникает внутрь меня; ее пальцы мнут мою шею.
– Да, не можем. Но мы можем двигаться дальше. – Рингер поднимает мою винтовку и отдает мне. – И начнем с этого сукина сына на крыше.
Но прежде Рингер избавляет меня от имплантата. Это больнее, чем я ожидал, но я заслужил экзекуцию.
– Не вини себя, – говорит Рингер, пока вырезает имплантат. – Они всех нас одурачили.
– А тех, кто не купился на обман, они называют Дороти и убивают.
– Не только их, – с горечью говорит Рингер.

Ее слова как удар кулаком в сердце. Ангар по обработке и уборке. Две трубы, изрыгающие черный и серый дым. Грузовики с трупами. Тысячи трупов каждую неделю. И каждую ночь приходят автобусы с беженцами, с ходячими мертвецами.

– Лагерь «Приют» – не военная база, – шепотом говорю я и чувствую, как по шее стекает кровь.

– И не лагерь беженцев.

Я киваю; во рту привкус желчи. Уверен, Рингер ждет, когда я произнесу вслух то, что думаю. Иногда недосказанность убивает правду.

– Это лагерь смерти, – говорю я.

В Евангелии сказано: «Истина сделает вас свободными». – Не верьте. Порой истина закрывает дверь в камеру и запирает ее на тысячи засовов.

– Ты готов? – спрашивает Рингер.

Похоже, ей не терпится со всем этим покончить.

– Мы не станем его убивать, – говорю я.

В глазах Рингер вопрос: «Какого черта?» Но я думаю о Крисе, о том, как он сидел, пристегнутый ремнями к креслу за двусторонним зеркалом. Думаю о телах на ленте транспортера, который вез их в раскаленную пасть печи. Я долго был орудием в чужих руках, с меня хватит.

– Найти и взять живым. Приказ понятен?

Рингер колеблется пару секунд, а потом кивает. Ее лицо нечитаемо, что, впрочем, неудивительно. Снова взялась за шахматы? Кекс продолжает стрелять по крыше. Скоро у него кончатся патроны. Пора.

Мы заходим в коридор. Темнота непроглядная. Идем плечом к плечу и ощупываем стены, в поисках лестницы заглядываем в каждую дверь. В вестибюле холодно, воздух спертый. Пол на дюйм залило вонючей водой, наверное, где-то протекла труба. Тишину нарушает только плеск от наших шагов. Я толкаю дверь в конце коридора и ощущаю поток свежего воздуха. Лестничный колодец.

На площадке четвертого этажа мы останавливаемся, дальше только узкая лестница вверх. Дверь на крышу взломана. Слышны хлопки выстрелов, но снайпера не видно. Язык жестов в темноте не читается, поэтому я притягиваю к себе Рингер и шепчу ей в ухо:

– Похоже, он прямо перед нами.

Рингер кивает – ее волосы щекочут мне нос.

– Так что сразу за дело.

Рингер лучший стрелок, поэтому пойдет первой. Если она промахнется, второй выстрел за мной. Мы отрабатывали такие действия сотни раз, но на тренировках нашей целью было уничтожение противника, а не его задержание. И мишень никогда не стреляла в ответ.

Рингер делает шаг к двери, я стою у нее за спиной и держу руку у нее на плече. Ветер задувает в приоткрытую дверь, этот звук похож на мяуканье или жалобный скулеж умирающего животного. Рингер наклонила голову в ожидании моего сигнала, дышит ровно. Может, она молится? Интересно, мы молимся одному Богу? Почему-то мне так не кажется. Я хлопаю Рингер по плечу, она ногой распахивает дверь и как ракета вылетает на крышу. И исчезает в снежной пелене, прежде чем я успеваю сделать два шага по крыше.

Три хлопка. Я налетаю на присевшую на колени Рингер и еле удерживаюсь на жиже из мокрого снега. В десяти футах от нас снайпер. Он лежит на боку, одной рукой держится за ногу, а другой тянется к винтовке. Когда Рингер его подстрелила, винтовка отлетела в сторону. Рингер стреляет еще раз, на этот раз в руку снайпера. В темноте, сквозь пелену снега, и попадает. Снайпер прижимает руку к груди и вскрикивает. Я хлопаю Рингер по макушке, это знак прекратить огонь.

– Лежи тихо! – кричу я снайперу. – Не дергайся!

Снайпер садится лицом к улице и прижимает раздробленную кисть к груди. Он нагибается и что-то делает второй рукой. Поблескивает какой-то серебристый предмет.

– Слизняки, – говорит снайпер, и у меня холодеет внутри.

Я знаю этот голос.

Он кричал на меня, издевался надо мной, угрожал мне, проклинал меня. Этот голос преследовал меня с первой минуты после подъема и до последней минуты перед отбоем. Он шипел, орал, рычал на меня, на всех нас.

Резник.

Мы оба узнали его. Это пригвоздило наши ноги к крыше, застопорило наше дыхание, затормозило мысли.

Благодаря этому он выгадал немного времени.

Время рассыпалось после появления Резника и теперь замедлилось, как будто энергия запустившего его Большого взрыва иссякла.

Он встает на ноги. Это занимает шесть или семь минут.

Поворачивается лицом к нам. Это как минимум десять минут.

Держит что-то в здоровой руке. Тычет в этот предмет пальцем окровавленной руки. Двадцать минут.

А потом Рингер приходит в себя. Пуля ударяет сержанта в грудь. Резник падает на колени. У него открывается рот. Вот он покачнулся и упал ничком на крышу в нашу сторону.

Время сбрасывается на ноль. Никто не двигается. Никто не говорит ни слова.

Снег. Ветер. Мы словно на вершине ледяной горы. Рингер подходит к Резнику и переворачивает его на спину. Забирает у него из руки серебристый прибор. Я смотрю на одутловатое рябое лицо с крысиными глазками и каким-то образом удивляюсь и не удивляюсь тому, что вижу.

– Несколько месяцев потратили на нашу подготовку только для того, чтобы он потом нас убил, – говорю я.

Рингер смотрит на дисплей серебристого устройства – это планшет – и качает головой. Свет от включенного дисплея подчеркивает контраст между ее бледной кожей и черными как смоль волосами. Она так красива, но не божественной красотой; в этом свете она скорее похожа на ангела смерти.

– Он не собирался нас убивать, Зомби. Просто мы застали его врасплох, и у него не оставалось выбора. И если бы он нас убил, то не из винтовки. – Она поднимает планшет, чтобы я мог увидеть дисплей. – Думаю, он собирался убить нас с помощью вот этого.

Верхнюю половину дисплея занимает сетка. В дальнем левом углу сетки группа зеленых точек. Ближе к центру еще одна.

– Наше отделение, – догадываюсь я.

– Одна точка – это, должно быть, Кекс.

– Значит, если бы мы с тобой не вырезали имплантаты...

– Он точно знал наше местоположение, – говорит Рингер. – Поджидал. И нас, по идее, уже не должно быть.

Рингер показывает две обведенные точки в нижней части дисплея. У одной номер, который мне дали после того, как меня обследовала доктор Пэм. Нетрудно догадаться, что у второй точки номер Рингер. Под цифрами светятся зеленые кнопки.

– Что будет, если нажать на кнопку? – спрашиваю я.

– Думаю, ничего, – отвечает Рингер и нажимает.

Я вздрагиваю, но Рингер оказалась права.

– Это кнопка смерти, – говорит она. – Наверняка. Подключена к нашим имплантатам.

При желании он мог прикончить всех нас. Наше уничтожение не было его задачей. Так в чем же была его задача? Рингер читает этот вопрос в моих глазах.

– Трое инвазированных – вот почему он открылся, – говорит она. – Мы первая группа на задании вне лагеря. С их стороны разумно проследить за нашими действиями в обстановке реального боя. Или в обстановке, которая показалась нам реальным боем. Им надо убедиться в том, что мы среагируем на зеленую наживку, как хорошо выдрессированные крысы. Наверное, его выбросили перед нами, чтобы он нажал на

спусковой крючок, если мы поведем себя нештатно. Мы не среагировали как ожидалось, и он нас немного простимулировал.

– То есть он стрелял в нас, чтобы...

– Чтобы мы не расслабились и были готовы разбить каждую светящуюся башку, которая попадется нам на пути.

Из-за снега кажется, что Рингер смотрит на меня сквозь белый тюль. Снежинки садятся ей на брови, поблескивают в волосах.

– Это было чертовски рискованно, – говорю я.

– Вообще-то нет, он следил за нами с помощью своего миниатюрного радара. При нежелательном развитии ситуации всего-то надо было нажать на кнопку. Он просто не предусмотрел наихудший сценарий.

– Что мы вырежем имплантаты.

Рингер кивает и смахивает с лица прилипшие снежинки.

– Должно быть, этот гад не ожидал, что мы пойдем на него.

Она протягивает мне планшет. Я закрываю крышку и убираю его в карман.

– Наш ход, сержант, – тихо говорит Рингер, хотя, возможно, это снег приглушает ее голос. – Каким будет приказ?

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

– Возвращаемся к ребятам и вырезаем у всех имплантаты.

– И?

– Очень надеюсь, что в данный момент сюда не десантируется целый батальон Резников.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти с крыши, но Рингер хватается за руку:

– Подожди! Мы не можем вернуться без имплантатов.

До меня не сразу доходит, но через секунду я понимаю, о чем говорит Рингер. Без имплантатов мы будем светиться в оптике у наших ребят.

– Кекс уложит нас, как только выйдем на дорогу.

– Сунем их за щеку?

Я трясую головой – вдруг проглотим?

– Надо вставить обратно, наложим повязки и...

– И будем надеяться, что не выпадут?

– И что мы их не отключили уже... Что? Слишком много надежд?

У Рингера приподнимается уголок рта.

– Может быть, это наше секретное оружие.

62

– Ни черта не понимаю, это ерунда какая-то, – говорит мне Кремень. – Резник стрелял в нас с крыши?

Мы сидим за половиной бетонной стены в паркинге: Рингер и Кекс заняли позиции на флангах и наблюдают за улицей; Дамбо сидит с одной стороны от меня, Кремень с другой, а между ними, уткнувшись лбом мне в грудь, – Чашка.

– Резник – гад, – в третий раз повторяю я Кременю. – «Приют» – лагерь гадов. Они использовали нас, чтобы...

– Заткнись, Зомби! Ты спятил, это бред параноика! – Широкая физиономия Кремня наливается кровью и становится похожа на свеклу, его сросшиеся брови прыгают вверх-вниз. – Вы убили нашего инструктора! А инструктор пытался убить нас! На задании по уничтожению гадов! Вы, ребята, делайте, что хотите, но с меня хватит. Я в этом не участвую.

Кремень встает на ноги и грозит мне кулаком:

– Я возвращаюсь к месту встречи и жду эвакуации. Это все... – Он пытается подобрать подходящее определение и выбирает «дерьмо собачье».

– Кремень, – говорю я негромко и спокойно, – отставить.

– Вот это да! Ты превратился в Дороти. Дамбо, Кекс, вы что, ему поверили? Вы не можете на это купиться!

Я достаю из кармана серебристый планшет, открываю крышку и демонстрирую его Кремню:

– Видишь зеленую точку? Это ты.

Прокручиваю картинку до его номера и выделяю прикосновением пальца. Зеленая кнопка начинает мигать.

– Знаешь, что будет, если нажать на эту кнопку?

Это одно из тех мгновений, которое не отменишь и которое до конца жизни не даст спокойно уснуть.

Кремень прыгает вперед и выхватывает у меня планшет. – Из-за лежащей у меня на коленях Чашки двигаюсь замедленно, поэтому, прежде чем Кремень нажимает на кнопку, успеваю только крикнуть: «Нет!»

Голова Кремня резко откидывается назад, как будто он получил сильный удар в лоб. У него отвисает челюсть, а глаза закатываются к потолку.

И в следующую секунду он падает, как марионетка, у которой перерезали сразу все нитки.

Чашка кричит, Рингер забирает ее у меня, а я опускаюсь на колени рядом с Кремнем. Проверяю пульс, хотя делать это совсем не обязательно. Чтобы убедиться в смерти Кремня, достаточно посмотреть на дисплей планшета. На месте зеленой точки теперь светится красная.

– Рингер, кажется, ты была права, – говорю я через плечо и забираю планшет из безжизненной руки Кремня.

Моя рука трясется. От паники. От растерянности. Но больше всего от злости на Кремня. Я еле сдерживаюсь, чтобы не двинуть кулаком в его щекастую физиономию.

– Что теперь будем делать, сержант? – спрашивает у меня за спиной Дамбо; он тоже в шоке.

– Сейчас ты вырежешь имплантаты у Кекса и Чашки.

– Я? – переспрашивает Дамбо, и его голос поднимается на октаву.

Мой, наоборот, на одну опускается:

– Ты же у нас санитар? Рингер вырежет твой.

– Хорошо, но потом-то что будем делать? Мы не можем вернуться. Куда нам теперь идти?

Рингер смотрит мне в глаза. Я уже немного научился читать по ее лицу. Уголки рта чуть опущены, значит, она напряглась, как будто уже знает, что я собираюсь сказать. А что? Может, и знает.

– Вы не вернетесь в лагерь, Дамбо.

– Ты хотел сказать, мы не вернемся, – поправляет меня Рингер. – Мы, Зомби.

Я встаю, кажется, целую вечность и подхожу к Рингер. Ветер откинул ее волосы на одну сторону, и они развеваются, как черный флаг.

– Один из наших остался в лагере, – говорю я.

Рингер резко вскидывает голову, и челка очень красиво взлетает у нее над бровями.

– Наггетс? Зомби, ты не можешь пойти за ним. Это самоубийство.

– Я не могу его оставить, – пытаюсь объяснить я, а сам даже не знаю, с чего начать. – Я обещал...

Как высказать это словами? Невозможно. С таким же успехом можно искать точку, в которой начинается круг.

Или первое звено в серебряной цепочке.

– Я уже убежал, – говорю наконец. – И больше этого делать не стану.

Снег. Белые точки кружат и падают на землю.

Река. Черный поток, несущий запахи человеческих испражнений и останков, скользит под низкими облаками, а за ними скрыт зеленоватый глаз корабля-носителя.

И восемнадцатилетний школьный футболист в солдатской форме, с мощной самозарядной винтовкой, которую ему выдал тот, кто прибыл на корабле-носителе. Школьный футболист в форме солдата сидит, прислонившись к памятнику настоящему солдату, который воевал и погиб с чистым разумом и чистым сердцем. Враг не смог залезть в голову этого солдата, он не подменил в его сознании добро на зло, не использовал веру человека, чтобы превратить его в оружие против человеческого рода.

Парень возле памятника не вернулся, когда ему следовало вернуться, и теперь он возвращается, когда возвращаться не следует. Потому что главное – выполнить данное обещание. Сейчас нет ничего главнее этого.

Его зовут Зомби, и, если он нарушит свое обещание, война будет закончена. Не большая война, а та, которая имеет значение, та, которая идет в его сердце.

Она идет в парке у реки, над которым кружит снег.

Я чувствую приближение вертолета раньше, чем его слышу. Меняется давление, я ощущаю это оголенными участками кожи. Потом ритмичные удары лопастей; я встаю и зажимаю ладонью пулевое ранение в боку.

– Куда стрелять? – спросила Рингер.

– Не знаю, только не в ногу и не в руку.

– Выстрели ему в бок с близкого расстояния, – посоветовал Дамбо, который успел хорошо познакомиться с человеческой анатомией в ангаре по обработке и уборке. – И вот под таким углом, а то кишки продырявишь.

– А что будем делать, если я все-таки продырявлю тебе кишки? – спросила Рингер.

– Похороните, потому что я сдохну.

Улыбка? Нет. Опять неудачно.

А потом, когда Дамбо осмотрел мою рану, она спросила:

– Сколько тебя ждать?

– День, не больше.

– Один день?

– Ладно, два. Если мы не вернемся через сорок восемь часов, значит, уже не вернемся.

Рингер не стала спорить, просто сказала:

– Не вернетесь через сорок восемь часов, я пойду за вами.

– Глупый ход, грассмейстер.

– Это не шахматы.

По периметру парка растут деревья. Над голыми ветками появляется черная тень. Роторы стучат, как огромное сердце. Я хромаю к открытому люку, холодный ветер давит на плечи.

Ныряю в трюм. Пилот оборачивается и спрашивает:

– Где твоя группа?

Падаю на пустое сиденье.

– Уходим! Уходим!

Пилот снова:

– Солдат, где твоя группа?

Моя группа отвечает из-за деревьев шквальным огнем. Пули стучат по бронированному корпусу «Блэк хоука», а я кричу во всю глотку:

– Уходим, уходим, уходим!

От крика мышцы живота напрягаются, и каждое слово стоит мне хорошей порции крови.

Пилот набирает высоту, а потом резко накрывается на левый бок. Я закрываю глаза.

«Уходи, Рингер, уходи».

«Блэк хоук» с бреющего полета обстреливает деревья. Пилот кричит что-то второму пилоту. Вертолет зависает над деревьями, но Рингер с ребятами уже ушли по тропинке вдоль темной реки. Мы делаем еще три круга над деревьями, и в результате от них остаются только расщепленные пулеметными очередями пеньки. Пилот оглядывается в трюм, видит, что я с окровавленным боком распластался на двух сиденьях, и только тогда набирает высоту и скорость. Вертолет взмывает к облакам, парк исчезает в белой мгле снегопада.

Я теряю сознание. Слишком большая кровопотеря. Вижу лицо Рингера, и, черт возьми, она не просто улыбается, она смеется. Это хорошо. Я все-таки сумел ее рассмешить.

А еще я вижу Наггетса, малыш точно не смеется.

«Не обещай, не обещай, не обещай! Ничего никогда-никогда не обещай!»

«Я приду. Я обещаю».

64

Прихожу в себя там, где все началось, – на койке в госпитале. Мне наложили повязку и обкололи болеутоляющими. Круг замкнулся.

Требуется несколько минут, чтобы понять: я тут не один. – Кто-то сидит на стуле за капельницей. Поворачиваю голову и первое, что вижу, – черные, начищенные до зеркального блеска ботинки. Безупречно отглаженная накрахмаленная форма. Лицо словно высечено из камня, голубые глаза просвечивают до самых потрохов.

– Ну вот ты и очнулся, – тихо произносит Вош. – Может, еще не совсем здоров, зато в полной безопасности. Врачи говорят, тебе очень повезло, мог бы и не выкарабкаться. Жизненно важные органы не задеты, пуля прошла навылет. Это действительно фантастика, если учесть, с какого расстояния в тебя стреляли.

«Что ты ему скажешь?»

«Скажу правду».

– Это Рингер, – говорю я.

Полковник склоняет голову набок, так он напоминает мне птицу с умными глазами, которая разглядывает какой-нибудь лакомый кусочек.

– И почему же рядовой Рингер стреляла в тебя, Бен?

«Ты не можешь сказать ему правду».

«Ладно. Плевать на правду. Выдам факты».

– Из-за Резника.

– Из-за Резника?

– Сэр, рядовой Рингер стреляла в меня, потому что я оправдывал присутствие Резника.

– А почему тебе понадобилось оправдывать присутствие Резника, сержант?

Полковник закидывает ногу на ногу и сцепляет руки на колене. Очень непросто сохранять с ним зрительный контакт дольше трех-четырёх секунд.

– Они взбунтовались, сэр. Ну, не все. Кремень и Рингер... и Чашка. Но начала все Рингер. Они сказали, присутствие Резника доказывает, что все это было обманом, что вы...

Вош разводит руками и переспрашивает:

– Все это?

– Лагерь, инвазированные, подготовка к войне с пришельцами. Они говорили, это пришельцы натаскивают нас, чтобы мы убивали друг друга.

Полковник молчит. Не смеется, не улыбается, не качает головой. Жаль. Если бы он как-нибудь так среагировал, я бы мог засомневаться, попробовал бы все еще раз переосмыслить и, возможно, решил бы, что у меня паранойя или истерия после боя.

Но Вош просто смотрит на меня глазами умной птицы, и его лицо при этом абсолютно ничего не выражает.

– И эта теория заговора не заронила в тебя ни капли сомнений?

Я киваю. Надеюсь, это получается у меня убедительно.

– Они превратились в Дороти, сэр. Настроили против меня всю группу. – Тут я улыбаюсь, надеюсь, что улыбка получается мрачная, как у реального крутого солдата. – Но сначала я успел вырубить Кремня.

– Мы обнаружили его тело, – говорит Вош. – В него, как и в тебя, стреляли с очень близкого расстояния. Только анатомически немного выше.

«Зомби, ты уверен, что так надо? Зачем стрелять ему в голову?»

«Они не могут знать, что его уничтожили нажатием кнопки. Выстрел в голову – и нет улики. Рингер, отойди в сторону. Ты же знаешь, я не самый меткий стрелок в этом мире».

– Надо было их всех уничтожить, но численное преимущество оказалось не на моей стороне. Я решил, что лучше вернуться на базу и доложить о случившемся.

И снова Вош никак не реагирует, ни словом, ни жестом. Он просто сидит и смотрит на меня.

«Кто ты? – думаю я. – Человек? Гад? Или... что-то еще? – Проклятье, кто же ты такой?»

– Знаешь, а они исчезли, – наконец говорит он.

Вош ждет, что я отвечу. К счастью, я заготовил ответ. Вернее, это Рингер заготовила. Тут надо отдать ей должное.

– Вырезали свои имплантаты.

– У тебя он тоже вырезан, – замечает Вош и ждет.

Я вижу, как за его плечом ходят вдоль кроватей санитары в зеленой униформе, слышу, как скрипят по линолеуму их тапки на резиновой подошве. Обычный день в госпитале обреченных.

Я готов ответить.

– Я им подыграл. Чтобы дожидаться подходящего момента. Дамбо сначала вырезал имплантат у меня, следующей была Рингер. Тогда я перешел к действиям.

– Застрелил Кремня...

– А Рингер выстрелила в меня.

– И после этого...

Теперь он скрестил руки на груди. Опустил подбородок. Прикрыл глаза и смотрит на меня, как хищная птица на свой ужин.

– Я побежал, сэр.

«То есть я могу снять Резника в темноте, когда валит снег, а в тебя с двух футов попасть не способна? Зомби, он на это не купится».

«Я не собираюсь ему это продавать. Просто дам напрокат на несколько часов».

Вош кашляет и чешет подбородок. Какое-то время разглядывает плитку на потолке, а потом снова смотрит на меня.

– Ты просто счастливчик, Бен. Мог умереть от потери крови, но все-таки успел добраться до места встречи.

«Да, кто бы ты ни был, ты прав. Мне чертовски повезло».

Гробовая тишина. Голубые глаза. Жесткий рот. Скрещенные на груди руки.

– Ты не все мне рассказал.

– Сэр?

– Кое-что ты упустил.

Я медленно качаю головой. Палата кренится, как корабль во время шторма. Сколько обезболивающего они мне вкололи?

– Ваш бывший инструктор. Кто-то из твоей группы обыскал его. И нашел вот такой планшет. – Вош демонстрирует мне серебристый прибор, в точности как у Резника. – Ты, командир группы, должен был задуматься о том, зачем у Резника устройство, с помощью которого он может уничтожить вас всех одним нажатием кнопки.

Я киваю. Мы с Рингер сообразили, что он к этому придет, так что ответ у меня есть. Вопрос в том, устроит он Воша или нет.

– Вижу только одно разумное объяснение, сэр. Это было наше первое задание, наш первый бой в реальной обстановке. Надо было мониторить группу на случай, если кто-нибудь превратится в Дороти и выступит против своих...

У меня не хватает дыхания, я замолкаю, и это здорово, поскольку я сам не верю в то, что говорю. Мысли путаются, я будто в густом тумане иду по минному полю. Рингер это предвидела. В парке, пока мы ждали вертолет, она заставила меня вызубрить все ответы и только после этого прицелилась и нажала на спусковой крючок пистолета.

Ножки стула скребут по полу. Вош наклоняется ко мне, я вижу только его лицо и больше ничего.

– Это действительно необычный случай, Бен. На тебя в боевой обстановке оказывалось давление, а ты не поддался стадному чувству. Это... трудно найти более подходящее определение... не по-человечески.

– Я человек, – отвечаю шепотом.

Сердце у меня колотится так, что я боюсь, Вош увидит, как оно бьется под тонкой пижамой.

– Неужели? – спрашивает он. – Потому что в этом вся суть, да, Бен? Кто человек, а кто нет? Разве у нас нет глаз, Бен? Мы лишены рук, органов, объема, чувств, привязанностей, страстей? Если нас уколоть, разве у нас не идет кровь? «А если нас оскорбляют, разве мы не должны мстить?»

Челюсти плотно сжаты, голубые глаза беспощадны, тонкие губы побелели.

– Шекспир, «Венецианский купец». Это к разговору о тех, кого презирают и подвергают гонениям. Как нашу расу. Как расу людей, Бен.

– Я не думаю, что они нас ненавидят, сэр.

Пытаюсь сохранять спокойствие на этом непредвиденном участке минного поля. Сначала получил пулю в бок, потом меня обкололи анальгетиками, а теперь вот беседую о Шекспире с комендантом самого эффективного лагеря смерти за всю историю Земли. У любого голова пойдет кругом.

– Станный у них способ выражать свои чувства.

– Они не испытывают к нам ни ненависти, ни любви. Мы просто им мешаем. Может, мы для них – инвазия.

– Они – *Homo sapiens*, а мы – *Periplaneta Americana*?¹¹ При таком раскладе я выбираю тараканов. Их не так просто уничтожить.

Вош хлопает меня по плечу. Он очень серьезен. Вот мы и у цели. Я это чувствую. Сделай или умри, выиграешь или проиграешь. Вош вертит в руке серебристый планшет.

«Твой план – дерьмо, Зомби. И ты это знаешь».

«Хорошо. Какой у тебя?»

«Остаемся все вместе. Присоединяемся к ребятам, которые засели в здании суда».

«А Наггетс?»

«Ничего ему не сделают. Почему ты так за него волнуешься? Господи, Зомби, там сотни детей...»

«Да, но я только одному обещал вернуться».

– Очень мрачная перспектива, Бен. Очень мрачная. Эта бредовая идея приведет к тому, что Рингер будет искать пристанище у тех, кого должна была уничтожить. Она расскажет им все, что знает о нас. Мы, чтобы предотвратить такой ход событий, пошлем за ней еще три группы. Но я боюсь, что будет уже поздно. И если будет поздно, нам придется прибегнуть к последнему средству.

Глаза подполковника горят бледно-голубым огнем. Когда он отворачивается, меня всего колотит. Вдруг становится холодно и очень-очень страшно.

Что значит «прибегнуть к последнему средству»?

Возможно, Вош и не купился на мою версию, но он определенно взял ее напрокат. Я еще жив. А пока я жив, у Наггетса есть шанс.

¹¹ *Periplaneta Americana* – американский таракан.

Вош оборачивается, как будто что-то вспомнил.

Черт, начинается.

– Да, вот еще что. Мне жаль, но должен сообщить тебе неприятную новость. Мы прекращаем давать тебе болеутоляющие, иначе ты не сможешь пройти полноценный дебрифинг.

– Дебрифинг, сэр?

– Бой – странная штука, Бен. Он выкидывает разные фокусы с твоей памятью. Мы обнаружили, что лекарства мешают нашей программе. Твой организм полностью очистится примерно через шесть часов.

«Я все еще не понимаю, Зомби. Почему я должна в тебя стрелять? Почему ты не можешь им сказать, что просто сбежал? По мне, так стрелять в тебя – это лишнее.

«Рингер, надо, чтобы я был ранен».

«Почему?»

«Тогда они напичкают меня лекарствами».

«И что?»

«Я смогу выиграть время. Они не поволокут меня из вертолета прямо туда».

«Куда не поволокут?»

В общем, мне не надо спрашивать Воша об этом, но я все равно спрашиваю:

– Вы подключите меня к «Стране чудес»?

Он манит пальцем санитаря, тот подходит, в руках у него поднос. На подносе только шприц и крошечная серебряная гранула.

– Мы подключим тебя к «Стране чудес».

IX. Цветок под дождем

65

Вчера вечером мы заснули прямо у костра, а сегодня утром я проснулась в нашей постели. То есть не в нашей, в моей. Или в постели Вэл? Проснулась в постели, но не помню, чтобы поднималась по лестнице. Значит, он принес меня сюда на руках и уложил, только сейчас его рядом нет. – Когда я понимаю, что его нет рядом, становится немного страшно. Когда он со мной, когда я вижу его глаза цвета шоколада и слышу голос, который укутывает, как теплое одеяло, мне гораздо легче отмахиваться от всяких подозрений.

«Ой, Кэсси, ты просто безнадежна».

Уже светает. Я быстро одеваюсь и спускаюсь по лестнице. Внизу его тоже нет, зато есть моя М-16, стоит у камина, начищенная и заряженная. Я зову Эвана. В ответ – тишина.

Беру винтовку. Последний раз я стреляла из нее в День солдата с распытием.

«Ты не виновата, Кэсси. И он не виноват».

Я закрываю глаза и вижу, как он раненый лежит на земле и одними губами говорит: «Кэсси, нет». А потом к нему подходит Вош и добивает.

«Это он виноват. Не ты и не солдат с распытием. Он».

Очень живо воображаю, как приставляю к его виску ствол винтовки и одним выстрелом сношу голову с плеч.

Для начала надо его найти. Потом я вежливо попрошу негодяя постоять спокойно, чтобы я могла исполнить свою кровожадную мечту.

Потом обнаруживаю, что сижу на диване рядом с мышкой. Одной рукой обнимаю мышку, другой винтовку. Я как будто снова в лесу в моей маленькой палатке, а в небе над лесом завис злобный глаз корабля-носителя. Над ним россыпь из звезд и планет. Наша –

всего лишь одна из них. И за что именно нам досталось такое «счастье»? Из секстиллиона планет иные именно на нашей решили открыть свою лавочку.

Это слишком для меня. Я не смогу одолеть иных. Я таракан. Ладно, соглашусь с метафорой Эвана, поденка все-таки симпатичнее и умеет летать. Пусть я их не одолею, но смогу уничтожить нескольких гадов до того, как последний день моей жизни подойдет к концу. И начать я планирую с Воша.

Чувствую руку на своем плече.

– Кэсси, почему ты плачешь?

– Я не плачу. Это аллергия. Мишка насквозь пропылился, чтоб его.

Эван садится рядом, но со стороны мишки, а не со стороны винтовки.

– Ты где был? – спрашиваю, чтобы сменить тему.

– Смотрел, как там погода.

– И?

«Пожалуйста, ответь полным предложением. Мне холодно, мне надо услышать твой теплый голос, – когда я его слышу, я чувствую себя в безопасности».

Я подтягиваю коленки к груди и упираюсь пятками в край подушки.

– Думаю, сегодня подходящая.

Утренний свет проникает в щель между простынями, которые занавешивают окна, и красит лицо Эвана золотом. – Свет мерцает в его темных волосах, искрится в карих глазах.

– Хорошо. – Я начинаю ерзать на диване.

– Кэсси.

Он кладет ладонь мне на колено. Чувствую через джинсы, какая она теплая.

– Я тут подумал...

– Что все это просто дурной сон?

Эван трясет головой и нервно смеется.

– Я хочу, чтобы ты правильно меня поняла. Прежде чем что-то сказать, дослушай, хорошо? Я много думал и не стал бы об этом говорить, если бы...

– Ну же, Эван. Просто скажи, в чем дело.

«О господи, что он собирается сказать? – Я напрягаюсь. – Ладно, Эван, не волнуйся, можешь не говорить».

– Давай я пойду...

Я ничего не понимаю и трясую головой. Это что – шутка такая? Смотрю на его ладонь, она несильно сжимает мое колено.

– Я и думала, что ты собираешься пойти со мной.

– Я хотел сказать: разреши, пойду я, – говорит Эван и, чтобы я на него посмотрела, легонько трясет меня за колено.

Тут до меня доходит.

– Разрешить тебе пойти одному? Я останусь здесь, а ты отправишься искать моего брата?

– Ты обещала, что дослушаешь...

– Я ничего тебе не обещала.

Сбрасываю его руку со своего колена. Мысль о том, что он уйдет и оставит меня здесь, не только оскорбительна, она вселяет ужас.

– Я дала обещание Сэмми, так что можешь не продолжать.

Но он продолжает:

– Ты же не знаешь, что там происходит.

– А ты знаешь?

– Лучше, чем ты.

Эван тянется ко мне, но я упираюсь ладонью ему в грудь: «Только не это, приятель».

– Тогда расскажи.

Эван бессильно опускает руки.

– Подумай сама, у кого из нас больше шансов остаться в живых и сделать то, что ты обещала? Я сейчас не говорю, что у меня, поскольку ты девчонка, а я сильнее, круче и тому подобное. Я хочу сказать, что лучше пойти одному из нас, тогда у другого будет возможность разыскать его, если случится что-нибудь плохое.

– Последний довод принять можно. Только это не ты пойдешь первым. Сэмми мой брат. Черта с два я останусь здесь и буду ждать, когда какой-нибудь глушитель постучит в дверь и попросит в долг сахарку. Лучше я пойду одна.

Я спрыгиваю с дивана, как будто уже ухожу. Эван хватает меня за руку, я вырываюсь.

– Хватит, Эван. Ты, наверное, забыл, что это я позволила тебе пойти со мной, а не наоборот.

Эван опускает голову.

– Не забыл. Я все понимаю. – Он безрадостно смеется. – Вообще-то я предвидел твой ответ, но должен был спросить.

– Потому что считаешь, я не могу сама о себе позаботиться?

– Потому что не хочу, чтобы ты погибла.

66

Мы готовились не одну неделю, так что в этот последний день нам оставалось только ждать захода солнца. Идти решили налегке. Эван посчитал, что мы доберемся до Райт-Паттерсона за две или три ночи, если, конечно, не помешает пурга или не убьют одного из нас... Или обоих, и тогда миссия будет безнадежно провалена.

Как я ни старалась сократить свои припасы до минимума, все равно возникли трудности с мишкой. Может, отрезать ему лапы, а Сэмми я бы сказала, что их оторвало, когда «глаз» уничтожил наш лагерь?

«Глаз». Этот вариант мне нравится больше, чем пуля в башке Воша. Надо запихнуть ему в штаны инопланетную бомбу.

– Может, не стоит его брать, – говорит Эван.

– Может, ты заткнешься? – бурчу под нос, прижимая голову мишки к его пузу и застегивая молнию. – Ну, вот.

Эван улыбается.

– Знаешь, когда я в первый раз увидел тебя в лесу, решил, что мишка твой.

– В лесу?

Улыбка исчезает.

– Ты же не в лесу меня нашел, – напоминаю я Эвану, и в комнате вдруг становится на десять градусов холоднее. – Ты нашел меня в сугробе.

– Я имел в виду, что в лесу был я, а не ты, – говорит Эван. – Увидел из леса, до тебя было полмили.

Я киваю, но не потому, что ему верю, а потому что знаю: я права.

– Ты все еще в том лесу, Эван. Ты такой милый, но я до сих пор не пойму, почему у тебя такие мягкие руки с ухоженными ногтями и почему они пахли порошком в ту ночь, когда ты якобы ходил на могилу твоей подружки.

– Я тебе вчера говорил, что не работал на ферме два года, а в тот день, когда от меня пахло порошком, я чистил свой пистолет. Не знаю, что еще мне...

Я не даю договорить.

– Я тебе доверяю только потому, что ты отлично обращаешься с винтовкой и при этом пока меня не пристрелил, хотя у тебя была куча возможностей. Ничего личного, но, если я чего-то не понимаю про тебя и про все, что с нами происходит, это не значит, что я никогда этого не пойму. Я разберусь и, если окажется, что ты не на моей стороне, сделаю то, что должна сделать.

– Что именно?

Эван улыбается своей сексуальной улыбочкой, плечи расправил, руки засунул в карманы; наверное, думает, эта поза должна свести меня с ума. Что в нем такого, что я хочу дать ему оплеуху и поцеловать, убежать от него и броситься к нему, обнять его и двинуть коленом в пах одновременно? Хотелось бы верить, что это непредвиденный побочный эффект от Прибытия, но что-то мне подсказывает: эти ребята целенаправленно воздействуют на нас таким образом уже не один месяц.

– То, что должна сделать.

Я поднимаюсь по лестнице. Мысль о том, что надо сделать, напоминает мне о том, что я забыла сделать.

В ванной комнате я копаюсь в тумбочке, пока не нахожу ножницы, а потом начинаю укорачивать волосы на шесть дюймов. У меня за спиной скрипят половицы.

– Хватит шпионить! – кричу, даже не обернувшись.

Через секунду Эван приоткрывает дверь и заглядывает в ванную.

– Что ты делаешь? – спрашивает он.

– Символически подстригаюсь. А ты что делаешь? Ах да, следишь за мной, подслушиваешь под дверью. Может, когда-нибудь наступит день и у тебя хватит смелости шагнуть за порог.

– Со стороны кажется, что ты подстригаешься по-настоящему.

– Решила избавиться от всего, что может меня выдать. – Я многозначительно смотрю на его отражение в зеркале.

– Как тебя могут выдать волосы?

– А почему ты спрашиваешь? – Я перевожу взгляд на свое отражение, но краем глаза вижу и Эвана тоже.

У Эвана хватает ума исчезнуть. Чик-чик-чик – раковина заполняется моими кудрями. Я слышу, как Эван спускается по лестнице, потом хлопает дверь в кухню. Наверное, надо было спросить у него разрешения на стрижку. Как будто я его собственность. Как будто я щенок, которого он нашел в снегу.

Я отступаю на шаг от раковины и оцениваю свою работу. С короткой стрижкой и без косметики выгляжу лет на двенадцать. Хорошо, не на двенадцать, но не старше четырнадцати. Но если правильно себя вести и с правильным реквизитом, меня могут принять и за двенадцатилетнюю, глядишь, даже предложат отвезти в чудесном школьном автобусе в какое-нибудь безопасное место.

Днем серые облака затягивают небо, и сумерки наступают рано. Эван снова исчезает, но спустя несколько минут возвращается с двумя пятигаллоновыми канистрами бензина в каждой. Я молча смотрю на него, и он объясняет:

– Вот, подумал, что ложный маневр нам не помешает.

Что за маневр, я понимаю только через минуту.

– Ты собираешься сжечь свой дом?

Эван кивает. Кажется, его вдохновляет такая перспектива.

– Я собираюсь сжечь свой дом.

После этого он идет с канистрой наверх и заливает бензином спальные комнаты. Я, чтобы не задохнуться от дыма, выхожу на крыльцо. Крупный ворон скачет по двору, он останавливается и смотрит на меня глазками-бусинками. Я подумываю о том, чтобы вытащить пистолет и шлепнуть его.

Вряд ли промахнусь. Теперь я, спасибо Эвану, метко стреляю, а еще я ненавижу птиц.

У меня за спиной открывается дверь, и наружу выползает вонючий дым. Я спускаюсь с крыльца, а ворон пронзительно орет и улетает. Эван поливает бензином крыльцо и швыряет пустую канистру в стену.

– Конюшня, – говорю ему. – Если так хотелось устроить диверсию, лучше бы ты поджег конюшню. Дом бы уцелел, и нам было бы куда вернуться.

«Ведь я хочу верить в то, что мы вернемся, Эван. Ты, я и Сэмми – большая дружная семья».

– Ты знаешь, что мы не вернемся. – Эван чиркает спичкой.

67

Спустя двадцать четыре часа я замыкаю круг, который, как серебряная пуповина, связывает меня и Сэмми. Я возвращаюсь туда, где дала обещание.

Лагерь беженцев с погребальной ямой после моего побега нисколько не изменился. То есть его нет. Есть только грунтовая дорога через лес, она обрывается на голом участке площадью с милю. На этом участке и был когда-то лагерь беженцев. Земля под ногами твердая как сталь и абсолютно голая, не видно ни травинки, ни прелого листика. Понятно, что сейчас зима, но мне почему-то кажется, что эта сотворенная иными полянка и весной не превратится в зеленый луг.

– Вон там, – я показываю Эвану направо, – вроде стояли бараки. Сложно сказать, когда, кроме дороги, нет никаких ориентиров. А вон там был склад. В той стороне за складом – погребальная яма, а еще дальше – овраг.

Эван оглядывается по сторонам.

– От этого лагеря ничего не осталось. – Он топает ногой по твердой земле.

– Еще как осталось. Я осталась.

Эван вздыхает:

– Ты понимаешь, о чем я.

Эван пытается улыбнуться, но в последнее время его улыбка не очень-то на меня действует. После того как мы ушли от его горящего дома, он вообще ведет себя тихо. Эван опускается на колени, раскладывает на земле карту и, так как уже наступает вечер, светит фонариком в пункт, где мы сейчас находимся.

– Этой дороги на карте нет, но она должна пересекаться вот с этой. Может, где-то здесь? По дороге мы сможем выйти на шестьсот семьдесят пятое шоссе, а уже по нему напрямую к Райт-Паттерсону.

– Это далеко? – спрашиваю, глядя на карту через его плечо.

– Миль двадцать пять – тридцать. Еще один день, если поднажмем.

– Мы поднажмем.

Я сажусь рядом с Эваном, роюсь в его рюкзаке в поисках съестного. Нахожу мясо неизвестного происхождения в вощеной бумаге и парочку сухих печений. Предлагаю печенье Эвану, он отрицательно качает головой.

– Тебе надо поесть, – ворчу я. – Хватит уже волноваться.

Эван боится, что у нас закончатся припасы. У него, конечно, есть винтовка, но на этом этапе нашей миссии охота исключена. Мы должны двигаться тихо, хотя нельзя сказать, что тишину в этой местности ничто не нарушает. В первую ночь мы слышали стрельбу. Иногда это было эхо одного выстрела, иногда не только одного. Правда, всегда палили где-то вдалеке, так что пугаться не стоило. Может, это какой-нибудь одинокий охотник, вроде Эвана, а может, шайки бродячих бсоров. Тут не угадаешь. Это могли быть и глупые шестнадцатилетние девчонки с М-16, возомнившие себя последними представителями рода человеческого на этой планете.

Эван сдается и берет у меня печенье. Жует, задумчиво оглядывая выжженную в лесу поляну. Потом в сотый раз спрашивает:

– А что, если они теперь не пользуются школьными автобусами? Как мы туда попадем?

– Придумаем что-нибудь, – отвечает Кэсси Салливан, эксперт по стратегическому планированию.

Эван поворачивается ко мне:

– Профессиональные солдаты, «хамви», «Блэк хоуки». – И еще, как ты это назвала? Бомба «зеленый глаз»? Надо придумать что-нибудь действенное.

Эван убирает карту в карман, встает и поправляет винтовку на плече. Я чувствую, что его переполняют эмоции. Он вот-вот сорвется. Только я не знаю, как это будет выглядеть. Слезы? Крик? Смех?

Я сама на грани, готова реветь, орать и смеяться одновременно. Но причины у нас могут быть разные. Я решила, что буду ему доверять. Вот только кто-то недавно сказал: «Ты не можешь заставить себя верить». Так что надо спрятать все свои сомнения в коробочку, закопать ее поглубже и забыть, где это место. Проблема в том, что эта коробочка для меня как прыщик, который я чешу и все не могу начесаться.

– Надо уходить, – сухо говорит Эван и смотрит на небо: облака со вчерашнего дня не разошлись и звезд не видно. – Здесь негде укрыться.

А потом он вдруг резко поворачивает голову налево и застывает как статуя.

– В чем дело? – спрашиваю я.

Эван поднимает руку и мотает головой. Он вглядывается в темноту, а я почти ничего не вижу. И не слышу тоже. Но Эван охотник, а я нет.

– Проклятый фонарик, – бормочет он, потом наклоняется ко мне и шепчет прямо в ухо: – Что ближе, лес на той стороне дороги или овраг?

А я правда не знаю.

– Овраг, наверное.

Эван не колеблется ни секунды, он хватается за руку, и мы трусцой бежим в сторону оврага. Конечно, если я правильно помню направление. Бежим целую вечность. Эван помогает мне спуститься на каменистое дно, а потом прыгает сам.

– Эван?

Он прижимает палец к губам и затем подтягивается на руках, чтобы выглянуть за край оврага и оценить обстановку. Потом показывает мне на свой рюкзак. Я роюсь в его пожитках и нахожу то, что ему нужно, – бинокль. Терплю Эвана за штанину: что происходит? Но он только отмахивается, а потом прижимает к ноге ладонь – четыре пальца вытянуты, большой поджат. Их четверо? Это он хочет сказать? Или это какой-то охотничий условный знак, четыре пальца означают что-нибудь вроде требования встать на карачки?

Эван не шевелится. Я жду, но ничего не происходит. Наконец он ужом сползает обратно и снова шепчет мне на ухо:

– Они идут вон туда.

Эван бросает взгляд на противоположный склон оврага, он гораздо круче нашего, но зато на той стороне лес. Вернее, то, что осталось от леса: раскуроченные пни и завалы из веток. Не ахти какое прикрытие, но уж точно лучше, чем овраг, откуда тебя, как рыбу из бочки, в любой момент могут выудить плохие парни. Эван закусывает губу, наверное, взвешивает наши шансы. Успеем добежать до леса или нас засекут раньше?

– Не высовывайся, – говорит он.

Эван снимает винтовку с плеча, находит опору на сыпучем склоне оврага и упирается локтями в твердую почву наверху. Я с винтовкой в обнимку стою прямо под ним. Был приказ не высовываться, но я не намерена, забившись в щель, ждать, когда все закончится.

Тишину сумерек разрывает звук выстрела. Отдача бьет Эвана в плечо, он теряет равновесие и падает. К счастью, внизу стоит идиотка, и это смягчает удар. К счастью для Эвана, а не для идиотки.

Эван скатывается с меня, рывком поднимает на ноги и тащит к противоположному склону оврага. Только вот трудно бежать, когда из тебя едва не выбили дух.

В овраг опускается сигнальная ракета и заливает все вокруг адским красным светом. Эван берет меня под руки и подбрасывает. Я вонзаю пальцы в мерзлую землю и яростно, как свихнувшийся велосипедист, работаю ногами, бью ими по склону. Толку от моих стараний мало, поэтому помогает только финальный толчок в зад, и я оказываюсь наверху.

Я разворачиваюсь, чтобы помочь Эвану, но он – смысла тихариться больше нет – кричит, чтобы я бежала. И тут на дно оврага у него за спиной падает какой-то предмет, похожий на маленький ананас.

– Граната! – кричу я.

Мой вопль дает Эвану секунду на поиск укрытия, только этой секунды явно недостаточно.

Граната взрывается, Эван отлетает в сторону, и в тот же момент на противоположном краю оврага появляется фигура в солдатской форме. Я палю из своей М-16 и ору как безумная. Фигура отступает, но я все равно продолжаю палить в то место, где она появилась. Едва ли этот солдат рассчитывал, что Кэсси Салливан примет его приглашение на вечеринку в стиле постапокалипсис.

Расстреливаю всю обойму, перезаряжаюсь. Выжидаю десять секунд и заставляю себя посмотреть вниз. Я не сомневаюсь в том, что увижу на дне оврага разодранное в клочья тело Эвана. И причина его гибели – я, ведь он решил, что ради меня стоит умереть. Ради девчонки, которая позволяла целовать себя, но никогда не целовала первой. Ради спасенной им девчонки, которая вместо благодарности постоянно язвила и обвиняла. Я знаю, что увижу, когда посмотрю вниз, но не вижу этого.

Эвана там нет.

Голос в голове, который отвечает за мою безопасность, кричит: «Беги!»

И я бегу.

Я перепрыгиваю через поваленные деревья и замерзшие кусты. Снова слышу очереди из скорострельного оружия.

Гранаты. Сигнальные ракеты. Штурмовые винтовки. Это не бсоры открыли на нас охоту. Это профессионалы.

Из адски красного света сигнальных ракет я ныряю в темноту, а потом налетаю на дерево. Удар сбивает меня с ног. Не знаю, как далеко я убежала, но, наверное, далеко, потому что я больше не вижу оврага и не слышу ничего, кроме стука собственного сердца.

Я прячусь за стволом упавшей сосны и жду, когда вернется дыхание, которое я потеряла еще в овраге. Жду, когда рядом упадет очередная сигнальная ракета или из подлеска выскочат глушители.

Вдалеке стреляет винтовка, я слышу чей-то визг и ответную очередь. Потом – тишина.

«Так, если стреляют не в меня, значит, стреляют в Эвана», – думаю я.

От этой мысли становится легче на душе, но тяжелее на совести. Он там один против профессиональных вояк, а я где? Прячусь за поваленным деревом, как соплюха трусливая.

Но как же Сэм? Я могу побежать обратно и вступить в бой, который, вероятнее всего, будет проигран, или остаться в укрытии, то есть в живых, и попробовать выполнить данное обещание.

Это мир или – или.

Еще один выстрел из винтовки. Еще один девчоночий крик.

Снова тишина.

Он убирает их по одному. Парень с фермы без боевого опыта против отряда профи. Их больше, они лучше вооружены, а он отстреливает их с тем же хладнокровием, что и глушитель, который истреблял людей на федеральной автостраде и который загнал меня под машину, а потом загадочным образом исчез.

Выстрел.

Крик.

Тишина.

Я не двигаюсь. Спряталась за стволом сосны и жду. Минут через десять этот ствол становится моим лучшим другом, я решаю назвать его Говардом. Говард – мое любимое бревнышко.

«Знаешь, когда я в первый раз увидел тебя в лесу, решил, что мишка твой».

Хруст веток и шорох сухих листьев. На фоне деревьев появляется черная тень. Тихий голос глушителя. Моего глушителя.

– Кэсси? Кэсси, все кончилось.

Я встаю на ноги и направляю винтовку прямо в лицо Эвана Уокера.

Эван моментально останавливается, но выражение растерянности с его лица исчезает не сразу.

– Кэсси, это я.

– Я знаю, что это ты. Только я не знаю, кто ты.

Сжимает зубы. Голос звучит напряженно. Злится? Разочарован? Не могу определить.

– Опустит винтовку, Кэсси.

– Кто ты, Эван? Если Эван – твое имя.

Усталая улыбка. Он опускается на колени, падает лицом вперед и замирает.

Я жду. Винтовка смотрит в его затылок. Эван не двигается. Я перепрыгиваю через Говарда и тихонько пинаю своего спасителя. Он все равно не шевелится. Я опускаюсь на колено рядом, упираю приклад винтовки в бедро и трогаю шею лежащего, чтобы проверить пульс. Жив. Штаны изодраны от пояса вниз. На ощупь мокрые. Я нюхаю свои пальцы – кровь.

Прислоняю свою винтовку к поваленному дереву и переворачиваю Эвана на спину. У него подрагивают веки. Он протягивает руку и касается моей щеки окровавленной ладонью.

– Кэсси. Кэсси от Кассиопея.

– Не начинай. – Я ногой отпихиваю его винтовку подальше. – Ты серьезно ранен?

– Думаю, очень серьезно.

– Сколько их было?

– Четверо.

– У них не было ни одного шанса, да?

Вздых. Эван смотрит на меня. Он может ничего не говорить, я все понимаю по глазам.

– Да, ни одного.

– Потому что ты не рожден убивать, но рожден делать то, что должен.

Я делаю вдох и задерживаю дыхание; он должен понимать, к чему я веду.

Эван не сразу, но все-таки кивает в ответ. Я вижу боль в его глазах и отворачиваюсь, чтобы он не заметил боль в моих.

«Ты начала это, Кэсси. Теперь нет дороги назад».

– И ты мастер в этом деле?

«Да в этом-то и проблема, Кэсси. А как насчет тебя? Для чего рождена ты?»

Он спас мне жизнь. И он же пытался ее отнять. Как такое может быть? Это нелогично.

Смогу ли я оставить его, истекающего кровью? Оставить, потому что он обманывал меня? Брошу его, ведь он никакой не милый Эван Уокер, охотник поневоле, горящий сын, брат и влюбленный, а некто или нечто совсем далекое от человека? Достаточно ли этого, чтобы соблюсти первое правило и пустить пулю в этот красивый лоб?

«Ой, брось, кого ты хочешь обмануть?»

Я расстегиваю его рубашку и бормочу под нос:

– Надо снять одежду.

– Ты не представляешь, как долго я ждал, когда ты это скажешь.

Улыбка. Один уголок рта выше другого. Очень сексуально.

– Твое обаяние на меня не подействует. Можешь приподняться? Только чуть-чуть. Хорошо, теперь вот это.

Я даю Эвану две болеутоляющие таблетки из аптечки и бутылку с водой. Он послушно глотает.

Стягиваю с него рубашку. Он смотрит мне в лицо, но я прячу глаза. Пока снимаю с него ботинки, он расстегивает ремень, а потом и молнию. Приподнимает зад, но я не могу стащить с него штаны, они намокли от крови и прилипли к ногам.

– Срывай, – говорит Эван и переворачивается на живот.

Я стараюсь как могу, но мокрая ткань такая скользкая.

– Вот, попробуй этим.

Эван дает мне нож. Он в крови, но я не спрашиваю, откуда эта кровь.

Медленно, потому что боюсь его порезать, распарываю ткань от одной дырки к другой, а потом снимаю с него штаны, как кожуру с банана. Да, это очень точное сравнение – как кожуру с банана. Мне нужна сочная мякоть правды, но до нее не доберешься, пока не снимешь кожуру.

Раздев его до трусов, я спрашиваю:

– Осмотреть твой зад?

– Было бы интересно узнать твое мнение.

– Оставь свои убогие шуточки.

Я разрезаю с боков трусы. С задницей у него все плохо. Плохо в том смысле, что она вся изрешечена осколками. В остальном задница очень даже ничего.

Я стираю кровь марлей из аптечки и пытаюсь сдержать истерический смех. Надеюсь, желание хихикать вызвано стрессом, а не видом голой попки Эвана Уокера.

– Ничего себе! Настоящее решето.

– Постарайся остановить кровь, – задыхаясь на каждом слове, просит Эван.

Я обрабатываю раны как могу и спрашиваю:

– Можешь перевернуться на спину?

– Что-то не хочется.

– Мне надо осмотреть твой перед.

«О господи! Перед?»

– Перед у меня в порядке. Правда.

Я отстраняюсь от него и сажусь на землю. Придется поверить на слово.

– Расскажи, что там было.

– Я вытолкнул тебя наверх и побежал. Нашел пологий склон и выбрался из оврага. Обошел их с тыла. Остальное ты, конечно, слышала.

– Я слышала три выстрела. Ты говорил, что их четверо.

– Нож.

– Нож?

– Да. Это не моя кровь на нем.

– Ну, спасибо. – Я тру щеку, до которой он дотрагивался, и решаю, что пора расставить все по своим местам. – Ты глушитель, я права?

Тишина. Никаких шуточек.

– Ты человек? – шепотом спрашиваю я.

«Скажи, что человек, Эван. Только скажи так, как надо, чтобы у меня не осталось сомнений. Пожалуйста, Эван, мне правда нужно поверить твоим словам. Да, ты говорил, что нельзя заставить себя поверить... Но, черт, заставь поверить другого. Заставь поверить меня. Скажи это. Скажи, что ты человек».

– Кэсси?

– Ты человек?

– Конечно, я человек.

Глубоко вздыхаю. Он сказал это, но сказал не так, как надо. Я не вижу его лица, он уткнулся лбом в согнутый локоть. Может, он бы произнес это идеально, если бы смотрел на меня, и мне уже не пришлось бы думать обо всех этих ужасах.

Беру из аптечки стерильную салфетку и стираю с рук кровь не знаю кого.

– Если ты человек, зачем меня обманывал?

– Я не все время тебя обманывал.

– Угу, только тогда, когда это было важно.

– О важном я никогда не врал.

– Это ты убил тех троих на шоссе?

– Да.

Я даже вздрагиваю. Не ожидала такого ответа. Он мог сказать: «Шутишь? У тебя паранойя». Но вместо этого спокойно так отвечает: «Да». Как будто я спросила, не купался ли он когда-нибудь голышом.

Но следующий вопрос не сравнить с первым.

– Это ты выстрелил мне в ногу?

– Да.

От такого ответа я вздрагиваю до того сильно, что роняю кровавую салфетку.

– Эван, почему ты выстрелил мне в ногу?

– Потому что я не мог выстрелить тебе в голову.

«Ну, что ж, хотела – получила».

Я достаю «люгер» и пристраиваю его на коленях. Голова Эвана всего в одном футе. Но вот загадка: почему тот, у кого пистолет, дрожит, как лист на ветру, а тот, в кого целятся, абсолютно спокоен?

– Я ухажу, – говорю я. – А ты тут умрешь от потери крови, в точности как могла умереть я, когда ты оставил меня под той машиной на шоссе.

Я жду, что он скажет.

– Но ты не уходишь, – справедливо замечает он.

– Хочу услышать твой ответ.

– Все сложно.

– Нет, Эван, не сложно. Врать – сложно. Говорить правду – просто. Почему ты стрелял в людей на автостраде?

– Потому что боялся.

– Чего ты боялся?

– Боялся, что они – не люди.

Тут мне требуется передышка. Я достаю из своего рюкзака бутылку с водой, опираюсь на Говарда и делаю пару глотков.

– Ты перебил тех бедняг на шоссе и еще бог знает сколько народу, стрелял в меня... Я знаю, что ты не на охоту ходил по ночам, потому что уже знал о Четвертой волне. Я твой солдат с распытием.

Он кивает, уткнувшись лицом в локоть, и отвечает:

– Хорошо, как скажешь.

– Если ты хотел меня убить, почему не бросил там, в сугробе?

– Я не хотел тебя убивать.

– Оставил истекать кровью под машиной. Это значит – не хотел?

– Да, не хотел. Когда я убегал, ты стояла на ногах.

– Ты убежал? – Мне сложно представить такое. – Почему?

– Я испугался.

– Ты убил тех людей, потому что испугался, стрелял в меня, потому что испугался, убежал, потому что испугался.

– Наверное, у меня проблемы со страхом.

– А потом ты нашел меня и притащил на ферму. Выходил, угостил гамбургером, вымыл мне голову, научил стрелять и пошел со мной, чтобы... Чтобы что?

Он поворачивает голову и смотрит на меня одним глазом:

– Знаешь, Кэсси, вообще-то это не очень честно с твоей стороны.

У меня даже челюсть отвисает.

– Нечестно?

– Допрашивать человека, израненного осколками гранаты.

– Сам виноват. Ты напророчил пойти со мной. – Тут у меня по спине пробегают мурашки. – Почему ты пошел со мной, Эван? Это хитрость какая-то? Ты меня используешь в каких-то своих целях?

– Операция по спасению Сэмми – твоя идея. Я пытался тебя отговорить. Даже хотел пойти сам, а тебе предлагал остаться.

Эван дрожит. Он голый, температура воздуха минус пятнадцать, не выше. Я накрываю его спину курткой, а остальное, как могу, джинсовой рубашкой.

– Прости меня, Кэсси.

– За что простить?

– За все.

Эван говорит невнятно, растягивает слова; наверное, это из-за таблеток.

Я крепко держу пистолет обеими руками, меня тоже трясет, только не от холода.

– Эван, я убила того солдата, потому что у меня не было выбора. Я не выслеживала людей, чтобы расправиться с ними. Я не сидела в засаде, чтобы застрелить любого, кто появится на шоссе, – застрелить, потому что он может оказаться инопланетянином. – Я говорю и киваю сама себе – мне все это и впрямь кажется самоочевидным. – Ты не можешь быть тем, за кого себя выдаешь, потому что тот, за кого ты себя выдаешь, не стал бы делать то, что делал ты!

Все, теперь ничто не важно, кроме правды. Еще важно не быть идиоткой. Важно не испытывать к нему никаких чувств, потому что, если я буду что-то к нему чувствовать, это помешает мне сделать то, что я должна сделать. Даже не просто помешает – станет непреодолимой преградой на моем пути. А если я хочу спасти брата, я должна преодолеть любые преграды.

– И что же дальше? – спрашиваю я.

– Утром надо будет вытащить осколки.

– Что случится после этой волны, Эван? Или ты – последняя?

Он лежит, уткнувшись лицом в согнутый локоть, смотрит на меня одним глазом и пытается покачать головой.

– Даже не знаю, как убедить тебя в...

Я приставляю ствол к его виску, рядом с глазом шоколадного цвета.

– Первая волна – отключение электричества; Вторая волна – цунами; Третья – эпидемия; Четвертая – глушители. Какой будет Пятая, Эван? Что нас ждет?

Эван не отвечает. Он отключился.

69

На рассвете Эван все еще спит как убитый, поэтому я хватаю винтовку и выхожу из леса, чтобы оценить его работу. Возможно, это не очень умно с моей стороны. Если наши ночные противники вызвали подмогу, я буду для них отличной мишенью, как в стрельбе по привязанным индейкам. Я неплохо стреляю, но я не Эван Уокер.

Хотя даже Эван Уокер – не Эван Уокер.

Я не знаю, кто он или что он. Он утверждает, что человек. Он выглядит как человек, говорит как человек и, признаю, целуется как человек. Но «роза бы иначе пахла, когда б ее иначе называли?»¹². И бла-бла-бла. И высказывает он вроде бы разумные вещи, например, что убивал людей по той же причине, по которой я убила солдата с распытием.

Только дело в том, что я в это не верю. И теперь не могу решить, что лучше: мертвый Эван или живой Эван. Мертвый Эван не поможет мне выполнить данное обещание. Живой Эван поможет.

Почему он стрелял в меня, а потом спас? Что он имел в виду, когда сказал, что это я спасла его?

Это так странно. Когда он меня обнимает, я чувствую себя в безопасности. Когда он меня целует, я растворяюсь в нем. Как будто есть два Эвана: первый, которого я знаю, и второй, которого не знаю. Один – парень с фермы, у него мягкие нежные руки, и, когда он гладит меня по голове, я мурлычу, как котенок. Другой – притворщик и хладнокровный убийца, который стрелял в меня на шоссе.

12 Шекспир В. Ромео и Джульетта. Перевод А. Радловой.

Я могу допустить, что он человек, по крайней мере биологически. Может быть, клон, его вырастили на борту корабля-носителя из похищенных молекул ДНК? Или что-нибудь менее фантастичное и более низменное – человек, предавший себе подобных. Может, глушители – это всего лишь наемники?

Иные как-то его подкупили. Или похитили того, кого он любит (Лорэн? Я, кстати, так и не видела ее могилу), и теперь шантажируют: «Прикончи двадцать человек, и мы вернем твоих близких».

И последний вариант: он Эван. Одиноким напуганным парнем, который убивает любого, кто может убить его. Он твердо следовал правилу номер один, но в конце концов нарушил его – отпустил подранка, а потом приютил и выходил.

Этот вариант не хуже двух первых объясняет случившееся. Все сходится. Остается только одна малюсенькая проблема.

Солдаты.

Вот почему я не оставляю его в лесу. Хочу своими глазами увидеть то, что он сделал ради меня.

Лагерь беженцев уподобился соляной равнине, так что найти убитых Эваном просто. Один на краю оврага. Еще двое лежат рядышком в паре сотен футов от первого. Все трое убиты выстрелом в голову. В темноте. Это при том, что они стреляли в Эвана. Последнего я нашла там, где раньше были бараки, может, даже на том самом месте, где Вош убил моего отца.

И все они младше четырнадцати лет. И у каждого загадочный серебристый монокуляр. Прибор ночного видения? Если так, то мастерство Эвана еще больше впечатляет, только мне от этого становится тошно.

Когда я возвращаюсь, Эван не спит. Он сидит, привалившись спиной к поваленному дереву. Бледный, дрожит от холода, глаза провалились.

– Это были дети, – говорю я ему. – Всего лишь дети.

Я прохожу в подлесок за спину Эвана, и там меня выворачивает.

После этого мне становится легче.

Возвращаюсь к Эвану. Я решила его не убивать. Пока. Живой он мне нужен больше, чем мертвый. Если Эван – глушитель, то он может знать, что случилось с моим братом. Поэтому я беру аптечку и сажусь между его ног.

– Ладно, пора делать операцию.

Я достаю из аптечки стерильные салфетки, а он молча наблюдает за тем, как я счищаю с ножа кровь его жертвы.

Я тяжело сглатываю, чтобы избавиться от мерзкого привкуса рвоты, и говорю:

– Ничего подобного раньше не делала.

Обычная фраза, но у меня ощущение, что я обращаюсь к незнакомцу.

Эван кивает и переворачивается на живот, а я откидываю рубашку и оголяю его нижнюю половину.

Никогда не видела голого парня, и вот, пожалуйста, сижу на коленях у него между ног. Правда, я вижу его не целиком, а только, скажем так, заднюю часть. Странно, но я никогда не думала, что мой первый опыт общения с голым парнем будет вот таким. Хотя, по большому счету, что тут странного.

– Еще таблетку? – спрашиваю я. – Холодно, у меня руки трясутся.

– Обойдусь без таблеток, – бурчит он, уткнувшись лицом в согнутый локоть.

Сначала все делаю медленно и осторожно, но потом быстро понимаю, что это не лучший способ выковыривать ножом металл из человека. Или не человека. Этоковыряние только продлевает мучения.

На зад уходит больше всего времени, но не потому, что я осторожничаю, просто ему досталось больше осколков. Эван лежит спокойно, только иногда вздрагивает. Иногда издает протяжный стон, а иногда делает глубокий вдох.

Я убираю куртку с его спины. Тут ран не так много. У меня ооченели пальцы, затекли запястья, я заставляю себя действовать быстро... быстро, но аккуратно.

– Держись, – бормочу я, – уже почти все.

– И я – почти все.

– У нас мало бинтов.

– Просто обработай те раны, что хуже.

– А если заражение?

– В аптечке есть таблетки пенициллина.

Пока я достаю таблетки, он переворачивается на спину. Эван заливает таблетки водой из бутылки, а я сижу рядом вся потная, хотя температура куда ниже ноля.

– Почему дети? – спрашиваю я.

– Я не знал, что это дети.

– Возможно. Они были хорошо вооружены и определенно знали, что делают. Но навались на того, кто свое дело знает еще лучше. Ты, кажется, забыл рассказать о том, что прошел боевую подготовку.

– Кэсси, если мы не можем доверять друг другу...

– Мы не можем доверять друг другу. В этом вся проблема.

Хочется треснуть его по голове и разреваться одновременно. Я устала от собственной усталости. Солнце выходит из-за облаков, и над нами появляется кусочек ярко-синего неба.

– Инопланетные дети-клоны? – гадаю я. – В Америке закончились ребята призывного возраста? Я серьезно, почему по лесу бегает несовершеннолетние с автоматическим оружием и гранатами?

Эван качает головой и отпивает из бутылки. Морщится.

– Пожалуй, я все-таки приму еще одну таблетку.

– Вош говорил, что они заберут только детей. Зачем? Чтобы делать из них солдат?

– Может, Вош вовсе не инопланетянин. Может, это военные собирают детей.

– Тогда почему он приказал убить всех остальных? Почему он пустил пулю в голову моему отцу? А если он не инопланетянин, тогда где взял «глаз»? Что-то тут не так, Эван. И ты знаешь, что происходит. Мы оба знаем, что ты это знаешь. Не пора ли выложить все как на духу? Ты не боишься доверить мне оружие, ты позволил мне вытащить осколки из твоей задницы, а правду рассказать не можешь?

Эван долго смотрит на меня, а потом заявляет:

– Мне жаль, что ты подстригла волосы.

Может, я бы и клюнула на это, но я замерзла, меня подташнивает и нервы на пределе.

– Клянусь Богом, Эван Уокер, – абсолютно спокойно говорю я, – если бы ты не был мне нужен, я бы пристрелила тебя прямо сейчас.

– Ну, тогда я рад, что еще тебе нужен.

– И если пойму, что ты врал мне о самом главном, я убью тебя.

– А что самое главное?

– Человек ты или не человек.

– Кэсси, я такой же человек, как и ты.

Он берет меня за руку. У нас обеих руки в крови. Моя рука в его крови, а его – в крови мальчика, который был чуть старше моего брата. Сколько людей он убил этими руками?

– Неужели мы в них превратились? – спрашиваю я.

Кажется, меня сейчас вырвет. Я не могу ему доверять. Я должна ему доверять. Не могу верить – должна верить. Не в этом ли главная цель иных? Последняя волна. Лишить людей всего человеческого, превратить в бездушных хищников, которые сделают за них всю грязную работу. Они превращают нас в лишенных всякой способности к состраданию акул-одиночек.

Я чувствую себя загнанным в угол зверем, и Эван замечает это в моих глазах.

– Что такое?

– Не хочу быть акулой, – шепотом отвечаю я.

Эван смотрит мне в глаза и молчит, а мне становится не по себе от его молчания. Он мог бы сказать: «Акулой? Ты? С какой стати? Кто сказал, что ты акула?» Но вместо этого он кивает, как будто все отлично понял.

– Ты не акула.

«Ты», а не «мы». Я в ответ долго смотрю ему в глаза.

– Если бы Земля погибала, и нам пришлось бы покинуть ее, – медленно говорю я, – и мы нашли бы планету, но она была бы заселена теми, с кем мы по какой-то причине не можем существовать вместе...

– Вы бы сделали то, что необходимо.

– Как акулы.

Похоже, он старается смягчить удар. Для него важно, чтобы «посадка» для меня была не такой жесткой, чтобы шок не был слишком сильным. Я думаю, он хочет, чтобы я сама, без его подсказок пришла к ответу.

Я рывком высвобождаю руку. Злюсь из-за того, что вообще позволяла ему до себя дотрагиваться. Злюсь на себя за то, что оставалась с ним, хотя понимала, что он не говорит мне всей правды. Злюсь на отца за то, что он позволил Сэмми сесть в тот автобус. Злюсь на Воша. Злюсь на повисший над горизонтом зеленый «глаз». Злюсь на себя за то, что нарушила первое правило, как только встретила симпатичного парня. И ради чего? Почему? Потому что у него большие и нежные руки, а дыхание пахнет шоколадом?

Я бью кулаком ему в грудь. Бью до тех пор, пока не перестану понимать, почему его бью. Я избавляюсь от злости, и вместо Кэсси остается только черная дыра.

Эван хватается меня за руки:

– Кэсси, перестань! Успокойся! Я тебе не враг.

– А чей же ты враг? Ты ведь чей-то враг, тогда чей? Ты не охотился по ночам, а если и охотился, то не на зверей. Хочешь, чтобы я поверила, будто ты научился приемам ниндзя, помогая отцу на ферме? Ты все говоришь о том, кем не являешься, а я хочу знать, кто ты. Кто ты, Эван Уокер?

Эван отпускает мои руки, а потом ведет себя очень странно. Он прижимает ладонь к моей щеке и проводит большим пальцем по переносице. Такое чувство, словно он дотрагивается до меня в последний раз.

– Я акула, Кэсси.

Эван произносит это медленно, как будто и говорит со мной тоже в последний раз. Он смотрит мне в глаза, как в последний раз, и в его глазах стоят слезы.

– Акула, которой казалось, что она человек.

Я падаю в черную дыру. Эта дыра появилась после Прибытия, она затягивала в себя все на своем пути. Я падаю со скоростью, превышающей скорость света. В эту дыру смотрел отец, когда умерла мама. Я думала, что эта дыра вне меня, но она во мне, и так было всегда. Она была во мне с самого начала, она пожирала каждый грамм надежды, веры и любви, которые у меня были. Эта дыра прогрызала себе путь в галактике моей души, а я тем временем цеплялась за свой выбор. И тот, кого я выбрала, сейчас смотрит на меня словно в последний раз.

И поэтому я делаю то, что сделал бы любой человек на моем месте.

Я бегу.

Лес, кусачий холод, голые ветки, синее небо, сухие листья. Выбегаю на поляну. Под ногами хрустит промерзшая земля. Над головой ярко-синий купол неба отгораживает от меня миллиарды звезд. Но они там, они смотрят вниз, на девчонку с коротко подстриженными волосами, которая бежит и рыдает на бегу. Девчонка бежит без определенной цели, просто бежит как безумная, потому что это самый разумный выход, когда понимаешь, что единственный человек, которому ты решила довериться, вовсе не человек. И не важно, что он бесчисленное количество раз спасал твою задницу, и что не убил тебя, имея сотню возможностей сделать это, тоже не важно. Как и то, что в нем есть что-то, какая-то боль и печаль, словно это он последний человек на Земле, а не девчонка, которая лежит в спальном

мешке в обнимку с плюшевым мишкой и дрожит от стужи в мире, лишенном человеческих звуков.

«Замолчи, замолчи, замолчи».

70

Когда возвращаюсь, его там нет. А я, да, возвращаюсь. Куда мне идти без оружия и особенно без проклятого мишки, который теперь смысл моей жизни? Я не боялась вернуться. У Эвана было десять миллионов шансов убить меня, еще один погоды не сделает.

Винтовка там, где я ее оставила. Его рюкзак, аптечка. А вот, возле Говарда, изрезанные в лоскуты джинсы. Если он не взял в дорогу запасные штаны, значит, скачет сейчас по лесу в одних походных ботинках – просто красавчик с настенного календаря.

– Идем, мишка, – бурчу я, поднимая с земли свой рюкзак, – пора вернуть тебя хозяину.

Я подбираю винтовку, проверяю обойму, ту же операцию повторяю с «люгером». Пальцы заоченели так, что я натягиваю черные вязаные перчатки. Потом забираю из рюкзака Эвана карту с фонариком и направляюсь в сторону оврага. Идти в светлое время суток опасно, но мне надо оторваться от человека-акулы, так что я решаю рискнуть. Я не знаю, куда он пошел. Может, теперь, когда мне известно, кто он, человек-акула решил вызвать дрон. Но это уже не важно. Я бежала, пока ноги несли, а потом решила, что все это уже не имеет значения, и двинулась обратно. Мне действительно все равно, кто такой Эван Уокер. Он спас мне жизнь. Он кормил меня, мыл, оберегал. Он помог восстановить силы. Он даже научил убивать. С таким врагом и друзья не нужны.

Спускаюсь в овраг. В тени намного холоднее. Наверх и дальше, туда, где когда-то был лагерь беженцев. Бегу по твердой, как асфальт, земле. Натыкаюсь на первый труп.

«Если Эван из них, за какую команду играешь ты?» – спрашиваю себя.

Эван убивает своих, чтобы я ему доверяла, или он вынужден был их убивать, потому что они считали его человеком? От таких мыслей становится тошно. Это дерьмо никогда не разгрести. Чем дольше копаешь, тем дальше дно.

Еще один труп. Едва взглянув, прохожу мимо, но подсознание успело что-то отметить, и я оборачиваюсь. На мертвом солдате-ребенке нет штанов.

Это не важно. Я не останавливаюсь. Иду по грунтовой дороге на север.

«Шагай, Кэсси, шагай. Забудь о еде. Забудь о воде. Это все не важно. Все не важно».

Безоблачное небо – гигантский синий глаз – смотрит на землю. Я бегу по западной кромке дороги и стараюсь держаться ближе к лесу. Увижу дрон, сразу нырну под деревья. Увижу Эвана – сначала буду стрелять, а потом задавать вопросы.

Все теперь не важно, осталось только правило номер один. Ничто не имеет значения, главное – спасти Сэмми. Я на какое-то время об этом забыла.

Глушители: люди, полулюди, клоны людей или голограммы людей инопланетного производства? Это не важно. Какая главная цель иных: уничтожение или порабощение? Не важно. Какие у меня шансы: один процент, одна десятая или одна стотысячная процента? Не важно.

«Иди по этой дороге, иди по этой дороге, иди по этой грунтовой дороге...»

Через пару миль дорога поворачивает на запад и выходит к 35-му шоссе. Еще через несколько миль 35-е шоссе пересечется с 675-м. Там можно укрыться возле эстакады и подождать, когда появятся школьные автобусы. Если только они еще курсируют по 35-му шоссе. Если они вообще еще ездят по штатам.

В конце грунтовой дороги я останавливаюсь и оглядываюсь. Никого. Он за мной не пошел. Позволил мне уйти.

Я захожу в лес, чтобы восстановить дыхание. Но не успеваю – как только опускаюсь на землю, все то, от чего я бегу, накрывает меня.

«Я акула, Кэсси. Акула, которой казалось, что она человек...»

Крик эхом разлетается по лесу и доносится до меня. Он все длится и длится. Пусть приведет сюда орды иных, мне все равно. Сжимаю голову ладонями и раскачиваюсь взад-вперед. Возникает какое-то нереальное ощущение, будто я поднимаюсь над собственным телом, а потом со скоростью тысяча миль в час устремляюсь в небо. Тело уменьшается до размеров точки и сливается с землей. Больше ничто не держит меня на Земле, я тону в вакууме. Серебряная пуповина лопнула.

Я думала, что знаю, что такое одиночество. Но это было до того, как меня нашел Эван. Нельзя узнать, что такое настоящее одиночество, пока не увидишь его обратную сторону.

– Кэсси.

Две секунды, и я на ногах. Еще две с половиной, и я направляю М-16 на голос. Между деревьями слева мелькает тень. Ничего не остается – открываю огонь по деревьям, по веткам, просто палю в пустоту.

– Кэсси.

Прямо передо мной, угол на два часа. Расстреливаю всю обойму. Я понимаю, что не попала в него. Я знаю, что у меня нет шансов. Он глушитель. Но может, если я не прекращу стрельбу, он отступит?

– Кэсси.

У меня за спиной. Делаю глубокий вдох, перезаряжаю винтовку, потом резко разворачиваюсь и настигаю свинцом ни в чем не повинные деревья.

«Идиотка, ты что, не поняла? Он же хочет, чтобы у тебя кончились патроны».

Я решаю ждать. Стою, широко расставив ноги, плечи расправила и смотрю по сторонам. И все время слышу в голове его голос. Он повторяет слова, которые говорил, когда учил меня стрелять возле конюшни.

«Ты должна почувствовать цель. Как будто она физически привязана к тебе. Как будто ты привязана к ней...»

Это происходит в промежутке между двумя секундами-. Его рука обхватывает мою грудную клетку, он вырывает винтовку, потом отбирает «люгер». В следующую долю секунды поднимает меня на два дюйма от земли и прижимает к себе, а я бью его пятками, мотаю головой и кусаю за руки.

И все это время его губы щекают мне ухо:

– Кэсси. Не надо. Кэсси...

– Отпусти меня!

– В этом вся проблема, Кэсси. Я не могу тебя отпустить.

71

Эван держит меня, пока я не выбиваюсь из сил, а потом прислоняет к дереву и отходит на три шага назад.

– Ты знаешь, что будет, если побежишь, – предупреждает он.

У него покраснелось лицо, он не сразу восстанавливает дыхание. Когда поворачивается, чтобы подобрать мое оружие, я замечаю, что он старается не делать лишних движений. Определенно, погоня за мной человеку, получившему порцию осколков, далась нелегко. Куртка у него расстегнута, под ней джинсовая рубашка, а штаны, снятые с убитого мальчишки, малы размера на два; со стороны кажется, будто он в панталонах.

– Ты выстрелишь мне в затылок, – говорю я.

Он затыкает «люгер» за пояс и вешает М-16 на плечо.

– Я давно мог бы это сделать.

Догадываюсь, что он говорит о нашей первой встрече.

– Ты глушитель, – говорю я.

Мне стоит огромных усилий не рвануть без оглядки. Бежать от него бессмысленно. Драться с ним бессмысленно. Значит, я должна его перехитрить. Я как будто бы снова лежу под той машиной на шоссе. Ни спрятаться, ни убежать.

Эван садится на землю в нескольких футах от меня и кладет свою винтовку на колени. Я замечаю, что он дрожит.

– Если твоя работа – убивать нас, почему ты не убил меня? – спрашиваю я.

Он не задумывается ни на секунду, как будто давно решил, каким будет ответ на этот мой вопрос.

– Потому что люблю тебя.

Я откидываю голову и упираюсь затылком в шершавый ствол. Голые ветки надо мной резкими линиями перечеркивают синее небо. Набираю полную грудь воздуха и смеюсь на выдохе.

– Так это трагическая история любви? Инопланетный захватчик втрескался в земную девушку. Охотник – в жертву.

– Я человек.

– Человек, но... поставь точку, Эван.

«Потому что я поставила точку. Ты был моим последним другом, а теперь тебя нет. То есть ты, кем бы ты ни был, здесь, но Эвана, моего Эвана, больше нет».

– Нет никаких «но», Кэсси. Я человек и не человек. Я ни то, ни другое, я и то и другое. Я иной, и я человек.

Я смотрю ему в глаза, в тени деревьев они кажутся очень темными.

– Меня от тебя тошнит.

– Как я мог открыть тебе правду? Ты бы сбежала от меня, а это равносильно смерти.

– Не тебе рассказывать мне о смерти, Эван. – Я машу пальцем у него перед лицом. – У меня на глазах умерла мама. У меня на глазах один из вас убил моего отца. За полгода я видела столько смертей, сколько никто не видел за всю историю человечества.

Он отмахивается от моей руки и отвечает сквозь зубы:

– Если бы тебе, чтобы защитить отца и спасти мать, надо было что-то сделать, ты бы это сделала? Если бы знала, что обман спасет Сэмми, ты бы обманула?

Еще как обманула бы. Ради спасения Сэмми я готова притвориться, будто верю врагу. Пытаюсь привести в порядок разбегающиеся мысли. «Потому что люблю тебя». Надо придумать какую-нибудь другую причину, по которой он мог предать себе подобных.

Впрочем, все это не имеет значения. В тот день, когда Сэмми сел в автобус, за ним закрылась дверь с тысячей замков, и сейчас передо мной сидит парень, у которого есть ключи к этим замкам. Вот что важно.

– Тебе известно, что происходит на базе Райт-Паттер-сон? Что случилось с Сэмми?

Эван не отвечает ни словом, ни жестом. Что у него на уме? Одно дело спасти какую-то жалкую девчонку, а другое – выдать генеральный план вторжения на Землю. Возможно, для Эвана наступил момент истины. Как у меня под «бьюиком», когда нельзя ни убежать, ни спрятаться, можно только оставаться на месте.

– Он жив?

Я наклоняюсь вперед. Грубая кора дерева ободрала мне спину.

Он колеблется меньше секунды.

– Вероятно.

– Зачем его туда взяли?

– Чтобы подготовить.

– К чему подготовить?

Теперь приходится ждать, пока он сделает вдох и выдох. И только потом отвечает:

– Пятая волна.

Я закрываю глаза. Видеть его красивое лицо выше моих сил. Господи, как же я устала. До того вымоталась, что могу проспать тысячу лет. Может, когда я проснусь через тысячу лет, иные исчезнут, а в лесу вокруг меня будут резвиться счастливые детишки.

«Я иной, и я человек».

Что, черт возьми, это означает? Я слишком обессилен, чтобы гадать.

Открываю глаза и заставляю себя посмотреть ему в лицо.

– Ты можешь провести меня на базу.
Он отрицательно качает головой.

– Почему нет? – спрашиваю я. – Ты один из них. Скажешь, что взял меня в плен.

– Кэсси, Райт-Паттерсон – не тюрьма.

– Тогда что?

– Для тебя? – Он наклоняется ко мне, и я чувствую его горячее дыхание. – Смертельная ловушка. Ты и пяти секунд там не выдержишься. Почему, ты думаешь, я делал все, чтобы не пустить тебя туда?

– Все? Ты в этом уверен? А как насчет того, чтобы сказать правду? Например: «Слышь, Кэсс, ты тут братца вызволять задумала, а я инопланетянин, как те ребята, что его забрали, так что у тебя нет шансов».

– И это бы подействовало?

– Я о другом.

– А я об этом. Твоего брата держат на самой главной базе из всех, что мы... я хотел сказать, другие иные здесь устроили после начала очистки...

– После начала чего? Как вы это называете? Очистка?

– Ну, или уборка. – Он не может смотреть мне в глаза. – Иногда и так.

– Вот, значит, чем вы тут заняты? Вычищаете человеческую грязь?

– Не я ввел этот термин. И вообще, очистка или уборка, называй как хочешь, – это не моя идея. Если тебе от этого будет легче, я никогда не считал, что нам следует...

– Я не хочу, чтобы мне было легче! Ненависть, которая сейчас во мне, – это все, что мне нужно, Эван. Больше мне ничего не нужно.

«Отлично, это было искренне, только не заходи слишком далеко. Перед тобой парень с ключами. Разговори его».

– Ты никогда не считал, что вам следует что?

Он делает большой глоток воды, потом протягивает мне фляжку. Я мотаю головой.

– Райт-Паттерсон не просто база, это – База, – отвечает он, взвешивая каждое слово. – И Вош не какой-то там комендант, он главнокомандующий. Вош руководит всеми операциями, он автор очистки. Это он спланировал все атаки.

– Вош убил семь миллиардов людей.

После Прибытия папа любил порассуждать о том, как сильно иные превзошли нас в развитии, на сколько ступеней эволюции они выше нас, если способны путешествовать между галактиками. И вот как эти высокоразвитые пришельцы решают «проблему» с землянами!

– Некоторые из иных не согласились с тем, что уничтожение – правильное решение вопроса, – говорит Эван. – Я был одним из них, Кэсси. Мы проиграли в этом споре.

– Нет, Эван, проиграли мы.

Это становится невыносимо. Я встаю и жду, что Эван тоже поднимется, но он остается на месте и смотрит на меня снизу вверх.

– Вош не видит вас так, как видят некоторые из нас... Как я вижу, – говорит он. – Для него вы болезнь, которая может убить, если ее не уничтожить.

– Я болезнь. Вот, значит, кто я для тебя.

Я больше не могу на него смотреть. Если не отвернусь, меня вырвет.

– Кэсси, тебе это не по силам, – тихо, спокойно, даже почти печально говорит Эван у меня за спиной. – Райт-Паттерсон – не простой лагерь очистки. Там, под землей, целый комплекс, координационный центр для всех дронов в этом полушарии. Этот комплекс – глаза Воша. Попытка вытащить оттуда Сэмми – не просто рискованное предприятие, это равносильно самоубийству. Для нас обоих.

– Для нас обоих? – переспрашиваю я и мельком смотрю на него.

Эван не двигается.

– Я не могу притвориться, будто взял тебя в плен. Моя задача – убивать людей. Если попытаюсь выдать тебя за пленную, ты погибнешь. А потом и меня казнят, за то, что не убил

тебя. Да и не смогу я незаметно тебя провести. Базу с воздуха патрулируют беспилотники, вокруг забор высотой двадцать футов под напряжением, сторожевые вышки, инфракрасные камеры видеонаблюдения, детекторы движения. И еще сотня таких, как я, а ты знаешь, на что я способен.

– Тогда я проникну туда без твоей помощи.

– Это единственный возможный способ, – соглашается Эван. – Только «возможный» иногда означает «самоубийственный». Всех, кого туда привозят, – я имею в виду тех, кого не сразу умерщвляют, – проверяют с помощью программы, которая читает у них в мозгах, расшифровывает воспоминания. Там скоро узнают, кто ты и зачем проникла... А потом тебя убьют.

– Должен быть другой сценарий, с другой концовкой, – не отступаю я.

– Такой сценарий есть, – говорит Эван. – Мы находим безопасное место и ждем, когда появится Сэмми.

У меня отвисает челюсть – что? А потом я произношу это вслух:

– Что?

– Возможно, на ожидание уйдет года два. Сколько твоему брату? Пять? Тех, кто младше семи, не выпускают на задание.

– На какое задание их не выпускают?

Эван отводит взгляд.

– Ты видела.

Тот мальчишка в солдатской форме, вооруженный винтовкой с него ростом. Тот, которому Эван перерезал горло возле лагеря беженцев в лесу. Теперь мне действительно надо глотнуть воды. Я подхожу к Эвану. Он замирает. Я наклоняюсь и беру у него фляжку с водой. Делаю четыре больших глотка, но во рту все равно сухо.

– Сэм и есть Пятая волна, – говорю я.

После этих слов у меня появляется неприятный привкус во рту. Я снова пью.

Эван кивает:

– Если Сэмми прошел обследование, он жив и... – Он замолкает на секунду, чтобы подобрать подходящие слова: – И проходит процесс обработки.

– Ты имеешь в виду промывку мозгов.

– Я бы сказал, ему прививают другой взгляд на происходящее. Идея заключается в том, что инопланетяне используют тела людей, а мы, люди, нашли способ их обнаруживать. И если ты можешь их обнаружить, значит, ты можешь...

Я не даю ему договорить:

– Это все выдумки. Тела людей используете вы.

Эван качает головой:

– Но не так, как думает Сэмми.

– Что это значит? Или вы их используете, или не используете.

– Сэмми считает нас чем-то вроде инвазии, паразитами, которые проникли в мозг человека и...

– Забавно, Эван, именно так я вашего брата и представляю. – Я просто не могу сдержаться: – Паразиты.

Эван поднимает руку. Я не бью его по руке и не убегая. Тогда он осторожно берет меня за запястье и усаживает на землю. Сердце выскакивает из груди, холод собачий, а я чувствую, что вспотела. Что дальше?

Эван смотрит мне в глаза.

– Жил один мальчик, настоящий мальчик, его звали Эван Уокер, – говорит он. – Как у любого ребенка, у него были родители, еще были братья и младшая сестра. Меня поместили в него перед его рождением. Его мама спала. Мы оба спали. Тринадцать лет я спал внутри Эвана Уокера. Он учился садиться в кроватке, есть твердую пищу, ходить, говорить, бегать и кататься на велосипеде, а я все это время был внутри его и ждал, когда придет время

проснуться. По всей Земле тысячи иных спят в тысячах Эванов Уокеров. Некоторые из нас уже разбужены, чтобы в нужное время сделать то, что следует сделать.

Я киваю и сама не понимаю, с чем соглашаюсь. Его поместили в тело человека? Что, черт возьми, это значит?

– Четвертая волна, – пытается подсказать мне Эван. – Глушители. Подходящее для нас название. Мы скрывались внутри человеческих тел, внутри человеческих жизней и ничем не выдавали свое присутствие. Нам ни к чему было притворяться вами. Мы были вами. Эван не умер, когда я проснулся. Он... растворился во мне.

Эван замечает, что мне страшно. Он всегда все замечает. Протягивает ко мне руку, я отшатываюсь.

– Так кто же ты, Эван? – шепотом спрашиваю я. – Где ты? Говоришь, что тебя... – Мысли у меня в голове скачут с бешеной скоростью. – Поместили? Куда тебя поместили?

– Ну, может, поместили – не то слово. Тут больше подходит «загрузили». Меня загрузили в мозг Эвана, когда он находился в процессе развития.

Я мотаю головой. Для существа, которое опережает меня в развитии на тысячи лет, он слишком долго формулирует ответ на простой вопрос.

– Какой ты? На кого ты похож?

Эван хмурится.

– Ты знаешь, какой я.

– Да нет же! О господи, иногда ты такой...

«Осторожнее, Кэсси, не увлекайся. Помни о том, что сейчас важно».

– До того, как ты стал Эваном. На что ты был похож, прежде чем появился у нас?

– Ни на что. У нас не было тел десятки тысяч лет. Мы вынуждены были расстаться с ними, когда покидали свою родину.

– Опять врешь. На кого ты был похож? На жабу, на бородавочника, на слизня? Все живые существа на что-нибудь похожи.

– Мы – чистое сознание. У нас нет плоти. Мы покинули свои тела и загрузили наше сознание в бортовой компьютер корабля-носителя. Только так мы могли отправиться в путь. – Эван накрывает мой кулак ладонями. – Это Эван. Аналогия не идеальная, потому что нельзя сказать, где заканчиваюсь я и начинается он. – Он улыбается. – Не очень-то хорошо у меня получается, да? Хочешь, покажу тебе, какой я?

Мать Божья!

– Нет. Да. Что ты имеешь в виду?

Я представляю, как он стягивает с себя лицо на манер персонажа из фильма ужасов.

– Ты меня куда-то поместишь?

Эван смеется:

– Ну, в некотором роде. Я покажу, если хочешь увидеть.

Естественно, я хочу увидеть. И конечно, я не хочу увидеть. Может ли это приблизить меня к Сэмми? Но дело тут не только в Сэмми. Если Эван покажет себя, я пойму, наверное, почему он спас меня, когда должен был убить. Почему обнимал темными ночами, не давал сойти с ума.

Он улыбается – должно быть, рад, что я не пытаюсь выцарапать ему глаза и не смеюсь, что, возможно, было бы для него больнее. Моя рука в его большой ладони, как сердце розы в бутоне перед дождем.

– Что я должна делать? – спрашиваю шепотом.

Он отпускает мою руку и тянется к лицу. Я вздрагиваю.

– Я никогда не причиню тебе боль, Кэсси.

Я вздыхаю. Киваю. Еще один вздох.

– Закрой глаза.

Он легко, как бабочка крыльями, прикасается к моим векам.

– Расслабься. Дыши глубже. Освободи сознание. Если этого не сделаешь, я не смогу войти. Ты хочешь, чтобы я вошел, Кэсси?

«Да. Нет. О господи, как далеко я должна зайти, чтобы выполнить свое обещание?»

– Я хочу, чтобы ты вошел, – шепчу я.

Я думала, это начнется у меня в голове, но все совсем не так. Приятное тепло распространяется по всему телу. Оно исходит из моего сердца; кости, плоть, кожа растворяются в нем. Тепло заливают Землю, преодолевает границы Вселенной. Оно везде, и оно – все. Мое тело и все, что вне моего тела, сливаются с ним. А потом я чувствую его. Он тоже там, вместе со мной; нас ничто не разделяет, нет такой точки, где заканчивается он и начинаюсь я. Я открываюсь, как цветок навстречу дождю. Мучительно долго и в то же время головокружительно быстро. Я растворяюсь в тепле, растворяюсь в нем. Здесь не на что смотреть, его нельзя описать, он просто есть.

72

Как только я открываю глаза, сразу начинаю рыдать. Просто ничего не могу с собой сделать. Никогда в жизни мне не было так одиноко.

– Наверное, все произошло слишком быстро, – говорит Эван.

Он прижимает меня к себе и гладит по голове, а я не сопротивляюсь. Я опустошена, я растеряна, я осталась совсем одна, у меня нет ни капли сил, все, что я могу, – это позволить ему обнимать себя.

– Прости, что обманывал, – шепчет он, прикасаясь губами к моим волосам.

Снова со всех сторон подкрадывается холод. Теперь у меня есть только память о тепле.

– Наверное, невыносимо жить взаперти. – Я прижимаю ладонь к груди Эвана и чувствую, как стучит его сердце.

– Мне не кажется, что я взаперти, – отвечает он. – Скорее есть ощущение, что мне дали свободу.

– Свободу?

– Да, свободу, возможность снова что-то чувствовать. Вот это, например.

Эван целует меня, и другое тепло разливается по моему телу.

Я лежу в объятиях врага. Что со мной такое? Эти существа сжигали нас заживо, давили, топили, морили; они выкачали из человечества всю кровь. И вот я распускаю нюни с одним из них! Я открыла ему дверь в свою душу. Я разделила с ним нечто более дорогое, чем свое тело.

Сэмми. Все это я делаю ради него. Хороший ответ, только сложноват. Правда проще.

– Ты сказал, что проиграл в споре о том, как поступить с человеческой заразой. А ты что предлагал?

– Сосуществование. – Эван разговаривает со мной, но обращается к звездам над нами. – Нас не так уж много, Кэсси. Всего несколько сот тысяч. Мы можем загрузиться в ваше сознание и жить новой жизнью. И никто никогда об этом не узнает. Не многие согласились с таким решением. Большинство посчитало, что притворяться людьми – это ниже нашего достоинства. И есть опасность вскоре стать такими же, как вы.

– А кому-то хотелось превратиться в человека?

– Мне – нет, – признается Эван и добавляет: – Пока я не стал человеком.

– Это когда... когда ты «проснулся» в Эване?

Он качает головой и просто, как будто это самый очевидный ответ, говорит:

– Когда я проснулся в тебе, Кэсси. Я не был до конца человеком, пока не увидел себя в твоих глазах.

После этих слов в его настоящих человеческих глазах появляются настоящие человеческие слезы. Наступает моя очередь утешить его. Моя очередь увидеть себя в его глазах.

Кто-то может сказать, что я не первая упала в объятия врага.

Но я человек, а кто Эван? Человек и иной. И то и то. Ни то ни другое. Любовь ко мне дала ему свободу.

Но Эван смотрит на это иначе. Он сдается.

– Я сделаю все, что ты скажешь, Кэсси, – говорит Эван; от слез его глаза блестят ярче, чем звезды. – Я понимаю, почему ты приняла такое решение. Если ты пойдешь в лагерь, я тоже пойду, и тысяча глушителей меня не остановит.

Он с такой страстью шепчет эти слова мне на ухо, словно делится самой большой тайной во всем мире. Возможно, это и есть самая большая тайна во всем мире.

– Это безнадежно. Это глупо. Это самоубийство. Но любовь – оружие, против которого они бессильны. Они знают, как ты думаешь, но они не знают, как ты чувствуешь.

«Не мы. Они».

Эван переступил через порог, а он не дурак. Он понимает, что обратной дороги не будет.

73

В наш последний день перед расставанием мы спим под эстакадой, как двое бездомных; впрочем, мы и есть бездомные. Один спит, другой на посту. Когда наступает моя очередь караулить, Эван без всяких колебаний возвращает мне оружие и мгновенно засыпает. Его не волнует, что я могу убежать или пустить ему пулю в висок. А впрочем, поди угадай, что его волнует, а что нет. Иные думают не так, как мы, вот в чем наша проблема. Вот почему я с самого начала поверила Эвану, а он знал, что поверю. Глушители убивают людей; Эван не стал меня убивать. Следовательно, Эван не может быть глушителем. Понимаете? Это логика. Хм, человеческая логика.

В сумерках мы доедаем съестные припасы, потом поднимаемся по насыпи и укрываемся в лесу у обочины тридцать пятого шоссе. Эван говорит, что автобусы курсируют только по ночам и услышать их приближение будет просто – звук мотора разносится на мили, потому что других звуков здесь просто нет. Сначала появится свет фар, потом рычание двигателей, а потом автобусы промчатся мимо, как большие желтые гоночные машины. Шоссе давно очистили, так что скорость движения не ограничена. Эван не знает, остановятся они или нет. Может, задержатся лишь на минуту, чтобы кто-нибудь из охраны смог пустить пулю мне в лоб. А может, вообще не появятся.

– Ты говорил, в лагерь до сих пор свозят детей, – напоминаю я. – Почему автобусы могут не появиться?

Эван отвечает, а сам наблюдает за шоссе:

– Однажды «спасенные» в лагере поймут, что их обманывают, или выжившие за забором догадаются. Когда это произойдет, база будет закрыта, – Эван кашляет, – или та ее часть, где производится очистка.

– Что значит – закрыта?

– Так же, как был закрыт ваш лагерь беженцев.

Я обдумываю услышанное и тоже смотрю на шоссе.

– Хорошо, – говорю наконец, – тогда будем надеяться, что Вош еще не выдернул вилку из розетки.

Я беру пригоршню земли вперемешку с веточками и сухими листьями и размазываю все это по лицу. Следующую пригоршню втираю в волосы. Эван молча наблюдает.

– Теперь можешь настучать мне по голове, – говорю я. – Или вырубить меня и пойти в одиночку.

От меня пахнет землей, и я почему-то вспоминаю о том, как папа стоял на коленях в клумбе рядом с белой простыней.

Эван вскакивает на ноги. Секунду мне кажется, что он здорово обиделся: вот сейчас возьмет и правда настучит мне по голове. Вместо этого он обхватывает себя руками, как будто пытается согреться. А может, так он сдерживается от рукоприкладства.

– Это самоубийство, – решительно говорит он. – Мы оба так думаем, поэтому один из нас может об этом сказать. Пойду я – самоубийство, пойдешь ты – тоже. Мертвые или живые, мы проиграли.

Я достаю из-за пояса пистолет и кладу на землю у ног Эвана. Потом – М-16.

– Сохрани для меня, – говорю ему. – Когда вернусь, мне это понадобится. И кстати, кто-то ведь должен это сказать: ты глупо выглядишь в детских штанишках.

Я поддвигаю к себе рюкзак и достаю мишку. Его пачкать не обязательно, он и так потрепан дальше некуда.

– Ты хоть слышала, что я сказал? – резко спрашивает Эван.

– Проблема в том, что ты сам себя не слышишь, – отвечаю я. – Попасть на базу можно только одним способом – так, как попал туда Сэмми. Поэтому я иду одна, а ты помолчи. Скажешь что-нибудь – получишь оплеуху.

Я поднимаюсь на ноги, и в этот момент происходит нечто странное. Когда я выпрямляюсь, Эван как будто становится меньше.

– Я вытащу оттуда младшего брата, и есть только один способ сделать это.

Эван смотрит на меня и кивает. Он был во мне. Там не было места, где заканчивался он и начиналась я. Он знает, что я ему скажу: «Я сделаю это одна».

74

Звезды. Они как яркие булавки над пустынным шоссе.

На шоссе девчонка. У девчонки лицо перепачкано в земле, а в спутанных волосах застряли веточки и сухие листья. Она стоит под звездами на пустынном шоссе и прижимает к груди потрепанного плюшевого мишку.

Сначала рычат двигатели, а потом темноту пронзают лучи фар. Свет все ярче, как будто в ночи рождаются две сверхновые звезды. Фары освещают девчонку, надвигаются на нее, но она не убегает и не прячется. Она дала обещание и должна его выполнить.

Водитель давно меня заметил, у него хватает времени остановиться. Скрипят тормоза, с шипением открывается дверь, и на асфальт спускается солдат. У него пистолет, но он в меня не целится. Я стою в свете фар, солдат смотрит на меня, я смотрю на солдата.

У него на руке белая повязка с красным крестом. На мундире именная нашивка – Паркер. Я помню это имя. Сердце стучит чуть быстрее. Вдруг он меня узнает? По идее, я давно мертва.

Как меня зовут? Лизбет. Я не ранена? Нет. Я одна? Да.

Паркер не спеша обходит вокруг меня. Он не замечает охотника, который наблюдает за этой сценкой из леса. Охотник держит Паркера на прицеле. Естественно, что Паркер этого не видит, потому что охотник в лесу – глушитель.

Паркер берет меня за руку и помогает подняться в автобус. Половина мест свободна. Пассажиры в основном дети. – Есть и взрослые, но они не имеют значения. Значение имеют только Паркер, водитель и солдат с нашивкой «Хадсон». Я усаживаюсь на заднее сиденье рядом с запасным выходом. На это же место забрался Сэмми, когда прижимал к стеклу ладошку и смотрел, как я уменьшаюсь в размерах, пока меня не поглотила поднявшаяся над дорогой пыль.

Паркер дает мне пакетик с мятым мармеладом и бутылку с водой. Я не хочу ни есть, ни пить, но все равно ем и пью. – Мармелад лежал у солдата в кармане, он теплый и липкий, – как бы меня не стошнило.

Автобус набирает скорость. У передней двери кто-то плачет. К плачу прибавляется шорох шин по асфальту, гудение двигателя и свист холодного ветра, задувающего в приоткрытые окна.

Паркер возвращается с серебристым диском в руке. Он прикладывает диск к моему лбу и говорит: это чтобы измерить температуру. Штуковина светится красным светом. Паркер заявляет, что я в порядке. Он спрашивает, как зовут моего мишку.

Я отвечаю, что Сэмми.

На горизонте появляется свет. Паркер говорит мне, что это лагерь «Приют». Там абсолютно безопасно. Больше не надо прятаться. Не надо убегать. Я киваю – я в безопасности.

Свет становится ярче, он просачивается сквозь ветровое стекло, а потом заливает весь автобус. Мы подъезжаем к воротам, громко звенит звонок, и створки разъезжаются. На сторожевой вышке маячит часовая.

Автобус останавливается возле ангара. В салон забирается толстый мужчина, он прыгучий, как все толстяки. Его зовут майор Боб. Он говорит, что нам не следует бояться. Мы в полной безопасности. Надо усвоить всего два правила. Первое: запомнить свой цвет. Второе: слушать и слушаться.

Я становлюсь в хвост своей группы, и мы идем следом за Паркером к боковой двери в ангар. Паркер хлопает Лизбет по плечу и желает ей удачи.

Я нахожу красный круг и сажусь на пол. Кругом солдаты. Но большинство солдат – дети, некоторые не намного старше Сэма. У них у всех монокуляр, и они все очень серьезные, особенно те, кто помладше. Самые маленькие – самые серьезные.

«Детями легко манипулировать. Их можно убедить в чем угодно, от них можно добиться каких угодно действий, – объяснял мне Эван на инструктаже перед операцией. – При правильной подготовке нет ничего опаснее, чем десятилетний солдат».

Мой номер Т-62. «Т» значит Терминатор. Ха-ха.

Нас вызывают по номерам через динамики.

– Шестьдесят второй! Тэ шестьдесят два, пожалуйста, пройдите к красной двери! Номер шестьдесят два!

«Первая остановка – душевая комната».

За красной дверью меня встречает худая женщина в зеленом врачебном халате и брюках. Вся одежда, включая нижнее белье, отправляется в корзину с крышкой. Здесь любят детей, но не любят вшей и клещей. Вот душ, вот мыло. После душа надо надеть белый халат и дожидаться, когда позвонят.

Я сажаю мишку возле стены и голая становлюсь на холодный кафельный пол. Вода чуть теплая. У мыла резкий медицинский запах. Когда надеваю хлопчатобумажный халат, кожа у меня еще мокрая. Ткань липнет к телу и становится почти прозрачной. Я подбираю мишку и жду.

«Дальше предварительный отбор. Очень много вопросов. Вопросы будут часто повторяться. Это чтобы проверить твою историю. Сохраняй спокойствие. Сосредоточься».

Прохожу в следующую дверь. Забираюсь на смотровой стол. Новая медсестра. Эта толще и грубее первой. Она почти на меня не смотрит. Наверное, с тех пор как глушители захватили базу, она повидала тысячи таких, как я.

Мое полное имя? Элизабет Саманта Морган.

Сколько мне лет? Двенадцать.

Откуда я? Есть ли братья и сестры? Кто-нибудь из моих родственников еще жив? Где я побывала, после того как ушла из дома? Что случилось с моей ногой? Как меня подстрелили? Кто меня подстрелил? Знаю ли я, где укрываются другие выжившие? Как звали моих братьев и сестер? Как звали моих родителей? Как звали мою лучшую подругу? А теперь надо еще раз рассказать, что случилось с моей семьей.

Когда все это заканчивается, толстая медсестра хлопает меня по коленке и говорит, что мне нечего бояться. Я в полной безопасности.

Прижимаю мишку к груди и киваю.

В полной безопасности.

«Следующая остановка – физический осмотр. Потом имплантат. Надрез очень маленький. Она, скорее всего, заклеит его медицинским клеем».

Женщина, которая представилась как доктор Пэм, такая милая, что я невольно испытываю к ней симпатию. Доктор моей мечты – добрая, ласковая, терпеливая. Она не торопится, не кидается на меня и не начинает прямо с порога вставлять имплантат. Сначала

она разговаривает. Хочет, чтобы я знала обо всем, что она собирается делать. Доктор Пэм показывает имплантат. Он как чип для домашних животных, только лучше! Теперь, если со мной что-нибудь случится, эти славные люди будут знать, где меня искать.

– Как зовут твоего плюшевого мишку?

– Сэмми.

– Ничего, если Сэмми посидит вот на этом стуле, пока мы будем вставлять имплантат?

Я переворачиваюсь на живот. Это глупо, но меня почему-то волнует то, что она может увидеть сквозь халат мой зад. Я напрягаюсь в ожидании, когда она всадит иглу.

«Как только прибор окажется внутри тебя, он активируется и подключится к „Стране чудес“. С его помощью можно проследить за тобой или убить тебя».

Доктор Пэм спрашивает, что случилось с моей ногой. Какие-то плохие люди стреляли в меня. Здесь ничего подобного не произойдет, уверяет доктор Пэм. В лагере «Приют» нет плохих людей. Я в полной безопасности.

Имплантат вставлен. Такое чувство, будто мне на шею повесили камень весом двадцать фунтов. Пришло время последнего теста, говорит доктор Пэм. Это программа, захваченная у врага.

«Они называют ее „Страной чудес“».

Я хватаю со стула мишку и иду за доктором Пэм. Белые стены. Белый пол. Белый потолок. Белое кресло, как в кабинете у дантиста. Ремни на подлокотниках и на подставке для ног. Клавиатура и монитор. Доктор говорит, чтобы я села в кресло, а сама подходит к компьютеру.

– А что делает «Страна чудес»? – спрашиваю я.

– Ну, Лизбет, это сложновато, но если в двух словах, то она сделает виртуальную карту твоих когнитивных функций.

– Карту мозгов?

– Да, что-то вроде этого. Садись в кресло, милая. Это не займет много времени, и я обещаю, что больно не будет.

Я сажусь и прижимаю мишку к груди.

– О, нет, лапочка, Сэмми не может сидеть с тобой в этом кресле.

– Почему?

– Давай я его посажу вот тут, рядом с компьютером.

Я с недоверием смотрю на доктора, но она улыбается в ответ. Доктор Пэм такая добрая. Следует ей доверять, ведь она мне поверила.

Я протягиваю мишку, но так сильно нервничаю, что он выскальзывает из рук. Хочу поднять, но доктор Пэм говорит, чтобы я сидела спокойно, она сама поднимет мишку. А потом она наклоняется.

Я хватаю ее за голову двумя руками и бью о подлокотник. Удар такой сильный, что у меня запястья горят от боли. Доктор Пэм падает, я ее оглушила, но она еще в сознании. К тому моменту, когда ее колени касаются пола, я прыгиваю с кресла и захожу ей за спину. В плане был удар карате по горлу, но она стоит на коленях спиной ко мне, так что приходится импровизировать. Я хватаю с подлокотника ремень и дважды оборачиваю его вокруг шеи доктора Пэм. Она поднимает руки, но уже слишком поздно. Я упираюсь ногой в кресло и тяну за концы ремня.

Секунды в ожидании, когда она потеряет сознание, – самые долгие секунды в моей жизни.

Доктор Пэм перестает сопротивляться, я сразу отпускаю ремень, и она падает ничком на пол. Я проверяю пульс.

«Я знаю, искушение будет велико, но ты не можешь убить ее. Все, кто работает на базе, подключены к системе слежения, которая находится в командном центре. Если ты ее убьешь, там начнется ад кромешный».

Я переворачиваю доктора Пэм на спину. У нее из носа течет кровь. Видно, сломала. Я завожу руку себе за голову. – Это самая противная часть, но выброс адреналина сделал свое дело. Я в эйфории – пока все идет отлично. Я смогу, у меня получится.

Срываю пластырь с шеи и растягиваю надрез за края. Когда он открывается, у меня возникает ощущение, будто в рану вставили горящую спичку. Сейчас быгодились пинцет и зеркало, но у меня их нет, поэтому выковыриваю приборчик ногтем. Получается лучше, чем я ожидала. После трех попыток штуковина застревает под ногтем, и я ее вытаскиваю целой и невредимой.

«Загрузка начинается через девяносто секунд. Таким образом, у тебя будет три, может, четыре минуты. Не больше пяти».

Сколько минут прошло? Две? Три? Я сажусь на колени рядом с доктором Пэм и засовываю имплантат как можно глубже ей в нос. Фу, гадость!

«Нет, ты не можешь поместить прибор ей в рот. Он должен находиться как можно ближе к мозгу. Мне жаль, но это так».

Тебе жаль, Эван?

Мой указательный палец в крови, моя кровь смешалась с кровью доктора Пэм.

Я подхожу к клавиатуре. Теперь действительно становится жутко.

«Номера Сэмми ты не знаешь, но можно попробовать перекрестные ссылки с его именем. Не подойдет один вариант, попробуй другой. Там должна быть функция поиска».

Кровь тонкой струйкой стекает по шее и дальше между лопаток. Меня трясет, и это мешает печатать, в результате я только со второй попытки правильно набираю в мигающем синем окне слово «поиск».

«Введите номер».

Ну вот, теперь нужен номер!

Ключ – Салливан.

«Ошибка ввода данных».

Я разрываюсь между желанием швырнуть монитор через всю комнату и запинать доктора Пэм до смерти. Ни то ни другое не поможет мне найти Сэма, но оба варианта наверняка принесут облегчение. Я нажимаю на кнопку «Выход». Всплывает синее окно, я печатаю «поиск по имени».

Слова исчезают. Исчезают в «Стране чудес». Синее окошко мигает и снова становится чистым.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать. У меня кончается время.

«Если не сможешь найти его в системе, переходим к плану „Б“».

Мне не нравится план «Б». Мне нравится план «А». По плану «А» на карте сразу выскакивает место, где держат Сэмми, и я бегу прямо к нему. По плану «А» все просто и чисто. По плану «Б» – сложно и грязно.

Еще одна попытка. Пять секунд погоды не сделают.

Я набираю «Салливан».

На дисплее появляются помехи, потом на сером фоне неистово скачут цифры, они заполняют весь экран, как будто я дала команду оценить достоинства числа «Пи». В панике стучу наугад по клавишам, но ряды цифр продолжают свой бег по дисплею. Пять минут заканчиваются. План «Б» – дерьмо, но все-таки план.

Я ныряю в соседнюю комнату и нахожу там белые комбинезоны. Хватаю один с полки и сдуру пытаюсь натянуть, не сняв халат. Потом рычу от отчаяния и срываю халат. На секунду я остаюсь голая, и в эту секунду в дверь у меня за спиной может ворваться целая толпа глушителей. Так всегда бывает, когда действуешь по плану «Б». Комбинезон великоват, но лучше пусть будет велик, чем мал. Быстро застегиваю молнию и возвращаюсь в комнату «Страны чудес».

«Если не сможешь найти его в главном интерфейсе, есть вариант, что у врача где-то при себе портативный прибор. Они действуют по общему принципу, но ты должна быть очень

осторожна. Одна функция у прибора – локатор, другая – дистанционный активатор взрывателя. Нажмешь не на ту кнопку и уже никогда не найдешь Сэмми, ты его убьешь».

Когда я врываюсь обратно в комнату, доктор Пэм уже сидит, в одной руке она держит мишку, а в другой серебристый предмет, похожий на мобильный телефон.

Как я уже говорила, план «Б» – полное дерьмо.

75

Шея доктора Пэм в том месте, где я душила, стала ярко-красной. Лицо перепачкано в крови. Но руки у нее не дрожат и в глазах уже нет былой теплоты. Большой палец доктора Пэм висит над зеленой кнопкой под дисплеем с номерами.

– Не нажимайте, я ничего вам не сделаю. – Присаживаюсь на корточки и показываю ей пустые ладони. – Серьезно, вы же на самом деле не хотите нажимать на эту кнопку.

Она нажимает.

Резко откинув голову назад, она валится на спину. Ноги пару раз дергаются... Все, доктора Пэм больше нет.

Я поскорее вырываю мишку из мертвых пальцев и бегу обратно в комнату с комбинезонами, а оттуда в коридор. Эван не удосужился рассказать о том, сколько времени проходит с момента включения сирены до того, как охрана поднимется по тревоге, база закроется, нарушитель будет пойман и умрет под пытками. Думаю, это не займет много времени.

Бестолковый план «Б». Ненавижу его. Вот только мы с Эваном не придумали план «В».

«Сэмми будет в группе, где ребята старше его, так что я уверен: искать надо в казармах вокруг плаца».

Казармы вокруг плаца. Где это может быть? Может, спросить кого-нибудь из местных? Я-то знаю только один путь из этого здания – тот, по которому я сюда пришла: мимо мертвого тела, дальше старая толстая медсестра, потом молодая худая, и напрямик в объятия майора Боба.

В конце коридора вижу лифт с единственной кнопкой – кнопкой вызова. Экспресс в один конец, пункт назначения – подземный комплекс. Эван говорил, что там Сэмми и другим «новобранцам» показывали искусственные существа, «прикрепленные» к настоящему мозгу человека. Повсюду камеры слежения. Везде снуют глушители.

Из этого коридора только два выхода: дверь, откуда я вышла, и дверь справа от лифта.

Ну, эту задачку головоломной не назовешь.

Бросаюсь во вторую дверь и оказываюсь на лестнице. Как и в случае с лифтом, тут путь только в одном направлении – вниз.

Я медлю полсекунды. Тихо, лестница маленькая, но это хорошо, – она не опасно маленькая, а уютно маленькая. Может, мне стоит посидеть здесь какое-то время? Обнять мишку и пососать большой палец.

Я заставляю себя спуститься на пять пролетов, до самого конца. Ступеньки металлические, босиком идти холодно. Жду, что вот-вот завоет сирена, затопают тяжелые ботинки и со всех сторон по мне откроют шквальный огонь из автоматического оружия. Я думаю о том, как Эван уничтожил четырех вооруженных до зубов и натренированных убийц возле лагеря беженцев. И почему я решила отправиться в логово льва в одиночку, ведь можно было иметь на своей стороне глушителя?

Ну, я не совсем одна. Со мной мишка.

Я прикладываю ухо к двери на нижнем этаже, но слышу только стук собственного сердца. Делаю глубокий вдох и берусь за дверную ручку.

Дверь распахивается наружу и прижимает меня к стене, и лишь после этого я слышу топот тяжелых ботинок. Дверь начинает закрываться, я хватаюсь за ручку и удерживаю дверь перед собой, пока те, кто бежит вверх, не исчезают за первым поворотом лестницы.

В коридор выскакиваю до того, как дверь успевает закрыться. Свет от вращающихся под потолком красных лампочек бросает мою тень на белые стены, стирает и снова бросает. Направо или налево? Я тут немного заблудилась, но думаю, ангар с красными кругами на полу находится справа. Бегу в этом направлении, потом останавливаюсь. Где после сигнала тревоги у меня больше шансов найти основные силы глушителей? Наверняка они сосредоточились у главных ворот базы.

Я разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и врезаюсь в грудь очень высокого мужчины с голубыми глазами.

В лагере беженцев я так и не увидела его глаза, они скрывались под похожим на голову насекомого противогазом.

Но я помню голос.

Низкий, не терпящий возражений голос, от которого никуда не спрячешься.

– Привет, овечка, – говорит Вош. – Ты, должно быть, заплутала.

76

Подполковник берет меня за плечо. Хватка у Воша такая же уверенная и жесткая, как его голос.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он. – Кто командир твоей группы?

Я трясую головой, у меня на глазах выступают слезы, и они не поддельные. Думать надо быстро. Моя первая мысль: Эван был прав, действовать в одиночку – самоубийство, и не важно, сколько запасных вариантов мы могли бы придумать. Если бы только Эван был здесь...

Если бы Эван был здесь!

– Он убил ее! – восклицаю я. – Тот человек убил доктора Пэм!

– Какой человек? Кто убил доктора Пэм?

Я мотаю головой, таращу глаза и прижимаю к груди своего потрепанного плюшевого мишку. Из-за спины Воша появляется еще одна группа солдат, он толкает меня к ним:

– Заприте ее и поднимайтесь вверх. У нас нарушитель.

Меня тащат по коридору к ближайшей двери, заталкивают в темную комнату и запирают на замок. Включается свет. Первое, что я вижу, – перепуганная девчонка в белом комбинезоне с плюшевым мишкой в руках. Даже вскрикиваю от неожиданности.

Под зеркалом длинная стойка с монитором и клавиатурой.

Это комната казни, описанная Эваном. Здесь показывают новобранцам фальшивых инвазированных.

«Забудь о компьютере. Не надо снова колотить по клавишам. Варианты, Кэсси. Какие у тебя варианты?»

Я знаю, что по другую сторону зеркала есть еще одна комната. В той комнате должна быть хотя бы одна дверь, и эта дверь либо заперта, либо нет. Я знаю, что дверь в моей комнате заперта, так что могу подождать, когда за мной придет Вош, а могу проникнуть через зеркало в соседнюю комнату.

Я поднимаю один из стоящих в комнате стульев, размахиваюсь и бью им по зеркалу. От удара стул вылетает из рук и с оглушающим, как мне кажется, грохотом падает на пол. На зеркале появляется большая царапина, но кроме нее никаких дефектов я не вижу. Подбираю стул, делаю глубокий вдох, опускаю плечи и, когда замахиваюсь стулом, поворачиваю бедра. Этому меня учили на тренировках по карате: сила удара зависит от угла поворота. Целюсь в царапину. Концентрирую всю свою энергию в одной точке.

Стул бьет о зеркало, я теряю равновесие и падаю на зад. При падении клацаю зубами, да так сильно, что прикусываю язык. Рот заполняется кровью, я сплевываю и бью девчонку в зеркале кулаком в нос.

Я тяжело дышу и снова поднимаю стул. Забыла прием, которому меня научили на тренировках: боевой клич. «Ийа!» Смейтесь сколько хотите, но это действительно концентрирует силу удара.

Третий и последний удар разбивает зеркало. Я по инерции лечу вперед и натыкаюсь на стойку, которая мне по пояс. Мои ноги отрываются от пола, а стул влетает в соседнюю комнату. Теперь я вижу еще одно кресло дантиста, модуль с процессорами, провода на полу и очередную дверь.

«Господи, умоляю, пусть она будет открыта!»

Я подбираю мишку и пролезаю в пробоину. Представляю, какое будет лицо у Воша, когда он вернется и увидит изувеченное зеркало. Дверь по другую сторону не заперта. Она ведет в коридор из белых шлакоблоков, с дверями без табличек. Так, опять варианты. Но я не иду в этот коридор. Я топчусь на пороге. Передо мной неизвестно куда ведущий путь. За мной путь уже пройденный. Они увидят разбитое зеркало. Они поймут, куда я направилась. Как далеко я смогу уйти от них? Во рту опять скапливается кровь, заставляю себя проглотить ее. Ни к чему облегчать им работу.

И без того уже облегчила – забыла подпереть стулом дверь в первой комнате. Стул их, конечно, не остановит, но добавит несколько драгоценных секунд в мою копилку.

«Кэсси, если что-то идет не так, не заморачивайся. У тебя сильные инстинкты, доверься им. Обдумывать каждый ход хорошо в шахматах, но это не шахматы».

Бросаюсь обратно через комнату казни и ныряю в разбитое зеркало. Я неправильно рассчитала ширину стойки, в результате совершаю кувырок, приземляюсь на спину и сильно ударяюсь затылком об пол. Секунду у меня перед глазами вспыхивают красные искры, потом я вижу потолок, а под потолком металлические трубы. Ту же систему труб я видела в коридорах.

«Кэсси, это же чертова вентиляция бомбоубежища!» – говорю я себе.

77

Удираю по-пластунски, боюсь, что кронштейны не выдержат мой вес и в любую секунду целая секция воздуховода обрушится в коридор. На каждом стыке останавливаюсь и прислушиваюсь. Сама не знаю, что хочу услышать. Плач испуганного малыша? Счастливый детский смех? Воздух здесь холодный, он поступает снаружи и проникает под землю. Совсем как я.

Воздух принадлежит этому месту, а я – нет. Как там Эван сказал? «Сэмми будет в группе, где ребята старше его, так что я уверен: искать надо в казармах вокруг плаца».

Спасибо, Эван. Это мой новый план. Я найду ближайшую вентиляционную шахту и выберусь на поверхность. Только когда выберусь, не буду знать, где я и где плац. И естественно, все входы и выходы на базу будут перекрыты. Кругом бегают глушители и дети-солдаты с промытыми мозгами. Все ищут девочку в белом комбинезоне. И не забывай о плюшевом мишке. Пришло время признаний! Почему ты настояла на том, чтобы взять с собой этого проклятого мишку? Сэм бы меня простил. Я не обещала ему принести мишку. Я обещала прийти сама.

При чем здесь этот мишка?

Через каждые несколько футов надо выбирать: направо, налево или прямо? И через каждые несколько футов остановка, чтобы прислушаться и сплюнуть кровь. Капли крови в воздуховоде меня не волнуют, это хлебные крошки, которые покажут мне обратную дорогу. Язык распух и пульсирует в такт сердцу. Это такой язык-таймер, отсчитывает минуты, оставшиеся до того, как я буду обнаружена и доставлена к Вошу, а он прикончит меня, как прикончил папу.

Навстречу быстро движется что-то маленькое и коричневое. Очень быстро, как будто выполняет важное задание. Таракан. Я уже натыкалась на паутину, на кучи пыли и какую-то загадочную липкую дрянь, которая вполне могла оказаться ядовитой плесенью, но это первая

серьезная угроза, с которой я сталкиваюсь в воздуховоде. Пауки, змеи, что угодно, только не тараканы. И вот именно здесь таракан приближается к моему лицу. Живо представив, как он забирается ко мне в комбинезон, я прихлопываю его единственным доступным мне способом. То есть голой рукой. Хрясь!

Продолжаю движение. Впереди появляется слабый зеленоватый свет. Для себя я называю этот оттенок инопланетно-зеленым. Подползаю ближе к решетке, через которую свет проникает в воздуховод. Осторожно заглядываю сверху в комнату, только комната – унизительное название для такого помещения. Это зал в форме чаши размером с футбольный стадион, с рядами компьютеров на «поле». За компьютерами работает больше сотни людей. Только называть их людьми оскорбительно для настоящих людей. – Это они, нелюди Воша, и я понятия не имею, чем они тут заняты, но скорее всего, это и есть центр «очистки». Всю стену занимает огромный экран, на экране карта Земли. Вся карта усыпана яркими зелеными пятнышками, они и есть источник мерзкого зеленоватого света. Я думаю, что это города, а потом понимаю: зеленые точки указывают зоны скопления выживших.

Вошу не надо нас выслеживать. Он точно знает, где мы.

Извиваясь, ползу дальше, пока зеленый свет не превращается в маленькое пятнышко, как точки на карте в центре управления. Через четыре стыка между секциями слышу голоса. Они мужские. А еще я слышу металлический лязг и скрип резиновых подошв по бетону.

«Продолжай движение, Кэсси. Не останавливайся. Твоя цель – Сэмми, а его тут нет».

Потом кто-то из мужчин говорит:

– Сколько их, он сказал?

Второй отвечает:

– Двое как минимум. Девчонка и тот, кто вырубил Уолтера, Пирса и Джексона.

Кто мог вырубить Уолтера, Пирса и Джексона?

Эван. Наверняка это он.

Какого черта? Целую минуту, а может, даже две я дико злюсь на него. Наш единственный шанс заключался в том, что я в одиночку проникну на базу, схвачу Сэма и незаметно выведу его, прежде чем они поймут, что происходит. Конечно, все пошло совсем не так, но Эван же не мог этого предвидеть.

И все-таки. Тот факт, что Эван наплевал на наш отлично продуманный план, помимо всего прочего, говорит о том, что он сейчас здесь.

И делает то, что умеет делать.

Я проползаю над тем местом, откуда звучат голоса, и приближаюсь к очередной решетке. Гляжу вниз и вижу, как два солдата-глушителя загружают круглый предмет в тележку. Сразу понимаю, чем они заняты. Я уже видела такое.

«„Глаз“ о ней позаботится».

Я наблюдаю, пока они не заканчивают погрузку и не выкатывают тележку из поля моего обзора.

«Когда-нибудь наступит момент, когда база окажется демаскирована. Тогда ее закроют... по крайней мере ту ее часть, без которой можно обойтись».

О господи! Вош собирается сделать с лагерем «Приют» то же, что он сделал с лагерем беженцев.

Едва до меня это доходит, включается тревога.

Х. Тысяча путей

Два часа.

Как только ушел Вош, у меня в голове начали тикать часы. Вернее, не часы, а таймер, отсчитывающий время до Армагеддона. Дорога каждая секунда, куда же подевался санитар?

Я уже решаю самостоятельно остановить кровотечение, и тут он наконец появляется. Высокий тощий парень по фамилии Кистнер. Мы уже встречались, когда меня привезли сюда в первый раз. Кистнер то и дело нервно дергает себя за рубаху, как будто у него аллергия на хлопок.

– Он тебе сказал? – тихо спрашивает Кистнер. – У нас «желтый код».

– А что случилось?

Кистнер пожимает плечами:

– Думаешь, мне такое сообщат? Я только надеюсь, что не придется опять лезть в бункер.

Все в госпитале ненавидят учения по воздушной тревоге. Меньше чем за три минуты переместить в подземный комплекс несколько сот пациентов – это кошмар, а не учения.

– Но это лучше, чем оставаться наверху и ждать, когда инопланетяне испепелят нас своим лучом смерти.

Не знаю, может, это идет от головы, но как только Кистнер остановил кровотечение, сразу вернулась боль. Тупая боль в том месте, куда меня ранила Рингер, пульсирует синхронно с сердцем. Я жду, когда прояснится в голове, и рассуждаю, не изменить ли план. Эвакуация в подземный комплекс все упростит. После фиаско с Наггетсом во время его первой воздушной тревоги командование решило собрать всех малышей в детское убежище, которое находится в центре комплекса. Вытащить Наггетса оттуда будет куда легче, чем выискивать его по всем казармам.

Только я не знаю, когда это случится, если это вообще случится. Лучше придерживаться первоначального плана. Тик-так.

Закрываю глаза и стараюсь во всех подробностях представить побег из лагеря. Я делал нечто подобное раньше, когда еще была школа, футбольные матчи по пятницам и толпы болельщиков на трибунах. Тогда мне казалось, что в мире нет ничего важнее победы в чемпионате школьного округа. Визуализирую свой маршрут; вижу, как мяч по дуге летит к прожекторам; защитник держится рядом; главное – не сбавляя шаг повернуть голову и поднять руки. Представить надо не только удачную комбинацию, но и проигрышную: как корректировать маршрут, как дать знак квотербеку, чтобы он спас даун.

Есть тысяча вариантов неудачного развития событий и только один – удачного. Не продумывай заранее всю комбинацию, или две, или три комбинации. Думай об этой, думай о конкретном шаге в данный момент. Делай один правильный шаг и лишь потом следующий.

Мой добрый приятель Кистнер обтирает кого-то влажной губкой через две койки от меня.

– Эй, Кистнер! – зову я его. – Эй, слышишь?

– Чего тебе? – отзывается Кистнер.

Голос недовольный; этот парень не любит, когда его отвлекают от работы.

– Мне надо в сортир.

– Тебе нельзя вставать. Швы могут разойтись.

– Да брось ты, чувак. Вон же туалет, совсем рядом.

– Приказ доктора. Я тебе судно принесу.

Наблюдаю за тем, как он пробирается между койками к подсобке. Меня немного беспокоит, что лекарства еще не выветрились из организма. Вдруг я не смогу встать на ноги?

«Тик-так, Зомби. Тик-так».

Я откидываю одеяло и свешиваю ноги с койки. Это самая трудная часть. Меня забинтовали от груди до пояса. Когда отталкиваюсь от края койки и сажусь, мышцы, разорванные пулей Рингер, напрягаются, и остается только стиснуть зубы.

«Я тебя порезал. Ты в меня выстрелила. Все честно».

«Ну да, и так по нарастающей. Следующий ход за тобой. – Что сделаешь? Сунешь ручную гранату мне в трусы?»

Да уж, картинка во всех смыслах волнующая.

Лекарства еще действуют, но, когда сажусь, в глазах от боли темнеет. Приходится минуту сидеть и ждать, пока пройдет обморочность.

Пункт первый: туалет.

«Не спеши. Иди медленно. Мелкими шажками».

Чувствую, что пижама распахнулась на спине; теперь мой зад засветился на всю палату.

До санузла футов двадцать. По ощущениям – двадцать миль. Если он закрыт или занят, мне крышка.

Не закрыт и не занят. Я затворяю за собой дверь. Раковина, унитаз и душевая кабинка. Шнур со шторкой привинчен к стенам. Поднимаю крышку бачка. Короткая металлическая ручка слива тупая с двух сторон. Держатель туалетной бумаги пластиковый. Здесь оружие искать бесполезно. Но я не собираюсь отступать.

«Давай, Кистнер».

Отрывистый стук в дверь, а потом его голос:

– Эй, ты там?

– Я же говорил, мне надо! – кричу в ответ.

– А я говорил, что принесу тебе судно!

– Не мог больше терпеть!

Дергает дверную ручку.

– Открой дверь!

– Лучше я один! – ору я.

– Я вызываю охрану!

– Хорошо! Хорошо! Как будто я куда-то денусь!

Считаю до десяти, отодвигаю задвижку, возвращаюсь к унитазу, сажусь. Дверь приоткрывается, в щель вижу худое лицо Кистнера.

– Доволен? – ворчу я. – А теперь, пожалуйста, закрой дверь.

Кистнер долго смотрит на меня и дергает свою рубаху.

– Я буду здесь, – обещает он.

– Хорошо, – говорю я.

Дверь закрывается. Теперь, не торопясь, шесть раз до десяти. Минута.

– Эй, Кистнер!

– Чего?

– Мне нужна твоя помощь.

– Поконкретнее.

– Не могу встать со стульчака! Наверное, шов разошелся, чтоб его...

Дверь распахивается. Лицо Кистнера пылает от гнева.

– Я тебе говорил.

Он становится напротив и протягивает руки:

– Давай, хватайся.

– Не мог бы ты сначала закрыть дверь? Я стесняюсь.

Кистнер закрывает дверь. Я беру Кистнера за запястья.

– Готов? – спрашивает он.

– Всегда готов.

Пункт третий: водные процедуры.

Кистнер тянет на себя, я выдвигаю вперед ноги и бью плечом в его чахлую грудь. Кистнер отлетает к стене. Я разворачиваю его, сам становлюсь у него за спиной и заламываю ему руку. В результате Кистнер опускается на колени прямо перед унитазом. Я хватаю его за волосы и окунаю лицом в воду. Кистнер, оказывается, сильнее, чем выглядит. Или это я слабее, чем мне казалось. Проходит вечность, прежде чем он вырубается.

Я отпускаю Кистнера и делаю шаг назад. Он медленно заваливается на пол. Обувь, штаны. Сажаю Кистнера вертикально, чтобы стянуть рубашку. Она мне будет мала, штаны слишком длинные, ботинки слишком тесные. Срываю с себя пижаму и бросаю в душевую кабинку. Переодеваюсь в форму Кистнера. С ботинками приходится повозиться. Слишком

малы. Пока я их натягиваю, дикая боль пронзает бок. Я вижу на бинтах пятно крови. Не хватало, чтобы кровь проступила на рубашке.

«Тысяча путей. Сосредоточься на одном».

Затаскиваю Кистнера в душевую кабинку и задергиваю шторку. Сколько он пробудет без сознания? Не важно. Продолжай движение. Не думай наперед.

Пункт второй: имплантат.

У двери останавливаюсь. Вдруг кто-нибудь видел, как Кистнер заходил в туалет? А теперь увидит, как выйду я в его одежде?

«Тогда тебе конец. Но не стоит умирать просто так. Умри в борьбе».

До операционного блока дорога длиной с футбольное поле. Надо пройти мимо коек, мимо спящих по палате санитаров, медсестер и докторов. Иду к операционной со всей возможной скоростью, рана сбивает с шага, но это не имеет значения. Я знаю, что Вош держит меня под наблюдением; скоро ему станет интересно, почему я не возвращаюсь на свою койку.

Прохожу через дверь-вертушку и оказываюсь в предоперационной. Доктор с усталым лицом намыливает до локтя руки. Наверное, это хирург. Когда я вхожу, он вздрагивает и недовольно спрашивает:

– Что ты здесь делаешь?

– У нас кончились перчатки.

Хирург кивает в сторону шкафов у противоположной стены.

– Ты хромаешь, – замечает он. – Поранился?

– Потянул мышцу, пока тащил одного толстяка до туалета.

Доктор смывает зеленое мыло с рук.

– Надо было дать ему судно.

Коробка с перчатками из латекса, хирургические маски, антисептические тампоны, рулоны липкой ленты. Черт, ну где же, где же?

Затылком чувствую его дыхание.

– Коробка с перчатками прямо перед тобой, – говорит доктор и удивленно смотрит на меня.

– Извините, – говорю я. – Мало спал в последнее время.

– Нашел кому жаловаться!

Доктор смеется и пихает локтем прямо в раненый бок. У меня все плывет перед глазами. Сжимаю зубы, чтобы не закричать.

Хирург быстро проходит через внутреннюю дверь в операционную. Я распахиываю дверцы всех шкафов, перерываю каждую полку, но того, что мне надо, там нет. Кружится голова, я запыхался, бок болит нещадно. Сколько Кистнер пробудет без сознания? Скоро ли кто-то захочет в туалет и найдет его там?

На полу рядом со шкафами стоит корзина, на корзине наклейка: «Опасный мусор – работать в перчатках». Отбрасываю крышку. Бинго! Вот он лежит с окровавленными тампонами, использованными шприцами и отбракованными катетерами.

Так, на скальпеле засохшая кровь. Наверное, его бы не мешало стерилизовать антисептическими салфетками или промыть в раковине, но времени нет, а грязный скальпель – последнее, из-за чего стоит беспокоиться.

«Обопрись на раковину и успокойся. Нашупай имплантат под кожей, потом нажми... резать не надо, дави туда тупым грязным скальпелем. Дави, пока шрам не откроется».

Пункт пятый: Наггетс.

Очень молодой доктор спешит к лифтам в конце коридора. На нем белый лабораторный халат и хирургическая маска. Доктор прихрамывает на левую ногу. Если распахнете халат, то увидите на зеленой рубашке бурое пятно. Если оттяните вниз воротник, увидите на шее

наспех прилепленный пластырь. Но если вы попытаетесь сделать то или другое, этот очень молодой доктор вас убьет.

Лифт. Пока кабина спускается, закрываю глаза. Дорога до плаца займет десять минут. Если только кто-нибудь случайно не оставил у выхода гольфмобиль. Дальше самое сложное. В казармах расквартировано больше пятидесяти групп. Надо будет отыскать там Наггетса и тихо, чтобы никого не разбудить, вывести из казармы. Таким образом, на поиски и похищение у меня полчаса. Еще минут десять на то, чтобы незаметно проскользнуть в ангар, где высаживают людей из автобусов. С этого места начинается серия практически невыполнимых шагов. Первый: спрятаться в пустом автобусе. Второй: обезвредить солдат и водителя, после того как автобус окажется за воротами лагеря. Затем надо будет решить, где, когда и как избавиться от автобуса, чтобы пешком дойти до места встречи с Рингер.

«Что, если автобуса не будет и тебе придется ждать? Где ты собираешься прятаться?»

«Не знаю».

«Когда вы заберетесь в автобус, сколько ты будешь выжидать? Тридцать минут? Час?»

«Не знаю».

«Ты не знаешь? Хорошо, тогда вот что знаю я, Зомби: это займет слишком много времени. Кто-то обязательно поднимет тревогу».

Она права: это слишком долго. Надо было убить Кистнера, как предусматривалось планом.

Пункт четвертый: убить Кистнера.

Но Кистнер не из инопланетян. Он просто мальчишка. Как Танк, как Умпа, как Кремень. Кистнер не хотел этой войны, и он не знает правду о ней. Может, если бы я рассказал правду, он бы не поверил, но я не дал ему такого шанса.

Ты мягкотелый. Следовало убить его. Нельзя полагаться на удачу и принимать желаемое за действительное. Будущее человечества за жесткими ребятами.

Поэтому, когда двери лифта плавно открываются в главном холле, я мысленно даю обещание Наггетсу. Я не обещал этого своей сестре, чей медальон он сейчас носит на шее.

«Если между нами кто-нибудь встанет, я его убью».

И в ту секунду, когда я даю это обещание, что-то во Вселенной решает мне ответить – сигнал воздушной тревоги берет такую высокую ноту, что у меня чуть не лопаются барабанные перепонки.

Отлично! Удача наконец-то на моей стороне. Кросс через лагерь отменяется. Не надо прокрадываться в казармы и искать там Наггетса, как иголку в стоге сена. Не надо бежать к автобусам. Вместо этого надо просто спуститься по лестнице в подземный комплекс. Там меня ждет организованный хаос. Я выловлю Наггетса в детском убежище. Мы подождем сигнал отмены тревоги, а потом дойдет дело до автобусов.

Все просто.

Я на полпути к лестнице, и тут пустой холл заполняется тошнотворным зеленым светом. Флуоресцентные лампы под потолком выключены, это стандартная процедура во время воздушной тревоги, так что свет идет не изнутри, он просачивается откуда-то с парковки.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть. Не следовало этого делать.

Сквозь стеклянные двери замечаю, как через парковку к взлетному полю едет гольфмобиль. А потом вижу источник зеленого света. Он у главного входа в госпиталь. Круглый, раза в два больше, чем футбольный мяч. Напоминает глаз. Я смотрю на него, он смотрит на меня.

«Глаз» мигает.

Частота мигания увеличивается.

Начинается пульсация.

XI. Бескрайнее море

Сирена воеет так громко, что я чувствую, как на затылке подрагивают волосы.

Я устремляюсь обратно к главной вентиляционной системе, подальше от оружейного склада, но почти сразу останавливаюсь.

«Кэсси, это же оружейный склад».

Возвращаюсь к решетке и целых три минуты высматриваю внизу какое-нибудь движение. Сирена так бьет по ушам, что трудно сосредоточиться. Спасибо, подполковник Вош.

– Черт с тобой, мишка, – говорю я, еле ворочая разбухшим языком. – Мы спускаемся.

С криком «Ийа!» бью голой пяткой по решетке. Та отскакивает с одного удара. Когда я бросила ходить на тренировки, мама спросила: почему? Я сказала, что карате меня больше не заводит. «Не заводит» – это мой способ сказать, что мне скучно. Жаловаться на скуку при маме нельзя, сразу получишь в руки тряпку.

Спрыгиваю из воздуховода в комнату. Ну, это не комната, скорее склад средних размеров. Здесь есть все, что может понадобиться инопланетным захватчикам для поддержания работы лагеря смерти. Вдоль стены уютно устроились в специальных гнездышках «глаза». Их тут несколько сотен. Вдоль стены напротив – бесконечные ряды винтовок, гранатометов и другого оружия, я даже не представляю, как им пользоваться. А здесь оружие поменьше: самозарядные винтовки, гранаты и боевые ножи. А вот тут у нас гардероб: мундиры для всех существующих званий всех родов войск. К форме прилагаются ремни, ботинки и даже поясные сумки армейского образца.

И я – как ребенок в кондитерской.

Первым делом избавляюсь от комбинезона. Потом выбираю форму самого маленького размера и надеваю ее. Потом – ботинки.

Пришло время вооружиться. «Люгер» с полной обоймой. Пара гранат. М-16? Почему бы и нет? Собираешься играть роль, изволь соответствовать. Кладу в поясную сумку несколько запасных обойм. О, а это что? У меня на ремне есть даже кобура для зловещего вида ножа с лезвием в десять дюймов.

Рядом со шкафом с пистолетами замечаю деревянный ящик. Заглядываю – там куча серых металлических цилиндров. Что за диво? Какие-нибудь специальные палки-гранаты? Беру один, он полый, на конце резьба. Теперь понимаю.

Глушитель.

И он отлично подходит к стволу моей М-16.

Заправляю волосы под кепи. Головной убор велик, жаль, что здесь нет зеркала. Надеюсь сойти за новобранца, хотя я больше похожа на младшую сестренку солдата Джейн, решившую поиграть в переодевание.

Теперь надо решить, что делать с мишкой. Отыскиваю нечто похожее на кожаный ранец и, запихнув туда игрушку, надеваю на плечи. К этому моменту я уже не обращаю внимания на сирену. Я испытываю воодушевление. Мне не только удалось немного повысить свои шансы; я знаю, что Эван здесь, а он сделает все для моего спасения или умрет.

Возвращаюсь к вентиляции. Уходить по воздуховодам, это при том, что мой вес увеличился фунтов на двадцать, или рискнуть и пойти коридорами? Какой смысл маскироваться, если все равно собираешься прятаться? Я поворачиваюсь к двери, и в эту секунду сирена замолкает, наступает тишина.

Мне это не кажется хорошим знаком.

А еще до меня доходит, что оставаться поблизости от склада, в котором полно зеленых бомб, – не самая лучшая идея. Одна такая способна выжечь квадратную милю земли, а дюжину ее близняшек уже переправили наверх.

Я ретируюсь к двери, и, прежде чем успеваю выйти, первый «глаз» оживает. Вся комната вибрирует. Остаются считанные футы, и тут начинается прощально подмигивать

следующий «глаз». Этот, наверное, ближе, потому что с потолка густо сыплется пыль, а труба воздуховода в противоположном конце комнаты срывается с кронштейнов.

«О Вош, дорогуша, ты близок к цели».

Я выскакиваю за дверь. Нет времени разведывать обстановку. Надо бежать от оставшихся на складе «глаз», и чем дальше, тем лучше. Бегу под вращающимися красными лампочками, поворачиваю наугад, стараюсь не думать, полагаюсь на инстинкты и удачу.

Еще один взрыв. Стены дрожат. Сыплется пыль. Слышно, как наверху рушатся здания; после этих взрывов от них не останется ни гвоздика. А здесь, внизу, кричат от ужаса дети.

Я иду на крики.

Иногда сворачиваю не туда, и крики стихают, тогда я возвращаюсь и выбираю другой поворот. Это лабиринт, а я в нем лабораторная мышь.

Грохот наверху прекращается, по крайней мере на время, и я перехожу с бега на быстрый шаг. Так я и продвигаюсь: коридор, затихающие крики, возвращение, еще коридор – еще попытка. И все время крепко держу винтовку в руках.

Майор Боб громоподобным голосом говорит в мегафон, его голос отражают стены, он слышен отовсюду и ниоткуда.

– Внимание, я хочу, чтобы вы сидели рядом с командиром вашей группы! Сидите тихо и слушайте, что я вам говорю! Оставайтесь с вашим командиром!

Поворачиваю за очередной угол. Прямо на меня бежит толпа солдат. В основном это подростки. Я прижимаюсь к стене, а они проносятся мимо, даже не взглянув на меня. А с чего им обращать на меня внимание? Я всего лишь новобранец, который идет к своим, чтобы вступить в бой с ордами инопланетян.

Солдаты сворачивают за угол, а я продолжаю движение. За следующим поворотом уже отчетливее слышу, как дети хнычут и переговариваются, несмотря на строгие указания майора Боба.

Уже скоро, Сэм. Я рядом.

Вдруг резкий окрик за спиной:

– Стоять!

Голос взрослого человека. Я замираю. Выпрямляю плечи. Стою смирно.

– Твоя боевая задача, солдат? Солдат, я к тебе обращаюсь!

– Охрана детей, сэр! – Я стараюсь, чтобы голос звучал как можно ниже.

– Кругом! В глаза глядеть, солдат.

Я вздыхаю. Поворачиваюсь. Ему чуть за двадцать, типичный американский парень, вполне симпатичный. В армейских знаках различия я не разбираюсь, но думаю, что он офицер.

«Для надежности не принимай за человека любого, кто старше восемнадцати. В руководстве лагеря, конечно, могут быть и взрослые люди, но, зная Воша, я бы не стал на это рассчитывать. Встретишь взрослого и тем более офицера, не трать время на догадки, это наверняка будет инопланетянин».

– Твой личный номер, солдат! – рявкает офицер.

Номер? Я говорю первое, что приходит в голову:

– Тэ шестьдесят два, сэр!

Офицер озадаченно смотрит на меня и переспрашивает:

– Тэ шестьдесят два? Ты уверен?

– Так точно, сэр!

«Так точно, сэр?» О боже, Кэсси!

– Почему ты не со своей группой?

Он не ждет ответа, что хорошо, поскольку я ничего не могу придумать. Офицер делает шаг вперед и оглядывает меня с головы до ног. Я понимаю, что одета не по уставу. Офицеру явно не нравится то, что он видит перед собой.

– Где нашивка с именем, солдат? И почему у тебя глушитель присоединен? А это что такое?

Он хватается за ранец с мишкой.

Я отступаю. Ранец открывается, и я сдаюсь:

– Это плюшевый мишка, сэр.

– Что?

Он смотрит на меня сверху вниз, и, когда включается лампочка, что-то мелькает в его глазах. Он понимает, кто перед ним. Его правая рука тянется к кобуре с пистолетом, вот это действительно глупо, ведь все, что ему надо было сделать, это ударить меня кулаком по темечку. Поднимаю винтовку по дуге, глушитель замирает в дюйме от лица симпатичного офицера, и я нажимаю на спусковой крючок.

«Ну что же ты натворила, Кэсси. Это был твой единственный шанс, и ты его упустила».

Оставлять офицера там, где он упал, нельзя. Кровь в такой суматохе могут и не заметить, благо в свете красных ламп она почти не видна, а вот тело обнаружат точно. И что мне с ним делать?

Я почти у цели, и я не позволю, чтобы какой-то мертвец встал на моем пути. Хватаю его за щиколотки и волоку в примыкающий коридор, затаскиваю за угол и там бросаю. Офицер оказался тяжелее, чем я ожидала. Задерживаюсь только для того, чтобы поправить штаны, и снова бегу вперед. Теперь, если кто-то остановит меня по пути к детскому убежищу, я навру с три короба, чтобы снова не убивать. Убью, только если не будет другого выхода. А потом убью еще раз.

Эван был прав: с каждым разом это делать все легче.

Убежище битком набито детьми. Их здесь не одна сотня. Все одеты в одинаковые белые комбинезоны. Они сидят группами. Это большое помещение, как школьный спортзал. Дети немного успокоились. Может, позвать Сэмми по имени или попросить у майора мегафон? Пробираюсь через комнату и по пути высоко поднимаю ноги, чтобы не отдавить маленькую конечность.

Так много лиц. Они начинают сливаться у меня перед глазами. Комната расширяется, выпростывается за стены, у нее больше нет границ, она превращается в бескрайнее море обращенных кверху детских мордашек. Господи, какие же сволочи инопланетяне, что же они, твари, наделали! В лесу, в своей палатке, я оплакивала глупую никчемную жизнь, которую у меня отняли. А теперь я прошу прощения у этого бескрайнего моря детских лиц.

Брожу, как зомби, по убежищу, и вдруг кто-то тоненьким голосом зовет меня по имени. Зов идет со стороны группы детей, мимо которых я только что прошла. Замираю. Даже не оборачиваюсь. Закрываю глаза и заставляю себя повернуться – не получается.

– Кэсси?

Я опускаю голову. У меня перехватывает дыхание, как будто в горле застрял комок размером с Техас. И я поворачиваюсь.

В глазах брата нечто близкое к ужасу. Как будто к нему подкрадывается призрак покойной сестры, облаченный в военную форму. Иные явно превысили лимит жестокости по отношению к этому малышу.

Я опускаюсь на колени напротив брата. Сэмми не бросается меня обнимать. Он не отрываясь смотрит мне в лицо и прикасается к дорожкам от слез на моих щеках, проводит пальцами по носу, лбу, легонько трогает вздрагивающие веки.

– Кэсси?

Теперь все хорошо? Верить или нет? Если мир нарушил миллион и одно обещание, почему не может быть нарушено миллион второе?

– Привет, Сэмс.

Он чуть вскидывает голову. У меня язык распух – наверное, голос звучит странновато. Вожусь с застежками рюкзака.

– Вот, подумала, может, ты не прочь получить его обратно.

Я достаю из рюкзака старого потрепанного плюшевого мишку и подаю брату. Сэмми хмурится и трясет головой, он даже не протягивает руку к любимцу.

У меня ощущение, как от сильнейшего удара в живот.

А малыш выхватывает у меня мишку и утыкается лицом мне в грудь. За запахами пота и мыла я чувствую это, я чувствую его запах, запах Сэмми, моего младшего брата.

XII. Пропущенный пункт

81

Зеленый шар смотрел на меня, а я смотрел на него. Не помню, что сорвало меня с тонкой грани между миганием этого «глаза» и тем, что было после.

Первое, что вспоминается? Я бегу.

Холл. Лестница. Подвальный уровень. Первая лестничная площадка. Вторая лестничная площадка.

Когда я прыгаю на третью, взрывная волна, как стенобитная баба, бьет меня в спину и заносит в дверь, которая ведет в бомбоубежище.

Госпиталь надо мной кричит, словно его разрывают на части. Да, именно таким был этот звук, так вопит живое существо, когда его рвут на куски. Жуткий треск штукатурки и разлетающегося на осколки кирпича, визг гвоздей и звон двухсот разбитых окон. Пол горбится и рвется пополам. Я ныряю в проход со стенами из железобетона, и в этот момент здание надо мной разрушается до основания.

Лампы вспыхивают всего один раз, и коридор погружается в темноту. Я никогда не был в этой части комплекса, но мне не нужны люминесцентные стрелки на стенах, чтобы найти дорогу в безопасную комнату. Надо просто идти на крики детей.

Но сначала не помешает встать.

Из-за падения у меня разошлись швы, теперь кровь течет из двух дырок, из входного и выходного отверстия пулевой раны. Из всех сил пытаюсь встать на ноги, но они не держат. Я встаю только наполовину и опять падаю. Кружится голова, не хватает воздуха.

Второй взрыв прибывает меня к полу. Успеваю проползти всего несколько дюймов, и тут налетает третья взрывная волна. Черт! Вош, чем ты там занят?

«Если будет поздно, нам придется прибегнуть к последнему средству».

Что ж, кажется, эта загадка разгадана. Вош взрывает свою собственную базу. Сжигает деревню ради ее же спасения. Но от кого ее нужно спасти?

А может быть, Вош тут и ни при чем вовсе? Может быть, мы с Рингер ошибаемся? Может быть, я напрасно рискую своей жизнью и жизнью Наггетса? Лагерь «Приют» – это именно то, о чем говорил Вош, а значит, Рингер пошла к инвазированным, как к своим? И теперь она мертва? Рингер и Дамбо, и Кекс, и маленькая Чашка? Господи, я снова это сделал? Сбежал, когда должен был остаться? Повернулся спиной, когда должен был принять бой?

Следующий взрыв хуже предыдущих. Он прямо у меня над головой. Я закрываю ее руками, а сверху сыплются куски бетона размером с мой кулак. Контузия, лекарства, кровопотеря, темнота вокруг... все это не дает мне сдвинуться с места. Я слышу чей-то далекий крик, а потом понимаю, что это кричу я.

Ты должен встать. Ты должен встать. Ты должен выполнить обещание. Ты дал слово Сисси...

Нет. Не Сисси. Сисси умерла. Ты оставил ее, жалкий мешок с вонючей блевотиной.

Черт, это больно. Боль ран, которые кровоточат сейчас, и боль старой раны, которая никогда не заживет.

Сисси здесь, со мной.

Я вижу в темноте, как ее рука тянется ко мне.

Я здесь, Сисси. Возьми меня за руку.

Я тянусь к ней в темноте.

82

Сисси исчезает, я снова один.

В ту минуту, когда уже нельзя убежать от прошлого. Когда необходимо обернуться и встретиться лицом к лицу с тем, с чем ты боялся встретиться раньше...

В ту минуту, когда перед тобой два пути: сдаться или встать. А такая минута всегда наступает, и если ты не можешь встать, но и сдаться тоже не можешь, я подскажу тебе, что делать.

Ползи.

На животе поползаю до пересечения с главным коридором, который идет вдоль всего комплекса. Надо отдохнуть. Две минуты, не больше. Вспыхивают лампочки воздушной тревоги. Теперь понятно, где я. Слева вентиляционная шахта, которая ведет прямо в командный центр и детское бомбоубежище.

Тик-так. Мой двухминутный перерыв закончился. Держась за стену, встаю и чуть не теряю сознание от боли. Даже если удастся найти Наггетса до того, как меня схватят, как я в таком состоянии смогу вывести его отсюда?

К тому же я сильно сомневаюсь в том, что наверху найдется автобус. Если честно, я сомневаюсь, что найду там лагерь. Когда разыщу Наггетса – если разыщу, – куда мы с ним пойдём?

Опираясь о стену, плетусь по коридору. Слышу, как впереди, в убежище, кто-то орет на детей. Он приказывает успокоиться и сидеть на месте, уверяет, что все будет хорошо, им совершенно нечего бояться.

Тик-так. Возле последнего поворота мельком смотрю налево – там у стены лежит человек.

Мертвый человек.

Еще теплый. В форме лейтенанта. Полголовы снесено пулей крупного калибра. Стреляли с близкого расстояния.

Это не новобранец. Один из инопланетян. Кто-то здесь их раскусил? Возможно.

А может, этого парня убил какой-нибудь перевозбужденный рекрут. Принял его за гада и пальнул.

«Хватит принимать желаемое за действительное».

Я перекладываю из кобуры мертвого лейтенанта в карман своего халата пистолет. Потом надеваю на лицо хирургическую маску.

«Доктор Зомби, срочно пройдите в детское убежище!»

Вот оно, это убежище, прямо передо мной. Еще несколько метров, и я там.

«Я сделал это, Наггетс! Я здесь. Только и ты будь здесь».

Наггетс словно услышал мои мысли. Он идет навстречу, а в руках у него, хотите верьте, хотите нет, плюшевый медведь.

Только Наггетс не один. С ним кто-то еще. Новобранец, примерно того же возраста, что и Дамбо, в мешковатой форме и надвинутом на глаза кепи. Новобранец держит в руках М-16, на стволе штатный глушитель.

Нет времени все это обдумывать. На попытку обмануть новобранца уйдет слишком много времени, да и не намерен я больше полагаться на удачу. Пришло время быть жестким.

Потому что это последняя война и в ней выживут только жесткие ребята.

Потому что я пропустил один этап в моем плане. Этот этап – Кистнер.

Я опускаю руку в карман халата. Я заполняю пропуск. Нет, еще нет. Меня покачивает из-за ранения. Я должен уложить его первым выстрелом.

Да, он ребенок.

Да, он ни в чем не виноват.

И да, ему конец.

XIII. Черная дыра

Я готова вдыхать сладкий запах моего Сэмми вечность, но не могу. Здесь повсюду солдаты, и некоторые из них – глушителю. Ну, или не подростки, так что можно с уверенностью считать их глушителями. Я подвожу Сэмми к стене, так, чтобы между нами и ближайшим охранником оказалась группа детей.

– Ты как, порядке? – шепотом спрашиваю я и пригибаюсь пониже.

Сэмми кивает:

– Я знал, что ты придешь, Кэсси.

– Я же обещала, верно?

У Сэмми на шее медальон в форме сердечка. Что за черт? – Я трогаю медальон, а Сэмми немного от меня отстраняется.

– Почему ты так одета? – спрашивает он.

– Потом объясню.

– Ты теперь солдат, да? Ты в которой группе?

Группе?

– Ни в которой, – отвечаю ему. – Я сама себе группа.

Сэмми хмурится:

– Ты не можешь быть сама себе группа.

Сейчас действительно не время устраивать разборку насчет каких-то групп. Я оглядываюсь по сторонам и говорю:

– Сэмми, мы уходим отсюда.

– Я знаю. Майор Боб говорит, что мы полетим на большом самолете. – Сэмми кивает в сторону майора и хочет ему помахать, но я успеваю остановить малыша.

– На большом самолете? Когда?

Сэмми пожимает плечами.

– Скоро. – Он берет мишку и осматривает со всех сторон. – У него ухо порвано, – с укором говорит Сэмми, как будто я не справилась с домашним заданием.

– Сегодня? – спрашиваю я. – Сэм, это важно. Вы улетаете сегодня вечером?

– Так сказал майор Боб. Он сказал, что они вакулируют всех неважных.

– Вакулируют? А, понятно. Они эвакуируют детей.

Столько информации, что у меня голова идет кругом. Это путь на свободу? Просто сядем на борт самолета с другими детьми и сбегим после приземления... Только где мы приземлимся? Черт, и зачем я избавилась от комбинезона? Но даже если бы я его не выкинула и смогла пробраться на самолет, этого все равно не было в плане.

«Где-то на базе есть капсулы, скорее всего они рядом с командным центром или с жилищем Воша. В основном капсулы одноместные, они запрограммированы, чтобы переправить пассажира в безопасное место, подальше от базы. Не спрашивай куда. Капсулы – это ваш реальный шанс. Это неземные технологии, но я объясню, как управлять таким устройством. И сделаю это исключительно на случай, если тебе удастся найти капсулу, если вы вдвоем сумеете в нее залезть и если вас до того не схватят».

Слишком много «если». Может, лучше я вырублю кого-нибудь из детей и заберу у него комбинезон?

– А ты давно здесь? – спрашивает меня Сэмми.

Наверное, подозревает, что я не очень хотела с ним встречаться, потому что не уследила за ухом мишки.

– Дольше, чем рассчитывала, – бормочу под нос, и эта фраза решает все.

Мы не останемся здесь ни на минуту дольше, чем потребуется, и не сядем в самолет, летящий в «Приют-2». Я не поменяю один лагерь смерти на другой.

Сэмми играет с порванным ухом любимца. Вообще-то это не первое ранение. Мама зашила столько дырок, поставила столько заплаток, что я и счет потеряла. У мишки больше

швов, чем у чудовища Франкенштейна. Я наклоняюсь ближе к Сэмми, чтобы привлечь его внимание, и в этот момент он поднимает голову и спрашивает:

– А где папа?

Шевелю губами, но слова не получаются. Я даже не думала, что надо сказать ему об этом... не думала о том, как ему об этом сказать.

– Папа? Он...

«Кэсси, только не усложняй».

Я не хочу, чтобы Сэмми расклеился в момент подготовки к побегу, поэтому даю папе еще немного пожить.

– Он ждет нас в лагере беженцев.

Нижняя губа Сэмми подрагивает.

– Папа не здесь?

– Папа занят. – Я хочу, чтобы Сэмми замолчал, и из-за этого чувствую себя последним дерьмом. – Поэтому он послал меня сюда. Чтобы я тебя забрала. Вот это я сейчас и делаю: забираю тебя отсюда.

Я тяну Сэмми за плечи, чтобы встал, а он упрямится:

– А как же самолет?

– Ты демобилизован, пошли.

Сэмми озадаченно смотрит на меня: «Демобилизован?»

Я хватаю его за руку и тащу к тоннелю. Иду прямо, с высоко поднятой головой, потому что идти крадучись, как Шегги и Скуби-Ду, – лучший способ привлечь внимание. Я даже покрикиваю на некоторых ребятишек, чтобы дали пройти. Если кто-нибудь попытается нас остановить, я не стану стрелять. Объясню, что малыш заболел и я веду его к врачу, иначе он сам облюется и облюет других. Вот если мне не поверят, тогда и устрою пальбу.

А потом мы оказываемся в тоннеле, и в это трудно поверить – навстречу идет врач. Половина его лица закрыта хирургической маской. Когда он нас замечает, у него округляются глаза. Вот здесь и выясним, насколько хороша моя легенда. Иными словами, если он нас остановит, я его пристрелю. Мы сближаемся, и я вижу, как доктор будто случайно опускает руку в карман халата. У меня в голове включается тревога – такая же сработала в круглосуточном магазине, когда я стояла за пивными холодильниками, а потом всадила всю обойму в солдата с распятием.

На принятие решения у меня половина от половины секунды.

Первое правило последней войны – не доверяй никому.

Я опускаю ствол с глушителем на уровень его груди, он достает руку из кармана.

В руке пистолет.

Но у меня штурмовая винтовка М-16.

Как долго длится половина от половины секунды?

Оказывается, достаточно для того, чтобы маленький мальчик, который не знаком с первым правилом последней войны, успел прыгнуть между пистолетом и винтовкой.

– Сэмми! – кричу я и убираю палец со спускового крючка.

Мой братик встает на цыпочки, его пальцы дотягиваются до лица доктора и срывают хирургическую маску.

Какое счастье, что я не могу увидеть в этот момент выражение на своей собственной физиономии.

Лицо у него не такое, как запомнившееся мне. Худое, бледное. Глаза провалились, и взгляд у парня застывший, как будто он болен или ранен, но я узнаю эти глаза. Я знаю, чье лицо было спрятано под маской, просто не могу это переварить.

Здесь, в этом месте. Спустя тысячу лет и в миллионе миль от школы имени Джорджа Бернарда. Здесь, в брюхе зверя, на дне мира, прямо передо мной стоит...

Бенджамин Томас Пэриш.

Кассиопея Мэри Салливан испытывает крутейший ОВТ¹³: она видит себя, ту, которая смотрит на него. Последний раз она видела Бена в школьном спортзале, после отключения электричества, – вернее, видела только его затылок. Когда же потом рисовала его в своем воображении, рациональная часть ее сознания твердила, что Бен Пэриш погиб, как и все остальные.

– Зомби! – кричит Сэмми. – Я знал, что это ты.

«Зомби?»

– Куда ты его ведешь? – спрашивает меня Бен.

Я не помню, чтобы у него был такой низкий голос. Или меня память подводит, или он специально говорит басом, чтобы казаться старше?

– Зомби, это Кэсси, – с упреком говорит ему Сэмми. – Понимаешь, это Кэсси.

– Кэсси? – переспрашивает Бен, как будто никогда не слышал моего имени.

– Зомби? – переспрашиваю я, потому что никогда раньше не слышала этого прозвища.

Я срываю с головы кепи, надеясь, что так ему будет легче меня узнать, но почти сразу жалею об этом. Забыла, в каком состоянии мои волосы.

– Мы учились в одной школе. – Я торопливо расчесываю пятерней свои укороченные кудри. – Я сидела за тобой на химии.

Бен трясет головой, как будто хочет сбросить с лица паутину.

– Я же тебе говорил, что она придет, – продолжает Сэмми.

– Помолчи, Сэм, – строго требую я.

– Сэм? – переспрашивает Бен.

– Кэсси, меня теперь зовут Наггетс, – информирует Сэм.

– Охотно верю, – говорю я и поворачиваюсь к Бену: – Ты знаком с моим братом?

Бен с опаской кивает. Я все еще не могу понять, почему он так себя ведет. Конечно, не жду, что он бросится меня обнимать или хотя бы вспомнит, где я сидела на химии, но у него какой-то напряженный голос и он все еще держит пистолет.

– А почему ты оделся как доктор? – спрашивает его Сэмми.

Бен как доктор, я как солдат. Мы как два ребенка, решившие поиграть в переодевание. Ненастоящий доктор и ненастоящий солдат прикидывают, не вышибить ли друг другу мозги.

Первые секунды нашей с Беном Пэришом встречи были, как бы это сказать, очень странными.

– Я пришел забрать тебя отсюда, – говорит Бен Сэмми, но продолжает смотреть на меня.

Сэмми поворачивается ко мне. Разве я не с той же целью, что и Бен, сюда явилась? Теперь малыш по-настоящему запутался.

– Никуда ты моего брата не заберешь, – говорю я.

– Это все обман, Вош один из них, – торопится сказать Бен. – Они используют нас, чтобы уничтожить тех, кому удалось выжить. Они хотят, чтобы мы убивали друг друга...

– Знаю, – перебиваю я его. – А как ты об этом узнал? – И почему решил забрать Сэма?

Бен явно не ожидал, что я такотреагирую на его сногшибательную новость. А потом до меня доходит. Он думает, что мне промыли мозги, как всем остальным ребятам в этом лагере. Это так глупо, что я даже смеюсь. И пока смеюсь как идиотка, до меня доходит кое-что еще: у Бена тоже мозги не промыты.

А значит, ему можно доверять.

Я, конечно, не могу читать его мысли, но, когда начала смеяться, они, наверное, потекли вот в таком направлении: «Почему эта стриженная под горшок девчонка ржет? Потому, что моя информация кажется ей очевидной, или потому, что она считает это бредом?»

Сэмми выступает в роли посредника на переговорах.

– Я знаю, что делать, – говорит он. – Мы пойдем вместе!

– Ты представляешь, как отсюда выбраться? – спрашиваю я Бена.

13 ОВТ – опыт вне тела (в парапсихологии: когда астральное тело человека покидает его физическое тело и может наблюдать за ним со стороны; например, в состоянии клинической смерти).

Сэмми гораздо доверчивей, чем я, но его идея, в общем, неплохая. Поиск летающих капсул – если они существуют в природе – всегда был слабым местом в моем плане.

Бен кивает:

– А ты?

– Я знаю маршрут... только не знаю, как на него выйти.

– Не знаешь, как выйти на маршрут? Ладно.

Бен улыбается. Выглядит он хреново, но улыбка осталась прежней. Она освещает тоннель, как лампочка в тысячу ватт.

– Я знаю дорогу, по которой можно выйти на маршрут.

Бен опускает пистолет в карман и протягивает мне руку:

– Пойдем вместе.

А я спрашиваю себя: взяла бы эту руку, если бы она принадлежала кому-то другому?

84

Сэмми первым замечает кровь.

– Ерунда, – ворчит Бен.

Судя по его лицу, это не ерунда. Судя по его лицу, это совсем не ерунда.

– Наггетс, это длинная история, – говорит Бен. – Я тебе потом расскажу.

– Куда мы идем? – спрашиваю я.

Куда бы мы ни шли, не похоже, что дойдем быстро. Бен бредет по лабиринту коридоров, как настоящий зомби. Лицо, которое я помню, никуда не делось, просто оно потускнело... Вернее, не потускнело, а, наоборот, обрело большую четкость. Как будто кто-то убрал все лишнее и оставил только необходимое, чтобы показать саму сущность Бена.

– В двух словах? К черту отсюда. После этого справа будет тоннель. Он приведет к вентиляционной шахте, по которой мы сможем...

– Стой! – Я хватаю Бена за руку. Так обалдела, когда его увидела, что совсем забыла о главном. – Имплантат Сэмми.

Бен секунду смотрит на меня, а потом невесело так смеется.

– Я совсем забыл.

– Что забыл? – спрашивает Сэмми.

Я опускаюсь на колено и беру брата за руку. Мы уже прошли несколько коридоров от детского убежища, но усиленный мегафоном голос майора Боба все еще слышен в тоннелях.

– Сэмс, мы должны сделать кое-что очень важное. Там, откуда мы ушли, люди не те, за кого себя выдают.

– А кто они? – шепотом спрашивает Сэмми.

– Они плохие, Сэм. Они очень плохие.

– Гады, – вставляет Бен. – Доктор Пэм, солдаты, комендант... даже комендант. Они все инвазированные. Они обманывали нас, Наггетс.

У Сэмми глаза становятся как блюдца.

– И комендант?

– И комендант тоже, – отвечает Бен. – Поэтому мы уйдем отсюда, а потом встретимся с Рингер. Она нас ждет. – Бен замечает, что я удивленно подняла брови. – Это не настоящее имя.

– Да неужели?

Зомби, Наггетс, Рингер. Это, наверное, какие-то военные штучки.

Я снова поворачиваюсь к Сэму:

– Они обманывали вас, Сэмми. Все, что говорили, неправда. – Я отпускаю его руку, дотрагиваюсь до шеи и нащупываю бугорок. – Вот эта вещичка, которую засунули тебе под кожу, тоже обман. Ее используют, чтобы следить за тобой, но еще это может тебя убить.

Бен садится на корточки рядом со мной и говорит:

– Поэтому мы должны вытащить эту штуку, Наггетс.

Сэм кивает, пухлая нижняя губа дрожит, на глаза навернулись слезы.

– Х-хорошо...

– Только тебе нужно посидеть очень тихо, – предупреждаю я. – Нельзя плакать, кричать и вертеться. Сможешь?

Сэмми снова кивает, его слезы каплют мне на руку. Я встаю, и мы с Беном отходим в сторонку, чтобы посоветоваться перед операцией.

– Попробуем вот этим.

Я достаю боевой нож с десятидюймовым лезвием, который предусмотрительно не стала показывать Сэмми.

У Бена брови лезут на лоб.

– Как скажешь. – Он достает из кармана халата скальпель. – Правда, я хотел воспользоваться вот этим.

– Гм... пожалуй, так будет лучше.

– Сама сделаешь?

– Я должна, он мой брат.

Но если честно, при мысли, что я буду резать скальпелем шею Сэмми, мне становится не по себе.

– Давай я, – предлагает Бен. – Ты его поддержишь, а я выну имплантат.

– Так это не маскировка? Ты выучился на врача в инопланетном университете?

Бен мрачно улыбается:

– Держи его крепче, чтобы я важное что-нибудь не задел.

Мы возвращаемся к Сэму. Он пересел к стене, молчит, прижав мишку к груди, и в страхе смотрит то на меня, то на Бена.

– Если причинишь ему вред, Бен Пэриш, – предупреждаю шепотом, – я воткну этот нож тебе в сердце.

Бен изумленно глядит на меня:

– Я бы никогда не причинил ему вред.

Притягиваю Сэма к себе и переворачиваю на живот так, чтобы его подбородок упирался мне в бедро. Бен становится на колени. Я смотрю на руку, в которой он держит скальпель. Рука дрожит.

– Я в порядке, – шепотом говорит Бен. – Правда, все нормально. Не давай ему двигаться.

– Кэсси!.. – пищит Сэмми.

– Тихо-тихо. Лежи спокойно, он все сделает быстро. – И я добавляю, обращаясь к Бену: – Правда, постарайся не затягивать.

Я двумя руками держу Сэмми за голову. Рука со скальпелем замирает над его шеей.

– Эй, Наггетс, – говорит Бен. – Ты не против, если я сначала верну свой медальон?

Сэмми кивает, Бен расстегивает замочек и вытягивает цепочку с медальоном.

– Это твой? – удивленно спрашиваю я.

– Сестры.

Бен убирает медальон в карман. По тому, как он это сказал, я понимаю, что его сестра умерла.

Я отворачиваюсь. Всего полчаса назад я практически в упор застрелила человека, а сейчас не могу смотреть, как делается малюсенький надрез на коже. При этом Сэмми вздрагивает и, чтобы не закричать, кусает меня за ногу. Сильно кусает. Я сама еле сдерживаюсь, чтобы не дернуться и не взвизгнуть. Если пошевелюсь, рука Бена может дрогнуть.

– Скорее, – подгоняю его писклявым голосом.

– Готово!

Имплантат прилип к указательному пальцу Бена.

– Избавься от него.

Бен стряхивает имплантат и быстро заклепывает пластырем место пореза. Он подготовился. А я пришла с боевым ножом.

– Сэм, все закончилось, – со стоном говорю я. – Можно больше не грызть мою ногу.

– Кэсси, мне было больно!

– Знаю, знаю. – Я поднимаю на ноги Сэма и крепко его обнимаю. – И ты вел себя как настоящий мужчина.

– Да, – серьезно говорит Сэм.

Бен протягивает мне руку и помогает встать. Его пальцы липкие от крови моего брата. Он опускает скальпель в карман, и в его руке снова появляется пистолет.

– Давайте поторопимся, – спокойно говорит Бен, как будто мы можем опоздать на автобус.

Возвращаемся в главный коридор. Сэмми не отстает от меня ни на шаг. В тоннеле звучит топот десятка бегущих людей, а потом я слышу знакомый голос:

– Опаздываешь, Бен. Я ждал, что ты появишься раньше.

Низкий голос. И твердый как сталь.

85

Я теряю Сэмми во второй раз. Солдат-глушитель уводит моего брата обратно в безопасную комнату. Наверное, его эвакуируют вместе с остальными детьми. Второй глушитель отводит меня и Бена в комнату казни. В комнату с зеркалом и кнопкой. В комнату, где убивают током ни в чем не повинных людей. В комнату лжи и крови. Подходит любое из определений.

– Знаете, почему мы победим в этой войне? – спрашивает Вош после того, как дверь за нами закрывается. – Знаете, почему мы не можем проиграть? Потому что нам известно, как вы думаете. Мы наблюдали за вами шесть тысяч лет. Мы наблюдали за вами, когда вы строили пирамиды в египетской пустыне, когда Цезарь сжигал библиотеку в Александрии, когда вы распинали того еврейского крестьянина. Когда Колумб ступил на землю Нового Света... Когда вы воевали за освобождение своих соплеменников от рабства... Когда научились расщеплять атом... Когда впервые отважились выйти за пределы своей атмосферы... Что мы делали?

Бен не смотрит на Воша. И я тоже не смотрю. Мы сидим напротив зеркала и глядим прямо перед собой, на свое отражение в разбитом зеркале. В комнате по другую сторону зеркала темно.

– Наблюдали за нами, – говорю я.

Вош сидит за монитором, примерно в одном футе от меня. С другого боку – Бен, а позади нас глушитель очень внушительного телосложения.

– Мы учились видеть ход ваших мыслей. В этом секрет нашей победы. Сержант Пэриш уже знает: чтобы победить, надо понимать, как думает враг. Прибытие нашего корабля-носителя не было началом этой истории, но его прибытие – начало вашего конца. И вот вы здесь, смотрите финальное действие с первого ряда. У вас есть возможность заглянуть в будущее. Желаете узнать, что вас ждет? Хотите увидеть самое дно существования человечества?

Вош нажимает клавишу на клавиатуре. В комнате по ту сторону зеркала включается свет.

Там стоит кресло, за креслом – глушитель, а к креслу пристегнут ремнями мой брат Сэмми. К голове Сэмми прикреплены провода.

– Это и есть ваше будущее, – шепотом говорит Вош. – Животное под названием человек поймано и связано, его смерть на кончиках наших пальцев. Как только выполните задачу, которая вам поручена, мы нажмем кнопку, и ваше никчемное существование на этой планете закончится.

– Вам не обязательно это делать! – кричу я.

Стоящий рядом глушитель кладет руку мне на плечо и давит, но не достаточно сильно, чтобы помешать мне встать со стула.

– Почему нельзя вживить в нас имплантаты и перекачать нашу память в «Страну чудес»? Разве это не все, что вам надо знать? Не обязательно убивать его...

– Кэсси, – спокойно говорит Бен, – они все равно убьют.

– Вам не следует его слушать, девушка, – говорит Вош. – Он слабак. Всегда был слабаком. За несколько часов ты продемонстрировала больше отваги и решимости, чем он за всю свою ничтожную жизнь.

Вош кивает глушителю, и тот опускает меня на стул.

– Я собираюсь тебя скочать, – говорит мне Вош, – а сержанта Пэриша убью. Но ты можешь спасти этого ребенка. Если скажешь, кто помог тебе проникнуть на нашу базу.

– А почему не скажете, чтобы узнать? – спрашиваю я.

А сама думаю: «Эван жив!»

И еще: «А может, и нет».

Эван мог погибнуть при бомбежке, превратиться в прах, как все, что оставалось наверху. Возможно, Вош, как и я, не знает, жив Эван или нет.

Вош пропускает вопрос мимо ушей.

– Потому что тебе кто-то помогает, – продолжает он. – И я подозреваю, этот кто-то не такой, как наш мистер Пэриш. Он – или они – скорее похожи на... ну, скажем так, на меня. Этот кто-то знает, как спрятать твою настоящую память, чтобы обмануть программу «Страна чудес». Мы веками с помощью этой методики скрывали от вас свое присутствие.

Я трясую головой – вообще не понимаю, о чем он. Что за настоящая память?

– Птицы, их можно встретить практически повсюду, – говорит Вош и с рассеянным видом поглаживает кнопку «Ликвидация». – Совы. На первой фазе, когда мы только начали внедряться в вас, мы часто использовали защитную память сов. Их память скрывала нас от беременной матери.

– Ненавижу птиц, – шепотом говорю я.

Вош улыбается.

– Самые полезные представители здешней фауны. Они очень разные, их не считают опасными, они везде, и поэтому их не замечают. Вы в курсе, что птицы произошли от динозавров? Какая ирония. Динозавры уступили место вам, а теперь вы с помощью их потомков расчищаете путь для нас.

– Мне никто не помогает! – кричу я, и лекция Воша обрывается. – Я все сделала сама!

– Неужели? Как же получилось, что в тот момент, когда ты убила доктора Пэм в ангаре номер один, двое часовых были застрелены, еще одного выпотрошили, а четвертого сбросили с его поста на южной сторожевой башне высотой в сотню футов?

– Мне об этом ничего не известно! Я просто пришла забрать брата.

У Воша темнеет лицо.

– Ты же знаешь, что это бесполезно. Все твои надежды, детские мечты о том, что нас можно победить, – полная чушь.

Я открываю рот, и слова сами находят выход:

– Да пошел ты.

Палец Воша бьет по клавише с такой силой, будто он ее ненавидит. Он бьет так, будто у этой клавиши есть лицо, и это человеческое лицо, лицо таракана разумного, а его палец – ботинок.

Не помню, что я сделала сначала, кажется, завопила. Помню, как выскользнула из лап глушителя и бросилась к Вошу, чтобы вырвать его глаза. Но я не возьмусь сказать, что было раньше – мой крик или бросок к Вошу. Бен обхватил меня, чтобы удержать на месте. Это, я знаю, произошло после крика и броска. Бен потянул меня назад, потому что я

сфокусировалась на Воше и на своей ненависти. Я даже не взглянула через разбитое зеркало на брата, но Бен смотрел на монитор и видел слово, выскочившее после того, как Вош ударил по клавише.

«Упс».

Я круто разворачиваюсь в сторону зеркала. Сэмми все еще жив, он ревет в три ручья, но жив. Рядом со мной Вош так быстро встает, что стул летит через всю комнату и ударяется о стену.

– Он влез в компьютер и переписал программу, – рычит подполковник, обращаясь к глушителю. – Теперь вырубит электричество. Держите их здесь. – Потом он приказывает глушителю, который стоит рядом с Сэмми: – Заприте дверь! Пока я не вернусь, отсюда никто не выйдет.

Вош выбегает из комнаты. Щелкает замок. Выхода нет, мы заперты. Хотя... Можно уйти так же, как ушла я, когда меня в первый раз заперли в этой комнате. Бросаю взгляд на решетку в воздуховоде.

«Забудь, Кэсси. Против вас с Беном два глушителя, и Бен ранен. Даже не думай».

Нет. Против глушителей – я, Бен и Эван. Эван жив. А если он жив, значит, мы еще не дошли до конца, история человечества не завершена. Ботинок не раздавил таракана. Пока еще не раздавил.

И в этот момент я вижу, как он падает сквозь решетку. Реальный таракан, только что раздавленный. Я наблюдаю за его медленным полетом, даже вижу, как насекомое подскакивает после удара об пол.

«Хочешь сравнить себя с насекомым?»

Я снова смотрю вверх и вижу тень, она подрагивает, как крылья поденки.

И тогда я шепчу Бену Пэришу:

– Тот, который с Сэмми, – мой.

– Что? – испуганно переспрашивает Бен.

Я бью плечом в живот нашего глушителя. Мой удар застает его врасплох. Он вскидывает руки, чтобы удержать равновесие, и делает шаг назад, под решетку воздуховода. Пуля Эвана попадает в мозг, человеческий на сто процентов, и мгновенно его уничтожает. Пистолет оказывается в моей руке еще до того, как его бывший владелец падает на пол. У меня всего одна попытка. Один выстрел в разбитое мною же зеркало. Если промахнусь, Сэмми конец. Я поворачиваюсь к глушителю, а он поворачивается к Сэмми.

Но у меня был отличный инструктор, самый лучший снайпер в мире; он был лучшим, даже когда нас насчитывалось семь миллиардов.

Это не стрельба по банкам на заборе.

На самом деле это гораздо проще: голова глушителя ближе, и она намного больше банки.

Тело врага еще не упало на пол, а Сэмми уже на полпути ко мне. Я вытягиваю его через дыру в зеркале. Бен смотрит на нас, на мертвого глушителя с нашей стороны, на второго мертвого глушителя по ту сторону, на пистолет у меня в руке. Он не знает, на что смотреть. А я смотрю на решетку воздуховода и кричу:

– Все чисто!

Эван один раз ударяет по стенке воздуховода. Я сначала не понимаю, а потом смеюсь.

«Давай договоримся, как ты будешь стучать, когда тебе захочется меня напугать. Один раз – ты собираешься войти».

– Да, Эван. – Я смеюсь так сильно, что даже живот болит. – Можешь войти.

Я готова уписаться от счастья. Мы живы. Но главное, он здесь.

Эван спрыгивает в комнату и приземляется мягко, как кошка. Я в его объятиях ровно столько, чтобы шепнуть:

– Люблю тебя.

А он гладит меня по волосам, повторяет мое имя и еще говорит:

– Моя поденка.

– Как ты меня нашел? – спрашиваю я.

Он так близок, что кажется, я впервые вижу его ласковые глаза шоколадного цвета, впервые чувствую его сильные руки, и его мягкие губы тоже в первый раз прикасаются к моим губам.

– Легко. Кто-то побывал наверху и оставил для меня кровавый след.

– Кэсси?

Это Сэмми. Он держится ближе к Бену, потому что Бен для него сейчас понятнее, чем Кэсси.

«Что это за парень выпрыгнул из трубы? И что он делает с моей сестрой?»

– Это, наверное, Сэмми, – говорит Эван.

– Да, это Сэмми, – говорю я. – О! А это...

– Бен Пэриш, – говорит Бен.

– Бен Пэриш?

Эван смотрит на меня: «Тот самый?»

– Бен, это Эван Уокер, – говорю я.

У меня горят щеки, я хочу расхохотаться и забиться под стойку одновременно.

– Он твой парень? – спрашивает Сэмми.

Я не знаю, что сказать. Бен, судя по его виду, совсем растерялся, Эвану весело, а Сэмми просто любопытно. Я через многое прошла, но сейчас мне впервые по-настоящему неловко в логове врага.

– Мой школьный друг, – бормочу я.

Эван понимает, что у меня мозги набекрень, и вносит исправление:

– Вообще-то, Сэм, это Бен – школьный друг Кэсси.

– Мы не дружили в школе, – говорит Бен. – Хотя, кажется, я помню лицо... – Тут до него доходит сказанное Эваном. – Откуда ты знаешь, кто я?

– Он не знает! – чуть ли не кричу я.

– Кэсси о тебе рассказывала, – признается Эван.

Я толкаю его локтем в бок, а он вопросительно смотрит на меня.

– Может, позже выясним, кто кого откуда знает, – умоляющим голосом предлагаю Эвану.

– Конечно. – Тот кивает. – Идем отсюда. – Он смотрит на Бена: – Ты ранен?

Бен пожимает плечами:

– Пара швов разошлась. Все нормально.

Я сую пистолет глушителя в свою кобуру, потом понимаю, что Бену тоже нужно оружие, и ныряю в разбитое зеркало за вторым пистолетом. Когда возвращаюсь, парни стоят где стояли и понимающе улыбаются друг другу. Ну, или мне так кажется.

– Чего ждем? – спрашиваю я, и получается грубее, чем хотелось.

Я подтаскиваю стул к телу глушителя и киваю на решетку:

– Эван, показывай дорогу.

– Мы туда не полезем, – говорит Эван.

Он забирает из кармана глушителя карточку-ключ и проводит ею через считывающее устройство замка. Вспыхивает зеленая лампочка.

– Через дверь? – удивляюсь я. – Вот так просто?

– Вот так просто, – подтверждает Эван.

Он первым выходит в коридор, а потом машет нам. Мы покидаем комнату казни, и дверь за нами закрывается. В коридоре зловещая тишина. Кажется, ни души.

– Он сказал, что ты отключишь электричество, – шепчу я Эвану, а сама достаю пистолет.

Эван показывает серебристый прибор, похожий на раскладной мобильник.

– Так я и сделаю. Прямо сейчас.

Он нажимает на кнопку, и коридор погружается в темноту. Я ничего не вижу. Протягиваю руку к Сэмми, но вместо него нахожу Бена. Он крепко хватает меня за руку и не отпускает. Пальчики брата вцепляются в мою штанину, я беру их и продеваю в шлёвку ремня.

– Бен, за меня держись, – тихо командует Эван, – а ты, Кэсси, за Бена. Нам недалеко.

Я ожидаю, что мы будем плестись гуськом в темноте, но старт получается таким быстрым, что мы едва не налетаем друг на друга. Наверное, Эван видит в темноте – у него не счесть подобных талантов. Мы действительно идем недолго и останавливаемся возле двери. Во всяком случае, я думаю, что это дверь, поскольку она не шершавая, как стены из шлакоблоков. Кто-то, скорее всего Эван, толкает эту гладкую поверхность, и нам навстречу устремляется поток свежего холодного воздуха.

– Лестница? – спрашиваю шепотом.

Я ничего не вижу, потеряла всякую ориентацию, но допускаю, что это та самая лестница, по которой сюда спустилась.

– Подниметесь до половины и упретесь в завал, – говорит Эван. – Но сможете через него протиснуться. Осторожнее, там не очень-то легко устоять. Когда выберетесь наверх, идите прямо на север. Вы знаете, в какой стороне север?

– Я знаю, – говорит Бен. – Не то чтобы знаю, но могу определить.

– Что значит «вы»? – спрашиваю я. – Ты разве не с нами?

Его рука прикасается к моей щеке. Я понимаю, что это значит, и отталкиваю кисть.

– Эван, ты идешь с нами.

– Мне тут нужно кое-что сделать.

– Вот именно. – Я ловлю в темноте его руку и крепко сжимаю. – Тебе нужно пойти с нами.

– Я найду тебя, Кэсси. Я ведь всегда тебя нахожу...

– Не надо, Эван. Ты не знаешь наверняка, что найдешь меня.

– Кэсси...

Мне не нравится, как он произносит мое имя. Слишком ласково, слишком печально, слишком похоже на прощание.

– Я ошибался, когда говорил, что был и тем и другим. Так не бывает. Теперь я это понял. Я должен сделать свой выбор.

– Подожди-ка, – вмешивается Бен. – Кэсси, этот парень – один из них?

– Все очень сложно, – отвечаю я. – Обсудим это позже. – Я беру руку Эвана двумя руками и прижимаю его ладонь к своей груди. – Не оставляй меня больше.

– Это ты оставила меня, помнишь?

Эван широко расставляет пальцы, он словно берет мое сердце, принадлежащее теперь ему. Непрístupная крепость взята в честном и открытом бою.

Я сдаюсь. А что остается делать? Приставить пистолет к его голове?

«Он так далеко зашел, – говорю себе. – Он дойдет до конца».

– Почему на север? – спрашиваю я и отталкиваю его руку.

– Не знаю. Но это самый короткий путь в самую дальнюю точку.

– Самую дальнюю от чего?

– От этого места. Подождите, пока взлетит самолет. Как только он взлетит, бегите. Бен, ты как, сможешь бежать?

– Думаю, да.

– Быстро?

– Да, – отвечает Бен очень уверенно.

– Ждите самолет, – шепчет Эван.

Он целует меня в губы, а потом лестница становится пустой без Эвана. Я чувствую затылком горячее дыхание Бена.

– Не понимаю, что здесь происходит, – говорит он. – Кто этот парень? Откуда взялся? И куда направился сейчас?

– Подозреваю, он нашел оружейный склад.

«Кто-то наверху оставил для меня кровавый след».
О, Эван! Теперь понятно, почему ты мне не сказал.
– Он собирается взорвать к чертям весь этот комплекс.

87

Мы не мчимся наверх, к свободе; мы буквально ползем по лестнице. Я впереди, Бен позади, а между нами Сэмми. Здесь столько пыли, что мы очень скоро начинаем кашлять и чихать, да так громко, – будет чудом, если нас не услышат глушители в радиусе двух миль. Вытянув перед собой руку, я комментирую наше продвижение наверх:

– Первая площадка!

Еще через сто лет добираемся до второй. Мы преодолели почти половину пути, но пока не наткнулись на завал, о котором предупреждал Эван.

«Я должен сделать свой выбор».

Теперь, когда он сделал свой выбор, у меня появился десяток аргументов в пользу того, что он должен был пойти с нами. Мой главный аргумент: «У тебя не хватит времени».

От активации «глаза» до взрыва... сколько? Минута или две. Едва хватит, чтобы добежать до двери оружейного склада.

«Хорошо, ты собираешься благородно пожертвовать собой ради нашего спасения. Но тогда не надо говорить: „Я найду тебя“. Ведь это значит, что будет кому найти меня, после того как ты выпустишь из преисподней зеленый огненный шар».

Если только... Может, существует способ взорвать «глаза» на расстоянии? Скажем, с помощью того серебристого устройства...

«Нет. Если бы такое было возможно, он бы пошел с нами. Отвел бы нас в безопасное место, а потом взорвал их».

Проклятье. Каждый раз, когда кажется, что я начинаю понимать Эвана, он ускользает. Я как слепая от рождения, которая пытается представить радугу. Если случится самое худшее, почувствую ли я его гибель, как он почувствовал гибель Лорэн? Будет ли это для меня ударом в сердце?

Мы на полпути к третьей лестничной площадке. Моя рука натывается на камень. Поворачиваюсь к Бену и шепотом говорю:

– Я попробую туда забраться. Наверху должен быть проход в завале.

Отдаю винтовку Бену и хватаюсь обеими руками за обломок стены. Я не очень-то сильна в скалолазании. Ладно, признаюсь: у меня вообще нет опыта в этом деле. Интересно, что получится?

Поднимаюсь всего фута на три, камень под ногой срывается, и я возвращаюсь обратно, по пути хорошенько стукнувшись подбородком.

– Давай, я, – говорит Бен.

– Не дури. Ты ранен.

– Ты попробовала, теперь я попробую.

Естественно, он прав. Я держу Сэмми, а Бен в это время забирается по крутой насыпи из обломков бетона и гнутой арматуры. Слышно, как он рычит, когда подтягивается к очередной зацепке. Что-то капает мне на нос. Кровь.

– Бен, – окликаю я, – ты там в порядке?

– Хм... в порядке – это как?

– В порядке – это значит, что ты не истекаешь кровью.

– Я в порядке.

«Он слабак», – сказал Вош.

Я помню, как Бен ходил по школьным коридорам, хозяин своей вселенной: широкие плечи расправлены, улыбка сражает наповал. Тогда мне и в голову бы не пришло назвать его слабаком. Но Бен Пэриш, которого я когда-то знала, очень отличается от Бена Пэриша, который сейчас взбирается по завалу из обломков бетона и гнутых арматурных прутьев. У

нового Бена глаза раненого зверя. Мне неизвестно, что произошло с ним между тем днем в спортзале и нынешним, но известно, что иные умеют отсеивать слабых от сильных.

Слабых они уничтожили.

Вот она, ошибка в генеральном плане Воша: если нас не убить сразу, те, кто останется, не будут слабаками.

Останутся сильные, те, кого согнули, но не сломали; они как железные прутья, которые отдают свою силу этой бетонной стене.

Наводнения, пожары, землетрясения, болезни, голод, предательство, изоляция, истребление.

То, что нас не убило, закалило нас. Сделало сильнее. Подарило нам опыт выживания.

Ты перековал орала на мечи, Вош. Ты создал нас заново.

Мы глина, а ты Микеланджело.

И мы станем твоим шедевром.

88

Проходит несколько минут, а Бен не спускается, ни медленно, ни быстро.

– Ну что там? – кричу я ему.

– Ну... можно... пролезть... кажется... – очень слабым голосом отзывается он. – Ползти надо прилично, но я вижу впереди свет.

– Свет?

– Яркий. Похоже, прожекторы. И...

– И? Что – и?

– И здесь трудно устоять, все шатается под ногами.

Я опускаюсь на корточки перед Сэмми, веляю забраться мне на спину и обхватить за шею.

– Держись крепче, Сэм.

Он чуть не душит.

– Эй, не так крепко.

Я начинаю подъем, а Сэмми шепчет мне на ухо:

– Только не дай мне упасть, Кэсси.

– Я не дам тебе упасть, Сэм.

Сэмми прижимается лицом к моей спине. Он точно знает, что я не дам ему упасть. Он пережил четыре атаки инопланетян, перенес бог знает что в лагере смерти Воша и все равно продолжает верить в то, что все будет хорошо.

«Ты же знаешь, что это бесполезно», – сказал мне Вош.

Я уже слышала раньше эти слова. Их говорил мне другой голос в другом месте. Мой голос в палатке среди леса и под машиной на шоссе.

«Безнадежно. Бесполезно. Бессмысленно».

Я поверила Вошу.

В детском убежище я видела море лиц. Если бы кто-то из детей спросил меня, разве бы я ответила, что больше нет надежды и нет смысла? Или сказала бы: «Забирайся на спину, я не дам тебе упасть»?

Нащупываю зацепку. Хватаюсь. Подтягиваюсь. Передышка.

Нащупываю зацепку. Хватаюсь. Подтягиваюсь. Передышка.

«Забирайся на спину, я не дам тебе упасть».

89

Когда я наконец добираюсь до вершины завала, Бен хватает меня за запястья, но я, задыхаясь, прошу сначала затащить наверх Сэмми. Мне не на что опереться, чтобы сделать последний рывок, так что я просто вишу на краю и жду, когда Бен снова придет на помощь.

Но вот он втаскивает меня в тесное пространство между завалом и потолком. Темнота здесь не такая беспросветная, можно разглядеть его худое, перепачканное в цементной пыли, исцарапанное лицо.

– Проход прямо по курсу, – шепчет мне Бен. – Футов сто, наверное. – Здесь ни встать, ни сесть, так что мы лежим нос к носу. – Кэсси, там... там нет ничего. Лагеря больше нет. Он... просто исчез.

Киваю. Я собственными глазами видела, на что способен «глаз».

– Надо отдохнуть, – говорю я.

Я запыхалась, и меня почему-то волнует качество моего дыхания. Когда я последний раз чистила зубы?

– Сэм, ты в порядке?

– Да.

– А ты? – спрашивает Бен.

– Что значит «в порядке»?

– В данном случае это высказывание, у которого постоянно меняется смысловое содержание, – отвечает Бен. – Они там все осветили.

– Самолет?

– Видел. Большой транспортник.

– У них очень много детей.

Мы ползем к полоске света, которая просачивается в завал. Продвигаемся с трудом. Сэмми хнычет. Руки у него в глубоких царапинах, а все тело в синяках от камней. Теснота такая, что даже ползком мы обдираем спину о потолок. Один раз я даже застреваю, и Бен тратит несколько минут, чтобы перетащить меня в более или менее свободное пространство. Темнота понемногу отступает, свет уже так ярок, что на фоне черного занавеса видно кружение пылинок.

– Я пить хочу, – жалуется Сэмми.

– Еще чуть-чуть, – подбадриваю его. – Видишь свет?

Иные, чтобы осветить территорию комплекса, спешно установили столбы с прожекторами, так что из нашего лаза можно увидеть всю восточную часть Долины Смерти. Вокруг голая земля, точь-в-точь как в лагере беженцев, только в десять раз больше.

А над нами ночное небо все усыпано беспилотниками. Их сотни, они зависли на тысячефутовой высоте и отсвечивают серебром. Под ними, правее от нас, на земле огромный самолет. Он стоит носом к нам, то есть будет взлетать прямо над нашими головами.

– Они уже посадили...

Бен не дает мне договорить:

– И включили двигатели.

– Где север?

– На два часа. – Бен показывает направо.

У него абсолютно бесцветное лицо, что называется, ни кровинки, челюсть отвисла, как у запыхавшейся собаки. Когда он подтягивается вперед, чтобы лучше рассмотреть транспортник, я замечаю, что весь перед его рубашки пропитался кровью.

– Ты сможешь бежать? – спрашиваю я.

– Должен – значит смогу.

Я поворачиваюсь к Сэму:

– Как только вылезем отсюда, забирайся мне на спину, понял?

– Я могу бежать, Кэсси, – протестует Сэмми. – Я быстро бегаю.

– Я его понесу, – вызывается Бен.

– Не говори глупости.

– Я не так слаб, как тебе кажется.

Наверное, его задела слова Воша.

– Конечно, ты не слабый, но, если отстанешь, нам всем конец.

– Если ты отстанешь, тоже.

– Он мой брат, мне его и нести. И потом, ты ранен и...
Рев двигателей заглушает мои слова, самолет, набирая скорость, начинает движение в нашу сторону.
– Пора! – кричит Бен.
Я его не слышу, но понимаю по губам.

90

Мы на карачках выбираемся на поверхность. Холодный воздух вибрирует от оглушающего воя самолета. Земля твердая как камень. Шасси отрываются от земли всего в дюжине футов от нас. И в этот момент происходит первый взрыв.

«Рановато ты начал, Эван», – думаю я.

Земля горбится, и мы стартуем. Сэмми подпрыгивает у меня на спине, а позади нас беззвучно рушится лестница. Выхлоп авиадвигателей бьет в левый бок, я спотыкаюсь и едва не падаю, но Бен ловит меня и толкает вперед.

А потом я взлетаю. Земля надувается, как воздушный шар, а потом резко сдувается. Ее изнутри разрывает такая сила, что мне страшно за барабанные перепонки. Сэму везет, потому что я приземляюсь на грудь, а вот мне – нет, потому что удар о землю вышибает из моих легких весь воздух. Я чувствую, что вес Сэмми исчезает у меня со спины, и вижу, как Бен закидывает моего брата на плечо. Я поднимаюсь и бегу, но все равно отстаю.

«Слабак, да? Черта с два он слабак!»

Голая земля впереди уходит в бесконечность. Позади нас ее засасывает черная дыра; край этой дыры гонится за нами; она расширяется, поглощая все на своем пути. Стоит один раз оступиться, и она перемелет наши тела в пыль.

Сверху доносится пронзительный визг, и в десятке футов от нас на землю падает дрон. От удара он взрывается, как граната размером с «тойоту-приус». Тысячи острых как бритва осколков разлетаются в стороны, они разрывают в клочья мою армейскую футболку и режут голую кожу.

Падение беспилотников идет в определенном ритме: сначала дикий вой, потом, когда дрон долетает до земли, – взрыв; после взрыва – грохот падающих обломков. И мы бежим, петляя, под этим смертоносным дождем по голой земле, а землю жадно пожирает черная дыра, расширяющаяся у нас за спиной.

Кроме дыхания, меня подводит колено. Проснулась старая рана, которую я получила от лесного глушителя. Каждый раз, когда нога становится на землю, острая боль сбивает меня с шага. Я все больше отстаю. Такое чувство, что я не бегу, а постоянно падаю вперед, и при этом кто-то снова и снова бьет кувалдой по раненому колену.

Впереди буквально из ниоткуда появляется маленький зубец на голой земле. Он увеличивается в размерах, мчится прямо на нас.

– Бен! – кричу я.

Но Бен не слышит – тонны камней с жутким воем и грохотом обрушиваются в созданную сотнями «глаз» бездну.

Приближающееся к нам расплывчатое пятно приобретает очертания и наконец превращается в ошестиненный пулеметами «хамви».

Щенки отчаянные, что же вы делаете!

Теперь Бен его видит, но мы не можем ни остановиться, ни побежать назад.

«Но зато они тоже сдохнут», – думаю я.

А потом я падаю.

Я не могу сказать почему. Я не помню момент падения. Вот я на ногах, а уже в следующий миг ударяюсь лицом о камень и думаю что-то вроде: «Откуда здесь эта стена? Может, я ногу подвернула? Или поскользнулась на собственной крови?» В любом случае я лежу плашмя и слышу, как земля подо мной воет и кричит, а черная дыра рвет ее на части, как хищник, пожирающий заживо свою жертву.

Пытаюсь встать, но земля мне не помощница, она выгибается подо мной, и я снова падаю. Бен с Сэмом в нескольких ярдах впереди. Бен продолжает бежать. «Хамви» в последнюю секунду резко тормозит прямо перед ним. Дверь распахивается, и худой мальчишка протягивает руки к Бену.

Бен бросает Сэмми этому мальчишке, тот исчезает с Сэмми в машине, а потом с силой стучит ладонью по борту. Он как бы говорит Бену: «Давай, Пэриш, уходим!»

А Бен, вместо того чтобы, как любой нормальный человек, запрыгнуть в «хамви», поворачивается и бежит ко мне.

Я машу ему: «Не успеем! Беги, беги!»

Я чувствую голыми ногами дыхание зверя – горячие тучи из размолотых в пыль камней. В земле между мной и Беном появляется трещина. Каменная плита, на которой я лежу, начинает соскальзывать в эту трещину. Я отползаю от края, и получается, что от Бена тоже. Он падает ничком, протягивает мне руку, мы касаемся друг друга только кончиками пальцев. Потом наши пальцы сплетаются. Но ему не вытащить меня на пальцах.

У Бена только полсекунды, и он решается. У него одна попытка, чтобы отпустить мои пальцы и поймать запястье.

Я вижу, как открывается рот, но не слышу, как Бен кричит, когда отклоняется назад. Он двумя руками вытягивает меня и взваливает на плечо. Но даже после этого не отпускает меня, а разворачивается и, как толкатель ядра, швыряет в сторону «хамви». Кажется, я действительно лечу.

Другая рука хватается меня и затаскивает в машину. Я спотыкаюсь о ноги тощего мальчишки и только в этот момент понимаю, что это никакой не мальчишка, а девчонка с темными глазами и черными как вороново крыло волосами. Через плечо девчонки я вижу, как Бен прыгает в кузов, но не вижу, получилось у него или нет. Водитель выкручивает руль, чтобы увильнуть от падающего беспилотника, и я отлетаю к борту «хамви».

Теперь – по газам. Черная дыра поглотила прожекторы, но ночь ясная, и я отчетливо вижу, как край бездны несется за нашим «хамви». Пасть зверя открывается все шире и шире. Водитель, который слишком мал, чтобы иметь права, мчится вперед, вихляя между взрывающимися вокруг дронами. Один оказывается прямо по курсу, нет времени уклоняться, и мы мчимся сквозь взрыв. Лобовое стекло лопається, и в нас летят осколки.

Задние колеса буксуют, мы подпрыгиваем на месте и снова набираем скорость, но теперь опережаем черную дыру всего на несколько дюймов. Я смотрю в небо, потому что просто не могу больше следить за этой гонкой.

Там безмятежно плывет корабль-носитель.

А под ним к горизонту несется еще один беспилотник.

«Нет, – думаю я, – это не беспилотник. Он светится».

Наверное, падающая звезда. Ее огненный хвост, как серебряная пуповина, уходит в небо.

91

Когда наступает рассвет, мы уже далеко. Прячемся под эстакадой. Мальчишка с очень большими ушами, которого все зовут Дамбо, стоит на коленях рядом с Беном и накладывает ему свежую повязку. Он уже поработал со мной и Сэмми. Вытащил из нас осколки, продезинфицировал раны, зашил, где надо, перевязал и залепил пластырем.

Когда он спросил, что случилось с моей ногой, я сказала, что в меня стреляла акула. Дамбо не растерялся и не удивился, он вообще никак не среагировал, словно после Прибытия стреляющие акулы стали обыденностью. Как, например, поменять свое имя на Дамбо. Когда я попросила его назвать свое настоящее имя, он сказал, что его настоящее имя Дамбо.

Бен – Зомби, Сэмми – Наггетс, а Дамбо – Дамбо. Еще в их команде есть Кекс – милый мальчик, он все время молчит, и я не могу понять: он не хочет говорить или не умеет. Чашка

– ребенок чуть старше Сэма. Похоже, Чашка серьезно не в себе, и это меня очень беспокоит, потому что она баюкает на коленях М-16, а та вроде заряжена.

И наконец, симпатичная девочка по имени Рингер. Она примерно моего возраста. У нее не только очень блестящие и очень прямые черные волосы, у нее еще безупречная кожа, как у моделей, которые, пока ты стоишь в очереди, надменно улыбаются с журнальных обложек. Только Рингер никогда не улыбается, как Кекс не говорит. Я предпочитаю думать, что у нее не хватает зубов.

А еще между ней и Беном что-то есть. Какая-то связь. Когда мы сюда приехали, они долго разговаривали. Не то чтобы я за ними шпионила или что-нибудь такое, просто сидела достаточно близко, чтобы слышать слова: шахматы, круг, улыбка. Потом услышала, как Бен спросил:

– Где вы раздобыли «хамви»?

– Повезло, – ответила Рингер. – Он вез припасы на площадку в двух километрах к западу от лагеря. Я думаю, Вош предвидел бомбежку. Выставил там охрану, но у нас с Кексом было преимущество.

– Рингер, ты не должна была возвращаться.

– Если бы я не вернулась, мы бы сейчас не разговаривали.

– Я не об этом. Когда начал взрываться лагерь, вам следовало двигать в Дейтон. Вполне возможно, что кроме нас никто не знает правду о Пятой волне. Это важнее, чем мое спасение.

– Ты же вернулся за Наггетсом.

– Это другое.

– Зомби, ты ведь неглупый парень. – Таким тоном с неглупыми не разговаривают. – Неужели еще не понял? Как только мы решим, что жизнь одного из нас не имеет значения, мы проиграли.

Тут я вынуждена согласиться с маленькой Мисс Безупречная Кожа.

Я держу брата на коленях и пытаюсь согреть его своим теплом. От эстакады открывается вид на пустынное шоссе. В небе миллиарды звезд. Мне плевать, что звездам мы кажемся крошечными. Каждый важен, даже самый крошечный и самый слабый.

Уже вот-вот наступит рассвет. Его всегда можно почувствовать: мир задерживает дыхание, ведь нет никакой гарантии, что солнце поднимется над горизонтом. То, что вчера был день, еще не значит, что он будет завтра.

Как там сказал Эван?

«Мы живем, затем умираем, и вопрос не во времени, а в том, как мы им распоряжаемся».

И я шепчу имя, которое он мне дал:

– Поденка.

Он был во мне. Он был во мне, а я была в нем, мы были вместе в бесконечности; там не было места, где заканчивался он и начиналась я.

Сэмми ворочается у меня на коленях. Он задремал, а теперь снова проснулся.

– Кэсси, почему ты плачешь?

– Я не плачу, все хорошо, спи.

Сэмми проводит пальцами по моей щеке:

– Ты плачешь.

К нам кто-то идет. Это Бен. Я поскорее вытираю слезы. Он садится рядом. Садится очень осторожно и при этом постанывает. Мы не смотрим друг на друга, мы наблюдаем за далеким огненным дождем из беспилотников. Слушаем, как свистит ветер в сухих ветках деревьев. Чувствуем, как холод промерзшей земли просачивается сквозь подошвы ботинок.

– Я хочу сказать тебе спасибо, – говорит Бен.

– За что?

– Ты спасла мне жизнь.

Я пожимаю плечами:

– Ты не дал мне улететь в пропасть, так что мы квиты.

Лицо у меня все в пластырях, волосы что твое птичье гнездо, я одета – как игрушечные солдатики Сэмми, а Бен Пэриш наклоняется ко мне и целует. Легонько так целует в уголок рта.

– А это за что? – спрашиваю я.

Голос у меня становится тоненьким, как у конопатой голенастой девчонки с вьющимися волосами, которой я когда-то была. Та Кэсси в самый обычный день ехала с Беном в самом обычном желтом школьном автобусе.

Сколько бы я ни представляла наш первый поцелуй – а представляла я его шесть тысяч раз, – я никогда не думала, что это будет вот так. Поцелуй мечты обычно случался при лунном свете или в тумане, или в очень загадочном сочетании луны и тумана, ну и, конечно, в правильном месте. Подсвеченный луной туман на берегу озера или реки – это романтично. Подсвеченный луной туман в любом другом месте, например в узком переулке, напоминает о Джеке Потрошителе.

«Ты помнишь про малышей?» – спрашивала я Бена в своих фантазиях.

А Бен всегда отвечал: «О, да, конечно, помню! Наши малыши!»

– Слушай, Бен, я вот подумала, может, ты помнишь... Мы как-то ехали в школьном автобусе, а ты рассказывал, что у тебя родилась сестренка. А я сказала про Сэмми, он тоже родился тогда. Мне вот интересно: ты помнишь, что они родились вместе? То есть не вместе, так они были бы двойней. Ха-ха. Я имею в виду, что они родились в одно время. Ну, не совсем в одно, у них разница – примерно неделя. Сэмми и твоя сестра. Наши малыши.

– Прости, что? Малыши?

– Не обращай внимания. Это не важно.

– Теперь все имеет значение, все важно.

Я дрожу от холода. Бен, наверное, это замечает, он обнимает меня рукой за плечи. Так мы вдвоем сидим какое-то время. Я обнимаю Сэмми, Бен обнимает меня, мы сидим и смотрим, как солнце поднимается над горизонтом. Золотое зарево прогоняет мрак ночи.

Благодарности

Написание романа может быть делом одиночки, но превратить его в законченную книгу одиночка не может. Я был бы последним эгоистом, если бы заявил, что эта книга своим появлением обязана мне одному.

Я в огромном долгу перед командой «Путнама» за безграничный энтузиазм. Наш проект разрастался, а их энтузиазм от этого, кажется, только усиливался. Огромное спасибо Дону Уэйсбергу, Дженнифер Бессер, Шанте Ньюлин, Дэвиду Бриггсу, Дженнифер Лоха, Поле Сэдлер, Саре Хьюс.

Снова и снова я убеждался в том, что у моего редактора, несокрушимой Эрианн Льюин, есть связь с некой демонической сущностью, склонной разрушать мое креативное начало. Она проверяла меня на выносливость, заставляла, как все великие редакторы, выходить за рамки моих возможностей. Несмотря на великое множество черновых вариантов, бесконечные переработки и бесчисленные замены, Эри никогда не переставала верить в рукопись... и в меня.

Мой литагент, Брайан Дефиор, заслужил медаль (или хотя бы свидетельство в красивой рамочке) за исключительную способность управлять моими писательскими фобиями. Брайан специалист редкой породы, он не колеблясь зайдет со своим клиентом в самые темные дебри, всегда готов (не скажу, что всегда рад) выслушать, пожать руку и перечитать четыреста семьдесят девятый вариант вечно меняющейся рукописи. Он никогда не назовет себя лучшим, а я назову: Брайан, ты лучший.

Спасибо Адаму Ширу за помощь с публикацией романа за рубежом. Отдельное спасибо Мэтью Снайдеру из Креативного актерского агентства. Он еще до того, как книга была

закончена, с поразительной эффективностью распорядился своими связями и приблизил меня к волшебному и непостижимому миру кино.

На плечи семьи писателя во время работы над романом ложится весьма специфическое бремя. Я, честно, не представляю, как моим родным удалось его выдержать. Бессонные ночи, мрачное молчание, пустой взгляд, рассеянные ответы на вопросы, которые на самом деле никто и не задавал.

Я всем сердцем благодарен сыну за то, что он делился со своим стариком подростковыми взглядами, и в особенности за то, что называл меня «босс», когда мне это было нужно больше всего.

Нет никого, перед кем я был бы в таком же неоплатном долгу, как перед моей женой Сэнди. Ночной разговор, замешанный на веселье и страхе, так похож на все наши с ней ночные разговоры, которые и послужили отправной точкой этой книги. И еще очень странный спор, случившийся спустя несколько месяцев, – мы тогда сравнивали вторжение инопланетян и нападение мумии. Сэнди мой бесстрашный проводник, мой лучший критик, мой самый яростный фанат и защитник. А еще она мой лучший друг.

Во время работы над книгой я потерял моего дорогого друга и компаньона, мою преданную собаку Кейси, которая смело бросалась на любого обидчика, штурмом брала любой пляж и всегда до последнего была на моей стороне. Я буду скучать по тебе, Кейс.